Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник статей
по материалам Международной научно-практической
конференции, посвященной 95-летию со дня рождения
Цили Моисеевны Каз

(г. Саратов, 3 апреля 2020 г.)

Саратов
2020

УДК 343.132 (082)
ББК 67.411я43
Д63

Редакционная коллегия:
д.ю.н., профессор *Ю.В. Францифоров* (отв. ред.);
д.ю.н., профессор *Н.С. Манова*;
к.ю.н., доцент *М.А. Баранова*;
к.ю.н., доцент *М.А. Лавнов*

Рецензенты:
профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» *Н.Т. Разгельдеев*;
доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» *В.О. Белоносов*

Печатается по решению комиссии по науке и издательству ученого совета ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Д63 **Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития**: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз (г. Саратов, 3 апреля 2020 г.) / [редкол.: Ю.В. Францифоров (отв. ред.) и др.] ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. – 188 с.

ISBN 978-5-7924-1582-9

Сборник содержит тезисы выступлений участников конференции, посвященные проблемам осуществления доказательственной деятельности по уголовным делам, а также иным актуальным проблемам уголовного судопроизводства.

Для научных и практических работников, преподавателей, докторантов, аспирантов магистрантов и студентов юридических вузов.

Все статьи печатаются в авторской редакции.

УДК 343.132 (082)
ББК 67.411я43

ISBN 978-5-7924-1582-9

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Памяти Ц.М. Каз

Конференция, материалы которой представлены в этом сборнике, посвящена памяти Ц.М. Каз – ученого, педагога, члена кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (ранее – Саратовского юридического института им. Д.И. Курского). 5 мая 2020 г. исполнится 95 лет со дня ее рождения. Уже более 30 лет Цили Моисеевны нет с нами, но для членов кафедры, как и для многих юристов, и теоретиков, и практиков, она была и остается Учителем в самом высоком смысле этого слова, человеком необычайной душевной щедрости, отзывчивости, готовности в любой момент оказать помощь всем, кто в ней нуждался.

Циля Моисеевна прожила не очень долгую, но активную и плодотворную жизнь, в которой были война, трудности и лишения, выпавшие на долю ее современников, учеба, а затем занятия наукой и преподавание, ставшие главным делом всей ее жизни.

Циля Моисеевна Каз родилась в г. Рогачеве Могилевской области Республики Беларусь. В 1948 году с отличием окончила Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского, поступила в аспирантуру по кафедре уголовного процесса. В 1952 году Ц.М. Каз защитила кандидатскую диссертацию на тему «Правовая природа приговора в советском уголовном процессе» и с этого времени и до конца своей жизни работала на кафедре уголовного процесса Саратовского юридического института преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой.

Циля Моисеевна внесла значительный вклад в становление юридического образования в г. Саратове. Она была деканом заочного факультета Саратовского юридического института, деканом факультета городского общественного университета правовых знаний, секретарем секции государства и права Саратовского отделения общества по распространению политических и научных знаний. Многие годы Ц.М. Каз была членом Координационного бюро по проблемам уголовного судопроизводства; участвовала в подготовке замечаний на проекты законодательных актов, постановлений Пленума Верховного Суда СССР. Более 20 лет Ц.М. Каз являлась народным заседателем Кировского районного народного суда г. Саратова. Неоднократно замещала отсутствующего судью, исполняла обязанности судьи, была заместителем народного судьи. Ею подготовлены 2 пособия для народных заседателей районных судов.

И все же, главной для Ц.М. Каз всегда была педагогическая и научная деятельность. Она имела огромный опыт преподавательской работы со студентами. Лекции Цили Моисеевны всегда отличались высочайшим теоретическим уровнем, насыщенным содержанием и аргументированностью и заслуженно пользовались огромной популярностью среди слушателей. С большой самоотдачей она руководила научной студенческой работой. Педагогическая деятельность Ц.М. Каз опиралась на значительную профессиональную и общественную практику. В общении с коллегами и студентами ее отличала удивительная личная скромность и высочайшая требовательность к себе. Именно такой – человеком широкой души, терпеливым и заботливым наставником – осталась Циля Моисеевна в памяти своих учеников, среди которых она пользовалась глубоким уважением.

Особый интерес, особое отношение у Ц.М. Каз было к научной деятельности. Наиболее значимые научные работы Цили Моисеевны посвящены проблемам доказательственного права (монографии «Доказательства в советском уголовном процессе». Саратов, 1960; «Субъекты доказывания в советском уголовном процессе». Саратов, 1968; «Проблемы доказывания в суде первой инстанции (цели доказывания)». Саратов, 1978). Также живо Ц.М. Каз откликалась на все актуальные вопросы науки уголовного процесса – о единстве и дифференциации уголовного судопроизводства, о презумпции невиновности, о значении признания обвиняемым своей вины и т.д., публикуя по этим проблемам многочисленные статьи в центральных изданиях страны – «Советское государство и право», «Правоведение», «Социалистическая законность» и др.

То, что Циля Моисеевна не защитила докторскую диссертацию, ни в малейшей степени не умаляло отношения к ней научного сообщества (не только саратовских ученых, но и процессуалистов всей страны) как к крупнейшему, ведущему ученому в области уголовного процесса, ученому одного уровня с профессорами П.А. Лупинской, П.С. Элькинд, Т.Н. Добровольской, В.М. Савицким, с которыми она не только поддерживала тесные научные связи, но и просто дружила.

До настоящего времени работы Ц.М. Каз, ее идеи и замыслы не утратили ни своей актуальности, ни значимости. Они по-прежнему привлекают пристальное внимание тех, кто занимается процессуальной наукой и практикой уголовного судопроизводства. Многие из них были развиты в трудах ее учеников. Оставленное Цилей Моисеевной Каз научное наследие выдержало испытание временем. Оно принадлежит не только кафедре уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, но и является достоянием всей российской уголовно-процессуальной науки, призванной развивать и совершенствовать уголовное судопроизводство, способствовать повышению уровня профессиональной подготовки кадров правоохранительных органов.

На конференции, посвященной 95-летнему юбилею Ц.М. Каз, проведенной 3 апреля 2020 года в Саратовской государственной юридической академии, приняли участие не только ученые и преподаватели вузов г. Саратова, которые широко используют труды Цили Моисеевны в своих творческих поисках и научных исследованиях, в учебном процессе со студентами, магистрантами и аспирантами, но и гости из других вузов России (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Калининград, Рязань, Екатеринбург, Курск, Ставрополь и др.), из ближнего и дальнего зарубежья (Польша, Беларусь, Молдова, Казахстан, Кыргызстан).

В своих выступлениях, тексты которых опубликованы в данном сборнике, участники конференции касались многих вопросов, входивших в круг научных интересов Ц.М. Каз и не потерявших своей актуальности в настоящее время (проблемы, связанные с доказыванием и доказательствами, проблемы истины в уголовном процессе, возможности ее установления при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, роль суда в процессе доказывания, аксиологические основы доказывания и т.д.). Надеемся, что они будут интересны самому широкому кругу читателей.

Заведующий кафедрой уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии
д.ю.н., профессор Н.С. МАНОВА

Азарова Е.С.
к.ю.н., доцент,
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград
aes2404@yandex.ru

ФАКТОР УСМОТРЕНИЯ СУДА ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются аспекты деятельности суда в уголовном процессе. В структуре судебной деятельности заложен принцип состязательности. Суд участвует в процессе доказывания, с позиции уголовно-процессуального познания такая деятельность суда называется оценкой доказательств. Ее содержание предполагает включения понятия «усмотрения суда». Порядок судебного разбирательства с точки зрения оценки доказательств рассматривается с позиции двухуровневой системы. Суд изначально осуществляет предварительную оценку доказательств в ходе судебного разбирательства на этапе слушания уголовного дела. Второй этап оценки судом доказательств происходит при постановлении приговора. Общеизвестно, что на стадии судебного разбирательства, в процессе рассмотрения и проверки доказательств, судом используется принцип свободы оценки доказательств, включая источники таких доказательств. Под доказательствами в УПК РФ понимаются любые сведения.*

Ключевые слова: *усмотрение суда, уголовный процесс, доказывание, допустимость, судебное решение.*

Azarova E.S.
Ph.D(Law), Associate Professor,
Volgograd State University,
Volgograd

FACTOR OF DISCRETION OF THE COURT IN PROVING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: *it is well known that at the trial stage, in the process of considering and verifying evidence, the court uses the principle of freedom to evaluate evidence, including the sources of such evidence. Evidence in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation means any information.*

The procedural form of evidence (admissibility) itself is inextricably linked with its content (relevance), while the question of reliability (unreliability), evidence is accepted in the process of its assessment (Article 88 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). In criminal procedural proceedings, an assessment is both a process and the result of a court expressing its opinion, judging such qualities of a separate evidence as relevance, admissibility, reliability, and in their totality – sufficiency as criteria for establishing the circumstances of a criminal case and determining guilty or innocence the defendant. Assessment of evidence and its sources is the final element of evidence, as the basis for a judicial decision.

Keywords: *court discretion, criminal trial, evidence, admissibility, court decision.*

Суд руководствуется общими требованиями при оценке, т.е. обладают ли доказательства свойствами относимости и допустимости, достоверны ли представленные доказательства и достаточно ли собранных по делу доказательств, для разрешения всех вопросов уголовного дела.

К его судебным компетенциям относят также определение порядка доказывания, тактика судебного следствия, право по своему усмотрению, истребовать доказательства, для принятия решения по делу.

В уголовно-процессуальном законе содержатся правовые нормы, в которых решение вопросов процессуального характера, производство процессуального действия при прямом на то указании или по смысловому содержанию соответствующей нормы передается на усмотрение суда.

Усмотрение суда – это отдельное понятие, поэтому следует сказать о соотношении этого понятия и внутреннего убеждения судьи, которое тесно связано с его усмотрением, поскольку в любом случае судья осуществляет свою деятельность, руководствуясь своим внутренним убеждением.

Поэтому нельзя отождествлять понятия усмотрение суда и внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе [3, с. 80]. Основное отличие этих категорий заключается в том, что по своему усмотрению суд разрешает вопросы применения норм процессуального и материального права, в том числе в процессе доказывания, а внутреннее убеждение – это результат судебно-психологической деятельности судьи по уголовно-процессуальной оценке представленных доказательств относительно их достоверности, относимости, допустимости и достаточности для разрешения уголовного дела по существу [5, с. 63].

Здесь и на этом следует закончить перечисление набивших оскомину положений советского доказательственного права и научных изысканий в области судебного усмотрения (тут надо сказать, что приведенный текст слегка «тонирован».

Целью нашего исследования, на основе анализа устаревших положений науки уголовного процесса, является выработка некоторых новых критериев, которые относятся к вопросу усмотрения суда на судебном следствии в процессе доказывания, т.е. в судебном состязательном процессе. Здесь, как видно невооруженным глазом, образовался забавный диссонанс, так как далее делается следующий вывод: «Под «проверкой» доказательств следует понимать процессуальную и мыслительную деятельность уполномоченных на то органов и должностных лиц, направленную на обнаружение и получение новой и дополнительной информации с целью последующего определения достоверности, относимости и допустимости доказательств» [4, с. 64].

Доводы, связанные с проверкой доказательств, сводятся к обвинительному процессу (предварительному расследованию), а состязательный процесс (судебное

разбирательство) является чем-то абстрактным [6, с. 74]. В тоже время интересен перефраз: «Что касается таких свойств как сила и значение, то они имеют право на существование, подлежат исследованию» [4, с. 60]. Это высказывание касается дискуссии о понятии оценки доказательств, где автор выделяет одну из точек зрения на предмет оценки доказательств.

Воспользуемся же советом уважаемого Виктора Степановича и посмотрим, как сила и значение доказательства соотносится с проверкой и оценкой доказательств в состязательном процессе и имеет ли отношение к этой полемике такое понятие, как усмотрение суда.

Как уже упоминалось к судебной компетенции относится определение порядка предоставления сторонами своих доказательств по разбираемому уголовному делу (ст. 274 УПК РФ).

То есть речь идет о предоставлении суду для проверки доказательства, при этом надо учитывать, что такая проверка в состязательном процессе неразрывно связана с принятиями сторон и последним словом подсудимого.

Поэтому первым значимым моментов состязательного процесса является то, что проверка доказательств судом начинается с изложения обвинительного заключения (ст. 273 УПК РФ) и заканчивается последним словом подсудимого (ст. 293 УПК РФ), что подтверждается возможностью появлением новых доказательств в соответствие со ст. 294 УПК РФ.

Второй момент касается бремени оценки доказательств судом, который связан «цепями» свободы такой оценки через внутреннее убеждение (ст. ст. 17, 88 УПК РФ), так как стороны состязательного процесса не обладают такой процессуальной правосубъектностью.

Третий момент возникает, когда речь заходит о проверке доказательств без учета вопроса о внутреннем убеждении суда, так как законодатель разделил понятия правил проверки (ст. 87 УПК РФ) и правил оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ), на что в свое время обратил внимание профессор Балакшин В.С. Обратите внимание на изящность первой части формулировки: «… предметом оценки является сила и значение каждого доказательства и всех их в совокупности…» [4, с. 63]. При этом надо различать следующие понятия, которые касаются предмета доказывания по конкретному уголовному делу (ст. 73 УПК РФ) и предмету оценки доказательств по этому уголовному делу (ст. 74 УПК РФ).

Прокомментируем эти различия следующим образом.

Рассмотрение уголовного дела судом, с точки зрения гносеологии, является идеальной юридической реконструкцией возможного события прошлого, под который понимается субъективное восприятие судом «истинности» представленных сторонами обвинения и защиты доказательств. Разбирательство уголовного дела (реконструкция события прошлого) является основой для рассмотрения предмета доказывания по установлению всех обстоятельств уголовного дела (неправомерного юридического факта).

Такое восприятие происходит на всем протяжении судебной проверки доказательств, до постановления приговора, т.е. на всем протяжении состязательного процесса. При этом надо учитывать, что ст. 87 УПК РФ регламентирует такую проверку в суде без учета ст. 17 УПК РФ, т.е. элемента «внутреннего убеждения». Это связанно с тем, что применение судом статей 17 и 88 УПК РФ возможно только на таком этапе судебного разбирательства как постановление приговора (глава 39 УПК РФ).

Что касается проверки доказательств, то естественно возникает вопрос каким образом суд принимает «истинность» данных доказательств при сопоставлении их на предмет подтверждения или опровержения восстанавливаемых обстоятельств преступного события прошлого [1, с. 102].

Попробуем выдвинуть гипотезу, о том, что установит истинность проверяемого доказательства возможно в процессе применения судом оценочных понятий, как способа проверки доказательства.

Известно, что в теории правоприменительного усмотрения, термин «оценочные понятия» относится к понятию судебного усмотрения [7, с. 4].

Теперь надо понять, что представляет собой сила и значение доказательства, как свойства предмета оценки проверяемого доказательства.

Для этого надо просто проанализировать главу, посвященную судебному следствию (глава 37 УПК РФ).

В первую очередь приоритет отдан «идеальным» доказательствам, которые перечислены в ст. ст. 275, 276, 277, 278, 278[1], 280, 281, 281[1], 282, 285 УПК РФ. Во вторую очередь перечислены «материальные» доказательства, как объекты исследования (ст. ст. 284, 286 УПК РФ) и «идеально-материальные» (ст. 283 УПК РФ). И это понятно, потому что в состязательном (устном) процессе главное значение имеют показания соответствующих участников процесса, и только потом «материальные» доказательства. Установить силу каждого доказательства непросто, так как это зависит от конкретного уголовного дела, но возможно. Это связано с проверкой доказательств уже в процессе прений сторон, где суд воспринимает «интерпретацию» сторонами процесса рассматриваемых доказательств.

Итак, в уголовном состязательном процессе первичное значение приобретают идеальные доказательства, а «сила» зависит от возможности одной из сторон убедить суд в ее истинности.

Список литературы:

1. Азарова Е.С. Алгоритм усмотрения суда и разрешение ходатайств в уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4(70). № 2. С. 101–108.

2. Азарова Е.С. Понятие «усмотрение суда» в праве // Legal Concept: Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 69–74.

3. Азарова Е.С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы // Legal Concept: Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 79–84.

4. Балакшин В.С. Доказательства в уголовном процессе: материальный, процессуальный и информационный аспекты // Рос. юрид. журнал. 2008. № 6. С. 59–64.

5. Белкин А.Р. Теория доказывания. М.: Норма, 1999. 429 с.

6. Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 2. С. 12–19.

7. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

Алиева Н.Н.

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград
alieva2404@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОЗНАКОМЛЕНИИ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: *в статье раскрываются некоторые проблемы, связанные с ознакомлением обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела. Нормы, указанные в статье 217 УПК РФ, при разрешении некоторых проблемных ситуаций у следователя вызывают вопросы. В уголовно-процессуальном законодательстве не имеется указаний относительно построения четкой модели поведения при злоупотреблении обвиняемым и его защитником своими процессуальными правами. Актуальность данного исследования состоит в детальном рассмотрении процедуры ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела, выявлении проблем и предложении оптимальных решений проблем.*

Ключевые слова: *уголовное дело, материалы, уголовно-процессуальное законодательство, обвиняемый, защитник.*

Aliyeva N.N.

Volgograd State University, Volgograd

ON THE ISSUE OF FAMILIARIZING THE PARTICIPANTS OF THE PROCESS WITH THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE

Abstract: *the article reveals some of the problems associated with familiarizing the accused and defense counsel with the materials of the criminal case. The norms specified in article 217 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, when resolving some problematic situations, raise questions from the investigator. There is no guidance in the criminal procedure legislation regarding the construction of a clear model of behavior when the accused and his counsel abuse their procedural rights. The relevance of this study consists in a detailed examination of the procedure for familiarizing the accused and the defense counsel with the criminal case materials, identifying problems and proposing optimal solutions to problems.*

Keywords: *criminal case, materials, criminal procedure legislation, accused, defender.*

Процедура ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и защитника отражена в статье 217 УПК РФ, согласно которой обвиняемый имеет право ознакомиться с материалами уголовного дела вместе со своим защитником. То есть защитник в равных правах с обвиняемым имеет возможность на обращение внимания друг друга в обстоятельствах, отраженных в материалах уголовного дела [8, с. 247]. Выбор способа ознакомления с материалами уголовного дела выбирает сторона обвинения. Защитник обвиняемого подает в письменном виде ходатайство, в котором указывается о намеренности ознакомления с материалами уголовного дела по отдельности [4, с. 576]. Основываясь на поданом ходатайстве, следователь обязан предоставить участником процесса такую возможность, соблюдая их права и законные интересы. При случае несоблюдения данной нормы согласно статье 237 УПК РФ уголовное дело будет возвращено для дополнительного расследования.

В части 1 статьи 217 УПК РФ указано, что предоставление обвиняемому и защитнику раздельное ознакомление с уголовным делом входит в обязанность следователя. Обратим внимание, что по УПК РСФСР в части 2 статьи 201 данный вопрос полностью зависел от воли следователя. Судебная практика показывает, подобного рода ходатайства поступают в случае, если преступление совершено группой лиц. В этом случае руководствуясь частью 1 статьи 217 УПК РФ, следователь устанавливает поочередность ознакомления с материалами уголовного дела нескольким обвиняемым. Следует указать, что для ознакомления материала уголовного дела следователь должен их предоставить в подшитом виде, с пронумерованными страницами. Руководствуясь частью 9 статьи 166 УПК РФ, исключение составляют материалы, которые касаются сведений биографического характера и иные сведения об участниках процесса, которым были применены меры безопасности.

Проведенный автором статьи анализ материалов уголовных дел показал, что зачастую материалы не готовы для их дальнейшего ознакомления участниками уголовного судопроизводства. Соответственно, не соблюдение дано нормы может повлечь за собой фальсификацию материалов уголовного дела, что является недопустимым согласно уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.

Как обмечает М.Ю. Колбеева, [6, с. 127–128] в современном уголовном судопроизводстве обозначилась тенденция, что следователи предъявляют обвинение в день ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела. Таким образом, следователь нарушает часть 3 статьи 217 УПК РФ в праве обвиняемого и защитника в ознакомлении с материалами уголовного дела без ограничения во временном пространстве.

В этой связи автором статьи установлено, что в уголовно-процессуальном кодексе не установлены законодательные сроки принятия решения об окончании предварительного следствия. Соответственно, необходимо выделить промежуток времени с момента предъявления

обвинения до момента ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела [7, с. 501]. Автором статьи были изучены материалы уголовных дел, на основании которых был сделан вывод, что оптимальный срок составляет 7 дней, а в случаи заключения под стражу лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления или если данное лицо находится под домашним арестом, то срок увеличивается до 10 дней. Данные ограничения во времени необходимы, прежде всего, для правильности предъявления обвинения. Иными словами, после проведения процедуры ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и защитника, следователь повторно проверяет материалы уголовного дела перед их отправлением прокурору. Разумеется, рекомендованные сроки условны, то есть это минимум, максимум устанавливается, исходя, из сложности уголовного дела, числа потерпевших, характер вреда, причиненного вреда.

Выделим еще одну проблему, возникающую при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника, связанную с объемом рассматриваемых материалов [2, с. 64]. Напомним, к материалам уголовного дела относятся ходатайства всех лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, документы по результатам удовлетворения ходатайств.

Автор статьи указывает в качестве одной из главных проблем при ознакомлении с материалами уголовных дел, затягивание сроков со стороны обвиняемого и защиты. Как ярко подметил профессор Н.А. Колоколов, что одной из причиной данных действий касается тех обвиняемых, которые не находятся под стражей [5, с. 12]. Следователь в таких случаях должен ходатайствовать об установлении временных отрезков на ознакомлении с материалами уголовного дела, согласовывать с руководством следственного комитета, далее направлять суд. Изменения в УПК было введено Федеральным законом № 65ФЗ. В итоге был применен судебный порядок установления графика при ознакомлении с материалами уголовного дела.

Обратим внимание на некоторые случаи в следственной практике. Первый случай, когда обвиняемый и защитник после уведомления их следователем так и не ознакамливаются с материала уголовного дела. В части 5 статьи 215 УПК РФ речь идет о том, что если обвиняемый не содержится под стражей и не является для ознакомления с материалами уголовного дела без уважительной на это причины, то следователь по завершению пяти суток с момента окончания следственных действий составляет обвинительное заключение и направляет его прокурору [1, с. 92]. В случае нахождения обвиняемого под стражей, следователь может обеспечить его конвоирование для ознакомления с материалами уголовного дела или сам направится в учреждение, где находится обвиняемый. Второй случай, когда обвиняемый или защитник искусственно затягивают время при ознакомлении с уголовным делом. Как правило, все причины, по которым обвиняемый не может в сроки ознакомиться с материалами уголовного дела, имеют психолого-физиологические основы. Основываясь на практике, можно привести следующие примеры. Когда со слов защитника обвиняемый не может читать быстро, поэтому он не намерено затягивает ознакомление с материалами. Другой пример, со слов защитника в уголовном деле много юридической терминологии, поэтому он вынужден объяснять каждый термин. В таких ситуациях аргументом следователя должно выступать наличие практически у всех обвиняемых среднего образования [3, с. 98]. В профессиональных стандартах прописаны нормы, согласно которым средняя скорость чтения 160–170 слов в минуту. Соответственно, следователь всегда может ссылаться на профессиональные стандарты, и таким образом предотвратить намеренное затягивание ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела.

Одна из проблем при ознакомлении с материалами дела состоит в регламентации порядка уведомления обвиняемого и защитника об окончании следственных действий. Законодатель конкретную форму уведомления не прописывает, то есть следователь может уведомить письменно или устно, но оформлено протоколом. Стоит обратить внимание, что уведомить должно лицо, осуществляющий предварительное следствие, с учетом временных возможностей обвиняемого и защитника на формулировку ходатайств.

В уголовном судопроизводстве существует двоякая позиция относительно формы уведомления об окончании предварительного следствия. Большинство ученых разделяют позицию о необходимости письменного уведомления участников уголовного судопроизводства. Другая группа авторов настаивает на применение только устного уведомления.

Таким образом, в процессе исследования, автор статьи предлагает при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемому и защитнику внести корректировку в части 1 статьи 217 УПК РФ. А именно если в уголовном судопроизводстве имеются несколько обвиняемых, то соответственно каждый из них имеет на равное право при ознакомлении с материалами уголовного дела, точнее на одинаковый объем материалов.

Список литературы:

1. Тулянский Д.В. Некоторые процессуальные положения УПК РФ // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 92–98.

2. Azarova E.S. Judicial discretion as an element of developing judicial law // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Volume 331. P. 64–67.

3. Азарова Е.С. Заочное производство в уголовно-процессуальной системе на стадии судебного разбирательства // Вестник Российского университета кооперации: науч.-метод. журн. 2016. № 4 (26). С. 98–100.

4. Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий. М.: Проспект, 2017. 459 с.

5. Колоколов Н.А. Уклонение от ознакомления // Эж-Юрист. 2007. № 2 (доступ из СПС «Гарант»).

6. Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства. М., 2013. С. 127–128.

7. Хмелев С.А. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения // Предварительное следствие / под ред. М.В. Мешкова. М.: Юнити Дана, 2009. 559 с.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. 1350 с.

Артамонова Е.А.

к.ю.н., доцент,
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь
ea.artamonova@yandex.ru

О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ПРИМЕНЕНИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ТРЕБОВАНИЙ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ОТ 20 ИЮЛЯ 2016 Г. № 17-П

Аннотация*: в статье рассматривается вопрос о доказательственном значении показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, полученных при производстве по основному уголовному делу в период действия Постановления Конституционного Суда РФ № 17-П от 20.07.2016, но до внесения в закон соответствующих изменений. Обосновывается, что невыполнение требований данного постановления при допросе такого лица влечет нарушение порядка его проведения и как следствие недопустимость полученных показаний.*

Ключевые слова*: показания, доказательства, допустимость доказательств, порядок собирания доказательства, Конституционный Суд РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве.*

Artamonova E.A.

Ph.D(Law), Associate Professor,
North Caucasian Federal University,
Stavropol

ABOUT DIRECT APPLICATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF REQUIREMENTS OF THE RESOLUTION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION OF JULY 20, 2016 NO. 17-P

Abstract*: the article considers the probative value of the testimony of a person who entered into a pre-trial agreement on cooperation obtained in the main criminal case during the period of the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 17-P of 07.20.2016, but before the relevant amendments to the law. It is substantiated that failure to comply with the requirements of this decision during the interrogation of such a person entails a violation of the procedure for its conduct and, as a consequence, inadmissibility of the evidence obtained.*

Keywords*: testimony, evidence, admissibility of evidence, procedure for collecting evidence, the Constitutional Court of the Russian Federation, pre-trial agreement on cooperation.*

В судебной практике Ставропольского края возник вопрос о признании допустимыми доказательствами показаний лиц, в отношении которых уголовные дела были выделены в отдельные производства в связи с заключением с ними досудебных соглашений о сотрудничестве, если они были получены в период с 25 июля 2016 г. по 10 ноября 2018 г. (включительно).

Так, 1 ноября 2019 г. одним из районных судов г. Ставрополя был вынесен обвинительный приговор в отношении У. (дело № 1-275/2019). В основу этого приговора суд положил свидетельские показания Б., К. и Г., данные ими в ходе предварительного следствия по делу У.

Пикантность ситуации заключается в том, что, во-первых, все трое свидетелей – это лица, осужденные по выделенным в отношении них уголовным делам в связи с заключением с ними досудебных соглашений о сотрудничестве. Во-вторых, они были допрошены на следствии по всем правилам допроса свидетелей, включая предупреждение об уголовной ответственности по ст. 307 и ст. 308 УК РФ. Возникает вопрос: можно ли признать полученные от них показания допустимыми доказательствами, если в это время уже действовало Постановление Конституционного Суда РФ, определившее иной порядок получения показаний от таких лиц, но еще не были внесены соответствующие изменения в УПК РФ?

Признавая данные показания допустимыми доказательствами, суд указал, что перечисленные лица были допрошены 5 сентября 2018 г., 17 июля 2018 г. и 30 августа 2018 г., соответственно, а изменения в уголовно-процессуальный закон в части введения ст. 56.1 УПК РФ, регламентирующей допрос лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, внесены законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ, то есть после допроса названных лиц. Следовательно, «прямых нарушений УПК РФ при их допросе органами предварительного следствия допущено не было». Кроме этого, суд в своем решении отметил, что указание в протоколе допроса о предупреждении лица об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний не влечет для допрошенных последствий, предусмотренных ст. 307 и ст. 308 УК РФ, после 20 июля 2016 г. и само по себе не свидетельствует о допросе лица под страхом привлечения к уголовной ответственности.

С такими выводами суда согласить нельзя по следующим соображениям.

20 июля 2016 г. Конституционным Судом РФ был разрешен вопрос о надлежащем порядке допроса лица, в отношении которого уголовное дело было выделено

в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве в порядке гл. 40.1 УПК РФ [9]. Соответствующее Постановление вступило в силу 25 июля 2016 г., с момента его официального опубликования (п. 4 резолютивной части данного постановления). С этого дня вплоть до 11 ноября 2018 г. – дня вступления в силу изменений, внесенных в уголовно-процессуальный закон во исполнение указанного Постановления [8], оно действовало в уголовном судопроизводстве непосредственно и предписывало допрашивать таких лиц по основному уголовному делу в целях получения показаний в отношении других соучастников преступления по правилам допроса свидетелей, но без предупреждения их об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (п. 1 резолютивной части рассматриваемого Постановления). Своим решением Конституционный Суд РФ еще раз подтвердил незыблемость сложившегося в современном российском уголовном процессе положения, согласно которому недопустимо возлагать ответственность на обвиняемого за дачу заведомо ложных показаний, даже если он, будучи уже осужденным, «допрашивается в ином процессе в качестве свидетеля обвинения для изобличения в совершении преступления других лиц» [4, с. 174;6, с. 128–131].

Конституционный Суд РФ в п. 2 резолютивной части рассматриваемого Постановления указал, что выявленный конституционно-правовой смысл взаимосвязанных положений ч. 2 и ч. 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 УПК РФ исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике и является общеобязательным. Общеобязательность правовой позиции Конституционного Суда РФ закреплена в ст. 6 Закона «О Конституционном Суде РФ» [7] и означает, что она обязательна для исполнения на всей территории Российской Федерации всеми без исключения субъектами права. Выраженная Конституционным Судом РФ правовая позиция распространяется не только на конкретный, бывший предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ случай, но и на все аналогичные ситуации (носит общий характер) [5, с. 45]. Следовательно, а также исходя из единства процессуального статуса участника уголовного судопроизводства в судебном разбирательстве и на стадии предварительного расследования, допрос лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, на следствии по основному уголовному делу должен производиться по тем же правилам, что и в суде, в соответствии с истолкованием порядка его проведения, данным Конституционным Судом РФ. Применение положений УПК РФ в части допроса такого лица в истолковании, расходящемся с истолкованием, данным Конституционным Судом РФ по этому вопросу не допустимо (ст. 79 Закона «О Конституционном Суде РФ»).

В описанной выше и подобных ситуациях обостряется проблема отказа правоприменителей следовать разъяснениям Конституционного Суда РФ, если его решением оспариваемые нормы не признаны неконституционными, но их «применение должно осуществляться в соответствии с конституционно-правовым смыслом данных норм, отысканным Конституционным Судом РФ» [5, с. 48].Другими словами, если оспариваемые нормы признаны неконституционными, правоприменители в обязательном порядке следуют указаниям Конституционного Суда РФ. Если же соответствие нормы Конституции РФ не подвергнуто сомнению, но дано ее иное конституционно-правовое толкование, которое признано непременным условием ее конституционности, правоприменители, и это прослеживается в приведенном выше примере, не придают должного значения такому конституционному решению.

Вот и в данном случае суд указал, что на момент допроса соответствующих изменений в УПК РФ еще не было, значит, порядок получения показаний не нарушен. Вместе с тем, ст. 50 Конституции РФ устанавливает, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона, а ст. 75 УПК РФ закрепляет, что доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Надлежащий процессуальный порядок получения и закрепления доказательственной информации выделяется законодателем «в качестве основного признака сведений, могущих быть доказательствами по делу» [3, с. 42]. «Доказательство потому и является доказательством, что информационное содержание здесь облекается в специальную процессуальную форму, иначе никакого доказательства нет» [2, с. 22].

Если Конституционный Суд РФ дал иное истолкование действующей нормы, регламентирующей порядок получения и закрепления показаний лиц, уголовные дела которых выделены в отдельные производства в связи с заключением досудебных соглашений о сотрудничестве, то нарушение этого порядка явно не соответствует Конституции РФ и уголовно-процессуальному законодательству. Ведь, предоставление гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод в уголовном судопроизводстве должно быть обусловлено фактическим положением лица, нуждающегося в обеспечении соответствующих прав [10]. И если при получении и закреплении доказательства были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, то такое доказательно должно признаваться недопустимым [1, с. 40].

Кроме того, утверждение суда о том, что отметка в протоколе допроса о предупреждении лица об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний сама по себе не говорит о его допросе под страхом привлечения к уголовной ответственности, имеет нарушение логической последовательности. Человека предупредили, что если он откажется давать показания или умышленно исказит предоставляемую информацию, то за это его привлекут к уголовной ответственности. Давая показания, лицо осознавало, что может быть привлечено к уголовной ответственности и желание избежать предусмотренных ст. 307, 308 УК РФ последствий, бесспорно, влияло на объем и содержание его показаний.

Таким образом, предупреждение лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное произ-

водство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве в порядке гл. 40.1 УПК РФ, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ) и за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ) в ходе его допроса по основному уголовному делу, проведенного в период действия Постановления Конституционного Суда РФ № 17-П от 20 июля 2016 г., формально юридически является основанием для признания полученных показаний недопустимым доказательством вследствие нарушения порядка их получения.

Список литературы:

1. Волосова Н.Ю. О дискуссионных вопросах допроса соучастников преступления и определении их процессуального статуса // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 37–42.

2. Головко Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

3. Корнуков В.М. К 80-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз – чудесного человека, талантливого ученого, педагога от бога // Вестник СГАП. 2005. № 3. С. 39–44.

4. Корнуков В.М. Свидетельствующий обвиняемый: кому и зачем он нужен? // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 169–175.

5. Кулешова Н.Н. Особенности и практика реализации правовых позиций конституционного суда российской федерации судами общей юрисдикции // Юридическая гносеология. 2016. № 3. С. 42–49.

6. Смолькова И.В., Осодоева Н.В. Допрос соучастников преступления в судебном заседании // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / отв. ред. С.И. Суслова. Т. 2. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 128–131.

7. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конст. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 29.07.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 11.02.2020).

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309993/ (дата обращения: 11.02.2020).

9. По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202199/ (дата обращения: 11.02.2020).

10. По жалобе гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части четвертой статьи 56, частью первой статьи 81, пунктом 2 части второй статьи 82, статьями 119 и 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1036-О-П. URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16122008-n-1036-o-p-po/ (дата обращения: 13.02.2020).

Астафьев А.Ю.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
г. Воронеж
woltgam@rambler.ru

МОТИВИРОВКА ПРИГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ЕГО СООТВЕТСТВИЯ ТРЕБОВАНИЮ ОБОСНОВАННОСТИ

Аннотация*: в настоящей статьей рассматривается проблема обоснования выводов суда в описательно-мотивировочной части приговора. Обоснованность приговора предполагает последовательное и полное изложение в нем исследованных доказательств, оценку доводов сторон, аргументированность судебного решения. Автором анализируются законодательные требования к обоснованию итоговых выводов суда и сложившиеся в правоприменении подходы к проверке обоснованности приговора.*

Ключевые слова*: обоснованность приговора, оценка доказательств, мотивировка выводов судьи.*

Astafyev A.Y.

Ph.D(Law), Associate Professor,
Voronezh State University,
Voronezh

STATEMENT OF MOTIVATION IN THE CONTEXT OF ITS COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENT OF JUSTIFICATION

Abstract*: this article considers the problem of substantiating the findings of the court in the descriptive and motivating part of the sentence. The validity of the sentence implies a consistent and complete presentation of the investigated evidence, an assessment of the parties' arguments, the reasonability of the judgment. The author analyzes the legislative requirements for the substantiation of the final findings of the court and the approaches that have been developed in law enforcement to verify the validity of the sentence.*

Keywords*: justification of the sentence, evaluation of evidence, reasoning of the judge's conclusions.*

Обоснованность приговора – одно из его главных свойств, предполагающее наличие в приговоре фактологической базы (совокупности исследованных доказательств) и правовой оценки обстоятельств дела, а также

логическую корректность построения выводов, их аргументированность (судебную мотивировку).

В законодательстве понятие обоснованности приговора не раскрывается. В комментариях к УПК РФ, напротив, дается развернутая и, в целом, единообразная его трактовка: обоснованность приговора означает, что суд при его постановлении исходил из материалов дела, рассмотренных в судебном заседании; опирался на достоверные доказательства, совокупность которых исключает другое решение, кроме принятого судом; изложенные в приговоре обстоятельства соответствуют действительности [1, с. 524; 2, с. 411; 3, с. 540].

Попытка законодательной дефиниции обоснованности приговора была предпринята в Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств-участников СНГ, согласно ч. 3 ст. 408 которого приговор суда является обоснованным, если: он строится на доказательствах, исследованных в судебном разбирательстве; эти доказательства достаточны для оценки обвинения; обстоятельства, признанные судом установленными, соответствуют рассмотренным им доказательствам[1].

Судебная достоверность есть знание доказанное, а потому приговор должен отражать *результат исследования* материалов дела и доводов сторон. Отсутствие надлежащей оценки доказательств, содержательной мотивировки делает приговор необоснованным и затрудняет его проверку в вышестоящей инстанции.

В УПК РФ закреплены рамочные нормы, раскрывающие общую направленность судебной мотивировки (ст. 305, 307), которые находят дальнейшее развитие в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 «О судебном приговоре»[2]. Какие-либо указания относительно того, насколько развернутую оценку должны получить в приговоре доказательства и что именно должен представлять собой их *анализ*, в законе, равно как и в названном постановлении Пленума, отсутствуют.

Современная юридическая доктрина и правоприменительная практика исходят из того, что перечисление доказательств в приговоре не является мотивировкой. При пересмотре уголовных дел вышестоящими судами проверяется, как были изложены показания и другие доказательства в приговоре, учтены ли те или иные доводы сторон, дал ли суд оценку доказательствам в полном объеме и т.д. Отдельная проблема – формальная констатация, а не реальное обоснование во многих приговорах доверия/недоверия к тем или иным доказательствам, на что неизменно обращается внимание в аналитических обзорах судебной практики[3].

В науке, к слову, в определенный период времени отвергалась необходимость судебной мотивировки в привычном понимании. В 20-е годы учеными-процессуалистами отмечалась невозможность и нецелесообразность указания в приговоре соображений, которые привели суд к убеждению в доказанности виновности подсудимого. Утверждалось, что логическая сторона юридического анализа доказательственного материала не всегда поддается обличению в словесную форму, поэтому внесению в приговор подлежат лишь факты, а не те мотивы, руководствуясь которыми судья пришел к окончательным выводам по делу [4, с. 102–103]. Весьма категорично высказывался на этот счет М.С. Строгович, писавший, что мотивировка является «совершенно излишней, так как она способна установить лишь мыслительный процесс судей, тогда как дело идет вовсе не о субъективных переживаниях и соображениях, а об объективных, реальных фактах, которые точно устанавливаются и говорят сами за себя» [5, с. 124]. Представляется, что полностью согласиться с подобными рассуждениями нельзя, т.к. искусственным является выделение логического процесса оценки доказательств из их юридического исследования и фиксации его результатов в приговоре. Обоснование выводов есть логико-правовые аргументы, мотивированная оценка доказательств, а никак не субъективное впечатление. Суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению, вышестоящая инстанция проверяет форму его выражения (систему доводов) в приговоре.

Впрочем, обязательность мотивировки не всегда была и законодательным требованием. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., закрепившем правило оценки доказательств по внутреннему убеждению, кратко оговаривалась необходимость обоснования выводов суда. В приговоре, согласно Уставу, должны были быть изложены «1) предметы обвинения, выведенные в обвинительном акте и в заключительных по судебному следствию прениях; 2) соображение обвинения как с представленными по делам доказательствами и уликами, так и с законами; 3) подробное изложение согласно с разумом и словами закона сущности приговора» (ст. 797 Устава уголовного судопроизводства).

УПК РСФСР 1922 г. предусматривал, что приговор должен состоять из описательной и резолютивной части (ст. 337). Описательная часть приговора должна была содержать в себе формулировку обвинения, признанного доказанным или недоказанным. В ней предписывалось излагать добытые судебным следствием данные, положенные судом в основу выносимого приговора (ст. 338). В УПК РСФСР 1923 г. также предусматривались описательная и резолютивная часть (ст. 333), но указание на «добытые судебным следствием данные» уже отсутствовало в тексте закона. В юридической литературе это решение законодателя было встречено неоднозначно и оценивалось весьма критически. А.А. Жижиленко, к примеру, не видел ни одного бесспорного аргумента в пользу отказа от мотивировки. В обстоятельной статье, посвященной данной проблеме, он строил свои рассуждения следующим образом. Ввиду того, что апелляционное обжалова-

[1] Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 20.01.2020).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Доступ из справ.-правовой систем «Гарант» (дата обращения 20.01.2020).

[3] См., напр.: Обзор соблюдения судами Амурской области норм уголовно-процессуального законодательства при постановлении приговоров в 2007 г. URL: http://oblsud.amr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=78 (дата обращения 20.02.2020); Справка-обобщение качества составления обвинительных приговоров, вынесенных районными судами Удмуртской Республики по делам, рассмотренным в 2013 году. URL: http://vs.udm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=529 (дата обращения 20.01.2020) и т.д.

ние не допускается действующим законом, устраняется и потребность в мотивировке приговоров. Тем более, что в Уголовно-процессуальный кодекс 1923 г. не была включена норма, устанавливавшая, что приговор признается явно несправедливым, если он не находит себе подтверждения в данных судебного следствия. Однако советская кассация, резонно замечает далее автор, может входить в существо дела, следовательно, для кассации небезразлично, мотивирован приговор или нет [6, с. 54]. Позднейшие решения Верховного Суда СССР подтвердили правильность его слов, а постановлением Пленума от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре»[1] мотивировка была окончательно возвращена в приговор.

По УПК РСФСР 1960 г. в приговоре выделялись вводная, описательная и резолютивная части (ст. 312). Описательная часть обвинительного приговора, согласно закону, должна была включать доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства. В описательной части оправдательного приговора должны были быть приведены доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого с указанием мотивов, объясняющих, почему суд отвергает доказательства обвинения (ст. 314).

В УПК РФ центральная часть приговора стала именоваться *описательно-мотивировочная* (ч. 1 ст. 303). Ее содержание в законе при этом не претерпело каких-либо изменений по сравнению с тем, как было регламентировано содержание описательной части обвинительного и оправдательного приговора в УПК РСФСР.

Безусловно, структура приговора, названия его отдельных частей – вопросы, по преимуществу, законодательной техники. Несоизмеримо большее значение имеют нормы, определяющие содержание приговора. Наличие в приговоре обосновывающих выводов – проблема не просто качества приговора, но самой его сущности как акта правосудия. Проверка обоснованности приговора становится более понятной и последовательной, когда место и характер мотивировки в приговоре четко обозначены в законодательстве и конкретизированы в судебной практике.

Статьи 305, 307 УПК РФ должны пониматься в системном единстве с предписаниями ст. 389.16, где названы четыре общих случая признания приговора необоснованным. Сама их формулировка, подразумевает мотивированную оценку доказательств в приговоре, поскольку соответствующие положения фактически содержат минимальный перечень требований к исследованию доказательств и построению итоговых выводов суда.

Список литературы:

1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева ; науч. ред. В.П. Божьев. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 1287 с.

2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2017. 609 с.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Ю. Девятко, Г.И. Загорский, М.Г. Загорский и др. ; под науч. ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2016. 1216 с.

4. Щербак А.Д. К вопросу о технике составления приговоров // Вестник советской юстиции. 1924. № 4. С. 102–103.

5. Строгович М.С. Практика УКК Верхсуда РСФСР по вопросу о доказательствах // Советское право. 1927. № 3. С. 121–127.

6. Жижиленко А.А. О мотивировке приговоров // Вестник советской юстиции. 1925. № 2. С. 53–57.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» от 28 июля 1950 г. URL: http://www.libussr.ru/infdoc3.htm (дата обращения 20.01.2020).

Аширбекова М.Т.

д.ю.н., доцент,
Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ»,
г. Волгоград
madina.55@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ПРЕДМЕТА ОСОБОГО (СОКРАЩЕННОГО) ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Аннотация*: упрощенные формы производства по уголовному делу, в том числе особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, характеризуются сокращенным доказыванием, которое не оставляет место для презумпции истинности приговора. Рассматривается вопрос об уголовно-правовой базе (предмете) судебного разбирательства по нормам гл. 40 УПК РФ в ключе проектируемых предложений об исключении из сферы этого производства тяжких преступлений.*

Ключевые слова*: редукция доказывания, обоснованность и истинность приговора, согласительное производство.*

Ashirbekova M.T.

Dr.Sci(Law), Associate Professor,
Volgograd Institute of management (branch)
of the Russian Academy of national economy and public
administration under the President
of the Russian Federation,
Volgograd

TO THE QUESTION OF CLARIFYING THE SUBJECT SPECIAL (ABBREVIATED) PROCEDURE FOR JUDICIAL PROCEEDINGS

Abstract*: simplified forms of criminal proceedings, including a special procedure for trial with the consent of the accused with the charge, are characterized by reduced proof,*

which does not leave room for the presumption of the truth of the sentence. Discusses the issue of criminal-legal framework (the subject of) trial by norms GL. 40 code of criminal procedure in the key design proposals for the deletion from the scope of this production of serious crimes.

Keywords*: reduction of evidence, validity and truth of the sentence, conciliation proceedings.*

В научном наследии Цили Моисеевны Каз значительное место занимают труды, посвященные доказыванию. Проблематика доказывания, разрабатывавшаяся Ц.М. Каз, была и остается в числе актуальных направлений науки уголовно-процессуального права. Иначе и быть не может, поскольку в уголовном процессе, как виде юрисдикционного правоприменительного процесса, спорное материально-правовое отношение (обстоятельства криминального события) познается не произвольно, а посредством доказывания, регламентированного уголовно-процессуальным законом. Надо отметить, что, начиная со своей кандидатской диссертации, Ц.М. Каз уделяла внимание исследованию доказательств в судебном разбирательстве. В частности, ею подчеркивалась значимость постулата о том, что «приговор суда должен быть основан на доказательствах, исследованных в судебном заседании и оцененных судьями по их внутреннему убеждению» [1, с. 9–10], а доказанность обстоятельств рассмотренного уголовного дела сообщает приговору свойство обоснованности. «Поэтому обоснованный приговор – это истинный приговор, с достоверностью устанавливающий факт преступления и совершение его обвиняемым» [1, с. 11].

Понятно, что отмеченные положения об обоснованности и истинности приговора в реалиях существующей дифференциации форм судебного разбирательства остались применимыми лишь к правореализационным результатам общего порядка судебного разбирательства. При этой форме суд, будь то единоличный или коллегиальный состав, остается субъектом доказывания, который, если и ограничен в силу состязательности в собирании доказательств, тем не менее самостоятелен в формулировании выводов по вопросам факта, то есть о доказанности события преступления, о доказанности участия в этом событии подсудимого. Самостоятелен такой суд и в разрешении вопроса о виновности подсудимого, о назначении наказания или освобождения от наказания, понятно, в соответствии с нормами уголовного закона.

Сокращенный порядок судебного разбирательства (Гл. 40 УПК РФ), введенный с принятием названного кодифицированного закона, взорвал представления о том, что приговор суда должен быть основан на тех доказательствах, которые исследованы судом непосредственно в судебном разбирательстве. По этому поводу за прошедшие десятилетия в науке уголовно-процессуального права было высказано множество разнообразных суждений (pro et contra), в том числе связанных с вопросами о формировании судейского убеждения, сути судебного правоприменения и истинности приговора.

Понятно, что суд в сокращенном судебном разбирательстве применяет нормы материального и процессуального закона к выводам, установленным не им самим с участием сторон, а следователем и дознавателем. Судебного доказывания и, соответственно, обоснования выводов суда о доказанности обвинения нет. По этой причине невозможно утверждать, что сокращенный порядок судебного разбирательства обеспечивает юридическую надежность выводов, сформулированных в приговоре по вопросам факта и права. И это признается законодателем, установившем в ст. 90 УПК РФ положение о том, что приговоры, постановленные в особом (сокращенном) порядке судебного разбирательства, то есть соответствии со ст. ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, не наделяются преюдициальной силой, что означает, что они не предполагаются истинными. Таковые приговоры, по сути своей, выступают как согласительные, так как обостренного состязания между стороной защиты и стороной обвинения не происходит в виду их общей позиции по причине согласия подсудимого с предъявленным обвинением.

Конечно, можно в очередной раз порассуждать о том, насколько безупречна и справедлива существующая модель сокращенного судебного разбирательства. Но судебная практика сурова в своей простоте: в среднем до 70 % всех уголовных дел рассматривается именно в этом порядке. Так, в 2018 году было «рассмотрено 553 990 уголовных дел в отношении 579 820 лиц. Из них обвиняемые в преступлениях небольшой тяжести составляют 58,9 % лиц, осужденных в особом порядке; обвиняемые в преступлениях средней тяжести – 23,7 %; обвиняемые в тяжких преступлениях – 17,4 %. Таким образом, в прошедшем году в особом порядке рассмотрены уголовные дела о тяжких преступлениях в отношении 84 тыс. лиц – это 58 % от общего числа обвиняемых в тяжких преступлениях» [5].

Ясно, что сокращенная форма судебного разбирательства удобна для субъектов – профессиональных участников уголовного судопроизводства, причем, независимо от выполняемой ими функции. Тем не менее сравнительно недавно в Государственную Думу был внесен законопроект № 690652-7 «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением)» [5].

В этом проекте предполагается ограничить предмет (уголовно-правовую базу) применения сокращенного судебного разбирательства. Иными словами, к предмету рассматриваемого дифференцированного (сокращенного) вида судебного разбирательства планируют относить преступления только небольшой и средней тяжести, исключив тяжкие. В результате таковых изменений из сферы применения сокращенного судебного разбирательства уйдет примерно четверть уголовных дел из числа обычно рассматриваемых в названном порядке.

Вряд ли оправдано говорить о том, что это усилит гарантии прав и интересов подсудимых, поскольку выбор этой формы происходит по их волеизъявлению. Утверждать, что это необходимо в интересах потерпевших, также сложно: потерпевшие наделены правом возражать против сокращенного судебного разбирательства. Несомненно одно: проектируемый новый порядок в конечном счете должен послужить снижению накала звучащих

в обществе упреков в обвинительном уклоне уголовного правосудия. В определенной мере такие упреки уже возымели действие: по итогам 2019 г. видится снижение доли уголовных дел, рассмотренных в особом порядке судебного разбирательства, она уменьшилась на 23 % по сравнению с предыдущим годом [2].

Как бы то и было, проектируемые изменения в очередной раз подтверждают потребность осмысления признаков дифференциации процессуальной формы, то есть того, в чем должно выражаться упрощение процессуальной формы. Основным признаком, а также и способом изменения в сторону упрощения процессуальной формы в первую очередь является редукция доказывания, то есть сведение сложной доказательственной деятельности к более простой. Это и понятно, поскольку самой энергоемкой деятельностью в правоприменительном юридическом процессе является доказывание. Оно растянуто во времени, требует не только собственно производства следственных и судебных действий, но и их технической организации, которая бывает нередко очень трудоемкой и усложненной. Достаточно напомнить о недавно введенном правиле об обязательности проведения звукозаписи судебного разбирательства (ст. 259 УПК РФ) [3]. Организация этой звукозаписи – так называемого аудиопротоколирования – отнюдь непростое дело. Об этом свидетельствуют, например, положения п.п. 10.2, 10.13.1 «Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» [4].

Редукция доказывания может выражаться по-разному. Так, в известной для советского уголовного процесса форме упрощенного досудебного производства – протокольной форме – редукция выражалось в том, что в досудебном производстве доказывание ограничивалось кругом проверочных действий и осмотром места происшествия, производимых в стадии возбуждения уголовного дела. Результаты этих действий устанавливали обстоятельства преступления небольшой тяжести (как бы сейчас сказали), которые сразу становились предметом исследования в судебном разбирательстве. Иными словами, «выпадала» стадия предварительного расследования вместе присущей ей способами доказывания, что в целом компенсировалось полноценным доказыванием в последующем судебном разбирательстве, которое сейчас принято называть как общую или ординарную форму.

Протокольную форму досудебной подготовки материалов в суд (по УПК РСФСР) во многом напоминает действующее ныне сокращенное дознание (Гл.32.1 УПК РФ). Предметом или уголовно-правовой базой сокращенного дознания выступают уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, которые должны рассматриваться в особом порядке судебного разбирательства по нормам гл. 40 УПК РФ. Примечательно, что редукция доказывания при сокращенном дознании, по сути, двойная: в досудебном производстве и в судебном разбирательстве. Такую «ударную дозу» редукции законодатель восполняет предоставлением подозреваемому широкого права выбора формы дознания (сокращенное или в общем порядке). Кроме этого, подозреваемый и потерпевший могут отказаться от сокращенного дознания на любом его этапе, а также и в ходе судебного разбирательства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ). Все это делает форму сокращенного дознания и полагающегося для него особого порядка судебного разбирательства неустойчивой.

Надо отметить, что с отмеченным выше возможным изменением ст. ст. 314 и 316 УПК РФ, для уголовных дел по тяжким преступлениям (наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы) перспектива сокращенного порядка судебного разбирательства втуне не исчезает, так как обвиняемые сохраняют право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, которое для них остается основой для редуцированного судебного разбирательства с вытекающими из него преференциями в части назначения наказания. Как известно, предметом производства с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) могут быть не только многоэпизодные тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные в соучастии. Как вытекает из положений ч. 2.1 ст. 317. 3 УПК РФ, обвиняемый в рамках оказываемого им содействия может предоставить сведения как в отношении своих соучастников, так и иных лиц, совершивших преступления без его участия.

Таким образом, задача возвращения на прежние позиции (по сфере применения) общего порядка судебного разбирательства, но с локальным сохранением упрощенного (редуцированного) доказывания по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, представляется не до конца разрешенной. Вряд ли полный отказ от сокращенного судебного разбирательства по уголовным делам о тяжких преступлениях оправдан. Думается, что особый порядок судебного разбирательства по делам о тяжких преступлениях мог бы предусматривать именно упрощенное доказывание, а не его полное отсутствие, как это вытекает из положений ч. 5 ст. 316 УПК РФ. Так, можно было бы ограничиться только допросом подсудимого, если в своих показаниях он сообщит о своих действиях, мотивах совершенного преступления и одновременно признает свою вину. Если же этого не произойдет, то оптимально предусмотреть следующее: суд выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

Список литературы:

1. Каз Ц.М. Правовая природа приговора в советском уголовном процессе: автореф: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1952. 21 с.

2. Лебедев В.М. О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год. 11 февраля 2020 г. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/28750/ (дата обращения: 17.02. 2020).

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.07.2018 № 228-ФЗ // Российская газета. 2018. 31 июля.

4. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 № 161 (в ред. от 09.01.2018). URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-sudebnogo-departamenta-pri-verkhovnom-sude-rf-ot-15122004/#102582 (дата обращения: 23.10.2019).

5. Паспорт к законопроекту № 690652-7 «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/690652-7 (дата обращения: 17.09. 2019).

Баранова М.А.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
marina2008-78@mail.ru

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Аннотация*: в статье анализируется действующий сокращенный порядок судебного разбирательства по уголовному делу: его сущность, перспективы применения. Определяется, что законодатель в процессе судебной реформы отказался от идеи всеобъемлющего поглощения производства в суде первой инстанции особым порядком судебного разбирательства. Кроме того, предпринята попытка доказать, что наиболее эффективно итоги заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве исследовать в общем порядке рассмотрения уголовного дела.*

Ключевые слова*: уголовный процесс, особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве, справедливость, обоснованность и мотивированность решений.*

Baranova M.A.

Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

ON CURRENT TRENDS IN CRIMINAL PROCEDURAL PROOF

Abstract*: the article analyzes the current abbreviated procedure for trial in a criminal case: its essence, prospects of application. It is determined that the legislator in the process of judicial reform rejected the idea of a comprehensive absorption of proceedings in the court of first instance by a special procedure of judicial proceedings. In addition, an attempt was made to prove that the results of the pre-trial cooperation agreement concluded are most effectively examined in the General procedure for the consideration of a criminal case.*

Keywords*: criminal procedure, special procedure of judicial proceedings, pre-trial agreement on cooperation, fairness, validity and motivation of decisions.*

Уголовный процесс России современного периода можно охарактеризовать как процесс охранительного типа [8, с. 544]. Об этом свидетельствуют существенно модернизированные, по сравнению с УПК РСФСР 1960 года, его задачи (назначение). Если в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законе ставились карательные задачи судопроизводства (ст. 2) [14]: быстрое и полное раскрытие преступления, изобличение виновного в его совершении лица (лиц) и дальнейшее справедливое наказание, и соответственно, недопущение привлечения к ответственности и осуждения невиновных лиц, то УПК РФ 2001 года сформировал ряд задач защитительного плана: защита интересов потерпевших от преступления, защита лица от незаконного обвинения, осуждения либо ограничения его прав и свобод. Таким образом, современное уголовное судопроизводство изменило вектор развития и можно говорить о его правообеспечительной и восстановительной направленности [9, с. 567], где приоритет отдан личности, защите ее прав и законных интересов.

В данном контексте УПК РФ был наполнен несколькими дифференцированными процедурами, которые, в отличие от общего, традиционного порядка расследования и рассмотрения уголовного дела по существу, направленного на изобличение виновного и его наказание, закрепляют возможность учета целей и интересов обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего, частного обвинителя, дифференцированного подхода к вопросам процедуры осуществления судопроизводства и уголовной ответственности лиц. К таковым относятся положения гл.гл. 40, 40.1, 32.1 УПК РФ, характеризующиеся усеченным процессом доказывания, сводящимся к установлению лишь тех групп обстоятельств преступления и посткриминальных событий, которые имеют юридическое значение для принимаемого решения в силу прямого указания закона. Эти порядки критиковали, говорили о принципиальной невозможности установления в рамках рассматриваемых процедур истины по уголовному делу, о замене полноценного процесса доказывания «сделкой с правосудием», однако они продолжали существовать и применяться, и отдельные из них – весьма успешно. Так, по официальной статистике Верховного Суда РФ, в 2016 году 65 % уголовных дел было рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства [2], в 2018 году – 69 % [1]. По данным С.А. Насонова, общий сводный показатель рассмотрения уголовных дел в особом порядке и в особом порядке с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве в 2018 году составил 87.8 % [11]. Таким образом, абсолютное большинство уголовных дел по состоянию на 2018 год рассматривалось по усеченным

правилам доказывания, при которых обвинение базируется на признании обвиняемым своей вины в инкриминируемом преступлении, суд сориентирован на выводы обвинительного заключения (акта), отсутствует возможность установления состава преступления и остальных значимых обстоятельств в условиях непосредственности и устности судебного разбирательства.

В этой связи имеют место быть суждения о том, что суд утратил свойство независимости и скован выводами обвинительного заключения (акта, постановления), выполняя таким образом противоречащую принципу состязательности (ст. 15 УПК РФ) функцию обвинения [16, с. 21].

В 2019 году Президент РФ В.В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ указал на необходимость ответственного отношения к применению особого порядка судебного разбирательства, который не должен выступать прикрытием некомпетентной и некачественной работы следствия [7]. Таким образом, Президент РФ разъяснил правоохранительным органам очевидный для ученых – процессуалистов факт: особый порядок судебного разбирательства не должен применяться по всем без исключения уголовным делам, органы предварительного расследования все так же должны полноценно доказывать обвинение и все другие обстоятельства ст. 73 УПК РФ, не ориентируясь на «скидку» со стороны суда в виде особого порядка рассмотрения уголовного дела.

К сожалению, чтобы увидеть и среагировать на очевидные пробелы и недочеты в особом порядке судебного разбирательства, российской системе правоохранительных и судебных органов нужно это услышать от первых лиц государства. И уже в 2019 году вектор судебной деятельности резко изменился: после того как Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 19 марта 2019 года высказался о необходимости снижения количества уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке [7], прокуроры в ходе судебных заседаний стали выступать с возражениями против рассмотрения уголовного дела в общем порядке, что, в соответствии с ч. 6 ст. 316 УПК РФ, делает невозможным его применение.

По итогам работы федеральных судов в 2019 году, Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев доложил о значительном снижении количества уголовных дел, рассмотренных в особом порядке: всего за год по усеченным правилам доказывания было рассмотрено 431 тыс. уголовных дел, (то есть 55 % от общего числа уголовных дел), что на 23 % меньше по сравнению с 2018 годом [13]. Таким образом, налицо отказ от повального применения особого порядка как панацеи от всех бед судебных и следственных органов.

11 апреля 2019 года Верховный Суд РФ выступил с законодательной инициативой о нераспространении особого порядка судебного разбирательства на уголовные дела о тяжких преступлениях (законопроект № 690652-7). В пояснительной записке указывалось, что цель введения законодателем особого порядка изначально заключалась в процессуальной экономии. Но уголовные дела о тяжких преступлениях требуют установления на законодательном уровне гарантий справедливого правосудия. Обеспечить такие гарантии можно только при применении общего порядка рассмотрения уголовного дела с исследованием доказательств в режиме непосредственности и устности [6]. Таким образом, Верховный Суд РФ фактически признал, что полноценное доказывание в особом порядке судебного рассмотрения уголовного дела невозможно. Данный законопроект прошел первое чтение на заседании Государственной Думы РФ 20 февраля 2020 года (постановление Государственной Думы РФ № 7806-7-ГД), где представлявшему законопроект заместителю Председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдову депутатом В.В. Емельяновым был задан вполне резонный вопрос о том, что недостатки особого порядка судебного разбирательства, выявленные Верховным Судом РФ, имеют место быть не только по уголовным делам о тяжких преступлениях, но также и по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, где в качестве обвиняемых проходят такие же люди, которые также нуждаются в защите и обеспечении их процессуальных прав. Было предложено отказаться от особого порядка судебного разбирательства по всем категориям уголовных дел [3]. Однако законодательная инициатива на сегодняшний день затронула только уголовные дела о тяжких преступлениях.

Таким образом, в ближайшее время все уголовные дела о тяжких преступлениях будут рассматриваться в общем порядке. Вряд ли законодатель откажется от применения особого порядка судебного разбирательства по преступлениям небольшой и средней тяжести, так как он существенно экономит временные и бюджетные ресурсы. Однако ни в пояснительной записке к законопроекту, ни в докладе В.А. Давыдова не уточнялось, коснутся ли предполагаемые изменения уголовных дел о тяжких преступлениях, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Если следовать законодательной технике – то нет, так как в законопроекте затронуты исключительно положения главы 40 УПК РФ. Но тогда остается не ясной логика Верховного Суда РФ в данном вопросе: почему степень процессуальных гарантий справедливого правосудия по делам с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве должна быть ниже, чем по всем остальным уголовным делам о тяжких преступлениях. Ведь заключивший досудебное соглашение субъект зачастую изобличает других соучастников преступления, стараясь выставить себя в «выгодном свете», и задача суда – установить действительную картину преступления и роль каждого из подсудимых в его совершении [15, с. 66–71] с тем, чтобы постановленный приговор отвечал требованиям законности и справедливости, а не ограничиваться исключительно решением вопроса о том, все ли взятые на себя обязательства, прописанные в заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, подсудимый выполнил. Данный вопрос, безусловно, имеет важность для самого подсудимого, поскольку он рассчитывает на существенное послабление наказания, но не является основным вопросом, стоящим на разрешении суда. Суд, прежде всего, должен полноценно установить картину совершенного преступления.

В этой связи полагаем, что отмена особого порядка судебного разбирательства должна коснуться и уголов-

ных дел о тяжких преступлениях, по которым подсудимый заключил досудебное соглашение о сотрудничестве. Это не означает, что такая форма взаимодействия признана неэффективной. Подозреваемый, обвиняемый, все так же будет инициативно заключать соглашение о сотрудничестве, но рассмотрение его уголовного дела должно проходить в общем порядке, с полноценным исследованием всех представленных в судебное разбирательство доказательств, с одновременным сохранением процессуальных гарантий, предусмотренных ст. 62 УК РФ. Именно в полноценном исследовании доказательств видится реальная возможность обеспечения справедливости уголовного судопроизводства в его широком значении. Ведь именно обоснованный приговор в котором судья проанализировал все представленные сторонами доказательства как обвинительного так и оправдательного толка, создает у самого подсудимого, а также у потерпевшего, широких масс общественности убеждение в независимости судей, в реальной реализации в современном уголовном процессе принципа состязательности, в справедливости всей судебной системы – в целом. Не даром требование справедливости осуществления правосудия отражено в значительном числе норм международного права – Европейской конвенции о защите прав и основных свобод (ст. 6) [5], Всеобщей декларации прав человека (ст. 10) [4], Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 14) [10].

Естественно, возврат к традиционному порядку доказывания, усугубленному потребностью установления дополнительных процессуально-значимых обстоятельств, повлечет замедление процесса осуществления правосудия и вновь обнажит застарелую проблему активности суда в процессе доказывания. Современная уголовно-процессуальная парадигма строится не нейтральной, созерцательной позиции суда при судебном рассмотрении уголовного дела, что следует из ст. 15 УПК РФ. Однако суду практически невозможно оставаться безучастным в ходе судебного заседания, так как он сориентирован на вынесение итогового решения по делу. И если в особом порядке судебного разбирательства к такому решению не предъявляется требование мотивированности, ввиду отсутствия полноценного судебного следствия, то общий порядок никаких послаблений не делает. По его итогам возможно принятие широкого круга решений, каждое из которых должно быть законно, обосновано и мотивированно (ст. 297 УПК РФ). Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на недопустимость со стороны суда каких-либо процессуальных действий, направленных на восполнение недостатков проведенного предварительного расследования [12]. Однако зачастую пассивная роль суда в процессе доказывания просто не позволит ему постановить приговор, отвечающий требованию обоснованности. Таким образом, возвращение судебной системы к традиционному порядку осуществления доказательственной деятельности вновь обострит данную дискуссию. Выход нам видится в повышении профессионализма работы органов прокуратуры, поддерживающих обвинение от имени государства, органов адвокатуры (повсеместное внедрение электронной очереди при назначении защитника в порядке ст. 51 УПК РФ) и в персональной ответственности лиц, неквалифицированно исполнивших свои профессиональные обязанности. Тогда у суда не будет нужды брать инициативу в доказывании в свои руки и он сможет полноценно реализовать принцип состязательности сторон.

Список литературы:

1. Вараксин М. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2018 г. // Право.ru [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/story/209019/ (дата обращения: 20.02.2020).
2. Верховный Суд РФ объяснил низкое число оправдательных приговоров // ИА Интерфакс в России. 2 марта 2017 г. URL: http://www.interfax.ru/russia/551978 (дата обращения 25.04.2018).
3. Видеозапись заседания Государственной Думы РФ от 20.02.2020. Вопрос 17 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: https://video.duma.gov.ru/watch/?id=320293 (дата обращения: 22.02.2020).
4. Всеобщая декларация прав человека: принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 // Российская газета. 1995. 5 апреля.
5. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в Риме 04.11.1950 // СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.
6. Законопроект № 690652-7 «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/690652-7 (дата обращения: 22.02.2020).
7. Заседание коллегии Генпрокуратуры РФ 19 марта 2019 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/60100 (дата обращения: 20.02.2020).
8. Лазарева В.А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина (назначение уголовного судопроизводства) // LEXRUSSICA. 2010. № 3. С. 544-545.
9. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.
11. Павлова З. Суды по-прежнему рассматривают большинство уголовных дел в особом порядке // Адвокатская газета. 2019. 27 мая. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/sudy-po-prezhnemu-rassmatrivayut-bolshinstvo-ugolovnykh-del-v-osobom-poryadke/
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений п.п. 1, 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского рай-

онного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Н. Новгород» // СЗ РФ. 1999. № 17, ст. 2205.

13. Председатель Верховного Суда России подвел итоги деятельности судебной системы в 2019 году // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/28750/ (дата обращения: 14.02.2020).

14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

15. Устинов Д.С. Обвиняемый: поведенческая характеристика и формы воздействия на производство по уголовном делу. М., 2018. 168 с.

16. Холоденко В.Д. Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности: лекция. Саратов, 2007. 32 с.

Блинова О.Г.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
blinova.olyab@yandex.ru

СУД КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация*: в статье рассматривают проблемы, связанные с противоречиями, которые возникают между законодательными положениями о состязательности судебного разбирательства и ответственностью суда за постановление законного и обоснованного приговора, и как следствие, связанные с участием суда в доказывании обстоятельств совершенного преступления.*

Ключевые слова*: принцип состязательности, роль суда в доказывании, право суда на собирание доказательств.*

Blinova O.G.

Saratov State Law Academy,
Saratov

THE COURT AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE

Abstract*: this article deals with the problems associated with the contradictions that arise between the legislative provisions on competition of the trial court and the responsibility for the decision lawful and reasoned judgment, and as a consequence related to the participation of the court in proving the circumstances of the crime.*

Keywords*: the principle of competition, the role of the court in proving, the right of the court to collect evidence.*

Одной из центральных проблем науки и практики уголовного судопроизводства была и остается проблема, связанная с ролью суда в процессе доказывания обстоятельств совершенного преступления и, особенно, виновности подсудимого. В соответствии с УПК РФ, судебное разбирательство должно осуществляться на основе принципа состязательности сторон обвинения и защиты, которые, обладая равными процессуальными возможностями, представляя и исследуя доказательства, стремятся убедить суд в обоснованности своей позиции. Предназначение же суда состоит в том, чтобы, не выступая ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, разрешить их спор, обеспечивая сторонам необходимые условия для исполнения их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ст. 15 УПК РФ).

В то же время, как отмечает Н.С. Манова, «УПК РФ возлагает на суд ответственность за вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора и закономерно сохраняет право суда участвовать в доказывании значимых для правильного разрешения дела обстоятельств и, как следствие, право собирать доказательства по своей инициативе» [3, с. 44]. Согласно положения ст. 17, ч. 1 ст. 86, ст. 87 и ст. 88 УПК РФ, суд полномочен собирать, проверять и оценивать доказательства наравне с прокурором, следователем и дознавателем. Тем самым «позиция законодателя относительно роли суда в доказывании, в установлении процессуально значимых обстоятельств совершения преступления непоследовательна, половинчата» [2, с. 576] и создает почву для высказывания диаметрально противоположных суждений на этот счет.

Одни ученые-процессуалисты утверждают, что суд – это «арбитр» в споре сторон, он судит, а не доказывает что-либо, обязанность собирать доказательства – это прерогатива сторон [1, с. 31; 8, с. 56], а активность суда в доказывании – это один из канонов инквизиционной советской доказательственной доктрины [5, с. 259–289]. Другие авторы настаивают на статусе суда как субъекта доказывания и его активной роли в доказывании при рассмотрении уголовного дела по существу [4, с. 55].

Действующий УПК РФ предоставляет суду право в ходе рассмотрения уголовного дела проводить следственные действия, направленные на собирание доказательств. Так, в случае необходимости суд вправе по ходатайству сторон или по собственной инициативе назначить судебную экспертизу (ст. 283 УПК РФ), огласить протоколы следственных действий, заключение эксперта и иные документы (ст. 285 УПК РФ). Суд также может задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства после их допроса сторонами (ст. 275, 278 УПК РФ). Исходя из положений главы 37 УПК РФ, И.Б. Михайловская делит все те действия, которые могут проводиться при рассмотрении уголовного дела с целью получения доказательств, на три группы: те, которые суд может проводить как по ходатайству сторон, так и по своей инициативе; те, которые могут проводиться только по ходатайству сторон; и те, относительно которых закон не содержит прямых указаний об их инициаторе [4, с. 52-53].

К третьей группе относятся такие действия суда как осмотр местности или помещения, проведение следственного эксперимента, осмотр жилища, предъявления в суде

для опознания лица или предмета, производство освидетельствования. Поскольку в уголовно-процессуальном законе отсутствуют какие-либо ограничения возможности суда по собственной инициативе вынести определение или постановление о производстве указанных действий, соответственно, можно полагать, что их проведение возможно и при отсутствии ходатайства сторон. Но, выполняя подобные процессуальные действия, суд может начать восполнять пробелы в расследовании и тем самым встать на сторону обвинения. Поэтому проведение осмотра или следственного эксперимента судом должно быть направлено только на то, чтобы проверить на месте показания подсудимого или показания других участников процесса и получить собственное представление о месте происшествия или проверить выводы лица, осуществляющего предварительное расследование.

Как правильно отмечает В.Д. Холоденко, «наделение суда полномочиями осуществлять по собственной инициативе любые следственные действия предоставляет ему мощные рычаги воздействия на процесс формирования доказательств, что при отсутствии в УПК РФ четких условий их использования позволяет суду оказывать содействие стороне обвинения в изобличении подсудимого либо наоборот – принимать сторону защиты и оказывать ей содействие в доказывании невиновности подсудимого» [9, с. 174].

Поэтому мы разделяем точку зрения о том, что «собирание доказательств по инициативе суда может и должно быть связано только с проверкой достоверности, допустимости и относимости доказательств, уже представленных сторонами. Суд не вправе заниматься восполнением пробелов предварительного следствия ни по вопросу доказанности виновности, ни по установлению иных обстоятельств совершенного преступления, толкуя все имеющиеся сомнения в соответствии с принципом презумпции невиновности в пользу подсудимого. Вместе с тем у суда должна быть возможность правильно оценить доказательства, которыми обосновываются его выводы в приговоре» [3, с. 46].

Применительно к вопросу об участии суда в доказывании важное значение имеет право суда вызвать и допросить новых свидетелей. Действующий УПК РФ не содержит прямого указания на то, что суд может сделать это по собственной инициативе. В связи с этим, как утверждает А.В. Пиюк, судьи вынуждены прибегать к непроцессуальным воздействиям на прокуроров и защитников [6, с. 44]. Позиция Конституционного Суда РФ по этому вопросу достаточно противоречива [9, с. 173]. Думается, что в уголовно-процессуальное законодательство необходимо внести уточнения о возможности вызова и допроса в ходе судебного следствия новых свидетелей по инициативе суда с целью уточнения доказательств, представленных ранее сторонами. В данном контексте нельзя будет говорить о нарушении судом конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, о необъективности суда при вынесении итогового процессуального решения по уголовному делу. Ведь, как уже отмечалось, именно на суд возлагается обязанность вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого приговора. Согласно ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждается совокупностью исследованных судом доказательств. Это, на наш взгляд, дает возможность утверждать, что суд, вынося обвинительный приговор, который не может быть основан на догадках и предположениях, должен достоверно установить обстоятельства совершенного преступления, должен быть убежден в виновности подсудимого в совершении преступления. И такое судейское убеждение может быть основано только на всесторонней и объективной оценке представленных сторонами и проверенных судом доказательств. Таким образом, российский вариант состязательности уголовного судопроизводства не исключает обязанность суда при вынесении приговора установить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу, реализуя те полномочия, которыми суд наделен для осуществления этой цели [7, с. 123].

Список литературы:

1. Зажицкий В.И. О направлениях совершенствования уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 4. С. 3–9.

2. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593.

3. Манова Н.С. Роль суда в состязательном уголовном судопроизводстве // Судебная реформа как инструмент совершенствования правосудия: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию судебной реформы в Российской Федерации (г. Пенза, 21 октября 2016 г.) / под ред. В.А. Терехина. Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. С. 21–25.

4. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: Проспект, 2006. 189 с.

5. Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества / под ред. О.А. Зайцева М., 2015. 347 с.

6. Пиюк А.В. К вопросу о роли суда в доказывании в современном уголовном процессе Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2017. № 9. С. 42–45.

7. Суховерхова М.А. Роль суда в доказывании по уголовным делам // Право и государство: теория и практика. 2006. № 2. С. 123–126.

8. Трунов И., Трунова Л. Суд не должен добывать доказательства // Российская юстиция. 2001. № 9.

9. Холоденко В.Д. О совершенствовании механизма правового регулирования деятельности суда по собиранию и проверке доказательств // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 170–176.

Брянская Е.В.
к.ю.н.,
Сочинский институт (филиал) РУДН,
г.Сочи
veret.1976@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ПОЛНОЗНАЧНОГО ЭТАПА ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация*: в данной статье приводится обоснование необходимости выделения в качестве самостоятельного этапа процесса доказывания – исследование доказательств. В частности, приводятся доводы взаимообусловленности исследования, проверки и оценки в процессе доказывания. Автором представлен взгляд о том, что полноценной проверке и оценке доказательств предшествует их исследование. Без познания сведений, подлежащих доказыванию, без изучения их содержательной части, невозможно говорить о полноценности процесса доказывания по уголовному делу.*

Ключевые слова*: доказывание, доказательства, этапы процесса доказывания, исследование доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств, источники доказательств.*

Bryanskaya E.V.
Ph.D(Law),
Sochi Institute (branch) of RUDN

ON THE QUESTION OF THE NEED FOR LEGISLATIVE REGULATION OF THE STUDY OF EVIDENCE AS A FULL-FLEDGED STAGE OF THE PROOF PROCESS

Abstract*: this article provides a rationale for the need to allocate as an independent stage of the process of proof – the study of evidence. In particular, the arguments of the interdependence of research, verification and evaluation in the process of proof are presented. The author presents the view that the full verification and evaluation of evidence is preceded by their study. Without knowledge of the information to be proved, without studying their content, it is impossible to talk about the usefulness of the process of proof in a criminal case.*

Keywords*: proof, evidence, stages of the proof process, study of evidence, verification of evidence, evaluation of evidence, sources of evidence.*

В России концепция уголовного судопроизводства основана на состязательных началах. Не будем исключать того, что данный вопрос спорный, поскольку на досудебных стадиях преобладает розыскной тип, в судебных мы уже можем лицезреть определенное проявление состязательных начал. Исторически принцип состязательности нашел свое воплощение в России благодаря англосаксонской системе права. И до сих пор в Англии и США исследование доказательств в суде является самым ярким проявлением принципов устности и состязательности сторон. При исследовании доказательств в Англии и в США в судебном исследовании доказательств переплетаются процессуальные правила, норма о доказательственном праве, психология, а также тактика и методика осуществления процессуальных действий [6, с. 160].

В России состязательность сторон, судя по проведенному анализу юридической литературы, имеет следующие черты: активность адвокатов, доходящая порой до агрессивности, особенно при перекрестных допросах свидетелей; явный приоритет свидетельских показаний над письменными и вещественными доказательствами; разработанность специальных методик подрыва доверия к показаниям свидетелей; наглядность в исследовании доказательств; активное использование психологических приемов для убеждения судьи и присяжных в своей правоте; детальная разработанность техники допроса, «освежения памяти» свидетеля, заявления отводов…» [6, с. 152].

Нам бы хотелось в данной научной статье рассмотреть проявление состязательности уголовного судопроизводства в свете такого этапа процесса доказывания, как исследование доказательств.

Представляет интерес то, что классик науки Р.С. Белкин в своих научных трудах под исследованием доказательств понимал всю деятельность органов дознания, следствия, суда, осуществляемую с целью установления истины по конкретному уголовному делу. Под исследованием рассматривался комплекс действий различных специально на то управомоченных государственных органов, объединенных единой целью; эти действия протекают в рамках уголовного процесса. Особенности исследования видятся в специфике использования доказательств. Смысл заключается в том, что доказательства могут быть получены только из специальных, предусмотренных законом источников, в том, что они должны относиться к предмету судебного исследования, в том, что должна существовать реальная возможность их проверки [1, с. 12].

В современной литературе авторами неоднократно представляются идеи алгоритма исследования доказательств, методик исследования доказательств. И все же рассуждать об устоявшейся методике исследования доказательств по конкретным уголовным делам не приходится. Все вопросы в полной мере отдаются на внутреннее убеждение суда, а как оно формируется, известно одному Богу. К сожалению, судьи не дают мотивировок или обоснований по результатам исследования доказательств. В этой связи представилось совершенно справедливым мнение Д.В. Занькина, который полагает: «…в суде все гораздо сложнее. Причем эти сложности усугубляются отсутствием однозначного подхода к праву суда на активную позицию в уголовном судопроизводстве. Тем более что помимо самого суда в судебном заседании, как правило, имеют активную позицию и другие

участники как со стороны обвинения, так и со стороны защиты» [3, с. 20].

В любом случае стороны, органы, на которые возлагается бремя доказывания, суд должны располагать знанием значимых сторон предмета. Прежде чем оценить доказательство нужно познать его сущность.

В этой связи мы с полной уверенностью можем полагать то, что исследование доказательств – это мыслительная деятельность правоприменителя. Наглядным примером может служить назначение и производство экспертизы. Так, прежде чем назначить производство экспертизы по уголовному делу, дознаватель, следователь, судья познают имеющиеся сведения по уголовному делу и на основании УПК РФ назначают производство экспертизы, которая своей целью ставит исследование доказательств посредством специальных познаний.

Экспертное исследование выступает способом познания сущности доказательства тогда, когда свойства явления, отношения и связи, существующие как внутри доказательства, так и между данным доказательством и другими сведениями по уголовному делу, не могут быть установлены простым рассмотрением доказательства, ознакомлением с ним. В этой связи профессор Р.С. Белкин справедливо и верно отмечает: «Разумеется, экспертное исследование не единственный способ исследования доказательств: его надлежит применять только тогда, когда познание содержания доказательства невозможно без привлечения специальных познаний в области естественных, гуманитарных или технических наук, которыми не располагает следователь или судья либо которые он не может применить в силу законодательных предписаний или своего процессуального положения» [1, с. 52].

Производство экспертизы – это следственное действие, поэтому подготовка и назначение экспертизы имеют процессуальные особенности, от которых зависит результат любой судебной экспертизы.

В практической деятельности традиционно включают в процесс подготовки к назначению экспертизы следующие элементы: выбор экспертного учреждения и эксперта, сбор материалов и объектов для экспертного исследования, вынесение постановления и формулировка вопросов эксперту, взаимодействие следователя с экспертом в процессе производства экспертизы [4, с. 78]. Должны иметь место фактические основания для назначения экспертизы.

Рассмотрим пример из судебной практики, когда по уголовному делу после осмотра места происшествия и допроса подозреваемого, в совокупности исследованных доказательств, были сделаны выводы о необходимости предъявлении обвинения К. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132, п.п. «а», «в», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако, для того, чтобы обосновать наиболее полно основательность обвинения, следователем было принято решение о назначении целого ряда экспертиз.

Кратко представим картину происшедшего. 16 апреля 2013 г. двое несовершеннолетних пришли к своему давнему знакомому К., «который вызывал у них доверие, с интересом общался с детьми, регулярно приглашал их в гости на чай». В один из таких дней этот знакомый совершил акты мужеложства с детьми (5 и 7 лет), после чего в целях сокрытия следов преступления, убил детей путем удушения. После совершения убийства малолетних, К. с «целью скрыть следы совершенного преступления, вооружившись имеющимся у него с собой ножом, вырезал у малолетних часть прямой кишки в районе анального отверстия, после чего вынес трупы в поле, расположенного рядом с местом преступления».

В процессе изучения первоначального допроса подозреваемого К. для нас было очевидным то, что показания достаточно ясные, адекватные и нет оснований полагать, что данный подозреваемый может иметь отклонения психического характера. Однако, после проявления активности защитника подозреваемого К., следователем был проведен дополнительный допрос, по тексту которого очевидны, что К. «преследуют голоса, дающие команды совершать насильственные действия, что он систематически выходит в энергетический астрал, с интересом одевает нижнее женское белье, которое наполняет его женской энергетикой» и т.д. В итоге, у следователя сложилось впечатление о психических отклонениях допрашиваемого, в результате чего была назначена стационарная сексолого-психолого-психиатрическая экспертиза. Эксперты пришли к выводу и сделали заключение о наличии хронического психического расстройстве в форме паранойной шизофрении. Данное заключение легло в основу применения в отношении подсудимого К. принудительных мер медицинского характера.

Следователь по своему умозаключению принял решение о назначении экспертизы. В данном случае мы видим необходимость и обязательность назначения комплексной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы.

Прежде чем решить вопрос о причастности К. к совершению деяния, следователем были назначены и такие следующие экспертизы: восемь генетических экспертиз, в том числе и дополнительных, трасологические экспертизы, медико-криминалистические, дактилоскопические [8], выводы которых основаны на специальных познаниях квалифицированных экспертов. Назначение каждой из перечисленных экспертиз, это результат познания, изучения доказательств по данному уголовному делу. Без предпосылок и надлежащих оснований подобного рода экспертизы не целесообразны.

Анализируя материалы данного уголовного дела и последовательность действий и решений следственной группы, судьи, рассматривающего уголовное дело, можно полагать, что исследование доказательств – это целенаправленное познание, результаты которого выступают в виде системы выводов.

В результате изучения приведенного уголовного дела, характеризуя процессуальное исследование доказательств, можно выделить следующие признаки исследования: во-первых, наличие целенаправленности, которое вызывает необходимость постановки задач для достижения целей; во-вторых, задачи исследования доказательств четко сформулированы и понятны, которые изложены, в частности, в мотивировочной части поста-

новления о продлении сроков предварительного расследования; в-третьих, исследование доказательств всегда направлено на поиск новой информации, имеющей отношение к совершенному деянию; в-четвертых, исследование доказательств позволяет построить следственные версии и выработать четкий план следственных действий; в-пятых, если реализация процессуальных и следственных действий отличается системностью, которая возможна только при полном исследовании доказательств, мы осуществляем исследование в логической последовательности.

В этой связи для нас очевидно существование такого этапа в процессе доказывания, как исследование доказательств, что требует регламентации в УПК РФ. Более того, при изучении 500 протоколов судебных заседаний по уголовным делам, очевидно и зафиксировано такое процессуальное действие, как «исследование письменных доказательств», что позволяет нам рассуждать о самостоятельности такого этапа процесса доказывания как исследование.

Изученные заключения экспертов, следователем или судьей, приобретают силу убедительных аргументов, в силу которых можно делать вывод о причастности или непричастности лица к совершенному деянию, о его виновности или невиновности.

Как правило, исследование заключений экспертов является предпосылкой обоснования мотивировочной части приговора по уголовному делу. Порою именно заключения экспертов являются наиболее весомыми, убедительными факторами, оказывающими влияние на внутреннее убеждение судьи.

Примечательно и то, что Верховный Суд РФ особое значение придает исследованию доказательств. Более того, проверка и исследования – два не подменяющие друг друга этапы процесса доказывания. Проверка доказательств всегда обусловлена предыдущим исследованием. В частности, Верховный Суд РФ писал о проверке имеющихся в уголовном деле доказательств, как тех доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции. Исследование и проверка доказательств судом вышестоящих инстанций сводятся к изучению материалов уголовного дела. Например, пределы проверки в суде апелляционной инстанции обусловлены исследованием доказательств судом первой инстанции в судебном следствии.

В частности, в свете ст. 389.27 УПК РФ основаниями отмены или изменения судебных решений, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей либо в особом порядке, предусмотренном гл. 40 и 40.1 УПК, являются основания, предусмотренные п. п. 2–4 ст. 389.15 УПК РФ. Таким образом, эта категория дел подлежит проверке в суде апелляционной инстанции только по вопросам права, вопросы факта, как правило, требующие исследования доказательств, предметом пересмотра таких приговоров не являются [5].

Поскольку нас по большей части интересует особенность исследования доказательств в суде, поэтому нужно отметить, что исследование доказательств производится в полном судопроизводстве, в процессе судебного следствия.

В этом случае нужно остановиться на следующих моментах. Судебное следствие – это основная часть судебного разбирательства, в которой суд и стороны в условиях устности, гласности, непосредственности, состязательности и равноправия сторон, а также наиболее полного осуществления других принципов процесса исследуют все имеющиеся доказательства в целях установления фактических обстоятельств дела и его справедливого разрешения [7, с. 30].

Возьмем в качестве примера производство по делам несовершеннолетних. Обратим внимание на то, что у несовершеннолетних обостренное чувство справедливости, поэтому судебное следствие необходимо проводить не формально, а с подробным исследованием доказательств, так, чтобы несовершеннолетний подсудимый понимал сущность всех проводимых в суде действий. Заметим, судья вправе в ходе судебного следствия, не предрешая исхода дела, давать подсудимому некоторые разъяснения и комментарии по обстоятельствам, исследуемым в суде в качестве доказательств. В определенной степени исследование и подробное изучение, последующая оценка доказательств, имеют шансы на воспитательное воздействие в адрес несовершеннолетнего.

Именно поэтому в ходе судебного следствия большое значение должно придаваться исследованию обстоятельств, способствовавших совершению преступлений несовершеннолетними, а также их причин. Учет данных факторов предназначен и для формирования воспитания граждан в судопроизводстве, направлен на полноценное изучение, познание, всех обстоятельств уголовного дела. При реализации такого направления необходимо придерживаться видов причин и условий, на специфике разграничения этих понятий. Судьям и стороне обвинения целесообразно обращать внимание на причины конкретного преступления, обусловленные мировоззрением лица, системой его ориентации и потребностей, а также на условия, способствовавшие совершению преступления, относящиеся, в первую очередь к личности подсудимого.

Гарантией исследования доказательств выступает непосредственность судебного разбирательства [1, с. 50]. И в заключение хотелось бы снова вернуться к воззрениям Р.С. Белкина: «В процессе исследования доказательств протекает процесс познания содержания доказательства. Процесс познания заключается в проникновении в сущность доказательств, протекает по общим диалектическим законам перехода в познании объекта от явлений к его сущности и от сущности к его явлениям. Познанию сущности доказательства предшествует наблюдение, восприятие самого факта, служащего доказательством, его явления, восприятие информации о факте» [2]. Стало быть, исследование доказательств заслуживает придания значимости этапа процесса доказывания. Именно поэтому мы считаем, что исследование доказательств должно расцениваться не как составляющий элемент проверки и оценки доказательств, а как самостоятельная фаза в процессе доказывания. Из чего следует возможность внесения дополнения в ст. 85 УПК РФ: «доказывание состоит в собирании, исследовании, проверке и оценке доказательств в целях установления

обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса». Такое законодательное положение будет перспективой не только акцентуализации познавательной деятельности органов уголовного преследования и суда, но и позволит расшить толкование сущностного значения отдельных источников доказательств.

Список литературы:

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. 528 с.
2. Васяев А.А. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде апелляционной инстанции [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.12.2019).
3. Занькин Д.В. Активность суда в процессе доказывания при судебном рассмотрении уголовных дел о мошенничестве при получении выплат // Российский судья. 2017. № 5. С. 19–22.
4. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2000. 990 с.
5. Панов С.В., Карпов И.П. Проблемы исследования доказательств в апелляционном производстве по уголовным делам // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.12.2019).
6. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург: УрГЮА, 1997. 240 с.
7. Селедкина Н.А. Судебное следствие в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 223 с.
8. Уголовное дело № 2-108/2014 // Архив Иркутского областного суда за 2014 год.

Бурмагин С.В.

к.ю.н., доцент, старший научный сотрудник
НЧОУ ВО «Северный институт предпринимательства»,
г. Архангельск
serburmagin@yandex.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕБНО-КОНТРОЛЬНЫХ И СУДЕБНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ УГОЛОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ

Аннотация*: в статье поднимается проблема отсутствия правовой регламентации уголовно-процессуального доказывания при осуществлении судебно-контрольных и судебно-исполнительных производств. Доказывание в этих производствах имеет определенную специфику, обусловленную особым назначением и предметом этих производств. Отмечаются особенности предмета и пределов доказывания, а также использования средств доказывания.*

Ключевые слова*: уголовный процесс, судебные производства, судебный контроль, доказательства, процессуальное доказывание.*

Burmagin S.V.

Ph.D(Law), Associate Professor, Senior Researcher,
Northern Institute of entrepreneurship,
Arkhangelsk

ABOUT FEATURES OF PROOF IN JUDICIAL-CONTROL AND JUDICIAL-EXECUTIVE CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract*: the article raises the problem of the lack of legal regulation of criminal procedural proof in the implementation of judicial-control and judicial-executive proceedings. Proof in these proceedings has a certain specificity, due to the special purpose and subject of these proceedings. The features of the subject and limits of proof, as well as the use of means of proof, are noted.*

Keywords*: criminal proceedings, judicial proceedings, judicial control, evidence, procedural proof.*

Теория судебных доказательств составляет важную часть отечественной науки уголовно-процессуального права и заслуженно занимает в ней центральное место, охватывая все стадии и институты уголовного судопроизводства. В тоже время нельзя не отметить, что научная разработка вопросов доказывания осуществляется главным образом в отношении производства (расследования и судебного рассмотрения) уголовных дел. Между тем эволюция российского уголовного судопроизводства с 90-х годов прошлого столетия идет по пути расширения задач и функций уголовного правосудия, дифференциации процессуальной формы на фоне общего усложнения уголовно-процессуальной деятельности, вызванного укреплением в ней правозащитных механизмов и усилением гарантий прав личности, что привело к становлению и развитию в системе уголовного процесса обособленных от уголовного дела судебных производств: *судебно-контрольных*, осуществляемых в досудебных стадиях уголовного процесса, и *судебно-исполнительных*, ведущихся по поводу рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора или иного судебного решения [3].

Рассмотрение судебно-контрольных дел и дел по вопросам исполнения приговора, так же как и разбирательство уголовных дел, сопряжено с установлением фактической основы дела, т. е. тех фактических обстоятельств, которые составляют предусмотренное законом основание для судебного решения по основному правовому вопросу, поставленному перед судом в соответствующем уголовном производстве. При этом не вызывает сомнений, что установление фактов в процессе рассмотрения любого судебного дела, т. е. их процессуальное познание, возможно не иначе как посредством доказательственной деятельности с применением специальных процессуальных средств доказывания.

Российский законодатель традиционно установил доказательства и подробно регламентировал процесс доказывания по уголовному делу (раздел III УПК РФ), но вопреки насущной потребности практически не уре-

гулировал вопросы доказывания применительно к иным судебным производствам, что порождает неопределенность в правовом регулировании доказательственной деятельности суда и сторон, создает трудности в правоприменительной практике по рассмотрению дел судебного контроля и дел по вопросам исполнения приговора. Данные пробелы отчасти компенсируются судебной практикой, которая на основе толкования конституционных принципов правосудия и прав человека, аналогии уголовно-процессуального закона и права, применения общепризнанных стандартов доказывания выработала определенные правовые подходы и позиции, ориентирует на них законодателя, но при отсутствии глубоко проработанной теоретической основы законодательные упущения не могут быть успешно и полностью устранены.

Представляется, что доктринальная разработка проблем доказывания в судебно-контрольных и судебно-исполнительных производствах – одно из перспективных направлений развития теории доказательств, которая должна расширить свои границы и охватить процессы познания и доказывания в особых судебных производствах, ведущихся в досудебных стадиях и в стадии исполнения приговора.

Иные судебные производства в уголовном процессе имеют собственные специфические задачи и особый предмет судебного рассмотрения. Так, в судебном контроле суд рассматривает не уголовное дело, а процессуальное обращение заинтересованного субъекта (постановление-ходатайство должностного лица органа уголовного преследования или жалобу частного лица) по вопросу ограничения или нарушения в ходе основного уголовного производства индивидуальных прав и свобод и проверяет конкретные действия (бездействие) и решения органа уголовного преследования на предмет их законности и обоснованности (части 2 и 3 ст. 29 УПК РФ). В судебно-исполнительном производстве суд рассматривает обращение (представление органа, исполняющего приговор или иное судебное решение, или заявление-ходатайство осужденного или реабилитированного) по вопросу, связанному с исполнением приговора или иного судебного решения (статьи 397–398 УПК РФ). В обоих типах производств перед судом стоят задачи, не связанные с установлением факта преступления и решением вопросов уголовной ответственности и наказания лица, совершившего общественно-опасное деяние.

Своеобразие предмета и целевого назначения рассматриваемых судебных производств детерминирует особенности судебного разбирательства по такого рода судебным делам и в первую очередь – специфику познавательно-доказательственной деятельности, которая выражается в уникальности предмета и пределов доказывания, неразвитости и необычности средств доказывания, их нестандартном использовании.

Как известно, предмет доказывания отвечает на вопрос, что необходимо установить при производстве по делу в целом, а пределы доказывания определяет границы доказательственной деятельности, которые обеспечивают «меру знаний субъекта доказывания об обстоятельствах дела, которая достаточна для принятия процессуального решения данного вида» [5, с. 182]. В обобщенном виде предмет познания по делам судебного контроля[1] включает в себя фактические обстоятельства, позволяющие исчерпывающим образом судить о законности-незаконности и обоснованности-необоснованности произведенных или запрашиваемых следователем, дознавателем процессуальных действий (следственных действий или мер процессуального принуждения) и принятых ими и иными должностными лицами[2] процессуальных решений, ограничивающих конституционные права и свободы личности. Обстоятельства, входящие в предмет доказывания по судебно-контрольным делам, в большинстве своем возникают в рамках уголовно-процессуальных отношений, существующих в связи с ведущимся уголовным производством (факт отказа в возбуждении уголовного дела, факт уклонения подозреваемого от явки к следователю), но могут появляться и существовать вне зависимости от производства по делу (факт нахождения предмета преступления в жилище, факт наличия у обвиняемого судимости).

При этом пределы судебного исследования (доказывания) обстоятельств конкретного ограничения (нарушения) прав и свобод определяются границами проверяемого процессуального действия (бездействия) либо сферой воздействия оспоренного решения и лимитируются требованиями, изложенными в соответствующем процессуальном обращении (ходатайстве, жалобе) стороны, инициировавшей процедуру судебного контроля.

В судебно-исполнительных производствах предмет познания и доказывания еще более многообразен ввиду множественности и разнородности разрешаемых в порядке ст. 399 УПК РФ правовых вопросов. В самом общем виде его можно сформулировать как совокупность обстоятельств, дающих основание для восстановления прав реабилитированного, либо изменения правового режима ограничения прав и свобод осужденного, либо иной корректировки исполнения приговора или иного судебного решения.

Характер подлежащих установлению обстоятельств здесь также неоднороден. В один случаях эти обстоятельства связаны с производством по уголовному делу, их можно обозначить как «процессуальные факты» (факт незаконного содержания под стражей или факт незаконного осуждения), в других – факты «материального свойства», которые влияют на исполнение приговора или иного судебного решения и возникают как до вступления решения в силу (например, беременность осужденной), так и после (например, факт уклонения условно осужденного от исполнения возложенных судом обязанностей или факт ухудшения материального положения осужденного к исправительным работам). Обстоятельства второго типа составляют большинство, предстают элементами материальных (уголовных или уголовно-исполнительных) правоотношений и определяются нормами УК РФ

[1] Судебно-контрольные производства весьма разнообразны, и в каждом из них предмет доказывания имеет индивидуальное и более конкретное содержание, подробно осветить каждое из них не позволяют ограниченные объемы настоящей публикации.

[2] Прокурором, руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания.

и УИК РФ. Общим для всех обстоятельств свойством является их способность выступать фактическими основаниями, с наличием которых закон связывает принятие судебных решений по вопросам, предусмотренным статьями 397–398 УПК РФ.

Пределы доказывания по большинству дел судебно-исполнительных производств, в силу действия принципа состязательности судопроизводства, также ограничены существом вопроса, разрешаемого судом, и правовыми требованиями обратившейся в суд стороны. Так, например, при рассмотрении представления уголовно-исполнительной инспекции об отмене по основаниям ч. 3 ст. 74 УК РФ условного осуждения и исполнении наказания суд не должен устанавливать факты, выходящие за круг обстоятельств, перечисленных в данной норме в качестве оснований отмены условного осуждения, и не указанные в представлении органа исполнения наказания.

УПК РФ не содержит прямого указания на то, посредством каких доказательств следует устанавливать обстоятельства, входящие в предмет судебного разбирательства (предмет доказывания) по делам судебного контроля и «судебно-исполнительным» делам, и не устанавливает для них какие-либо особые, отдельные доказательства, помимо общеопределенных в ст. 74 УПК РФ видов доказательств. А между тем использование этих доказательств в выделенных нами судебных производствах весьма ограничено и специфично в сравнении с производимым по уголовному делу судебным следствием.

По делам судебного контроля суду в обязательном порядке предоставляются материалы уголовного производства, подтверждающие законность и обоснованность проверяемого действия или решения[1]. Такие материалы, как правило, представляют собой копии материалов уголовного дела: протоколов следственных действий, закрепляющих полученные органом расследования доказательства по делу, копии процессуальных решений и иных, собранных следователем (дознавателем) процессуально-следственных документов. Те или иные документы, имеющие юридическое значение для разрешения судебно-контрольного дела, могут быть представлены сторонами и непосредственно в судебном заседании. Таким образом, в судебно-контрольных производствах из всего присутствующего в уголовном процессе арсенала доказательств используются такие их виды как протоколы следственных действий (в копиях) и документы. При этом, ввиду того, что судебное разбирательство направлено на проверку законности процессуальной деятельности органов уголовного преследования, в качестве доказательств (иных документов) принимаются копии процессуальных документов, удостоверяющих тот или иной факт из цепочки событий и действий, составляющих ведущееся по уголовному делу предварительное производство.

[1] Часть 3 ст. 108 УПК РФ прямо предписывает следователю, дознавателю представлять такие материалы с ходатайством об избрании меры пресечения. По остальным видам судебного контроля подобная обязанность сформировалась в ходе развития судебной практики как коррелирующая правомочию суда проверять как законность, так и обоснованность соответствующего действия или решения следователя [1, с. 73-74; 2].

При рассмотрении дел по вопросам, связанным с исполнением приговора, суд не использует доказательства, полученные в ходе производства по уголовному делу, поскольку такие судебные дела не направлены на выяснение или проверку обстоятельств, установленных в основном производстве и послуживших фактическими основаниями для вынесения приговора или иного судебного решения. Для целей судебно-исполнительных производств в качестве документов-доказательств, подтверждающего факты оправдания, осуждения и назначения наказания, назначения принудительных мер медицинского характера, назначения принудительных мер воспитательного воздействия, из материалов уголовного дела обычно востребованы только приговоры, иные итоговые постановления суда первой инстанции и решения вышестоящих судебных инстанций по результатам проверки этих решений.

Для установления обстоятельств, могущих послужить основанием для принятия решений по вопросам, предусмотренным статьями 397–398 УПК РФ, судом используются в основном документы, представленные обратившимся в суд заинтересованным субъектом либо иным участником судебного разбирательства и полученные непроцессуальным путем. В отличие от уголовных дел и дел судебного контроля здесь отсутствуют доказательства, собранные и сформированные уполномоченным лицом до обращения в суд. «Все доказательства формируются в ходе судебного заседания посредством познавательного процесса, осуществляемого в ходе уголовно-процессуальной деятельности суда и иных участников процесса. В результате этой деятельности происходит преобразование сведений (информации), нашедших отражение в имеющихся материалах, представленных в суд, в соответствующую процессуальную форму» [4, с. 31].

В ходе судебно-контрольных и судебно-исполнительных производств, что характерно, нередко практикуется опрос (заслушивание) в судебном заседании по имеющим значение вопросам сведущих лиц, в качестве которых могут быть опрошены подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный, потерпевший, свидетели и даже следователь, дознаватель и другие должностные лица. Объяснения таких лиц, строго говоря, не являются доказательствами, если они взяты судом без соблюдения процедуры, предусмотренной УПК РФ для допросов (ст. 274–280), но ввиду отсутствия четкой регламентации познавательно-доказательственной деятельности по рассматриваемым типам уголовных производств суды придают содержащимся в таких объяснениях сведениям доказательственное значение.

Несмотря на отсутствие должной законодательной регламентации исследовательской части судебных разбирательств по вопросам судебного контроля и исполнения приговора, исследование доказательств судом все же производится: письменные материалы и документы оглашаются, объяснения лиц заслушиваются, содержащейся в этих источниках сведения о подлежащих установлению обстоятельств оцениваются в совокупности, при необходимости проверяются и используются при принятии результирующего решения. По аналогии с пра-

вилами рассмотрения уголовных дел фактические обстоятельства, установленные в результате разбирательства судебно-контрольного дела или дела по вопросу исполнения приговора, кладутся в основу итогового решения суда лишь при отсутствии сомнений в их достоверности с обязательным указанием на источник этих сведений, который также проверяется на предмет допустимости (подлинности).

Следует также отметить различную степень доказанности обстоятельств дела, которая требуется для обоснования судебных решений, принимаемых по различным видам производств. Разрешение вопросов на основе свершившихся фактов (болезнь осужденного или нарушение им режима содержания) чаще требует достоверного их познания и, соответственного высокой степени доказанности. Принятие решений с учетом обстоятельств, наступление которых предполагается в перспективе, допускается при достижении о них вероятностного знания (обвиняемый может скрыться или совершить новое преступление). Меньшая степень доказанности (точности знаний) о подлежащих установлению обстоятельств более характерна для судебно-контрольных дел (например, производства по ст. 108-109, 165 УПК РФ), что объясняется оперативностью их проведения при одновременном дефиците полной и достоверной информации на начальных этапах производства по уголовному делу, от которого оно – дело судебного контроля – производно.

Обозначенные нами, но далеко не исчерпывающим образом, особенности судебно-контрольных и судебно-исполнительных производств требуют их дальнейшего изучения и учета при правовом регулировании уголовно-процессуального доказывания.

Список литературы:

1. Бурмагин С.В. Рассмотрение судом ходатайств о производстве следственных действий и уведомлений об их проведении (комментарий к судебной практике) // Российское правосудие. 2006. № 2. С. 66–84.

2. Бурмагин С.В. Судебное рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (Комментарий к обзору практики судов Архангельской области) // Юридический мир. 2004. № 12. С. 79–86, 2005. № 1. С. 80–87.

3. Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. 2019. № 2. С. 146–159.

4. Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. 51 с.

5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.

Кшиштоф Вожьневский

д.ю.н., профессор,
Гданьский государственный университет,
Гданьск, Польша

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША

Аннотация*: в свете понятий доказательного права автор рассматривает сущность криминалистического анализа преступлений и приходит к выводу, что его результаты, представленные в виде отчета, а также иных процессуальных документов, могут лечь в основу принимаемых процессуальных решений. Тем самым они являются одним из косвенных доказательств в польском уголовном процессе.*

Ключевые слова*: доказывание и доказательства в польском уголовном процессе, криминалистический анализ преступления, использование результатов криминалистического анализа преступлений в доказывании по уголовным делам.*

Krzysztof Wozniewski

Dr.Sci(Law), Professor,
Gdansk state University,
Gdansk, Poland

EVIDENTIARY VALUE OF FORENSIC ANALYSIS OF CRIMES IN THE REPUBLIC OF POLAND

Abstract*: in the light of the concepts of evidence-based law, the author considers the essence of the forensic analysis of crimes and concludes that its results, presented in the form of a report, as well as other procedural documents , can form the basis of procedural decisions . Thus, they are one of the indirect evidence in the Polish criminal process.*

Keywords*: proof and evidence in Polish criminal proceedings, forensic analysis of crime, using the results of forensic analysis of crimes in proving criminal cases.*

В течение двух последних десятилетий в деятельность органов предварительного следствия Республики Польша прочно вошло понятие «криминалистический анализ преступного деяния», под которым подразумевается совокупность действий, позволяющих установить и исследовать факты и обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к расследуемому преступлению[1]. Указанный анализ выступает в уголовном процессе

[1] Понятие «Analizakryminalna» в Республике Польша включает в себя, в том числе, оценку процессуальной эффективности действий уполномоченных лиц и оформляется специальным процессуальным документом. История развития данного понятия в американской и европейской науке уголовного процесса исследована в работах A. Saj Wykorzystanie analizy kryminalnej w procesie karnym (w:) Przesieps i uia rzadko podejmowane przez organy ścigania. Aspekty kryminalistyczne, materialno prawne i procesowe, red. M. Trybus, T. Will, Rzeszyw. 2013. S. 264.

Республики Польша средством доказывания. Под доказыванием в польском уголовном процессе понимается деятельность, направленная на познание объективной действительности, а равно установление фактов, необходимых для вынесения обоснованного судебного решения по делу, либо определенная процессуальная деятельность по собиранию, процессуальному оформлению, представлению и оцениванию доказательств [1, с. 48]. В связи с этим значимым представляется вопрос о том, каково же доказательственное значение криминалистического анализа преступного деяния?

Понятие «доказательство» в сфере уголовного процесса является одним из наиболее дискуссионных. Начиная со второй половины прошлого столетия, в польской специальной литературе существовало не менее девяти подходов к его пониманию [10], но в практической юриспруденции закрепилось четыре его интерпретации:

- доказательство как источник доказательственной информации, т.е. человек или вещь содержащие в себе сведения о преступлении;
- доказательство как процессуальный документ о факте, подлежащем доказыванию;
- сам процесс доказывания (postępowanie dowodowe);
- конечный результат процесса доказывания, который преследует целью формирование обоснованного представления относительно определенных фактов окружающей действительности, представляющих предмет уголовного процесса.

В специальной польской литературе предпринимались неоднократные попытки определения криминалистического анализа преступления, основанные на квази-правовом понимании, содержащемся в Постановлении № 16PF Главного Управления Полиции 2002 года[1], более известном, как Инструкция по проведению оперативно-розыскных действий. В соответствии с данным документом, криминалистический анализ преступления – это «поиск и идентификация связей между информацией о преступлении или преступнике с данными из других источников в оперативно-розыскных целях». Однако в доктрине уголовного процесса понятие криминалистического анализа преступления принято рассматривать комплексно. Так, В. Игначак определяет указанный анализ, как метод работы полиции, основанный на последовательном и системном поиске связей между информацией о преступлении и иными доступными данными, которые являются основой принимаемых процессуальных решений [6, с. 8].

Е. Груза подчеркивает значимость определения, принятого международной организацией уголовной полиции (Интерполом), согласно которому криминалистический анализ заключается в последовательном и организованном поиске и процессуальном оформлении обстоятельств, касающихся преступления, и других, имеющих значение для расследования дела фактов, которые будут основой для принятия решений по существу дела [4, с. 72; 5, с. 22].

[1] Definicja z 2002 r. uległa zmianie w 2006 r., ale zmiany polegały na językowych precyzacjach, gdzie przestępstwo słusznie zastąpiono czynem zabronionym, a możliwość wykorzystania jej wynikyw zredukowano do prowadzonych spraw operacyjnych.

П. Хлебович частично склоняется к американской позиции в данном вопросе, цитируя определения, приведенные в коллективной монографии «Уголовно-правовой анализ преступления: от сообщения о преступлении до ареста», где указанная категория рассматривается довольно широко: в качестве деятельности по обработке значительного количества информации, полученной из различных источников, с целью исследования обстоятельств и фактов, которые касаются конкретного уголовного дела, а также сбора и упорядочения доказательств по определенным правилам (хронологическим, структурным) для получения как можно более полной, целостной картины исследуемого преступного деяния [2, с. 33; 3].

В качестве одного из новейших подходов в изучении криминалистического анализа преступлений может быть названа дефиниция доктора М. Габриэль-Венгловского: криминалистический анализ преступления, основывается на процессуальных доказательствах, а также на структурированном (исчерпывающем и понятном) описании фактов (или информации о предполагаемых фактах), а также на основании корреляции между этими фактами (синтез), равно как и возможной корреляцией между имеющимися доказательствами; частью данного анализа является использование указанных фактов и информации в форме процессуальных документов, являющихся процессуально-оформленными доказательствами. На первый взгляд может показаться, что автор отождествляет аналитическую деятельность с ее результатом; но вместе с тем он метко отмечает, что об анализе, как форме познания окружающей действительности, можно говорить в двух смыслах – как мыслительном процессе и как результате этого процесса (аналитический документ).

Определенную помощь в понимании доказательственной природы криминалистического анализа преступления может оказать его типология. В литературе в зависимости от предмета выделяется несколько видов криминалистического анализа. Вместе с тем для процессуалиста всегда будет интересен, в первую очередь, результат конкретных действий с точки зрения их ценности для построения фактологической базы процессуального решения. С этой точки зрения наиболее полезным является анализ конкретного преступного случая, который позволяет сформировать фактологическую базу по делу.

В контексте расследования конкретного уголовного дела полезным видится также анализ структуры преступных групп. Данный тип анализа предназначен для определения имеющихся внутри преступной группы отношений, распределения ролей между отдельными участниками, связи с внешними субъектами, финансирующими преступную деятельность и т.д.

К другим видам анализа относится:

- сравнительный анализ похожих уголовных дел, позволяющий выявить закономерности, возникающие в похожих преступлениях, что может указывать на участие одних и тех же лиц;
- анализ личности преступника, сконцентрированный на детальном рассмотрении личности конкретного преступника, особенностей его характера, а равно его физических, интеллектуальных и коммуникативных характеристиках;

• анализ ведения дела, целью которого является разработка механизмов, позволяющих избежать ошибок или восполнить имеющиеся недостатки в поиске доказательств. На практике этот анализ позволяет выявить, например, необоснованное затягивание процесса [2, с. 42].

Сущность анализа предстает здесь как мысленная операция, направленная на познание определенного фрагмента действительности в проводимом судебном или досудебном разбирательстве. Данный процесс представляет собой констатацию наличия причинно-следственной связи между релевантными событиями (фактами), которые могут лечь в основу принимаемых процессуальных решений.

Приведенное выше понимание криминалистического анализа, как представляется, соответствует одному из дефиниций «доказательства», сформулированного с. Сливинским. Согласно указанному подходу, принимаются во внимание функциональные свойства доказательств в уголовном процессе, что означает понимание доказательства как действия участника процесса, направленного на реализацию определенной процессуальной функции. Таким образом, криминалистический анализ преступления вполне может быть включен в систему средств доказывания [9, с. 574].

Однако неизбежно возникает вопрос о характере этой доказательственной деятельности. Представляется верным, что рассматриваемый анализ может осуществляться в рамках процессуальных действий; но чаще он осуществляется в рамках оперативно–розыскных мероприятий лицом, которое имеет в этой сфере соответствующие навыки. Эта аналитическая деятельность заключается в совершении мыслительных операций, необходимых для формирования соответствующей модели поведения.

Поиск корреляций (связей) между событиями и фактами осуществляется, прежде всего, на основании имеющихся документов, объектов или каких-либо других носителей информации, содержащих сведения, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому преступлению и являющиеся доказательствами в понимании Уголовно-процессуального кодекса Республики Польша.

В практике криминалистического анализа преступлений подобными документами часто выступают справки о соединениях абонента, которые составляются операторами телефонных сетей (стационарных и мобильных), и используются для установления личных связей между подозреваемыми (обвиняемыми), а также различная финансовая или корпоративная документация и т.п.

Таким образом, криминалистический анализ преступления, исследующий факты, связанные с событием преступления, выступает как специфическое действие в рамках процесса доказывания. Но при этом возникает вопрос о том, к каким доказательств – прямым или косвенным – надлежит отнести результаты рассматриваемого анализа? Полагаем, что фактические выводы, сделанные в рамках рассматриваемого анализа, если применить к ним классификацию доказательств, принятую в польском уголовном процессе, представляют собой косвенные доказательства. Это связано со структурой мыслительных операций, при которой исследователь делает выводы на основании имеющихся в деле документов (“facta indicans” или “facta probant” лат. «доказательственные факты»), понимаемых как предмет или носитель информации, являющийся доказательством обстоятельств, имеющих юридическое значение. Делая вывод об обстоятельствах преступления, исследователь дает свою субъективную оценку имеющимся материалам, что может быть охарактеризовано исключительно как косвенное доказательство.

Правильно проведенный криминалистический анализ преступления позволяет оценить фактические обстоятельства дела. По нашему убеждению, именно так следует оценивать значение результатов криминалистического анализа. Данное косвенное доказательство является результатом интеллектуальной деятельности, направленной на установление истины на основании фактов, не имеющих прямой связи с преступлением. Какправильно отмечает Р. **Кмечик, косвенные доказательства** входят в состав доказательственной базы и позволяют установить факты, имеющие отношение к рассматриваемому преступному деянию [7, с. 26]. Они во многом формируют убеждения, позицию участников уголовного процесса.

Результаты криминалистического анализа могут послужить основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий и даже в своей совокупности выступить обоснованием принимаемого судом окончательного решения по делу. Следует отметить, что доказательственное право Республики Польша устанавливает следующие правила использования косвенных доказательств:

1) косвенные доказательства должны в своей совокупности однозначно свидетельствовать о наличии или отсутствии факта преступления;

2) эта совокупность должна быть исчерпывающей, не допускающих построения иных версий события преступления:

3) отдельные косвенные доказательства как звенья этой цепи должны быть достоверно изучены.

Правом производить криминалистический анализ в рамках уголовного дела, исходя из положений § 1 ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Республики Польша, обладает каждый, кто располагает соответствующими знаниями и специальными навыками. На практике это, как правило, сотрудники органов предварительного следствия[1]. Вместе с тем полагаем, что лицо, производящее криминалистический анализ, не является специалистом, в понимании в § 1 ст. 205 польского УПК.

Результат криминалистического анализа оформляется в виде специального документа и, как правило, представляется вместе с актом обвинения, т.е. уже на судебных стадиях процесса. При этом в ходе судебного разбирательства заключение по криминалистическому анализу может быть представлено на основании ст. 393 § 1 УПК Республики Польша в качестве экспертного мне-

[1] Лица, занимающиеся криминалистическим анализом, – это, как правило, сотрудники полиции, прошедшие обучение в рамках Decyzja Nr 312 Komendanta Gływnego Policji z dnia 31 sierpnia 2014 r. w sprawie programu nauczania na kursie specjalistycznym z zakresu operacyjnej analizy kryminalnej (Dz.Urz.KGP.2014.58 z dnia 2014.09.04).

ния или в качестве другого процессуального документа, представленного на подготовительной стадии судебного разбирательства.

Таким образом, результат криминалистического анализа – это специфическое средство доказывания, заключающееся в установлении связей между конкретными фактами, которые позволяют сделать существенные для рассматриваемого дела выводы. В этом заключается доказательственное значение криминалистического анализа, который может быть представлен в различных процессуальных документах (заключения эксперта, рапорта, отчета).

В настоящее время, когда практически каждое действие граждан (в том числе, действие преступного характера) отображается в разного рода информационных системах, значимость криминалистического анализа невозможно переоценить. Он представляет собой не столько новый метод исследования фактов, сколько «эксклюзивную внутриполицейскую услугу», заключающуюся в поиске связей между конкретными фактами, какими, как правило, выступают различного рода данные (данные телекоммуникационных сетей, почтовые, банковские данные и т.п.). При этом, в рамках этой «услуги» применяются всевозможные приемы формальной логики, такие как редукция (объяснение, перевод) или дедуктивные умозаключения (например, силлогизм).

В свою очередь, различного рода программное обеспечение, которое используют исследователи в криминалистическом анализе, является лишь вспомогательным инструментом. Сам криминалистический анализ, не являясь, безусловно, новой отраслью юридической науки или новым типом процессуального доказательства, представляет собой лишь специфический метод исследования в рамках криминалистики. По этим причинам не представляется необходимым регулировать эту деятельность в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Польша.

Список литературы

1. Cieślak M. Zagadnienia do modowej dziennikarki. Warszawa, 1955.

2. Chlebowicz P., Filipkowski W. Analiza kryminalna. Aspekty kryminalistyczne i prawnodowodowe.Warszawa, 2011.

3. Gotlieb S., Arenberg S., Singh R. Crime analysis: From first report to final arrest.Montclair, 1994.

4. Gruza E., Goe M., Moszczynski J. Kryminalistyka – czyli rzecz o metodach śledczych. Warszawa, 2008.

5. Czarnecki S. Analiza kryminalna – narzędzie pracy Policji // Prokurator. 2007. № 1(29).

6. Ignaczak W. Wybrane zagadnienia analizy kryminalnej. Szczytno, 2005.

7. Kmiecik R. Prawo dowodowe. Zarys wykladu. Warszawa, 2008.

8. Osborne D., Wernicke S. Introduction to Crime Analysis: Basic Resources for Criminal Justice Practice. Routledge, 2003, S.1.R6wniez definicję analizy kryminalnej zamieszczony w opracowaniu przygotowan przez International Association of Crime Analysts (IACA) zatytulowanym Definition and Types of Crime Analysis, Standards, Methods, & Technology (SMT) Committee White Paper 2014-02. October 2014ю URL: http: / www.iaca.net/Publications/Whitepapers/iacawp_2014_02_definition_types_c rime_analysis.pdf.

9. Śliwiński S. Polski proces karny przed sądem powszechnym. Zasady ogylne. Warszawa, 1948.

10. Waltoś S., Hofmanski P. Proces karny. Zarys systemu, wyd. 13. Warszawa, 2016.

Перевод с польского: к.ю.н. преподаватель Гданьского государственного университета – Сибирцев Г.И.

Володина Л.М.

д.ю.н., профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
заслуженный юрист РФ,
г. Москва
lm.volodina@yandex.ru

ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА...

Аннотация*: понимая под доказыванием в уголовном судопроизводстве процесс познания, базирующийся на гносеологических закономерностях, автор отстаивает позицию, согласно которой достижение истины является гарантией справедливости. Состязательность в уголовном судопроизводстве – лишь инструмент, направленный на достижение истины.*

Ключевые слова*: уголовное судопроизводство, доказывание, истина, состязательность, защита прав человека.*

Volodina L.M.

Dr.Sci(Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Kutafin Moscow State Law Uniwersity,
Moscow

EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW...

Abstract*: understanding evidence in criminal proceedings as a process of cognition based on epistemological laws, the author defends the position according to which the achievement of truth is a guarantee of justice. Competitiveness in criminal proceedings is only a tool aimed at reaching the truth.*

Keywords*: criminal proceedings, evidence, truth, competition, protection of human rights.*

Доказывание в уголовном судопроизводстве – остов уголовно-процессуальной деятельности: получение информации об обстоятельствах совершенного преступления в рамках производства по уголовному делу есть

ничто иное, как приобретение знания о реальных событиях прошлого, интересующих субъектов доказывания с целью установления того, что произошло на самом деле. С позиций гносеологии доказывание в уголовном судопроизводстве подчинено общим закономерностям процесса познания, но, с другой стороны, как разновидность познания имеет, как известно, свои особенности, налагаемые на него задачами уголовного судопроизводства. В.К. Случевский писал: «В условиях судебной борьбы, интересов личности, затрагиваемых уголовным процессом», «эти интересы сосредоточиваются главным образом в лице интересов подсудимого, привлекаемого к уголовному суду, и в лице потерпевшего, пострадавшего от преступного посягательства. И те, и другие должны быть в достаточной мере гарантированы в том, что будут на уголовном суде ограждены правовыми средствами охраны и обеспечены относительно участия в деятельности уголовного суда по обнаружению материальной истины» [6, с. 54]. Это означает ни что иное, как обеспеченность судебного процесса доказательственной базой, позволяющей эффективно осуществлять защиту прав и интересов участников процесса, заинтересованных в исходе дела.

Определение назначения уголовного судопроизводства, через корректировку формулировки закона, как направленности на *защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, потерпевших от преступления, защиту интересов общества и государства; уголовное преследование лица, совершившего преступление; справедливое и беспристрастное правосудие; назначение справедливого наказания виновному, а также отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитацию* [3, с. 63], более точно, на наш взгляд, отражает реальное положение вещей. Доказывание в уголовном процессе должно быть направлено на установление истины как гарантии обеспечения справедливости для всех, чьи интересы государство обязано защищать. Но, прежде всего, выполняя обязанности по осуществлению правоохранительной функции, государство должно защищать права и законные интересы потерпевших, поскольку не выполнило своей обязанности по отношению к ним, не сумело предотвратить преступление и причинение им вреда. Одновременно требование защиты прав человека в уголовном судопроизводстве и справедливость принимаемого судебного решения надлежит понимать равнонаправленным на всех участников процесса, имеющих свой законный интерес в уголовном деле.

Процесс доказывания по уголовному делу предполагает собирание (получение) доказательственной информации в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, и, казалось бы, закон достаточно четко определяет эти требования. Тем не менее проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве активно обсуждаются с незапамятных времен на разных уровнях, и наиболее острые споры, в том числе, вызывала и вызывает проблема, связанная с характеристикой результата доказывания. Симптоматично, что в России представители разных юридических отраслей знания рассматривают процесс доказывания с гносеологических позиций, предполагающих результатом «познавания» объективной реальности установление истины. Так, П.Е. Спиридонов, обращаясь к анализу проблем доказывания в административном процессе, пишет: «Необходимо учитывать, что установление истины в процессе административно-процессуальной деятельности обусловливает гносеологический аспект административного процесса как вида практики» [6, с. 20-21]. «Принцип объективной истины, – утверждал С.С. Алексеев, – общий принцип юридического познания» [1, с. 530].

Непреложные юридические критерии знания, характеризуемого как истина: установление всех обстоятельств уголовного дела, определяемых как предмет доказывания, и доказанность всех элементов состава преступления, как результат практического поиска доказательственной информации. А это есть ничто иное как достоверное знание, полученное с соблюдением требований закона, знание, истинность которого не вызывает сомнений. Задачу отличить знание, которое может стать достоверным, от знания, способного быть лишь вероятным, ставил еще Аристотель: первое он называл знанием, второе – лишь мнением. Мнение, по Аристотелю, может быть истинным или ложным, но не может быть достоверным. Оно может быть лишь «заслуживающим доверия» [цит. по 4].

Еще до вступления в действие УПК РФ критика модели состязательности, предполагавшей ограничение суда в доказывании, приняла широкомасштабный характер. Безграничное поклонение принципу сторонников состязательности, утверждавших необходимость принципа состязательности даже в досудебном производстве, вылившееся в обоснование наличия состязательности даже в стадии возбуждения уголовного дела, находило достойный отпор со стороны известнейших ученых страны, анализировавших проблему с позиций гносеологических закономерностей. Англосаксонская модель состязательности, возникшая в недрах Великобритании из частно-обвинительного процесса, в котором роль обвинителя лежала на потерпевшем. Внедренная в российский уголовный процесс, отторгнувшая требование полноты, всесторонности, объективности исследования обстоятельств дела и достижение истины в ходе производства по уголовному делу, состязательность англо-саксонского типа не соответствует особенностям континентальной правовой системы. Для построения российского уголовного процесса всегда была важна нацеленность на установление истины, основным его началом является публичность, а не обеспечение формального равенства сторон. И появившийся не столь давно в переводе труд известного американского ученого Уильяма Пицци, считающего основной причиной проблем американской судебной системы ее «акцент на победу и ее неспособность оставить приоритет за истиной» [5, с. 243], стал весомым подкреплением позиции тех, кто так и не принял англосаксонский вариант состязательности.

Не сказать, что критический анализ сущности доказывания в условиях американского состязательного процесса, представленный в труде профессора Уильяма Пицци, стал сенсацией. Критический подход по отдельным проблемам доказывания в условиях состязательности

в кругах юристов США существовал и ранее. К примеру, Уильям Бернам в своем известном труде «Правовая система США» отмечал, что «в отношении тех постулатов, которые лежат в основе состязательной системы судопроизводства» в США идут постоянные дискуссии, что в рамках дискуссий «одним из объектов критики является практика адвокатов готовить «своего» свидетеля к даче показаний в суде» по проблемам состязательности» [2, с. 217]. Другой достаточно серьезной проблемой, обсуждаемой в рамках общей дискуссии, на которую он обращает внимание, является вопрос о реальном положении прокурора в состязательном процессе, который по закону должен «стремиться к утверждению справедливости, а не просто к принятию обвинительного приговора». В связи с этим Уильям Бернам замечает, что реальность говорит одругом: «в последние годы в США были отдельные примеры чрезвычайно рьяного уголовного преследования, когда прокуроры свою роль в процессе обосновывали формулой «выиграть дело любой ценой». При этом автор критически комментирует «уклончивые» правила ААЮ (стандарты, относящиеся к уголовному правосудию), правило 3.8 которых устанавливает роль прокурора в процессе [2, с. 219].

И все же обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно Уильямом Пицци в рамках означенных дискуссий задан сакраментальный вопрос: «*Почему наша система уголовного судопроизводства стала дорогой ошибкой?*». Мы отчетливо понимаем при этом, насколько глубока проблема, имея в виду то состояние гордости американцев за свою систему юстиции, которое всегда признавалось ими неоспоримым. Приоткрывая завесу проблемы, автор означенного труда с горечью констатирует: «Наша система была бы гораздо лучше с судьями, которые действовали бы последовательно на протяжении всего уголовного процесса. Отправной точкой должна быть судебная система, которая в большей степени сосредоточена на истине и гораздо меньшее внимание уделяет процессуальным игрищам, победам и поражениям» [5, с. 171].

Проблемы доказывания в современном уголовном судопроизводстве России практически сопряжены с отказом от принципа полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств уголовного дела как всеобщим требованием для всей системы уголовного судопроизводства. Не самым лучшим образом воспринятая сторонниками абсолютизации состязательности правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная им в Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда», о том, что «суд, выявив допущенные органами дознания или предварительного следствия процессуальные нарушения, вправе принимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу», некоторым образом восполняет пробел закона, но не устраняет его в полном объеме.

И все же, каким видится будущее доказывания?

Прогноз, например, профессора А.В. Смирнова направлен на «формирование динамического каталога стандартов и уровней доказанности применительно к отдельным криминалистическим ситуациям – задача, которая в отечественной науке и практике до сих пор не осознавалась», а в зарубежной юриспруденции находится также не до конца разработанном состоянии. В развитии таких новых стандартов профессор видит один из главных путей преобразования процесса доказывания в будущем. Он приводит примеры «зачаточных стандартов доказанности» англо-американского («убедительной на первый взгляд», «вне разумного сомнения») и германского типа процесса, «достаточного и серьезного» подозрения (германский тип) [7, с. 235-236].

Резюмируя, следует напомнить, что «стандарты», о которых идет речь, находятся там в «зачаточном состоянии» с незапамятных времен. Не свидетельство ли это, как раз того, что перспективы их развития ничтожны? Подтверждением тому являются и выводы Уильяма Пицци, считающего, что, «сильная судебная система должна уделять первоочередное внимание установлению истины и упорно стремиться к достижению этой цели. Наша судебная система, – пишет он, – этого не делает, и в результате наши судебные процессы не сфокусированы. Без ясной цели, в каком направлении следует работать, судьи прикипают к процедуре почти как самоцели своей деятельности… В этой ситуации адвокат, который видит состязательное преимущество в запутанном, длительном и горько спорном судебном процессе, легко создает такое судебное разбирательство» [5, с. 243]. Нужны ли здесь комментарии, судите сами.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: ТК «Велби», Проспект. 2008. 565 с.

2. Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. М.: Новая юстиция, 2006. 1211 с.

3. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М.: Юрлитинформ, 296 с.

4. Левин Г.Д. Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2001. URL: http://www.вокабула (дата обращения 03.02.2020).

5. Пицци У. Судопроизводство без истины. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 280 с.

6. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть 1: Судоустройство / под ред. и с пред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 400 с.

7. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. 240 с.

8. Спиридонов П.Е. Теоретические аспекты доказывания в административном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11 (108) ноябрь. С. 19–26.

Воробьева И.Б.
к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
г. Саратов
irinavorobyeva@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С СЕКТАНТАМИ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: *статья посвящена особенностям установления контакта с сектантами, являющимися процессуальными участниками. Методологической основой стали логический, исторический, статистический и иные методы исследования. Отмечается трудности, влияющие на формирование контакта. Делается вывод о том, что необходимы: тщательная подготовка к общению с сектантом учетом особенностей конкретной секты; моделирование действий сектанта; учет специфики культового языка и т.д.*

Ключевые слова: *юриспруденция, расследование, общение, контакт, секта, сектант.*

Vorobyova I.B.
Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

PROBLEMS OF ESTABLISHING PSYCHOLOGICAL CONTACTS WITH SECTARIANS IN THE COURSES OF CRIME INVESTIGATION

Abstract: *the paper deals with peculiarities of establishing contacts with sectarians involved in legal proceeding. The methodological basis consists of logical, statistical and other methods of investigation. Certain difficulties that influence the contact formation are specified. The conclusion is made of the necessity of elaborate preparation to communicating with sectarians, with paying due attention to specifics of a particular sect; modeling the sectarians' actions; considering specifics of the cultic language, etc.*

Keywords: *law, investigation, communication, contact, sect, sectarian.*

Сотрудники правоохранительных органов в силу специфики своей работы все время вступают в межличностные контакты с лицами, вовлеченными в процесс расследования. Поэтому общение – важнейшая сторона их профессиональной деятельности.

Принудительный характер общения со следователем хорошо осознается любыми процессуальными участниками. Непременным условием результативности межличностных отношений и действенным средством предупреждения, разрешения или устранения негативных проявлений и различных препятствий в общении является психологический контакт. И если следователь не предпримет мер к его установлению, то отношения могут серьезно обостриться.

В общем плане психологический контакт – это создание такой эмоциональной обстановки и доброжелательных взаимоотношений субъектов процесса, при которых следователь адекватно воспринимает и реагирует на роль субъекта в событии преступления и его поведение, а последний соответствующе воспринимает должностные полномочия и действия следователя, основанные на его профессионализме, и способствует установлению истины.

Общение с последователями нетрадиционных религиозных объединений в рамках расследования вызывает у практических работников правоохранительных органов определенные сложности. Проведенное нами анкетирование следователей показало, что большинство из них не знают особенности деятельности нетрадиционных для России религиозных объединений, специфику поведения его последователей, что усложняет процесс установления психологического контакта с сектантами, являющимися процессуальными участниками.

Религиозные верования придают жизни человека новый смысл, компенсируют неудачи, трудности, болезни, слабости, сознанию личности придают структурную целостность. Так, например, свидетели Иеговы, раздавая свои журналы «Сторожевая башня», искренне полагали, что этим они спасают не только посторонних людей, но в первую очередь себя. Последователи Муна считали себя борцами со злом. Поэтому сотрудникам правоохранительных органов нужно учитывать, что многие, особенно рядовые сектанты искренне верят в то, что своими действиями они совершают добрые дела для людей.

Секта формирует специфический внутренний мир человека, существующего вне культуры, вне социума, вне общества. Поэтому в случае выхода из секты ее бывшие члены чувствуют себя оторванными от общества. Сектанты не допускают каких-либо сомнений в отношении непогрешимости лидеров религиозного объединения. Руководители сект постоянно внушают своим последователям мысль о том, что несут личную ответственность за них перед Всевышним, а сами сектанты не отвечают ни за что. Некоторым людям, привыкшим прятаться за чужую спину и обладающим слабым характером, нравится такая иллюзорная безопасность.

Сектанты, являющиеся процессуальными участниками, обладают разными личностными особенностями. С одной стороны, сектанты могут быть крайне запуганы и предпочитают не говорить о прошлом, опасаясь мести. С другой стороны, им бывает стыдно признаться в том, что они участвовали, например, в сексуальных оргиях, практиковавшихся в секте. Пострадавшие пытаются скрыть связь насилия над ними или иное причинение вреда их здоровью с деятельностью объединения и действиями обвиняемых. Отказ от исполнения гражданских обязанностей нередко пытаются объяснить надуманными причинами.

Сложность установления контакта в процессе расследования с сектантом может быть объяснена недостаточностью времени на подготовку к следственному дейст-

вию и сбор необходимой информации об особенностях его личности, отношении к совершенному преступлению. Поскольку секты формируют особые фильтры для восприятия сектантами внешней информации, это нужно учитывать и предопределять линию их поведения (замкнутость, недоброжелательность, повышенную настороженность).

По мнению Г.А. Зорина, психологический контакт – это «полифункциональное межличностное взаимодействие следователя с участником следственного действия, основанное на взаимном изучении качеств партнеров, на речевых и неречевых средствах общения» [1, с. 32]. Поэтому, анализируя особенности поведения сектанта, следователь должен помнить, что и он сам в то же время является объектом изучения.

Профессия следователя предъявляет очень высокие требования к его личности и предполагает наличие совокупности профессионально значимых качеств, перечень которых может достигать нескольких десятков. Следователь, вступающий в общение с сектантом, призван показывать пример толерантности, доброжелательности, отзывчивости, гуманизма, высокой уровень коммуникативной культуры, профессиональной этики, а вместе с тем требовательности и принципиальности. Для осуществления полноценного общения следователь должен в полной мере обладать такими личностными качествами, как выдержка, терпение, самообладание и многими другими.

Следователю необходимо учиться контролировать свое психическое состояние, владеть навыками управления не только своей волей, но и эмоциями допрашиваемого. Представители правоохранительных органов должны обладать терпением, самообладанием и не терять бдительности, поскольку сектанты ради достижения своих целей могут спровоцировать брань, оскорбления, пойти на шантаж и скандалы. Нужно предпринимать определенные усилия, чтобы не допустить провокации и предупредить возможный конфликт.

Поэтому следователь, который стремится совершенствовать стиль межличностных отношений, должен не только постоянно работать над повышением профессиональной компетентности, но и над улучшением личностных качеств, необходимых для его профессии.

Культура общения является важным аспектом, способствующим установлению психологического контакта и успеху процесса расследования в целом. Существенным компонентом профессионального мастерства следователя, регулятором его поведения является такт. Такт следователя проявляется в корректном отношении к любому участнику процесса, чувстве меры в любом действии: умении ставить разнообразные вопросы, вежливом высказывании собственного суждения по различным проблемам и т.п. Поэтому целесообразно избегать формулировок, способных создавать атмосферу напряженности и отчуждения. Любой человек высоко оценивает тактичность другого человека. Что же касается сектантов, то они весьма остро реагируют на некорректные высказывания в адрес своей организации и ее приверженцев. Малейшая бестактность в общении с представителем религиозного объединения может привести к потере контакта. Например, чашка с чаем, поставленная на журнал религиозного объединения, вызвала негативную реакцию со стороны сектанта.

Тактичное поведение проявляется, главным образом, в умении следователя терпеливо и предельно внимательно слушать, наблюдать и анализировать. Контакт затрудняется, если следователь говорит преимущественно сам. Даже если сектант будет говорить то, что не имеет прямого отношения к делу, нужно дать ему возможность выговориться. Умение следователя спокойно слушать другого человека, даже если их мировоззрения не совпадают, очень значимо при общении.

Важно развивать такой стиль речевого общения и поведения, при котором следователь будет восприниматься как человек, готовый прийти на помощь. Речь должна быть выдержана в вежливом, корректном тоне. Должна использоваться соответствующая лексика. Замечания нужно делать в спокойной, академической манере. Любая нервозность речи отталкивает людей. Недопустимы элементы насмешки и полемического сарказма.

Психологическое состояние сектанта должно способствовать процессу общения в ходе расследования преступления, получению от него наиболее объективной и полной информации. Не рекомендуется психологически дистанцироваться от сектанта, относиться к нему с высокомерием представителя власти либо со снисходительностью, как к «заблудшей овце». Манера общения не должна вызывать у человека реакцию самозащиты.

В основе начального этапа формирования психологического контакта лежит взаимная заинтересованность субъектов общения. Успех общения закладывается там, где процессуальный участник чувствует к себе неподдельный интерес со стороны следователя. Проявляя искреннее внимание к человеку, можно выяснить много важной для следствия информации. Сектанты нередко испытывают обиду и разочарование именно из-за того, что их родители и знакомые, как они считают, не слишком интересуются их новой жизнью.

Необходимо формировать такие отношения с сектантами, при которых следователь сможет побудить их мыслить, рассуждать. Когда с людьми имеется «обратная связь», всегда проще найти взаимопонимание.

Чтобы установить психологический контакт с представителем религиозного объединения, некоторые следователи пытаются искать «общий язык» в сфере религиозных убеждений. Нередко на этот путь следователей толкают сами сектанты. Они постоянно испытывают потребность в принятии другими людьми их личных ценностей, интересов и повсюду пропагандируют идеи того религиозного объединения, к которому они принадлежат, в том числе даже в процессе производства следствия по делу. Это порочный путь. Вступив на него, следователь может случайно дать повод для конфликта, если отойдет от принципа мировоззренческой нейтральности. Недопустимо позволять сектантам втягивать себя в диспуты. Сектант должен сразу понять, что в рамках расследования следователь не будет обсуждать вопросы, связанные с тем, какая религия или какое толкование Библии более правильное, о правильности/неправильности доктрин и т.п. Поэтому какие-либо дискуссии по вопросам веры

в рамках расследования излишни. Следователь может найти общий язык с лицами, проходящими по делу, и вне религиозной сферы.

Диапазон тем для установления психологического контакта достаточно широк, но подбирать его нужно очень осторожно. С одной стороны, необходимо знать о том, что будет способствовать установлению контакта, а с другой, учитывать то, что может нарушить контакт, отпугнуть сектанта или же «убить» у него желание общаться со следователем. Так, следователь, поинтересовавшийся у сектанта мнением его родителей относительно его принадлежности к данной организации, вызвал крайне негативную реакцию со стороны допрашиваемого. В данной ситуации следователь не учел тот факт, что в этой секте проповедуется пренебрежительное отношение к родителям, которые, по мнению сектантов, не могут понять «истину» из-за их духовной слепоты, ограниченности или глупости.

Учитывая эмоциональные волнения участников процесса расследования, следователю с помощью собственных эмоциональных реакций необходимо выразить свое отношение к душевному состоянию участника процесса в сложившейся ситуации. При этом не надо подлаживаться под сектанта, льстить и подыгрывать ему. Как правило, такое панибратство возбуждает подозрение со стороны людей.

Важно соблюдать не только границы личных интересов и ценностей духовного мира, но и пространственные границы: не подсаживаться очень близко, не рассматривать в упор и т.п.

Таким образом, для успешного общения с представителем религиозного объединения следователю рекомендуется:

- проявлять искренний интерес к личности собеседника;
- контролировать свои конфессиональные пристрастия;
- не участвовать в полемике с сектантом по вопросам веры и не пытаться повлиять на его религиозную ориентированность;
- демонстрировать непредвзятое отношение к субъекту общения;
- быть хорошим слушателем, поощрять собеседника говорить о себе и о том, что его интересует;
- адекватно реагировать на факторы, осложняющие процесс общения.

Учет сделанных рекомендаций будет способствовать успешному установлению психологического контакта. Так, например, Виктору Шокину – следователю, общавшемуся в процессе расследования с обвиняемой Мариной Цвигун («Белое братство»), удалось, по его словам, наладить с ней довольно неплохой психологический контакт. Во время задушевных бесед он внимательно слушался ее рассказы о «Белом братстве», его учении, идеалах и планах. Марина убеждала следователя вместе помолиться. Она брала следователя за руки, закрывала глаза… И потом рассказывала, где она была и что видела во время их «совместных» астральных путешествий [2].

Таким образом, качество коммуникации играет очень важную роль, ведь, будучи блестящим экспертом в праве, но не умея разговаривать, не умея разрешать конфликты, очень трудно добиться успехов в любой работе. Владение искусством общения является профессиональной особенностью следователя. Обобщение опыта работы следователей показывает, что каждый из них идет своими путями совершенствования профессионального мастерства и вырабатывает технологии общения, проверенные собственной практикой. Как свидетельствуют наблюдения, далеко не каждому следователю удается найти подобающую манеру общения с процессуальными участниками. Но даже тем следователям, которые обладают коммуникативными способностями, нужно постоянно совершенствовать профессиональное общение.

Список литературы:

1. Зорин Г.А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1991. 46 с.

2. Шокин В. Цвигун согласилась съесть лишь немного еды у меня с ладони. URL: http://fakty.ua/171969-viktor-shokin-cvigun-soglasilas-sest-lish-nemnogo-edy-u-menya-s-ladoni (дата обращения: 15.02.2020).

Гаврилов Б.Я.

д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
генерал-майор юстиции (в отставке),
ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»,
г. Москва
profgavrilov@yandex.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация*: в публикации анализируются вопросы реализации положений уголовно-процессуального законодательства в части использования специальных знаний, включая проведение предварительных исследований, а также назначение и производство экспертиз, в ходе проверки сообщения о преступлении и возникающие проблемы законодательного регулирования.*

Ключевые слова*: проверка сообщения о преступлении, специальные знания, проведение исследований, назначение и производство экспертиз.*

Gavrilov B.Ya.

Honored lawyer of the Russian Federation,
Dr.Sci.(Law), Professor,
The Academy of management
of Ministry of internal Affairs of Russia
the General-the major of justice (retired),
Moscow

ABOUT FEATURES OF EVIDENCE IN THE STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE

Abstract: *the publication analyzes the implementation of the provisions of the criminal procedural legislation regarding the use of special knowledge, including the conduct of preliminary studies, as well as the appointment and conduct of expert examinations, during the verification of reports of crime and emerging problems of legislative regulation*.

Keywords: *test of time, expertise, research, appointment and production expertise*.

Часть 1 статьи 144 УПК РФ предоставляет следователю, дознавателю, органу дознания право в процессе проверки сообщения о преступлении получать объяснение, образцы для сравнительного исследования, истребовать предметы и документы, изымать их, назначать судебные экспертизы. Однако в правоприменительной практике возникают проблемы законодательного регулирования использования полученных в стадии возбуждения уголовного дела результатов проведения указанных следственных и иных процессуальных действий. Особенно это связано с таким направлением как применение специальных знаний при проведении специалистом предварительных исследований, а также использования результатов экспертных исследований. Данные проблемы всегда были в поле зрения, как представителей научного сообщества [1, с. 74–81; 2, с. 180–184; 7, с. 451–454], так и сотрудников органов предварительного расследования, а также отражаются в изменениях российского законодательства.

В этой связи принятие законодателем Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ [8], которым в УПК РФ введены процессуальные правила, регламентирующие наряду с проведением в ходе проверки сообщения о преступлении, исследования предметов, документов, трупов, возможность назначения и производства судебной экспертизы (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), на чем практикующие юристы в лице следователей (дознавателей) настаивали в период подготовки и принятия УПК РФ [4, с. 40–45; 5, с. 45–48; 6, 48–51].

Кстати, данное предложение правоприменителей законодатель попытался осуществить в принятом в 2001 г. УПК РФ, предусмотрев в ч. 4 ст. 146 УПК РФ возможность назначения судебной экспертизы с целью «закрепления следов преступления», что в практической деятельности реализовать не удалось по причине отсутствия в УПК РФ процессуальных правил проведения данной экспертизы до возбуждения уголовного дела (ст. 195 УПК РФ), что в дальнейшем повлекло отмену данной нормы Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ [9].

Внесенные в уголовно-процессуальный закон указанным выше Федеральным законом № 23-ФЗ изменения в части предоставления следователю, дознавателю, органу дознания возможности использования в ходе проверки сообщений о преступлениях специальных знаний обусловили новый импульс в развитии науки криминалистики, судебной экспертизы и уголовно-процессуального права, а также необходимость активизации исследований влияния правоприменительной практики как с точки зрения эффективности принятых законодателем мер, так и возможности дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере правоохранительной деятельности. Это предполагает:

- необходимость сравнительно-правового анализа использования специальных знаний в ходе проверки сообщений о преступлениях по УПК РСФСР, 1960 г. и УПК РФ, 2001 г.;
- анализ эффективности использования органами предварительного расследования специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела;
- обоснование по результатам анализа правоприменительной практики проведения исследований, назначения и производства судебных экспертиз необходимости устранения выявленных в процессе правоприменения недостатков в механизме исследования вещественных доказательств до возбуждения уголовного дела путем внесения в УПК РФ соответствующих изменений.
- Необходимость сравнительного анализа института специальных знаний по УПК РСФСР, 1960 г. и УПК РФ, 2001 г. обусловлена следующим:
- во-первых, в период действия УПК РСФСР в правоприменительной практике в ходе проверки сообщения о преступлении широкое распространение получило проведение исследований наркотиков, огнестрельного оружия, боеприпасов, изъятых в ходе задержания лица за административное правонарушение или при проведении розыскных и оперативно-розыскных мероприятий. А по фактам причинения телесных повреждений фактически в обязательном порядке до возбуждения уголовного дела проводились судебно-медицинские исследования с целью определения степени тяжести причиненного потерпевшему вреда здоровью. Соответственно, должностные лица органа предварительного расследования, органа дознания уголовные дела по этой категории противоправных деяний возбуждали, как правило, лишь после получения заключения специалиста. Несоблюдение этого правила влекло в ряде случаев принятие незаконных, необоснованных процессуальных решений о возбуждении уголовного дела и тем самым – уголовное преследование, последствием чего являлось ограничение прав и законных интересов участников уголовного процесса;
- во-вторых, специалистами-криминалистами только органов внутренних дел в тот период ежегодно проводилось до 1 млн таких исследований [12], на что затрачивались значительные финансовые средства и отвлекались человеческие ресурсы. Однако результаты этих исследований доказательствами, как правило, не являлись;
- в-третьих, в условиях действия как УПК РСФСР, так и УПК РФ до принятия Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ, начав расследование уголовного дела, должностное лицо органа предварительного расследования вынуждено было вновь назначать соответствующие судебные экспертизы по тем же объектам исследования, например, наркотикам, ранее уже подвергавшимся исследованию. Хотя в отдельных регионах, например в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, сложилась

судебная практика, согласно которой в рамках уголовного дела в суд органами расследования предоставлялись результаты проведенных исследований наркотических средств и одновременно в суд для дачи показаний вызывался специалист экспертно-криминалистического подразделения [3, с. 53–58].

Сложившаяся в период действия УПК РФ судебно-следственная практика, допускающая возможность предоставления в суд результатов исследования наркотических средств фактически сохранялась и в первые годы действия УПК РФ, пока Верховный Суд РФ в п. 2 постановления Пленума от 15.06.2006 № 14 установил обязательность производства экспертиз по изъятым наркотическим веществам [10]. Ранее аналогичные требования Верховный Суд РФ выдвинул в Постановлении от 12.03.2002 № 5 по обязательному производству экспертиз по уголовным делам о незаконном обороте оружия [11].

Вместе с тем, следует отметить, что изложенные выше требования Верховного Суда РФ в определенной степени входят в противоречие с положениями ст. 196 УПК РФ, ограничивающей круг обязательного назначения судебной экспертизы, поскольку данные виды экспертиз закон не относит к числу тех, производство которых является обязательным.

Еще одно обстоятельство заключается в том, что суды, как правило, отказывают в заявленных стороной защиты ходатайствах в той части, что подвергнутые исследованию наркотические вещества (например, героин) изменяют свой состав, а эксперты, при даче своих заключений фактически повторяют результаты предварительного исследования этого наркотического вещества. Аналогичная ситуация была и с исследованием боеприпасов при производстве судебно-баллистической экспертизы, когда оно первоначально осуществлялось путем отстрела с целью определения боевых свойств.

Однако настойчивые требования представителей органов предварительного расследования, поддерживаемые научным сообществом, подвигли законодателя при подготовке Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ включить в него процессуальные процедуры, не только предусматривающие возможность, но и регламентирующие в ходе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении правила назначения судебной экспертизы, участия в ее производстве и возможность получать заключение эксперта в разумный срок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Одновременно Федеральным законом № 23-ФЗ были сохранены и значительно расширены основания для проведения исследований на этапе проверки сообщения о преступлении путем включения в их перечень таких объектов как документы, предметы, трупы. Тем самым законодатель разрешил проведение до возбуждения уголовного дела исследования тех же наркотиков, оружия, боеприпасов и других объектов. Однако правовые последствия результатов исследования остались, по сути, такими же, как и ранее, поскольку по возбужденному уголовному делу прокуроры и суды требуют обязательного проведения судебной экспертизы.

Но даже и в случае проведения в период проверки сообщения о преступлении экспертизы следователь, дознаватель, исходя из содержания ч. 1^2 ст. 144 УПК РФ, должен учитывать, что «если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы» (*основания к этому можно найти всегда – выделено Б.Г.*), такое ходатайство подлежит безусловному удовлетворению.

Таким образом, оценка юридической значимости результатов проведенного специалистом исследования и заключения эксперта, полученных на этапе проверки сообщения о преступлении, как доказательств по уголовному делу позволяют утверждать, что процессуальное правило о возможности использования в качестве доказательств не только результатов исследования специалиста, но и экспертизы, полученные до возбуждения уголовного дела как «не работало» для доказывания по уголовным делам, так и в настоящее время в данной стадии уголовного процесса практически это положение не может быть реализовано, что влечет за собой, как отмечено выше, необоснованные затраты труда специалистов и значительное (по затратам) финансирование этого направления судебно-экспертной деятельности без его эффективной отдачи.

Исследуя проблемы необходимости совершенствования норм УПК РФ в части правоприменительной деятельности органов предварительного следствия и органов дознания в свете реализации положений Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ, автор отмечает, что, предусмотрев возможность назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела, законодатель обязан был сделать и следующий шаг, заключающийся в предоставлении органу расследования права на изъятие до возбуждения уголовного дела документов, предметов и трупов, которые должны стать объектами исследования в ходе проведения судебной экспертизы.

Формально эту проблему законодатель как бы решил, предусмотрев возможность изъятия до возбуждения уголовного дела документов и предметов в порядке, установленном ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Однако не учтено, что изъятие, например, документов возможно лишь в ходе обыска (ст. 182 УПК РФ) или выемки (ст. 183 УПК РФ), в которых, однако, не содержится указания о возможности производства данных следственных действий до возбуждения уголовного дела.

Подтверждают данный факт и результаты анкетирований следователей, позволяющие утверждать, что на сегодня установленное в ч. 1 ст. 144 УПК РФ правило изъятия до возбуждения уголовного дела в порядке, предусмотренном УПК РФ, документов и предметов, в том числе и для проведения экспертных исследований в деятельности органов предварительного расследования не реализуется. А начинавшаяся зарождаться практика изъятия следователями Следственного комитета Российской Федерации документов в порядке применения ч. 1 ст. 144 УПК РФ была сразу же пресечена путем направления Генеральной прокуратурой Российской Федерации руководству Следственного комитета Российской Федерации соответствующего представления.

Изложенное свидетельствует о том, что законодателю, чтобы поправки, предусмотренные Федеральным

законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ, в части использования специальных знаний на этапе проверки заявления, сообщения о преступлении «заработали», необходимо разработать блок очередных изменений, разработка которых без участия ученых и практикующих юристов вновь может повлечь за собой аналогичные ошибки, не позволяющие следователям и дознавателям реализовывать законодательные «амбиции» в правоприменительной практике.

Список литературы:

1. Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практики // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2017. № 2 (38). С. 74–81.

2. Гаврилов Б.Я. О вкладе профессора Р.С. Белкина в формирование в российском уголовно-процессуальном законодательстве следственных действий // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина: матер. Междунар. науч.-практич. конф. «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». М., 2018. С. 180–184.

3. Гаврилов Б.Я., Васильева М.А. Проблемы законодательного регулирования использования специальных знаний на этапе проверки сообщения о преступлении // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 53–58.

4. Гаврилов Б.Я. (до декабря 2007 г. – заместитель начальника Следственного комитета при МВД России). О достоинствах и недостатках УПК РФ с точки зрения следователя // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и мат. / отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина; [науч. ред. Е.Б. Мизулина]. М., 2007. С. 40–45.

5. Гугин В.И. (заместитель начальника УВД Оренбургской области, начальник следственного управления при УВД области). О проблемах принятия УПК РФ в практике работы дознавателей и следователей // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и мат. / отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина. М., 2007. С. 45–48.

6. Коротков А.П. (заместитель начальника Главного управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью Генеральной прокуратуры РФ). Проблемы правоприменительной практики в работе прокуратуры // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и мат. / отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина. М., 2007. С. 48–51.

7. Лазарева Л.В. Взгляды Р.С. Белкина на институт судебной экспертизы и их реализация на современном этапе // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина: материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». М., 2018. С. 451–454.

8. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9, ст. 875.

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 24, ст. 28–30.

10. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).

11. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Постановление Пленума Верховного Суда от 12.03.2002 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

12. Статистические данные о результатах работы экспертных подразделений МВД России за 2015–2016 гг.: Форма № I-НТП, утверждена приказом МВД России от 01.11.2008 № 952 «Об утверждении статистической отчетности «I-НТП» (в ред. приказа МВД России от 30.12.2012 № 1071)».

Грачева О. А.

к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
letsik91@mail.ru

К ВОПРОСУ О «САМОБЫТНОСТИ» ПРОВЕРКИ ПРОКУРОРОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация*: в статье рассматривается дискуссионный вопрос о существовании проверки прокурором доказательств как самостоятельного вида прокурорской проверки исполнения закона органами предварительного расследования. Автором делается вывод о том, что прокурор, осуществляя любой вид проверки исполнения закона, всегда проверяет и оценивает собранные по делу доказательства и говорить о существовании проверки доказательств как отдельного вида проверки прокурора в уголовном процессе неоправданно.*

Ключевые слова*: прокурор, надзор в досудебном производстве, проверка исполнения закона, уголовный процесс, предварительное расследование, проверка прокурором доказательств.*

Gracheva O.A.
Ph.D(Law),
Saratov State Law Academy,
Saratov

TO THE QUESTION OF THE "ORIGINALITY" OF THE PROSECUTOR'S VERIFICATION OF EVIDENCE DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract*: the article deals with the controversial issue of the existence of the Prosecutor's verification of evidence as an independent type of Prosecutor's verification of the execution of the law by the preliminary investigation bodies. The author concludes that the Prosecutor, in exercising any kind of enforcement of law, checks and evaluates the collected evidence in the case and to talk about the existence of proof checking as a separate type checking of the Prosecutor in criminal proceedings unnecessarily.*

Keywords*: prosecutor, supervision of pre-trial proceedings, verification of law enforcement, criminal proceedings, preliminary investigation, verification of evidence by the Prosecutor.*

В соответствии с уголовно-процессуальным кодексом РФ «прокурор уполномочен требовать от органов дознания и следователя устранения нарушений федерального законодательства, допущенных ими в ходе предварительного расследования». Так, в 2017 году прокурорскими работниками вынесено 215 246 требований об устранении нарушений закона в порядке ст. 37 УПК РФ [10]. Для выявления нарушений закона, органы прокуратуры должны иметь право ознакомиться с материалами уголовного дела, находящегося в производстве следователя либо дознавателя. Федеральным законом № 226-ФЗ от 02 декабря 2008 года в УПК РФ введена дополнительная норма (ч. 2.1 ст. 37), «позволяющая прокурору по его мотивированному письменному запросу получить для ознакомления материалы уголовного дела, находящегося в производстве следователя и дознавателя» [11]. Реализация большинства полномочий прокурора, предоставленных ему законом в ходе досудебного производства, невозможна без проведения соответствующих проверок. К примеру, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурорский работник вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, что затруднительно без постоянного мониторинга процесса расследования в форме дознания путем проверки соответствующих материалов.

«Еще в Уставе уголовного судопроизводства существо обязанностей прокуроров сводилось к руководству расследованием и постоянному наблюдению с возможностью немедленного реагирования на нарушения закона и правом требования их незамедлительного устранения органами следствия. При этом прокурору запрещалось непосредственное участие и вмешательство в ход осуществления предварительного следствия, а предписывалось лишь осуществление постоянного наблюдения за его производством (ст. 278). Данному полномочию прокурора корреспондировали обязанности других участников уголовного процесса (прокурор уведомлялся судебным следователем при взятии обвиняемого под стражу (ст. 283), о причинах, по которым не взят под стражу или освобожден из-под стражи обвиняемый в преступлении, «подвергающем лишению всех прав состояния или потере всех особенных прав и преимуществ» (ст. 284) и т.д.

Постоянное наблюдение предполагало систематическое направление прокурору информации не только о принятых по делу решениях (как это имеет место в соответствии с УПК РФ), но и всяком ходе расследования, в том числе по полученным доказательствам (ст. 280 Устава)» [1, с. 29].

На сегодняшний день, проверка прокурором материалов уголовного дела проводится на основании положения закона о непрерывном осуществлении органами прокуратуры надзора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя, либо при поступлении копий решений органов предварительного расследования, направляемых в суд, о проведении соответствующих процессуальных действий.

Так, согласно ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ, признав постановление руководителя следственного органа или следователя о приостановлении предварительного следствия незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменяет его, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию, которое вместе с материалами уголовного дела незамедлительно направляет руководителю следственного органа.

Однако в законодательстве не установлено процедуры и срока направления материалов уголовного дела надзирающему прокурору для проведения проверки законности и обоснованности указанного решения. В соответствии с ч. 2 ст. 208 УПК РФ следователь должен направить прокурору лишь только копию постановления о приостановлении предварительного следствия. Нечеткая правовая регламентация, как следствие, является причиной того, что постановления о приостановлении предварительного расследования направляются прокурору и проверяются им с интервалом во времени с момента их вынесения, что снижает качество надзорной деятельности и затрудняет своевременное устранение нарушений закона следователем.

Между тем в 2017 году прокурорскими работниками отменено 453 260 таких постановлений следователя (на 2,2 % больше, чем в 2016 году) [10], что указывает на значительное количество допускаемых нарушений законодательства при приостановлении предварительного расследования. Вследствие этого, необходимо более четкое законодательное регулирование порядка осуществления прокурором проверок при принятии следователем указанных решений. На это обстоятельство не раз акцентировалось внимание в научных трудах [2, с. 132–136; 5, с. 66–70; 9, с. 339–344].

Подобная ситуация сложилась и с проверкой прокурором решений о прекращении уголовного дела. Согласно ч. 1 ст. 214 УПК РФ, признав постановление руководителя следственного органа или следователя о пре-

кращении уголовного дела (уголовного преследования) незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменяет его, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию, которое вместе с материалами уголовного дела незамедлительно направляет руководителю следственного органа. По делам частного обвинения постановление о прекращении уголовного дела прокурор может отменить только при наличии жалобы заинтересованного лица. Признав постановление дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и возобновляет производство по уголовному делу.

«При этом в УПК РФ также отсутствует указание на то, когда и в каком порядке прокурору должно быть направлено постановление о прекращении производства по уголовному делу, а также его материалы, что, безусловно, ведет к затягиванию проверки законности и обоснованности данного решения.»

Следует сказать, что, вернув в 2010 году прокурору право отменять соответствующие незаконные и необоснованные решения следователя и руководителя следственного органа, законодатель сократил данное право определенным сроком. Таким образом, согласно ч. 1 ст. 214 УПК РФ, если по какой-либо причине прокурорский работник пропустил установленный законом срок, то, следовательно, он утрачивает возможность отменить незаконное решение следователя. Данное положение закона, по мнению большинства ученых, выглядит немного странным [7, С. 144–145], вероятней всего, законодатель, тем самым, хотел повысить оперативность и своевременность реагирования прокурора на нарушения закона, допускаемые следователем.

Конституционный Суд РФ по этому поводу сформулировал правовую позицию, согласно которой «истечение указанного срока не влечет для прокурора запрета принять соответствующее решение, то есть данный срок не является пресекательным, препятствующим осуществлению прокурором своих полномочий» [8]. «Правоприменительная практика также свидетельствует о том, что несоблюдение прокурором срока для отмены постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования не оценивается судами как процессуальное нарушение. Тогда тем более непонятно установление законодателем ограничения для признания прокурором решений следователя определенными сроками, если этот срок является формальным. Тем не менее, полагаем, что в подобных ситуациях прокурор должен руководствоваться принципом разумного срока уголовного судопроизводства и оперативно принимать решения о законности и обоснованности указанного постановления в целях обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, а так же законного и обоснованного разрешения уголовного дела» [1, с. 52].

При проведении проверки материалов как приостановленных (прекращенных), так и находящихся в производстве дознавателя, следователя уголовных дел, органы прокуратуры, разумеется, проверяют и оценивает собранные по делу доказательства. По мнению некоторых ученых, проверку доказательств выделяют как самостоятельный вид проверки прокурором исполнения закона [3, с. 89; 4, с. 34–38; 6, с. 218–222]. Как представляется, это не совсем верная позиция. В соответствии со ст. 87 УПК РФ, проверка доказательств является структурообразующим элементом процесса доказывания и проводится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Анализируя данное положение закона, можно прийти к выводу, что проверку доказательств нельзя рассматривать как собственно проверку исполнения закона. Проверяя и исследуя доказательство, соответствующий субъект уголовно-процессуальной деятельности, в первую очередь, решает вопрос о достоверности сведений, содержащихся в данном источнике доказательства. При этом, несомненно, решается вопрос и о допустимости, то есть законности получения данного доказательства, и его относимости.

Проверка доказательств проводится прокурором во всех случаях, в пределах осуществления всех других видов проверок. Осуществляя любой вид проверки исполнения закона, прокурор всегда проверяет и оценивает собранные по делу доказательства с точки зрения их допустимости, относимости, достоверности, а в совокупности – с точки зрения достаточности для принятия органами дознания и предварительного следствия соответствующего решения. Следовательно, говорить о существовании проверки доказательств как отдельного вида прокурорской проверки в уголовном процессе, как представляется, нецелесообразно.

Список литературы:

1. Грачева О.А., Проверка исполнения закона как основная форма надзора прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 144 с.

2. Даровских Ю.В., Саркисов А.В. Прокурорский надзор за законностью приостановления производства по уголовному делу // Академический вестник ТГАМЭУП. 2012. № 1 (19). С. 132–136.

3. Ергашев Е.Р. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Уголовное право. 2008. № 4. С. 88–91.

4. Исаенко В. Оценка прокурором доказательств в досудебном производстве // Законность. 2014. № 11. С. 34–38.

5. Ларин Е.Г. «Новые» полномочия прокурора по надзору за решениями следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении и прекращений уголовного дела (уголовного преследования) // Законодательство и практика. 2011. № 1 (26). С. 66–70.

6. Маркина Е.А. Разрешение прокурором вопросов допустимости доказательств при направлении уголовного дела в суд // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. К 275-летию Российской прокуратуры: матер. науч.-практ. конф. М., 1997. С. 218–222.

7. Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 144–145.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» // Российская газета. 2017. 24 ноября.

9. Раджабов А.Н. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении дознания и предварительного следствия по уголовным делам: теоретические предпосылки // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: матер. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.). М., 2013. Ч. 1. С. 339–344.

10. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2017 г. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data/ 1162324/ (дата обращения: 11.02.2018).

11. Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49, ст. 5724.

Григорян В.Л.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
vagan1384@mail.ru

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, И ИХ СООТНОШЕНИЕ С УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИЕЙ «СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Аннотация*: в статье на основе анализа отечественного законодательства формулируется вывод об отсутствии единообразия в правовой регламентации порядка установления фактических обстоятельств, вне зависимости от этапа уголовно-процессуальной деятельности, и их связи с категорией уголовного права «состав преступления». Доказывается, что обнаруженный разносторонний подход законодателя негативно влияет или может повлиять на практику возбуждения, расследования и рассмотрения уголовных дел.*

Ключевые слова*: уголовно-процессуальное познание; обстоятельства, подлежащие доказыванию; средства доказывания; признаки преступления; элементы состава преступления.*

Grigoryan V.L.,
Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

CIRCUMSTANCES TO BE PROVED IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND THEIR RELATIONSHIP TO THE CRIMINAL LAW CATEGORY «CORPUS DELICTI»

Abstract*: based on the analysis of domestic legislation, the article concludes that there is no uniformity in the legal regulation of the procedure for establishing actual circumstances, regardless of the stage of criminal procedure, and their relationship to the category of criminal law «corpus delicti». It is proved that the discovered versatile approach of the legislator negatively affects or may affect the practice of initiation, investigation and consideration of criminal cases.*

Keywords*: criminal procedure knowledge; circumstances to be proved; means of proof; signs of a crime; elements of the corpus delicti.*

Российское уголовное судопроизводство, посредством которого реализуются нормы материального права об уголовной ответственности и наказании за совершенные преступные деяния, ориентировано на выяснение наличия либо отсутствия обстоятельств, связанных с преступлением. Указанные обстоятельства в системном виде представлены в статье 73 УПК РФ, регламентирующей предмет доказывания по каждому уголовному делу. Однако и уровень знания об этих обстоятельствах, и их количественные характеристики разнятся в зависимости от этапа уголовно-процессуальной деятельности.

Не случайно законодатель, формулируя основание для возбуждения уголовного дела, оперирует термином «достаточные данные», тем самым подчеркивая ограниченность средств доказывания и вероятность полученного знания в рассматриваемой стадии процесса. По ходу расследования уже возбужденного уголовного дела арсенал средств доказывания обогащается, а само познание движется от вероятности к достоверности. Ярким тому подтверждением служит закрепленное в тексте УПК РФ основание привлечения в качестве обвиняемого, требующее наличия совокупности достаточных доказательств (а не данных), позволяющих констатировать факт совершения преступления определенным лицом. В дальнейшем направление расследования конкретизируется, поскольку следственные и иные процессуальные действия осуществляются, преимущественно, в отношении обвиняемого, а, следовательно, вывод о совершении данным лицом инкриминируемого ему деяния становится еще более убедительным (вероятность достигает такой высокой степени, что переходит в достоверность).

Аналогично повышающемуся уровню познания растет и количество обстоятельств, которые необходимо устанавливать по мере движения процесса. Так, в уведомлении о подозрении в совершении преступления требуется описывать преступление с указанием обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п.п. 1 и 4 ч. 1

ст. 73 УПК РФ. Содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого нацеливает на выяснение обстоятельств, изложенных в п.п. 1–4 ч. 1 ст. 73 уголовно-процессуального закона (п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ). В свою очередь, как явствует из анализа ст. 220, 225 и ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, при составлении итоговых актов предварительного расследования (обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления) обстоятельства предмета доказывания должны быть установлены в полном объеме. Подобным образом, как с позиции увеличения количества исследуемых обстоятельств, так и с точки зрения повышения уровня знания о них, проистекает и судебное разбирательство, где к моменту удаления в совещательную комнату суд обязан выяснить наличие (отсутствие) всех обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, и максимально достоверно убедиться в виновности (невиновности) подсудимого.

Высказанные нами суждения позволяют заключить, что познание в уголовном судопроизводстве – это растянутый во времени единый процесс, который вне зависимости от этапа соответствующей деятельности надо осуществлять в целом, руководствуясь одними и теми же параметрами, особенно в части связи устанавливаемых обстоятельств с предположительно совершенным преступным деянием. Данные параметры, в том числе и по вопросу о согласовании фактических обстоятельств с преступлением, определяются законодателем, который проявляет непоследовательность при регламентации процедуры выяснения значимых для уголовного процесса обстоятельств. К примеру, для возбуждения уголовного дела требуются достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), тогда как основанием отказа в возбуждении дела является отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). О соотношении подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве обстоятельств именно с составом преступления можно судить по конструкции статьи 73 УПК РФ. Напротив, при производстве с участием присяжным заседателей председательствующий судья вправе проигнорировать обвинительный вердикт и постановить оправдательный приговор, если признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления (ч. 4 ст. 348 УПК РФ).

Безусловно, выявленный нами разносторонний подход законодателя к правовой регламентации единого, по сути, порядка установления фактических обстоятельств и отсутствие должной строгости в вопросе о корреляции этих обстоятельств с совершенным преступным деянием оказывают негативное влияние на практику возбуждения, расследования и рассмотрения уголовных дел. Но прежде чем наглядно продемонстрировать это, важно уяснить, с какой уголовно-правовой категорией – «преступление» или «состав преступления» – должны соотноситься обстоятельства предмета доказывания. Выше мы неоднократно говорили о связи выясняемых обстоятельств с преступлением, но каждый раз использовали термин «преступление» как некое собирательное понятие. Однако в науке уголовного права вопрос о соотношении преступления и состава преступления решается далеко неоднозначно.

Одни авторы утверждают об их полной несхожести, поскольку они «выражают в различной форме существенные стороны одного и того же социального явления – общественно опасного деяния, предусмотренного в уголовном законе в качестве преступления» [1, с. 97], другие – предлагают трактовать преступление как явление, а состав преступления воспринимать в качестве понятия о нем [3, с. 119–121; 7, с. 88-89]. Примечательна в контексте обсуждаемой проблемы точка зрения В.С. Прохорова и Н.И. Мацнева, которые пишут: «… Грабеж, совершенный гражданином А., по своим индивидуальным признакам всегда отличается от грабежа, совершенного гражданином Б., – но составы учиненных ими преступлений будут тождественны, если каждый из них совершил тайное хищение чужого имущества с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище» [12, с. 367].

Действительно, существующее реально преступление, наряду с общественной опасностью, противоправностью, наказуемостью и виновностью, характеризуется массой других признаков, не столь существенных. А принимая во внимание, что уголовно-процессуальное доказывание, как и познание в целом, имеет свойство постоянно расширяться, установить все многообразие признаков конкретного преступления практически невозможно. Что же касается состава преступления, то он, включая в себя только самые типичные черты преступления, образует законодательную форму его выражения, тогда как само преступление выступает содержанием. Такая позиция разделяется Н.А. Лопашенко [11, с. 209], А.И. Марцевым [6, с. 111, 252] и А.А. Тер-Акоповым [9, с. 24]. Отвечая на ранее постановленный вопрос, следует учесть два фактора. Во-первых, посредством уголовного судопроизводства, как уже отмечалось, реализуются нормы уголовного права, структурными элементами которых являются именно законодательные конструкции составов преступлений. Во-вторых, типичные признаки (черты) каждого преступления определенной разновидности, если они будут установлены в действиях того или иного лица, достаточны для привлечения его к уголовной ответственности. С учетом изложенного и памятуя о неразрывном единстве содержания и формы (преступления и состава преступления – *В.Л.*), мы все же считаем, что обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном судопроизводстве, корректнее (правильнее) выяснять под углом зрения их соотношения с элементами состава преступления (объектом, объективной стороной, субъектом и субъективной стороной).

К сожалению, отечественный законодатель не воспринимает приведенное суждение за основу при конструировании норм об уголовно-процессуальном доказывании. В частности, об этом говорилось выше, основанием для возбуждения уголовного дела, согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ, служат достаточные данные, указывающие на признаки преступления. То есть получается, что обстоятельства, устанавливаемые с помощью достаточных данных, связываются здесь с признаками преступления, а не состава. При этом не разъясняется, все признаки преступления либо отдельные из них следует выяснять на момент принятия решения о возбуждении уголовного

дела. Совершенно прав В.М. Корнуков, проецирующий анализируемое законоположение в плоскость состава преступления и заявляющий о необходимости получения сведений в объеме, который позволит извлечь обстоятельства, соотносящиеся, как минимум, с объектом и объективной стороной [4, с. 11]. Однако данное утверждение зачастую слишком широко трактуется правоприменителями, что порождает негативную практику возбуждения уголовных дел. Нередко следователи, располагая по итогам проверки сообщения о преступлении информацией о лице, предположительно его совершившем, возбуждают уголовное дело по признакам определенного преступления или, другими словами, по факту, но не в отношении конкретного лица [10]. Абсолютно не исключается, что в подобном случае должностные лица органов предварительного следствия руководствуются корпоративными интересами, поскольку возбужденное в отношении лица уголовное дело, если не подтвердится его причастность к совершению преступления, подлежит прекращению (в отличие от дела, возбужденного по факту совершения преступления), а это на сегодняшний день расценивается правоприменительной практикой как брак в работе органов следствия [5, с. 20; 8]. Эвентуально следователи поступают таким образом и для того, чтобы не ставить лицо в положение подозреваемого и нивелировать его активность в заявлении ходатайств, подаче жалоб и т.д.

Между тем, в описанной ситуации, по какой бы причине она ни возникла, ущемляются права и свободы отдельно взятого человека (личности), применительно к которому фактически осуществляются действия по уголовному преследованию без наделения его официальным статусом подозреваемого и комплексом закрепленных в ст. 46 УПК РФ прав, что противоречит духу охранительного типа уголовного судопроизводства России. Учитывая сказанное, мы предлагаем основание для возбуждения уголовного дела соотнести с данными об обстоятельствах, характеризующих объект и объективную сторону состава преступления. Нет смысла отрицать, что обнаружение трупа с колото-резаными ранами, исключающими возможность их нанесения самим умершим, создает достаточное основание для возбуждения уголовного дела. В то же время получение по результатам проверки сообщения о преступлении сведений, ориентирующих на такие элементы состава преступления как субъект и субъективная сторона (наряду с объектом и объективной стороной), должно обязывать властных субъектов процесса возбуждать уголовное дело в отношении конкретного лица. Думается, что соответствующие изменения надо отразить в тексте УПК РФ.

Сделанное нами утверждение о корреляции обстоятельств, нуждающихся в доказывании по ст. 73 УПК РФ, с составом преступления не означает, что рассматриваемая статья закона не может или не должна быть подвергнута критике. В предмет доказывания входит ряд обстоятельств, формирующих так называемый главный факт. Под главным фактом понимаются те обстоятельства, которые в своей совокупности устанавливают или опровергают факт совершения общественно опасного деяния конкретным лицом (событие преступления, виновность лица в совершении преступления, характер и размер вреда, причиненного преступлением). Уголовно-правовой смысл главного факта выражается в обстоятельствах, позволяющих констатировать наличие либо отсутствие основания уголовной ответственности, – факта совершения деяния, содержащего все признаки (объективные и субъективные) состава преступления. Но перечисленные в п.п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обстоятельства не в полной мере согласуются с элементами состава преступления. Так, по верному замечанию Л.М. Володиной, за пределами предмета доказывания остаются обстоятельства, характеризующие объект преступного посягательства, субъекта преступления, причинно-следственную связь между преступлением и наступившими последствиями и цель преступного поведения субъекта, без которой сложно ответить на вопросы, касающиеся разграничения форм вины [2, с. 186–187]. Зачастую цель преступного поведения вовсе является обязательным признаком субъективной стороны состава преступления (например, в ст. 205 УК РФ), и здесь она подлежит безусловному выяснению. Отсюда вытекает необходимость дополнения статьи 73 УПК РФ обстоятельствами, указывающими на объект преступного посягательства, субъект преступления, причинно-следственную связь между преступлением и наступившими последствиями, цель преступного поведения субъекта, и включения в нее оговорки о том, что в зависимости от специфики того или иного преступного деяния выяснению подлежат также обстоятельства, способствующие установлению обязательных признаков любого из элементов состава преступления. Кроме того, само определение главного факта, содержащего, в том числе, обстоятельства о характере и размере вреда, причиненного преступлением, нельзя признать универсальным, так как оно подходит для характеристики материальных составов преступлений, ведь формальные составы конструируются без учета негативных последствий преступного деяния. Именно поэтому, на наш взгляд, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого при описании преступления с формальным составом нужно указывать обстоятельства, закрепленные в п.п. 1–3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Это не значит, что в дальнейшем следует игнорировать выяснение характера и размера вреда по формальным составам преступлений, поскольку общественно опасные последствия, не влияя в данном случае на квалификацию преступления, учитываются при определении судом размера наказания в рамках санкции статьи уголовного закона.

И, наконец, еще одним примером того, как отсутствие должной связи между обстоятельствами предмета доказывания и составом преступления влечет ущербность судебно-следственной практики, выступает правило об обязательности вердикта присяжных заседателей для председательствующего судьи. Оправдательный вердикт коллегии присяжных не позволяет судье вынести иное, кроме оправдательного приговора, решение (ч. 1 ст. 348 УПК РФ). В свою очередь, части 4 и 5 статьи 348 УПК РФ допускают возможность отклонения от обвинительного вердикта присяжных в двух случаях. При этом обвинительный вердикт коллегии присяжных заседателей не препятствует постановлению оправдательного приговора, если председательствующий, руководствуясь уста-

новленными фактическими обстоятельствами, признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления, тогда как отсутствие события преступления либо недоказанное участие подсудимого в его совершении предполагают лишь роспуск коллегии присяжных заседателей и направление уголовного дела на новое рассмотрение.

Таким образом, при обвинительном вердикте коллегии присяжных в качестве наиболее благоприятного исхода для подсудимого служит постановление оправдательного приговора, который выносится, если суд придет к убеждению, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления. А между тем, «отсутствие в деянии признаков преступления» вообще не предусматривается как основание вынесения оправдательного приговора частью 2 статьи 302 УПК РФ. Более того, подобная формулировка, помимо некорректности ее использования в сравнении с категорией «состав преступления» при характеристике связи с обстоятельствами предмета доказывания, создает предпосылки для злоупотреблений возможностями председательствующим судьей на этапе принятия решения по итогам производства с участием присяжных заседателей. В частности, неустановленное фактическими обстоятельствами событие преступления, влекущее роспуск коллегии присяжных и направление дела на новое рассмотрение, может быть расценено судьей как исключение самого деяния и его общественной опасности (признаков преступления), что допускает оправдательный приговор; аналогично недоказанную причастность лица к совершению преступления возможно заменить на отсутствие виновности подсудимого (признак преступления), а эти факты также диктуют применение разных форм отклонения от обвинительного вердикта. Резюмируя изложенное, мы настаиваем, что председательствующий судья вправе проигнорировать обвинительный вердикт тогда, когда в деянии подсудимого не содержится элементов состава преступления, не установлено его событие и не доказана причастность указанного лица к совершению преступления, причем для всех трех случаев необходимо закрепить одинаковые процессуальные последствия (либо оправдательный приговор, либо постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания).

Список литературы:

1. Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 1999. 414 с.

2. Володина Л.М. Предмет познания и предмет доказывания по уголовному делу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 184–189.

3. Иванов Н.Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для вузов. М.: Экзамен, 2003. 768 с.

4. Корнуков В.М. Российский уголовный процесс. Вопросы Особенной части: курс лекций. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. 304 с.

5. Лавнов М.А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 176 с.

6. Марцев А.И. Избранные труды. Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2005. 272 с.

7. Российское уголовное право: Общая часть : в 2 т. Т. 1 / под ред.: Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., Рарог А.И. М.: Инфра-М, 2003. 623 с.

8. Следователи-беспредельщики и дела ради галочки – откровения бывшего прокурора // Первое Антикоррупционное СМИ. URL: https://pasmi.ru/archive/216559/ (дата обращения: 28.02.2020).

9. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: Юркнига, 2003. 480 с.

10. Уголовное дело № 11801630046001183, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ // Архив ОП № 1 в составе УМВД России по г. Саратову за 2019 год.

11. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. Т. 2 / [под ред. Б.Т. Разгильдиева]. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. 648 с.

12. Уголовное право России. Общая часть: учебник / А.И. Бойцов [и др.]; под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. 1064 с.

Дгебия А.А.

адъюнкт,
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия
МВД России»,
г. Волгоград

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация*: в статье анализируется действующая модель апелляции по УПК РФ в сравнении с положениями абхазского уголовно-процессуального закона, регулирующего производство в суде второй инстанции. Делается вывод о формальном характере ограничений на исследование судом второй инстанции новых доказательств. Предлагается отменить эти ограничения.*

Ключевые слова*: апелляционный суд, непосредственное исследование доказательств, процедура судебного следствия, право на доступ к правосудию.*

Dgebia A.A.

Volgograd Academy of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia,
Volgograd

RESEARCH OF EVIDENCE IN THE COURT OF APPEALS: PROBLEMS OF REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Abstract*: the article analyses the current model of appeal under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in comparison with the provisions of the Abkhaz Criminal Procedure Law governing proceedings in the Court of Second Instance. It is concluded that the restrictions on the examination of new evidence by the Court of Second Instance are formal. It is proposed that these restrictions be lifted.*

Keywords*: court of appeal, direct examination of evidence, judicial investigation procedure, right of access to justice.*

Концепция судебной реформы 1991 г. предусматривала непосредственное исследование доказательств в суде апелляционной инстанции, что по сравнению с ранее существовавшей процедурой рассмотрения уголовного дела кассационной инстанцией было «шагом вперед» в деле обеспечения справедливости проверочных производств и создания гражданам надежных гарантий на доступ к правосудию. Так в Концепции отмечалось: «Апелляционный порядок … предполагает *повторное рассмотрение дела в формах, аналогичных производству в суде первой инстанции, то есть с вызовом сторон и новым исследованием доказательств в полном объеме*» [1]. По сути, апелляционное производство, построенное на этой модели – это демократическое завоевание правовой реформы, которое должно обеспечить эффективные механизмы защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства путем проверки судебных решений, не вступивших в законную силу, в режиме непосредственного исследования доказательств. При этом следует отметить, что о наличии элементов непосредственного исследования доказательств в суде второй инстанции можно было говорить еще применительно к «старой кассации», анализируя содержание ч. 4 ст. 377 УПК РФ в редакции до вступления в силу Федерального закона № 433-ФЗ от 29.12.2010 [2]. Данная норма предполагала применение режима исследования доказательств по правилам судебного следствия (глава 37 УПК РФ), что, само собой, подразумевает непосредственное восприятие судом второй инстанции доказательств – а не просто изучение материалов дела в интерпретации, изложенной органами предварительного расследования.

Что касается проекта апелляции по замыслу разработчиков Концепции судебной реформы, то изначально применение такой прогрессивной модели апелляционного производства предполагалось по всем без исключения уголовным делам, рассмотренным единолично мировыми и федеральными судьями. Это был правильный, демократичный подход к решению вопроса о создании действенных гарантий проверочных производств по судебным решениям, принятым единолично судьями. Однако надо отдавать себе отчет в том, что подобное реформирование первого этапа проверочного производства (распространение его процедуры на такой широкий круг дел) требовало значительных финансовых затрат, что в условиях дефицита государственного бюджета было весьма проблематичным. В результате этого устремления разработчиков Концепции судебной реформы в РСФСР были реализованы не полностью: после принятия УПК РФ в 2001 г. в его структуре появилась компромиссная модель апелляции, процедура которой предусматривала апелляционный режим пересмотра только решений мировых судей (ч. 2 ст. 354 УПК РФ в редакции до внесения изменений Федеральным законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ). И только с 1 января 2013 г. апелляция начала «работать» по всем делам: рассмотренным как единоличным, так и коллегиальным составом суда, распространившись не только на обжалование и пересмотр решений мировых судей, но и решений федеральных судей.

В контексте проблематики настоящей статьи весьма интересным будет обращение к опыту Республики Абхазия, где действует уголовно-процессуальный закон [9], созданный на основе УПК РФ в редакции до внесения в него изменений Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ [3], существенно реформировавшим досудебное производство в российском уголовном процессе. При этом разработчики УПК Республики Абхазия «творчески» переработали текст закона, в результате чего производство в суде второй инстанции представлено в УПК РА только кассацией, причем, кассацией «модернизированной» под апелляцию, если можно так образно выразиться (Глава 43 «Кассационный порядок рассмотрения уголовного дела») вступила в силу с 1 июня 2016 года, в соответствии с частью 5 статьи 2 Закона Республики Абхазия от15.06.2015 № 3792-с-V). По сути, в уголовно-процессуальном законе Абхазии «кассацией» именуется производство по пересмотру не вступивших в силу любых судебных решений, вынесенных судом первой инстанции. Эта модель абхазской кассации впитала в себя черты апелляции: так, ст. 336 УПК РА содержит процедуры, не характерные для французского типа кассации, предусматривающие непосредственное исследование доказательств судом кассационной инстанции. Проверка доказательств позиционируется абхазским законодателем не просто как оглашение копий документов, полученных показаний, но и как их непосредственное исследование (ч. 10 ст. 336 УПК РА). Кассационный суд может допросить свидетелей, которых заслушивал суд первой инстанции: «При принятии решения о допросе лиц, допрошенных судом первой инстанции, суду кассационной инстанции следует исходить из того, будут ли их показания иметь значение для вывода суда о законности, обоснованности и справедливости обжалуемых приговора или иного судебного акта (ч. 10 ст. 336 УПК РА).

Если сравнить положения ст. 336 УПК РА, регулирующих процедуру кассационного производства, и ст. 389.13 УПК РФ, закрепляющей порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции, можно заметить несомненное сходство процедуры исследования доказательств в судебном следствии в кассационном суде по абхазскому законодательству и апелляционном суде по российскому законодательству. Прежде всего, обращает на себя внимание правило, установленное для порядка исследования тех доказательств, которые ранее не были исследованы судом первой инстанции. Для сравнения, так выглядит

часть 12 ст. 336 УПК РА: «Доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства), принимаются судом, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными. О принятии новых доказательств суд кассационной инстанции выносит определение».

В ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ (данная часть была введена Федеральным законом от 23.07.2013 № 217-ФЗ [4]) написано следующее: «Доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства), принимаются судом, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными».

Сходство очевидно, хотя речь идет о проверочных процедурах различных форм работы судов второй инстанции (кассации и апелляции).

Справедливости ради следует подчеркнуть, что изначальная формулировка положений ст. 389.13 УПК РФ не предусматривала такого «жесткого» условия для непосредственного исследования доказательств в суде апелляционной инстанции. Однако даже при действии первой редакции главы 45.1 УПК РФ исследователи отмечали особенности формирования новой апелляционной практики, которая заключалась в отсутствии желания апелляционных судов заниматься непосредственным исследованием доказательств. Так. Е.А. Зайцева, В.К. Ашуров и О.В. Сидоренко пишут, что проведенное ими «анкетирование судей, участвующих в рассмотрении уголовных дел в апелляционной инстанции, показало интересную тенденцию становления апелляционной практики… В большинстве своем опрошенные судьи (45 %) отмечают тот факт, что существующая нормативная регламентация апелляционного производства в недостаточной мере эффективна. 28 % респондентов считают ее вообще не эффективной. При этом 56 % опрошенных судей редко проявляют активность в допросе свидетелей, ранее допрошенных в суде первой инстанции, 31 % – очень редко. Только 13 % отметили, что часто проводят такие допросы. Большинство судей подчеркнули низкую активность сторон в заявлении ходатайств об исследовании новых доказательств в апелляционной инстанции (84 % респондентов). Однако при поступлении таких ходатайств только 35 % чаще всего удовлетворяют их (40 % удовлетворяют ходатайства редко, а 25 % – очень редко)» [5, с. 161].

Дальнейший анализ этой практики в ее динамике привел указанных авторов к выводу, что апелляционные суды не были готовы работать в таком режиме при колоссальном вале уголовных дел, что повлекло соответствующую реакцию Верховного Суда РФ, который разработал проект № 169137-6 [6] Федерального закона, принятого 23.07.2013 г. и вступившего в силу с 01.08.2013 г. Мы согласны с оценкой данных авторов сущности этого нововведения: оно фактически затруднило доступ граждан к правосудию, т.к. они были вынуждены в апелляционной инстанции вместо того, чтобы доказывать обоснованность своей позиции со ссылкой на новые, ранее не исследованные доказательства, были вынуждены сначала убеждать суд апелляционной инстанции в том, что они не имели реальной возможности ранее представить эти доказательства в суд [5, с. 165].

В этой связи представляет интерес правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в ряде его определений по вопросу о реагировании суда второй (кассационной) инстанции на ходатайства участников процедуры об исследовании доказательств: «Положения статьи 377 в ее конституционно-правовом истолковании, вытекающем из сохраняющих свою силу решений Конституционного Суда РФ и Определений Конституционного Суда РФ от 12.07.2005 № 335-О и от 12.07.2005 № 336-О, не предполагает возможность произвольного отказа судом кассационной инстанции в удовлетворении ходатайств стороны защиты о приобщении к делу дополнительных материалов и исследовании доказательств и не исключает необходимость отражения в принятых судом кассационной инстанции решениях или в протоколе его заседания действий суда и участников судебного заседания, в том числе связанных с исследованием доказательств и имеющих значение для оценки законности и обоснованности кассационного определения» [7]. Данная правовая позиция КС РФ никак не связывает обязанность суда второй инстанции по исследованию доказательств с формальными требованиями по обоснованию сторонами невозможности ранее представить доказательства суду первой инстанции. Безусловно, оппоненты могут нам возразить: раньше не было нормы, которая устанавливала правила представления новых доказательств в суд второй инстанции, поэтому КС РФ не мог толковать закон, еще не принятый к тому моменту. Но в данном определении нас привлекает сама идея: суд второй инстанции не вправе произвольно отказывать сторонам в приобщении и исследовании новых доказательств. Эта правовая позиция сформирована в русле идей Концепции судебной реформы, о которых мы писали в начале данной статьи.

Итак, резюмируя вышеизложенное, считаем, что процедура исследования доказательств судом апелляционной инстанции должна быть освобождена от формализма, что предоставит в руки суда действенный механизм установления истины и справедливости и создаст реальные гарантии участникам уголовного процесса на новый пересмотр уголовного дела с учетом вновь представленных в суд второй инстанции доказательств.

Список литературы:

1. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 45.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Абхазия (в ред. Закона Республики Абхазия от 19.04.2019 № 4772-с-VI). URL: http://presidentofabkhazia.org/doc/codecs/ (дата обращения: 01.12.2019).

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24, ст. 2830.

5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства: Федеральный закон от 23.07.2013 № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30, ч. 1, ст. 4050.

6. Зайцева Е.А. Роль следственной и судебной практики в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права: моногр. / Е.А. Зайцева, В.К. Ашуров, О.В. Сидоренко. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 224 с.

7. Паспорт законопроекта № 169137-6 // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka New%29?Open Agent&RN=169137-6&02 (дата обращения: 12.09.2013).

8. По жалобе гражданина Дикина Александра Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 377 и 388 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2005 № 335-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2020).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Абхазия (в ред. Закона Республики Абхазия от 19.04.2019 № 4772-с-VI). URL: http://presidentofabkhazia.org/doc/codecs/ (дата обращения: 01.12.2019).

Евстигнеева О.В.

к.ю.н., доцент,
Судья Первого кассационного суда
общей юрисдикции,
г. Саратов
evstig-olga@yandex.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОГО БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ СТОРОН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация*: в статье рассматриваются вопросы соотношения истины и справедливости в уголовном судопроизводстве. Автор приходит к выводу, что принцип справедливости является основой для решения как теоретических, так и практических проблем, связанных с ограничением конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве на законодательном уровне и на уровне правоприменения. При этом установление истины по уголовному делу выступает необходимой предпосылкой такого ограничения, способной оправдать вмешательство в индивидуальные права отдельного гражданина защитой прав других лиц или интересов безопасности общества и государства. Однако, такое ограничение не может быть произвольным и должно соответствовать определенным критериям.*

Ключевые слова*: принцип справедливости, установление истины, обеспечение баланса интересов сторон в уголовном судопроизводстве, соразмерность ограничений прав участников уголовного судопроизводства.*

Evstigneeva O.V.

Ph.D(Law), Associate Professor,
Judge of the First Court of Cassation,
Saratov

ESTABLISHING THE TRUTH AND ENSURING A JUST BALANCE OF INTERESTS OF THE PARTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract*: the article deals with the relationship between truth and justice in criminal proceedings. The author comes to the conclusion that the principle of justice is the basis for solving both theoretical and practical problems related to the restriction of constitutional rights and freedoms of the individual in criminal proceedings at the legislative level and at the level of law enforcement. At the same time, the establishment of the truth in a criminal case is a necessary prerequisite for such a restriction, which can justify interference with the individual rights of an individual citizen by protecting the rights of other persons or the security interests of society and the state. However, this restriction cannot be arbitrary and must meet certain criteria.*

Keywords*: the principle of justice, establishing the truth, ensuring the balance of interest of the parties in criminal proceeding, proportionality of restrictions on the rights of participants in criminal proceedings.*

Справедливость в философии и праве неразрывно связана с истиной. В теории государства и права истина рассматривается как гносеологическое основание справедливости. Вопросы о понятии истины [1, с. 7–10; 2, с. 142–157; 3, с. 11–18; 4, с. 19–32; 5, с. 33–39; 6, с. 40–49; 7, с. 56–64; 8, с. 99–104; 9, с. 105–110; 10, с. 118–143; 11, с. 192–198; 12, с. 238–243; 13, с. 274–279], а также о соотношении категорий истины и справедливости [15, с. 573–578] в уголовном судопроизводстве составляют предмет научной дискуссии, которая вряд ли близка к своему завершению. Вместе с тем, большинство российских ученых согласны с тем, что требование истинности сопровождает познавательно-оценочный процесс изучения фактических обстоятельств уголовного дела, а необходимость установления истины внутренне ориентирует правоприменительную деятельность. Связь исти-

ны и справедливости в уголовно-правовой сфере проявляется на познавательном и практическом уровнях.

Вместе с тем, роль установления истины в правовом механизме утверждения и восстановления нарушенной справедливости в сфере уголовного судопроизводства этим не исчерпывается. На наш взгляд, на современном этапе представляет особый интерес исследование соотношения истины и иных правовых ценностей с позиций конституционных норм, закрепивших приоритетное значение прав и свобод человека.

Нужно отметить, что такая расстановка приоритетов, мягко говоря, не привычна для российских граждан и общества в целом. В литературе обоснованно отмечено, что в нашей стране так и не сформировалась традиция человека как носителя ценностей. В иерархии ценностей российского общества права человека традиционно занимали самую последнюю ступень. В отношениях государства и человека приоритет отдавался обязанностям и обязательствам последнего [14, С. 3–11].

Некоторые ученые склонны усматривать в таком положении вещей специфику российского менталитета, в котором на первом месте стоит защита общего блага, и лишь затем – охрана интересов отдельно взятой личности. Позволим себе с этой позицией не согласиться. Наилучшим условием формирования и развития цивилизованной личности российского гражданина, утверждения его человеческого достоинства является гражданское общество. Такое направление развития предопределяет нравственное совершенствование личности, расширение и укрепление ее свободы. Этическое государство и нравственный человек с развитым чувством собственного достоинства немыслимы без свободы, равенства и справедливости.

Таким образом, справедливость (как и само достоинство в качестве одной из предпосылок справедливости) предстает в виде нравственной ценности, эволюционирующей до уровня самостоятельного субъективного права (право на справедливое судебное разбирательство в системе общепризнанных принципов и норм) и общеправового принципа, обладающего особыми свойствами. Справедливость в уголовном судопроизводстве служит основой для формирования правового статуса личности в отраслевом законодательстве, обеспечивает необходимое соотнесение объема прав, обязанностей и ответственности взаимодействующих между собой субъектов с высшими конституционными ценностями и целями (назначением) отраслевого законодательства, среди которых одной из важнейших является цель получения истинного знания об обстоятельствах дела в полном соответствии с реальной действительностью.

Таким образом, с одной стороны, справедливость, будучи мерой равенства и свободы, обязывает создавать правовые механизмы защиты прав и свобод личности, сглаживания противоречий, возникающих между отдельными личностями или их группами в процессе реализации их прав, а также очерчивает пределы ограничения прав и свобод человека. С другой стороны, цель получения истинного знания об обстоятельствах совершенного преступления, обязывает государство к созданию эффективных способов получения такого знания и наделения для этого необходимым объемом полномочий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Необходимость установления истины как цель доказывания позволяет создавать фактическую основу для принятия справедливого решения по делу, но она же одновременно может служить необходимой и достаточной причиной существенного ограничения прав и свобод отдельных участников уголовного судопроизводства, и тем самым вступать в конфликт с принципами состязательности сторон и обеспечения права на защиту.

В качестве примера можно привести ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в соответствии с которой свидания с родственниками и иными лицами осуществляются под контролем сотрудников мест содержания под стражей и в случае попытки передачи подозреваемому или обвиняемому запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания либо сведений, которые могут препятствовать *установлению истины* по уголовному делу или способствовать совершению преступления, прерываются досрочно.

Вопрос о применении данной статьи в контексте обеспечения права на справедливое судебное разбирательство был рассмотрен Европейским судом по правам человека, который установил следующее. Во время встречи с адвокатом надзиратели, наблюдавшие за свиданием, заметили, что обвиняемый в нарушение пункта 4 статьи 18 ФЗ № 103 передал адвокату рукописный текст, который не входил в состав процессуальных документов. Адвокат порвал его на части и спрятал обрывки в карман брюк. В конце свидания сотрудник изолятора уведомил адвоката, что все письменные жалобы и ходатайства должны быть вначале осмотрены администрацией изолятора, а затем направлены ему в течение трех дней. Адвокату было предложено выдать все запрещенные предметы, но он отказался. При таких обстоятельствах и в соответствии с пунктом 6 статьи 34 ФЗ № 103 сотрудники следственного изолятора, имея достаточные основания полагать, что адвокат проносит запрещенные предметы, обыскали его одежду и обнаружили обрывки записки, написанной обвиняемым. Эти обрывки были изъяты. Как следует из данной записки, обвиняемый давал своему адвокату указания, как воспрепятствовать расследованию [16].

Рассматривая данную жалобу, ЕСПЧ сформулировал ряд правовых позиций, которые имеют принципиально важное значение для выработки универсального подхода к разрешению такого рода ситуаций, когда установление истины вступает в конфликт с принципом обеспечения права на защиту.

Европейский Суд отметил, что цензура заметок и черновиков, подготовленных адвокатами обвиняемых и принесенных с собой на свидания с клиентами, требует особого подхода. В первую очередь, такое ограничение должно иметь прочную основу во внутригосударственном законодательстве, то есть право подвергать записи адвоката досмотру должно быть прямо предусмотрено, а не требовать расширительного толкования. При этом статья 18 Закона о содержании под стражей, по мнению

Европейского суда такому критерию не соответствует, поскольку в ней имеется в виду переписка заключенных с внешним миром, «предметы, вещества и продукты питания», которые заключенным не разрешается иметь. Европейский Суд усомнился в том, что черновики или записи, сделанные адвокатом во время свидания со своим клиентом подпадают под данную категорию. Таким образом, любые ограничения, применяемые к обвиняемому в связи с его контактами с адвокатами, должны иметь законную основу, и закон должен быть достаточно определенным [17].

Следующим важным условием применения ограничения, установленного законодателем, является необходимость и оправданность данной меры, исходя из конкретных обстоятельств дела. Поскольку тайна письменных коммуникаций между адвокатом и его подзащитным не менее важна, чем тайна их устного общения, особенно если дело представляет сложность с фактической и правовой точек зрения, записи, черновики, проекты, планы действий, подготовленные адвокатом для свидания или во время его, должны быть отнесены к привилегированным материалам.

Некоторые исключения из общего принципа возможны, только если у властей есть веские основания полагать, что имеет место злоупотребление правилом конфиденциальности. И поэтому переписка заключенного с адвокатом не может быть подвергнута обычной проверке. Данная корреспонденция может быть вскрыта, только если тюремная администрация имеет разумные основания полагать, что она содержит незаконное вложение. Однако письмо может быть лишь вскрыто, но не прочитано. Прочтение письма заключенного к адвокату и от него может быть допустимым только при исключительных обстоятельствах, когда имеются разумные основания предполагать злоупотребление тайной, если содержание письма создает угрозу безопасности места содержания под стражей или безопасности других лиц.

Недопустимо исходить из противоположной презумпции о том, что все письменные коммуникации между заключенным и его адвокатом подозрительны. Здесь еще раз нужно подчеркнуть, что конфиденциальность контактов адвоката и клиента не является абсолютной. Однако тот факт, что обвиняемый содержится под стражей, недостаточен для того, чтобы подвергать все его письменные коммуникации цензуре на неопределенный срок [18].

Например, основания для обоснованных сомнений могут возникнуть, когда речь идет об особо опасных заключенных, обвиняемых в совершении преступлений террористической направленности [19]. Либо в случае, когда имеются данные о том, что адвокаты обвиняемых ранее злоупотребляли профессиональными привилегиями. Кроме того, такие меры могут быть оправданы в первые дни или недели после задержания, когда угроза вмешательства в доказательства, сговора или продолжения преступной деятельности наиболее вероятна.

Таким образом, принцип справедливости является основой для решения как теоретических, так и практических проблем, связанных с ограничением конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве на законодательном уровне и на уровне правоприменения. При этом установление истины по уголовному делу выступает необходимой предпосылкой такого ограничения, способной оправдать вмешательство в индивидуальные права отдельного гражданина защитой прав других лиц или интересов безопасности общества и государства. Однако, такое ограничение не может быть произвольным и должно соответствовать следующим критериям:

- четкое и конкретное закрепление в законе ограничения права, не требующее расширительного толкования;
- необходимость и оправданность данной меры, исходя из конкретных обстоятельств дела;
- целью такого ограничения должно быть обеспечение установления истины по делу либо предотвращение угрозы безопасности для других лиц, общества и государства.

Список литературы:

1. Азаров В.А. Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 7–10.

2. Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 142–157.

3. Аширова Л.М. Объективная истина как элемент справедливого разбирательства по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 11–18.

4. Баев О.Я. Законопроект «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве» и возможные последствия его принятия // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 19–32.

5. Бозров В.М. Истина в уголовном процессе: pro et contra // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 33–39.

6. Боруленков Ю.П. Стремление к истине – высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 40–49.

7. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 56–64.

7. Головко Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 65–87.

8. Ежова Е.В. Роль суда в установлении истины по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 99–104.

9. Зорин Р.Г. Судьба истины в уголовном процессе. Рождение, реанимация или верная погибель? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 105–110.

10. Колоколов Н.А. Момент истины // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 118–143.

11. Орлов Ю.К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 192–198.

12. Резник Г.М. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 238–243.

13. Шагеева Р.М. В споре рождается истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 274–279.

14. Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2002. С. 3–11.

15. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3(45). С. 564–593.

16. Постановление ЕСПЧ от 25 июня 2013 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 1.

17. Постановление Европейского Суда по делу «Нолан и К. против Российской Федерации» (Nolan and K. v.Russia) от 12 февраля 2009 г., жалоба № 2512/04 <1>, §§ 98–99 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Европейского Суда по делу «Янкаускас против Литвы» (Jankauskas v. Lithuania) от 24 февраля 2005 г., жалоба № 59304/00, § 22, см. также Постановление Европейского Суда по делу «Кепенеклиолу против Турции» (Kepenekliogiu v. Turkey) от 23 января 2007 г., жалоба № 73520/01, § 31//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).

19. Постановление Европейского Суда по делу «S. против Швейцарии», § 47, Решение Комиссии по правам человека по делу «Крехер и Меллер против Швейцарии» (Krocher and Moller v.Switzerland) от 10 июля 1981 г., жалоба № 8463/78, DR 26, p. 40) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).

Ермишина Н.С.
к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»,
г. Петрозаводск
ermishina_nataly@mail.ru

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация*: в статье рассматривается вопрос о доказательствах в законодательстве отдельных стран Северной Европы (Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании), регулирующем вопросы уголовного судопроизводства, а также в правоприменительной практике данных стран. Приводиться сравнительный анализ понятия «доказательства», с целью установления объема соотношения термина в правовой регламентации стран Северной Европы и российском уголовном процессе.*

Ключевые слова*: доказательства, страны Северной Европы, уголовный процесс, сравнительный анализ.*

Ermishina N.S.
Ph.D(Law),
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk

EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE

Abstract*: the article discusses the content of the concept of "evidence" in the legislation of individual countries of Northern Europe (Finland, Sweden, Norway), which regulates criminal proceedings, as well as in the law enforcement practice of these countries. A comparative analysis of the concept of "evidence" is given in order to establish the scope of the ratio of the term in the legal regulation of the countries of Northern Europe and the Russian criminal process.*

Keywords*: evidence, countries of Northern Europe, criminal process, comparative analysis.*

К странам Северной Европы традиционно относят Финляндию, Швецию, Данию и Норвегию. Регулирование уголовно-процессуальной деятельности указанных странах, также сравнительный анализ отдельных уголовно-процессуальных институтов в настоящее время фактически не проводиться в отечественной уголовно-процессуальной науке. Однако, интерес в России (в том числе отдельных ее регионов, например Республики Карелия, Мурманской области и других) к сотрудничеству со странами Северной Европы является довольно высоким, в том числе в сфере уголовного процесса, это объясняется прежде всего высоким уровнем развития технического сопровождения уголовно- процессуальной деятельности в данных странах, также значительным уровнем защиты прав и свобод человека и гражданина указанной сфере правоотношений.

Сравнение и определение понятия «доказательства» необходимо прежде всего в целях обеспечения надлежащего исполнения просьб о взаимной правовой помощи, что приобретает особое значение в контексте развития принципа прямых контактов между компетентными судебными и правоохранительными органами. По версии международной неправительственной организации World Justice Project (исследование проводится с 2010 года) уголовное законодательство, включая регулирование производства по уголовным делам в странах Северной Европы признано в 2019 году лучшим в мире, первое место в рейтинге занимает Финляндия, далее Дания, Норвегия и Швеция соответственно [4]. Российская Федерация также присутствует в данном рейтинге и занимает 101 место среди стран, в которых проводиться данное исследование (всего 126 стран). С точки зрения оценки отправления уголовного правосудия при расчете индекса учитывается целая система факторов: эффективность и законность задержания лиц, совершивших преступление, оценка материально-технического оснащения органов расследования и суда для осуществления своей деятельности, влияние коррупции на отправление правосудия, квалификация и беспристрастность лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, является ли правосудие своевременным и эффективным в части защиты прав человека и гражданина, подвергнуты ли лица, совершившие преступления, эффективному преследованию и наказанию, соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства, а также опреде-

ляется, могут ли подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений иметь доступ к доказательствам, использованным против них, и получают ли они адекватную правовую помощь.

Финляндская Республика в рамках своего законодательства не выделяет отдельный кодифицированный акт о производстве по уголовным делам. Нормы уголовного процесса содержатся в ряде законов, связанных с «базовым» Законом Финляндии «Об уголовной процедуре» (Criminal Procedure Act) [3], принятым в 1997 г., а также действует «Судебно-процессуальный кодекс» (Code of Judicial Procedure) [5] от 1734 года, регулирующий основы деятельности судов вне зависимости от вида осуществляемого правосудия, и Закон об уголовном расследовании (Criminal Investigation Act) от 2011 года.

В отличии от отечественного Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), в котором в п. 1 ст. 74 дается концентрированное определение доказательства как понятия, а также в п. 2 указанной статьи дается перечень источников доказательств, которые допускаются при производстве по уголовным делам в РФ, финское уголовно-процессуальное законодательство не содержит аналогичных положений. Фактически источники доказательств определяются в Финляндии как две большие группы: показания (письменные или устные обвиняемого, свидетелей, экспертов) и вещественные доказательства (предметы, документы, включая протоколы предварительного следствия).

Сегодня законодательство в Финляндской Республике в части реформирования направлено на адаптацию его к работе с «цифровыми» источниками, отмечается, что процесс построен для работы с традиционными доказательствами и существует объективная потребность в пересмотре процедур для новой формы доказательств.

Уголовно-процессуальная деятельность и доказательства, в том числе их виды и порядок их получения в Королевстве Норвегия, регулируется Законом об уголовном процессе (CriminalProcedureAct) от 22 мая 1981 года [2]. Доказательствам посвящен 3 раздел, который содержит главы о свидетелях, экспертизе, о запросах, а также об установлении обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (дословно – социальное расследование, которое позволяет установить социальные условия обвиняемого, а также оценить дальнейшие перспективы в будущем данного лица, если расследование длиться более года, такое расследование повторяется).

В Швеции не существует отдельного закона, регулирующего производство по уголовным делам, поскольку Шведский судебно-процессуальный кодекс (rдttegengsbalk 1942: 740) [6] содержит положения как для гражданского, так и для уголовного судопроизводства. Базовыми принципами, на которых построено понятие «доказательства», является свободный допуск и свободная оценка доказательств. После добросовестного изучения всего, что было представлено в качестве доказательств, суд должен решить, что было доказано в деле. Под свободным допуском подразумевается, что не существует какого-либо ограничения на то, что является допустимым в качестве доказательства с точки зрения российской теории уголовно-процессуальной формы, следовательно, даже незаконно полученные доказательства могут быть допущены в суде.

Дания похожа на Норвегию и Швецию тем, что не разрабатывала прецедентное право, как в Англии и США, и кодексы, как во Франции и Германии. Датское законодательство в сфере уголовного судопроизводства также не представлено единым кодифицированным актом, нормы права регулирующие отношения в сфере расследования и разрешения уголовных дел закреплены в законе от 1916 года «Об отправлении правосудия» (Lov om Rettens Pleje – Retsplejeloven) [1], который претерпел значительное количество изменений и дополнений, включая правила ареста, предварительного заключения и условий использования различных следственных действий.

Таким образом, доказательства в уголовном процессе в странах Северной Европы рассматриваются как средство убеждения суда в отношении отдельных обстоятельств и фактов, а также как средство познания. По видам источника доказательства разделяются в законодательстве на личные и вещественные. Сравнительный анализ показывает, что одним из принципиальных отличий в определении доказательств между отечественным правовым регулированием и законодательством стран Северной Европы в части признаков доказательств является «отрицание» (частичное и полное) понятия допустимости доказательства с точки зрения отечественной теории уголовно-процессуальной формы, что позволяет использовать для убеждения суда, в том числе доказательства полученные незаконно.

Список литературы:

1. Закон Дании «Об отправлении правосудия» (Lov om Rettens Pleje – Retsplejeloven). URL: https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=183537 740 (дата обращения: 28.02.2020).

2. Закон об уголовном процессе Королевства Норвегия (Criminal Procedure Act). URL: https://www.legislationline.org/download/id/8290/file/Norway_Criminal_Procedure_Act_1981_am2013_en.pdf (дата обращения: 28.02.2020).

3. Закон Финляндии «Об уголовной процедуре» (Criminal Procedure Act). URL: ttps://www.legislationline.org/download/id/6376/file/Finland_Criminal_Procedure_Act_1997_am2015_en.pdf (дата обращения: 28.02.2020).

4. Отчет проекта «World Justice Project. RuleofLaw» за 2018–2019. URL: Indexhttps://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/ROLI-2019-Reduced.pdf (дата обращения: 28.02.2020).

5. Судебно-процессуальный кодекс Финляндии (CodeofJudicialProcedure). URL: https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1734/en17340004.pdf (дата обращения: 28.02.2020).

6. Шведский судебно-процессуальный кодекс (rдttegengsbalk 1942: 740). URL: http://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=1942:740 (дата обращения: 28.02.2020).

Зайцева Е.А.
д.ю.н., профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
Волгоградская академия МВД России,
Волгоград

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ДОКАЗЫВАНИЮ СВЕДУЩИХ ЛИЦ НЕВЛАСТНЫМИ СУБЪЕКТАМИ

Аннотация: *в статье анализируются возможности невластных субъектов уголовного процесса по вовлечению в доказывание лиц, обладающих специальными знаниями. Констатируется, что попытки законодательно уравнять познавательные возможности стороны защиты и властных субъектов не создали действенных гарантий для допуска в процесс специалистов, приглашенных стороной защиты.*

Ключевые слова: *сведущие лица, сторона защиты, доказывание, альтернативная экспертиза, консультация специалиста.*

Zaitseva E.A.
Dr.Sci(Law), Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russia,
Academy of the Interior Ministry of the Russia,
Volgograd

PARTICIPATION IN PROVING COMPETENT PERSONS AT THE IN-ITIATIVE OF POWERLESS SUBJECTS

Abstract: *the article analyzes the possibilities of unwelcome subjects of criminal proceedings to involve persons with special knowledge in proving. It is stated that attempts to equalize by law the cognitive capabilities of the protection party and the power entities have not created effective guarantees for the admission into the process of specialists invited by the protection party.*

Keywords: *information persons, defense attorney, proof, alternative expertise, specialist consultation.*

Осуществление познавательных приемов в ходе доказательственной деятельности нередко требует от субъектов доказывания наличия определенных навыков и знаний, которыми они априори не могут обладать. Особенно остро потребность в наличии специальных познаний ощущается в последнее время ввиду развития науки и техники и широкого внедрения различных технологий в практику доказывания, т.к. «плодами» научно-технического прогресса пользуются не только властные субъекты уголовного судопроизводства, но и иные участники, имеющие в уголовном деле самостоятельный правовой интерес либо представляющие чужие интересы при производстве по уголовному делу. Если вопросы привлечения к участию в следственных или иных процессуальных действиях сведущих лиц властными субъектами более менее урегулированы уголовно-процессуальным законодательством, и за долгие годы его применения наработалась относительно устойчивая практика, то в отношении полномочий невластных субъектов, решивших обратиться за помощью к сведущим лицам, все не так просто.

В науке уголовно-процессуального права разрабатывались критерии необходимости вовлечения в доказывание сведущих лиц субъектами, осуществляющими производство по уголовному делу. В частности, Н.А. Раимжанова в 2015 г. подчеркивала, что «необходимость и целесообразность привлечения к участию в доказывании лиц, обладающих специальными знаниями, обусловлена тремя критериями: технологическим – для более качественного и эффективного осуществления действий по обнаружению, фиксации и изъятию доказательственной информации, которую можно выявить только благодаря новейшим достижениям науки и техники; процессуальным – гарантируется объективность данных действий и их результатов, когда следователю помогают обнаруживать, фиксировать и изымать доказательственную информацию незаинтересованные в исходе дела компетентные лица; правообеспечительным – специалисты привлекаются для создания условий безопасности, соблюдения прав и законных интересов участников производства по уголовному делу» [6, с. 11-12].

Если экстраполировать ее подход на ситуацию с невластными субъектами, то можно отметить, что привлечение ими сведущих лиц в большей степени обусловлено технологическим (или, назовем его «инструментальным») аспектом, что подчеркивает потребность в специальных знаниях и навыках именно для обеспечения эффективности доказательственной деятельности невластных субъектов. Процессуальный критерий вряд ли срабатывает в случае с невластными субъектами, т.к. трудно ожидать объективности от сведущих лиц, которые фактически наняты стороной для осуществления тех или иных познавательных операций. О правообеспечительном критерии в ситуации с приглашением сведущих лиц невластными субъектами доказывания также можно говорить с определенной долей условности, т.к. обязанность обеспечения прав и законных интересов участников судопроизводства возложена на властных субъектов (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель «озаботился» обеспечением нормативного регулирования процедур приглашения сведущих лиц исключительно стороной защиты, а именно – защитником (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), оставив без должного нормативного регулирования вопросы привлечения сведущих лиц потерпевшим, его представителем, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями – с целью оказания им научно-технической и консультационной помощи в доказывании значимых для этих участников уголовного процесса обстоятельств. Такая «избирательность» законодателя в важном для обеспечения равенства прав сторон моменте вызывает недоумение. Учитывая «инструментальную» значимость участия в доказывании сведущих лиц, можно однозначно отметить явный дис-

баланс в процессуальных возможностях невластных субъектов доказывания и, прежде всего, «уязвимость» позиции стороны обвинения – в лице потерпевшего, гражданского истца и их представителей (законных представителей), защита прав и интересов которых возведена в ст. 6 УПК РФ в ранг «назначения уголовного судопроизводства».

При этом анализ собственно возможностей самой стороны защиты в привлечении к участию в доказывании сведущих лиц также показывает неравноценность предоставленных защитнику и властным субъектам «инструментальных» приемов доказывания. Это проявляется, прежде всего, в отсутствии полномочия защитника назначить судебную экспертизу. Да, безусловно, можно говорить о том, что защитник вправе ходатайствовать перед властными субъектами, ведущими производство по уголовному делу, о назначении судебной экспертизы для решения вопросов, необходимых ему для осуществления защиты. Однако ни для кого не секрет, как реагируют следователи и дознаватели (а в судебном производстве и сами судьи) на подобные ходатайства. Да, можно говорить о том, что защитник вправе инициировать несудебную экспертизу с последующим заявлением ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела заключения несудебной экспертизы – в качестве документа-доказательства по правилам ст. 84 УПК РФ. Но и тут возникает проблема с нежеланием властных субъектов удовлетворять подобные ходатайства.

Поэтому вполне ожидаемым было обращение Г.М. Резника к руководству государства 10 декабря 2019 г. на заседании Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека с просьбой предоставить в руки адвокатов-защитников действенный инструмент доказывания – экспертизу [1].

Ранее по инициативе адвокатского сообщества в УПК РФ вносились значимые дополнения, которые были направлены на достижение баланса средств доказывания сторон защиты и обвинения. К числу таковых со всей уверенностью можно отнести новеллы Федерального закона № 92ФЗ от 04.07.2003 [3] о заключении специалиста. Адвокатское сообщество ожидало получить от реализации этого законопроекта альтернативу заключению эксперта, полагая, что под видом заключения специалиста можно будет представлять по уголовному делу результаты несудебной экспертизы. Однако законодатель специфически изложил норму о заключении специалиста в ч. 2 ст. 80 УПК РФ – буквальное толкование этих положений в сравнении с нормативными установлениями ч. 1 ст. 80 УПК РФ, определяющими сущность доказательства – заключения эксперта, приводит к однозначному выводу о том, что для дачи заключения специалиста производство исследования не предусмотрено. Таким же образом толкуют данную новеллу Пленум Верховного Суда РФ [6] и Конституционный Суд РФ [2]. Следовательно, ожидания адвокатов в части регламентации альтернативного судебной экспертизе исследования по инициативе защитников – не оправдались.

Особые надежды возлагало адвокатское сообщество на федеральный закон № 73ФЗ от 17.04.2017 [4], которым в ст. 58 УПК РФ была введена новая часть 2.1, установившая для следователя и дознавателя обязательность ходатайства стороны защиты о привлечении к производству по уголовному делу специалиста для оказания им консультационной помощи. Однако формулировка последней части указанной новеллы опять «свела на нет» все устремления адвокатского лобби: данное ходатайство не подлежит удовлетворению при наличии оснований для отвода специалиста. При системном толковании данных законоположений и ст. ст. 70 и 71 УПК РФ становится очевидной возможность отвести любого специалиста, приглашенного стороной защиты, если будет установлено, что между ними заключен договор возмездного оказания услуг (естественно, что специалисты участвуют в процессуальных действиях по инициативе адвокатов только в том случае, если последние «им делают предложение, от которого специалисты не могут отказаться»). При отсутствии доказательств «финансовой зависимости» от стороны приглашенного адвокатом-защитником специалиста следователи (а нередко и судьи) находят другие основания для отвода специалиста – например, ввиду некомпетентности специалиста. Причем вывод об отсутствии необходимых специальных знаний у специалиста властные субъекты аргументируют по-разному: истечением сроков ведомственных свидетельств на право самостоятельного производства судебных экспертиз, нерегулярностью аттестации специалиста, работающего в частном экспертном учреждении, и т.д.

Таким образом, исходя из того, что именно властные субъекты «вводят» в уголовный процесс различных участников уголовного судопроизводства, разъясняя им права, обязанности, предупреждая их об ответственности, «последнее слово» в допуске лица в качестве специалиста остается за следователем, дознавателем и судом. И хотя специалист приглашается в помощь защитнику, который, по сути, и определяет «пригодность» соответствующего специалиста для нужд защиты, тем не менее, именно властные субъекты могут, ссылаясь на ст. 71 УПК РФ, лишить сторону защиты такого эффективного инструмента доказывания, как консультационная помощь сведущего лица. В условиях усложнения доказывания в наш технологизированный век и вовлечения в эту деятельность властными субъектами различных специалистов создавшееся положение существенно ограничивает возможности невластных субъектов, обедняя их арсенал средств доказывания.

В цивилизованном уголовном процессе, который позиционируется как уголовный процесс, основанный на принцах состязательности и равенстве прав сторон, подобное неравенство в познавательных возможностях сторон отрицательно сказывается на обеспечении прав и законных интересов личности особенно в досудебном производстве. В этом контексте призывы представителей адвокатского сообщества [1] ввести фигуру следственного судьи для обеспечения баланса в доказывании на стадии предварительного расследования можно оценить как один из способов решения этой застарелой проблемы отечественного уголовного процесса.

Список литературы:

1. Генри Резник выступил на заседании СПЧ, проведенном Президентом РФ Владимиром Путиным. Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы. URL: https://www.advokatymoscow.ru/press/news/6388/ (дата обращения: 19.02.2020).

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астахова Павла Васильевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение от Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 2032О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2020).

3. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1), ст. 2706.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17, ст. 2455.

5. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

6. Раимжанова Н.А. Нормативная регламентация использования специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 263 с.

Зашляпин Л.А.

к.ю.н., доцент,
Северо-Западный филиал
Российского государственного
университета правосудия,
г. Санкт-Петербург
leonid.zashlyapin@gmail.com

ВОПРОС – МАСШТАБИРУЕМОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация*: вопрос как элемент допроса является масштабируемым процессуальным средством собирания (проверки) доказательств. Подобие вопроса (как процессуального средства) допросу, несмотря на процессуальную разноразмерность, должно влечь схожее регулирование формулирования и использования вопросов по модели проведения допросов.*

Ключевые слова*: доказывание, средства доказывания, допрос, вопросы.*

Zashlyapin L.A.

Ph. D., Associate Professor,
North-West branch Russian state University of justice,
Saint Petersburg

QUESTIONING IS A SCALABLE PROCEDURAL MEANS OF PROOF

Abstract*: the question as an element of interrogation is a scalable procedural means of gathering (verifying) evidence. The similarity of the question (as a procedural means) to interrogation, despite the procedural different dimensions, should entail similar regulation of the formulation and use of questions according to the model of interrogation.*

Keywords*: evidence, means of proof, interrogation, questions.*

Доказательства для носителей теоретического правосознания с советских времен образуют фасад понимания теории доказательств и доказывания. Соответствующая этому доминанта в правосознании практиков уголовного судопроизводства так же может быть констатирована, что, судя по всему, –закономерно.

Дело в том, что советский и современный российский законодатель в уголовно-процессуальном законе на первый план выводили (выводят) главу о доказательствах. Так было в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР), так есть и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. (далее – УПК РФ). Определяя иерархию регуляционной важности, советский законодатель в главе 5 «Доказательства» раскрывал в первую очередь такие виды доказательств как показания свидетеля (ст. 74 УПК РСФСР), показания потерпевшего (ст. 75 УПК РСФСР) и т. д. и только через шесть глав далее описывал регулирование процессуальных средств получения этих доказательств в главе 12 «Допрос свидетеля и потерпевшего» (статьи 160–161 УПК РСФСР).

Схоже поступает и современный законодатель. В первую очередь в УПК РФ приводится регулирование доказательств (что с точки зрения уголовно-процессуальной деятельности – процессуальные результаты, финиш уголовно-процессуальной деятельности) (глава 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве» УПК РФ), и лишь затем описывается доказывание и используемые при этом уголовно-процессуальных средств.

При таком конструкции уголовно-процессуального закона у правоприменителя возникает инверсированное правосознание. Доминирующие позиции (как наиболее важные) в этом случае занимают доказательства (результаты доказательственной деятельности) и лишь затем (в более глубоких слоях правосознания) формируется представление о процессуальных средства доказывания.

Нормализованная же конструкция регулирования доказательственной деятельности влекла бы в первую очередь формирование элементов правосознания о целях (задачах) доказывания, далее об используемых процессуальных средствах доказывания, и лишь после этого о процессуальных результатах доказывания (доказательствах). Логичность такого подхода можно усматривать в работах Ю.В. Францифорова, аргументирующего получение процессуального результата (состояния безопасности свидетелей и потерпевших) как следствия

реализации некоторых процессуальных средств – следственных действий; М.А. Барановой, указывающей на то, что важен не только изолированный результат уголовно-процессуальной деятельности – приговор, но и уголовно-процессуальные средства, позволяющие достичь этот результат; М.А. Лавнова, в взглядах которого процессуальное решение о прекращении уголовного дела, интерпретируется как результат уголовно-процессуальной активности состязающихся сторон [1, с. 159; 6, с. 163–169; 9, с. 79–83;].

В связи с указанным можно зафиксировать, что линейное понимание уголовно-процессуальной деятельности, в том числе доказательственной, включает субъекта доказывания, формулируемых им целей (задач) доказывания, применяемых процессуальных средств доказывания и результатов доказывания. В настоящей публикации мы обратим внимание на явление масштабируемости процессуальных средств доказывания и представления через данную методику вопросов как элементов допроса. В качестве же гипотезы мы предположим, что доказательственная деятельность в целом (предварительное и судебное следствие) и ее фрагмент могут являться подобными независимо от линейной размерности части их уголовно-процессуальной формы.

В результате ранее проведенных нами исследований была выявлена некоторая связь предварительного (или судебного) следствия, реализуемых в ходе этих стадий следственных (или судебных) действий, например, допросов, и вопросов, образующих основное (а по логике закона – единственное) содержание этого процессуального действия. Все это есть процессуальные средства доказывания, но взятые законодателем в определенном процессуальном масштабе. Предварительное расследование (судебное следствие), детерминируясь целью (задачами) собирания и проверки доказательств, считает имманентным такое процессуальное действие как допрос. Допрос, однако, также есть процессуальное средство для собирания (проверки) доказательств как и предварительное расследование. При этом допрос есть системное явление, некоторая целостность, состоящая из элементов – вопросов

При этом и вопросы – так же средство собирания (проверки) доказательств. Целевая ориентация всех трех нормативно-юридических конструкций схожа. Это, в силу того, что в доказательственной деятельности цель детерминирует процессуальные средства, а последние – процессуальные результаты, позволяет усматривать схожесть (подобие) уголовно-процессуальной формы допроса и вопроса (вопросов, как элементов допроса), несмотря на их разноразмерность относительно друг друга [4, с. 173–176].

Поддержка выдвинутой нами гипотезы имеет, как мы полагаем, необходимую аргументационную базу в теории отечественного уголовного процесса, где есть множество научных позиций, из которых можно допускать масштабируемость процессуальных средств доказывания.

Так, например, С.К. Струнков считает процессуальные средства, к которым можно относить и уголовно-процессуальные средства доказывания, «многоуровневым образованием» [8, с. 21, 33]. Эту многоуровневость данный ученый использует для выделения каких-то простых элементов и комплексированных[1]. В такой форме представления можно видеть допрос (следственный или судебный) как неделимый моно-элемент, позволяющий собрать (или проверить) доказательство – показания. При этом, в отличие от С.К. Стрункова, мы полагаем, что (относительно избранной нами тематики исследования) допрос удобнее рассматривать не как «элементарное, простое» средство, а как средство, позволяющее доказывать (собирать, проверять доказательства) в определенном масштабе – на уровне «допрос – показания». При этом существует и иной, более низкий уровень доказывания «вопросы – ответы». На этом уровне вопросы, используемые в допросах, являются процессуальными средствами собирания доказательств, а получаемые ответы – процессуальными результатами, представляющими процедуру формирование доказательства – показаний.

Таким образом, в качестве первого промежуточного суждения можно считать, что вопрос является уголовно-процессуальным средством доказывания (собирания, проверки доказательств) подобным допросу и нам необходимо далее обосновать качество его масштабируемости. На данный аспект, как мы полагаем, обращается внимание впервые, попытки иных исследователей рассматривать процессуальные средства как масштабируемые явления нами в данный момент не выявлены.

Масштабируемость – общеизвестное понятие, используемое в различных отраслях человеческих знаний, применение которого исторически обусловлено [5, с. 21]. При этом понимание масштабности объектов обычно достигается через оперирование признаками подобия и размерности [3, с. 3–47]. Из этого, по нашему мнению, может вытекать возможность применения аналогии и для науки уголовного процесса, и далее – для теории доказательств и доказывания.

В первую очередь, рассмотрим качество размерности относительно вопроса как элемента допроса и самого допроса. Решение этой научной задачи сводится к выявлению количественных параметров допроса (количества вопросов в допросе, связи этого количества с сущностью допроса) и вопросов (их количества для реализации допроса как процессуального средства собирания и проверки доказательств). В этом случае исследователь, по нашему мнению, закономерно оказывается в кольце понятий, когда сущность допроса раскрывается через такую вербальную форму как вопросы, а вопросы (вопрос) в свою очередь, как то, что образует содержание допроса. Конечно же, в ходе производства допроса субъект, реализующий свою уголовно-процессуальную активность, может использовать и использует фактически невербальные средства воздействия на допрашиваемого. Однако, это обстоятельства мы упустим, полагая, что в уголовно-процессуальном законе, прежде всего использована нормативная идея о собирании и проверке доказательств в вербальной форме.

Анализ действующего УПК РФ указывает на то, что конструктивно наш закон сформулирован с использованием следующих базальных принципов.

[1] В нашем случае – средств доказывания.

1. Допрос, несмотря на его частую используемость в доказательственной деятельности, не является обязательным для использования процессуальным средством. В силу нормативного правила п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь принимает решение о проведении допроса (дополнительного допроса, повторного допроса, очной ставки и т. д.) по своему усмотрению. В принципе не исключается такая процессуальная ситуация, характеристика которой будет связана с использованием не вербального средства доказывания, и иного – невербального.

При этом в действующем законе есть исключение, связанное с обязанностью следователя допросить подозреваемого (ч. 4 ст. 92 УПК РФ) и обвиняемого (ч. 1 ст. 173 УПК РФ). Однако, следует учитывать то, что первое упомянутое правило содержится в процессуальном континууме о мерах принуждения, а второе – в главе о предъявлении обвинения. Последнее достаточно часто рассматривается в качестве процессуального средства не собирания следователем доказательств (их проверки), а средством обвиняемого выразить отношение к выдвинутому против него обвинению [7, с. 489]. Реализация уголовно-процессуальной активности в последнем случае связывается не с деятельностью субъекта доказывания (следователя, дознавателя), а с реализацией интереса защиты, уголовно-процессуальной активности подозреваемого (обвиняемого). Не имея обязанности давать показания (отвечать на вопросы) допрашиваемое лицо в этом случае использует либо свое субъективное право, либо реализует предоставленные ему гарантии. Рассматривать подозреваемого (обвиняемого) субъектом доказывания нельзя.

Иные же допросы (потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста) не входят в число обязательных для субъекта доказывания, при этом они обособленны от допросов подозреваемого (обвиняемого) в других разделах уголовно-процессуального закона, а количественно определяются усмотрением субъекта доказывания, полномочного производить допросы, характером и содержанием производства по конкретному уголовному делу. Количественный параметр допроса (допросов) может быть равен нулю или пяти, шести и т.д., то есть по усмотрению лица, производящего предварительного расследование или дознание.

2. Несмотря на то, что отечественный законодатель, упоминая в УПК РФ вопрос как элемент допроса, всегда использует форму множественного числа (ч. 2 ст. 189, ч. 2 ст. 190, ч. 2 ст. 192, ч. 7 ст. 193 и т. д.), обязанность задавать вопросы или задать лишь один вопрос в уголовно-процессуальном законе не упоминается.

Фактически не исключается проведение допроса, элементом содержания которого будет лишь один вопрос. Так же это рассматривается и в теории уголовного процесса. Например, в позиции Р. Гарриса, описывающего состязательный тип уголовного процесса, в котором сторона свободна в определении своей позиции (моделей процессуального поведения в допросе), упоминается одно, какое-то центральное для дела обстоятельство, влекущее для своего разрешения так же один вопрос [2, с. 331]. Это правило нами использовалось в следственной и адвокатской практике как технология формулирования и постановки основного вопроса, предложенная С.Ю. Якушиным [10, с. 73].

Следует также учитывать, что даже единственного вопроса фактически может и не быть, как и допроса в целом.

Из приведенного следует, что размерность как количественный критерий в регулировании допроса и вопросов (вопроса) в допросе является непротиворечивой характеристикой для всего предварительного расследования или судебного следствия.

3. При этом проанализированная регуляционная составляющая действующего уголовно-процессуального закона России в допросе и вопросе как элемента допроса схожи. Несмотря на разноразмерность допроса и вопроса (вопросов) относительно друг друга, они являются подобными уголовно-процессуальными конструкциями.

Из всего приведенного выше можно полагать, что вопрос является масштабируемым процессуальным средством доказывания, восходящим к допросу.

Список литературы:

1. Баранова М.А., Халилова Г.Р. Справедливость приговора суда первой инстанции в уголовном процессе России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4 (99). С. 159–161.

2. Гаррис Р. Школа адвокатуры. Тула, 2001. С. 331.

3. Гухман А.А., Зайцев А.А. Теория подобия, анализ размерностей, характеристические масштабы. М., 1993. С. 3–47.

4. Зашляпин Л.А. Сущность процессуальных действий вербального характера // Процессуальные действия вербального характера. СПб., 2017. С. 173–176.

5. Ковалев В.П. О принципах масштабности и культуры мышления. Кишинев, 1976. С. 21–26.

6. Лавнов М.А. Значение отдельных принципов уголовного судопроизводства в обеспечении прав и законных интересов личности при прекращении уголовного дела // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 5 (88). 2012. С. 163–169.

7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2017. 704 с.

8. Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики. Саратов, 2005. 131 с.

9. Францифоров Ю.В., Чечуевский Н.В. Безопасность в уголовном судопроизводстве – составная часть правовых ценностей современного общества // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 79–83.

10. Якушин С.Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань, 1983. 217 с.

Иванов С.Н.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
sergonik@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация*: в статье рассматривается проблема законодательного регулирования получения показаний специалиста как источника доказательств, и предлагаются пути усовершенствования законодательства.*

Ключевые слова*: уголовный процесс, специалист, показания специалиста.*

Ivanov S.N.

Saratov State Law Academy, Saratov

PROBLEMS OF USING EXPERT TESTIMONY IN EVIDENCE IN CRIMINAL CASES

Abstract*: the article considers the problem of legislative regulation of obtaining evidence of a specialist as a source of evidence, and suggests ways to improve legislation.*

Keywords*: criminal procedure, a specialist (an expert), interrogation of the specialist.*

В соответствии с Федеральным законом от 04.07.2003 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесены новые источники доказательств: заключение специалиста и показания специалиста. Данная новелла была закреплена в п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

В связи с вышеуказанными дополнениями в ст. 80 УПК РФ, в частности в ч. 4 был включен такой источник доказательств как показаний специалиста.

Согласно закону, в ч. 4 ст. 80 УПК РФ определено, что показания специалиста – это «сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, и для разъяснения своего мнения».

Введение нормы о показаниях специалиста в уголовно-процессуальное законодательство логично, поскольку в ч. 4 ст. 271 УПК РФ еще до внесения указанных выше изменений, содержалось правило, что суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица, явившегося в суд по инициативе сторон, в том числе и в качестве специалиста. Однако законодатель не совсем последователен. Включив в УПК РФ новые источники доказательств, он не предусмотрел, каким образом будут получены и закреплены процессуально доказательства из этих новых источников.

В науке уголовного процесса давно устоялись взгляды относительно таких свойств доказательств как относимость и допустимость. Допустимость доказательств, как уже принято в науке уголовного процесса, является внешней их стороной и определяется нормами уголовно-процессуального законодательства. «Допустимость доказательства определяется соблюдением закона при получении, закреплении этого доказательства» [6]. Одним из критериев свойства допустимости доказательства является то, что доказательство должно быть получено в полном соответствии с правилами проведения того или иного процессуального действия, которые закреплены в законе. В соответствии со ст. 75 УПК РФ, если процессуальное действие будет проведено с нарушением требований, установленных законом, то доказательство, полученное в ходе такого процессуального действия будет признано недопустимым и не имеющим юридической силы. Из этого можно сделать вывод о том, что разрешая вопрос о допустимости того или иного доказательства, необходимо выяснять, в соответствие ли с уголовно-процессуальным законодательством были получены доказательства.

Законодатель предусмотрел порядок проведения процессуальных действий, в соответствие с которыми могут быть получены доказательства. Однако имеются исключения. В эти исключения попали и показания специалиста.

В УПК РФ не предусмотрен порядок получения ни заключения специалиста, ни тем более его показаний.

Возникает интересная ситуация, когда источник доказательств есть, но доказательства, полученные из него, не обладают свойством допустимости, следовательно, они не имеют юридической силы и получение их из указанных источников – бессмысленная трата сил и времени.

Показания специалиста – самостоятельный и необходимый источник доказательств. Показания специалиста – сведения, полученные от лица, которое обладает специальными познаниями в науке, технике, ремесле или искусстве, и которое способно предоставить сведения об обстоятельствах, установление которых и требует специальных знаний , в случаях, когда назначение экспертизы необязательно и нецелесообразно.

Допрос специалиста в качестве свидетеля является до сих пор единственным способом получения доказательств от специалиста, который соответствует правилам доказывания. Именно такой способ получения показаний специалиста получил закрепление в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. « О судебной экспертизе по уголовным делам» [1]. Некоторые ученые не согласны с данными утверждениями. Так А.А. Давлетов считает, что допрашивать специалиста в качестве свидетеля не корректно. «Специалист и свидетель – разнородные участники уголовно-процессуальной деятельности, что подтверждается закрепленным законом статусом – ст. ст. 56 и 58 УПК РФ ... у них разные права и обязанности...» [3, с. 48]. И в этом А.А. Давлетов прав. Законом же не предусмотрено такого следственного и судебного действия как допрос специалиста. При этом, я думаю что все согласятся, в УПК РФ предусмотрена возможность получения показаний гражданского истца и гражданского ответчика по уголовным де-

лам (п. 5 ч. 4 ст. 44 и п. 5 ч. 2 ст. 53 соответственно), хотя в системе источников доказательств о них нет упоминания. Нет и порядка получения показаний вышеназванных участников уголовного судопроизводства. Однако это не мешает допрашивать их и получать их показания как в досудебном, так и судебном производствах.

Допустим, что при допросе специалиста будут применяться правила, установленные для допроса эксперта (эксперт по своему процессуальному положению наиболее близок к специалисту). Данное следственное действие предусмотрено ст. 205 УПК РФ и порядок его установлен общими правилами проведения допроса – ст. 189 УПК РФ. Но предмет показаний эксперта и специалиста разные – эксперт дает показания для разъяснения данного им заключения, и только после представления им заключения. А необходимость в допросе специалиста может возникнуть и без представления им заключения.

Если получать показания специалиста по правилам получения показаний свидетеля, то так же возникают трудности. Свидетель несет уголовную ответственность за отказ от дачи показаний, а специалист вправе отказаться от участия в производстве по делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями. Определить достаточную квалификацию специалиста в той или иной области науки, ремесла, техники, искусства другим участником процесса (следователем, защитником), не обладающим специальными познаниями в той же области, будет достаточно затруднительно. Кроме того, специфичен и предмет показаний специалиста – сведения об обстоятельствах, требующих специальных познаний. Предмет же отличие показаний свидетеля, который достаточно широк и определяется лицом, который допрашивает свидетеля. О том, что предмета показаний специалиста специфичен, высказывается и профессор Н.С. Манова, указывая, что « он всегда ограничен конкретной областью специальных знаний этого участника уголовного судопроизводства» [5, с. 220].

Некоторые ученые высказывают мнение, что ст. 80 УПК РФ подлежит изменению и предлагают рассматривать показания специалиста не как суждения, а как сведения о фактах. Согласно грамматическому толкованию текста ч. 4 ст. 80 УПК РФ: показания специалиста – сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснение своего мнения в соответствии с требованиями ст. 53, 168 и 271 настоящего Кодекса. «Теоретические позиции не позволяют отнести подобные показания к числу доказательств» [4, с. 124–135].

Нельзя не согласиться с мнением П.Г. Воробьева, который высказывает мнение, что «вопросы, на которые специалист дает ответы следователю и суду, сообщая при этом свое мнение как специалиста, касаются фактов, точнее знаний о фактах объективной действительности. Иначе говоря, трактовку об этих фактах получаем в результате сообщения о них специалиста в его показаниях или в заключении. Такая трактовка показаний специалиста, соответствует сложившемуся понятию доказательств в уголовном судопроизводстве» [2, с. 34–36].

Если проанализировать ч. 4 ст. 80 УПК РФ, то предмет показаний специалиста размыт.

На наш взгляд, предметом показаний специалиста являются:

а) сведения об обстоятельствах, которые стали известны специалисту в ходе оказания научно-технической и консультационной помощи защитнику по правилам п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ;

б) сведения, которые связаны с обстоятельствами, которые им были установлены при составлении своего заключения по правилам ч. 3 ст. 80 УПК РФ;

в) сведения, сообщенные им сторонам и суду в ходе допроса в судебном заседании об участии его в следственных и иных процессуальных действий поуголовном делу;

г) сведения, касающиеся оценки заключения эксперта, предоставленного в ходе досудебного и судебного производства.

Таким образом, по нашему мнению, показания специалиста следует считать источником доказательств, который, хотя и имеет ряд специфических особенностей, но не уступает по своей доказательственной эффективности другим традиционно используемым источникам доказательств при производстве по уголовному делу.

Список литературы:

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

2. Воробьев П.Г. Процессуальный статус специалиста: нужны разъяснения Пленума Верховного Суда // Законность. 2005. № 11 С. 34–36.

3. Давлетов А.А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. 2003. № 9 С. 47–48.

4. Данилова Л.С., Громов Н.А., Колесников Е.В. О заключении и показаниях специалиста: продолжение дискуссии // Право и политика. 2006. № 11. С. 124–135.

5. Манова Н.С. Заключение и показания специалиста: опыт и перспективы использования в доказывании по уголовным делам // Правоведение. 2011. № 2. С. 214–221.

6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П.А. Лупинской. М., 2003. 800 с.

Исаев А.Э.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
dargo777@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ КАК ГАРАНТИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *статья посвящена проблемам безопасности в сфере уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется одному из источников доказательств – показаниям потерпевшего и свидетеля. Методами исследования выступили: общенаучные, частно-научный и диалектический метод. В результате исследования делается вывод о том, обеспечение безопасности потерпевшего и свидетеля может рассматриваться как гарантия получения доказательств на стадии судебного разбирательства.*

Ключевые слова: *меры безопасности; доказательства; оглашение показаний; показания потерпевшего и свидетеля; судебное разбирательство; обеспечение безопасности; гарантии безопасности.*

Isaev A.E.

Saratov State Law Academy, Saratov

SOME ASPECTS OF ENSURING THE SAFETY OF THE VICTIM AND WITNESS AS A GUARANTEE OF OBTAINING EVIDENCE AT THE TRIAL STAGE

Abstract: *the article is devoted to the problems of security in the field of criminal justice. Special attention is paid to one of the sources of evidence-the testimony of the victim and the witness. The research methods were: General scientific, private scientific, and dialectical methods. As a result of the study, it is concluded that ensuring the safety of the victim and the witness can be considered as a guarantee of obtaining evidence at the stage of trial.*

Keywords: *security measures; evidence; disclosure of testimony; testimony of the victim and witness; trial; security; security guarantees.*

С целью раскрытия преступления органы, осуществляющие предварительное расследование, и суд, должны использовать все разрешенные законодательством способы получения сведений об обстоятельствах дела. В этом отношении, следует согласиться с Ц.М. Каз, отмечавшей, что показания потерпевшего выступают в качестве одного из важных источников сведений о произошедшем преступлении и потому не должны рассматриваться лишь как способ защиты им своих законных интересов [5, с. 76]. При этом, источником доказательств являются не только показания потерпевшего, но и свидетеля, получение которых сопряжено с определенными трудностями на всех стадиях уголовного судопроизводства, и особенно на стадии судебного разбирательства, так как именно на данном этапе рассматривается уголовное дело по существу, устанавливается виновность или невиновность подсудимого [10, с. 206]. В этой связи возрастает активность заинтересованных лиц в оказании опасных воздействий на участников уголовного процесса, содействующих правосудию. Преступные воздействия создают серьезные препятствия в получении показаний свидетелей и потерпевших. Следовательно, актуальными становятся способы получения таких показаний в условиях, гарантирующих безопасность названных участников уголовного процесса.

Так, расширение оснований для оглашения показаний потерпевшего и свидетеля в порядке, предусмотренном ст. 281 УПК РФ, то есть в случае их неявки в судебное заседание, может быть рассмотрено в качестве меры, способствующей обеспечению безопасности названных участников уголовного судопроизводства на стадии судебного разбирательства, по следующим соображениям. Показания свидетеля и потерпевшего относятся к одному из источников доказательств по уголовному делу. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, только допустимые доказательства могут быть положены в основу обвинительного приговора суда. Доказательства, имеющиеся в уголовном деле, которые не были исследованы судом непосредственно в ходе судебного заседания, не являются допустимыми. Такие доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинительного приговора. По общему правилу, установленному ст. 240 УПК РФ (непосредственность и устность) потерпевший и свидетель должны дать свои показания в зале судебного заседания, где суд заслушает их. При неявке названных участников уголовного процесса, оглашение показаний, данных ими ранее при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, возможны в случаях, предусмотренных ст. 281 УПК РФ. Только при условии соблюдения требований указанной законодательной нормы оглашенные показания могут быть признаны допустимыми и положены в основу приговора суда. Фактические данные, содержащиеся в оглашаемых показаниях, могут быть положены в основу выводов суда и его решений только после проведения их проверки и оценки по правилам, предусмотренным ст. ст. 87, 88 УПК РФ [9].

Оглашение показаний потерпевших и свидетелей, данных ими ранее в ходе досудебного производства или судебного разбирательства, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписей, киносъемки допросов с их участием, а также демонстрация фотоснимков и негативов, в случае неявки названных участников уголовного процесса, допускаются при следующих основаниях:

1) согласие сторон уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 281 УПК РФ). Так, например, ходатайствовать об оглашении показаний не явившегося потерпевшего или свидетеля может при наличии согласия стороны защиты,

представленной подсудимым и его защитником, государственный обвинитель. В практической действительности такого согласия суд никогда не получает. К тому же, заявление ходатайства государственным обвинителем – его право, а не обязанность [7, с. 46–48];

2) ходатайство стороны или наличие инициативы суда в случаях, указанных в ч. 2–6 ст. 281 УПК РФ:

- смерть потерпевшего или свидетеля;
- тяжелая болезнь, стихийные бедствия, чрезвычайные обстоятельства, которые препятствуют явке в суд;
- невозможность установления местонахождения потерпевшего или свидетеля;
- отказ потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда.

В соответствии с ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля в перечисленных выше случаях может быть принято судом при условии, что обвиняемому (подсудимому) предоставлялась возможность оспаривания данных доказательств предусмотренными законом способами на предыдущих стадиях производства по уголовному делу.

3) ходатайство стороны об оглашении показаний названных участников уголовного процесса, данных ими ранее при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, в случае наличия существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде (ч. 3 ст. 281 УПК РФ).

Вышеуказанные основания наделяют суд правом огласить два вида показаний:

1) данных в ходе досудебного производства;

2) данных в судебном заседании лицом, которое не было допрошено в досудебном производстве и впервые дает показания суду [3, с. 286], либо лицом, ранее давшем показания на судебном разбирательстве.

Оглашение показаний не явившихся свидетелей и потерпевших находит широкое применение в судебной практике. Так, например, кассационная инстанция, указав на соблюдение требований ст. 281 УПК РФ при оглашении показаний свидетеля З., а именно в связи с наличием согласия сторон и уважительной причиной неявки названного свидетеля, оставила приговор без изменения [6].

В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 года. № 55 «О судебном приговоре» [9] указывается, что согласно подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждому обвиняемому в совершении уголовного преступления предоставляется право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены. Получается, что при оглашении показаний свидетеля или потерпевшего в случаях их неявки на судебное заседание, у подсудимого нет возможности задавать им вопросы, чем ограничивается право на защиту. В этом отношении, следует заметить, что соответствие конституционным установлениям содержания ст. 281 УПК РФ, регулирующей оглашение показаний свидетеля и потерпевшего в случаях их неявки на судебное заседание, проверялось Конституционным Судом РФ, который в п. 2.1 Определения установил следующее: «в случае принятия судом решения об оглашении показаний свидетеля обвиняемому в соответствии с принципами состязательности и равноправия сторон судопроизводства должна предоставляться возможность защиты своих интересов в суде всеми предусмотренными законом способами, включая оспаривание оглашенных показаний путем заявления ходатайств об исключении недопустимых доказательств или об истребовании дополнительных доказательств в целях проверки допустимости и достоверности оглашенных показаний, а также с помощью иных средств, способствующих предупреждению, выявлению и устранению ошибок при принятии судебных решений» [8]. Оглашение показаний потерпевших и свидетелей, которые не явились на судебное заседание, действительно ограничивает сторону защиты в возможности задавать вопросы, но не запрещает использовать какие-либо иные способы доказывания, разрешенные действующим законодательством [3, с. 285]. Кроме того, из решения по делу «С.Н. (S.N.) против Швеции» (2002 г.), где суд указал: «нельзя считать, что подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции требует во всех случаях, чтобы вопросы потерпевшему задавались непосредственно обвиняемым или его адвокатом» [2, с. 34] следует, что рассматриваемое конвенциальное право может быть реализовано и в ходе предварительного расследования (к примеру, при проведениioчной ставки) и в суде, – когда вопросы обвиняемого (подсудимого) формируются для свидетеля (потерпевшего) стороной защиты в ходатайстве о допросе, после чего суд, рассматривающий уголовное дело, допрашивает свидетеля (потерпевшего) по данным вопросам, а ответы представляет обвиняемому (подсудимому). Допустимость процессуальных действий такого рода обоснована решениями ЕСПЧ [1, с. 29]. В этой связи, следует согласиться с выводами А.А. Дмитриевой, согласно которым по ходатайству стороны или инициативе суда основания для оглашения показаний свидетеля или потерпевшего, предусмотренные ч. 2 ст. 281 УПК РФ, в случаях их неявки на судебное заседание, могут быть расширены следующими: невозможность обеспечения безопасности названных участников уголовного судопроизводства; проведенный предварительный допрос и очная ставка в ходе предварительного расследования; видеозапись допроса; подтверждение оглашаемых показаний другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. Наличие указанных выше изменений в УПК РФ привело бы к бессмысленности осуществления опасных преступных воздействий с целью воспрепятствовать явке в суд потерпевших и свидетелей для дачи показаний [3, с. 286].

Следует отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство допускает также оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, не достигших совершеннолетия, в безопасных для них условиях. Так, ч. 6 ст. 281 УПК РФ, устанавливает возможность оглашения показаний несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, данных ими ранее в ходе досудебного производства или в судебных стадиях, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписей, киносъемки допросов с их участием; демонстрации фотографий, негативов и диапозитивов при отсутствии названных субъектов уголовного судопроизводства и без проведения их допроса. Из смысла рассматриваемой нормы следует, что согласия

сторон для оглашения показаний несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего не требуется, а при необходимости их допроса, он может быть произведен по ходатайству стороны, либо по инициативе суда, который должен вынести мотивированное решение.

В соответствии с ч. 6 ст. 280 УПК РФ, допускается возможность проведения допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля при отсутствии подсудимого. С целью достижения психологической защищенности, такой допрос должен быть произведен по ходатайству стороны и по инициативе суда на основании определения или постановления. Принцип состязательности и равноправия сторон в рассматриваемых случаях обеспечивается путем сообщения председательствующим подсудимому по его возвращении в зал судебного заседания содержания показаний, данных в его отсутствие и представления ему возможности задавать вопросы участникам судебного разбирательства, допрошенным в его отсутствие. В отношении рассматриваемой нормы, представляется верным замечание А.Ю. Епихина по поводу необходимости включения в УПК РФ нормы, позволяющей допрашивать в условиях отсутствия подсудимого любых защищаемых лиц, с целью обеспечения их психологической защищенности [4, с. 248].

Допрос свидетеля посредством использования систем видеоконференцсвязи, предусмотренный ст. 278.1 УПК РФ, может с успехом применяться в качестве меры безопасности, причем не только свидетеля, но и потерпевшего, так как на основании ч. 1 ст. 277 УПК РФ потерпевший допрашивается в порядке, установленном ч. 2–6 ст. ст. 278, 278.1 УПК РФ. Суд принимает решение о проведении допроса в рассматриваемых условиях «при необходимости». Совершенно очевидно, что такая необходимость может возникнуть при угрозе совершения опасного воздействия в отношении потерпевшего или свидетеля при даче показаний последними в зале суда, рассматривающего уголовное дело по их месту нахождения. Данная мера безопасности применяется в тех случаях, когда степень угрозы опасного воздействия не велика и нет необходимости проводить допрос с использованием псевдонима в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства. Допрос с использованием видеоконференцсвязи осуществляется путем поручения суду по месту нахождения свидетеля от суда, рассматривающего уголовное дело. Сущность рассматриваемой меры безопасности заключается в том, что другие участники уголовного судопроизводства не могут знать местонахождение допрашиваемого лица, но имеют возможность задавать ему вопросы.

Таким образом, обеспечение безопасности потерпевшего и свидетеля может рассматриваться как гарантия получения доказательств на стадии судебного разбирательства.

Список литературы:

1. Брусницын Л.В. Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших по согласию и без согласия сторон: позиции ЕСПЧ и российского законодателя в УПК РФ // Государство и право. 2013. № 7. С. 27–35.

2. Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 1.

3. Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. 476 с.

4. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004. 460 с.

5. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: СГУ, 1960. 104 с.

6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10.02.2014 № 82–О14–1. Приговор: По п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2020).

7. Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. Очная ставка и вопросы ее процессуального проведения // Российский следователь. 2015. № 20. С. 46–48.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2978-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Базарнова Ивана Андреевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 281 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. № 277.

10. Францифоров Ю.В. Уголовный процесс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата // Ю.В. Францифоров, Н.С. Манова. М.: Юрайт, 2015. 337 с.

Климова Е.И.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
филиал в г. Минске Республики Беларусь
evkliv@yandex.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ («ОТМЫВАНИЯ») ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Аннотация*: с учетом результатов изучения проблем практической деятельности рассматривается специфика легализации («отмывания») доходов, полученных преступным путем, и предлагаются основные направления доказывания при расследовании указанных криминальных деяний путем анализа деятельности кредитных, финансовых, налоговых и иных учреждений и организаций.*

Ключевые слова*: доказывание, расследование, легализация («отмывание») доходов, полученных преступным путем.*

Klimova E.I.
Ph.D(Law), Associate Professor,
FSBEI of HE "Russian State
Social University",
Branch in Minsk,
Republic of Belarus

DIRECTIONS OF EVIDENCE IN THE INVESTIGATION OF LEGALIZATION ("LAUNDERING") CRIMINAL INCOME

Abstract*: taking into account the results of studying the problems of practical activity, the author considers the specifics of legalization ("laundering") of criminally obtained incomes and suggests the main lines of evidence in the investigation of these criminal acts by analyzing the activities of credit, financial, tax and other institutions and organizations.*

Keywords*: proof, investigation, legalization ("laundering") of proceeds of crime.*

Борьба с легализацией («отмыванием») преступных доходов сегодня правомерно расценивается как из одно наиболее актуальных направлений борьбы с организованной преступностью, экономическими и иными опасными криминальными проявлениями корыстной направленности, которые сопряжены с перемещением значительных финансовых средств за рубеж, незаконным трафиком наркотиков и оружия, созданием офшорных структур для сокрытия источников доходов и создания условий для уклонения от уплаты налогов. Легализация криминальных активов напрямую угрожает экономическому развитию государства и обеспечению его национальной безопасности [4, с. 77]. Общественная опасность легализации преступных доходов проявляется в активном обогащении групп людей, что делает саму преступность «привлекательной»; в расширении организованной и иной криминальной деятельности; в создании условий для воспроизводства капиталов, полученных преступным путем, что несет угрозу финансовой системе, подрывает основы демократической организации государства во всех странах мирового сообщества.

Выявление и пресечение фактов «отмывания» преступных доходов рассматривается в качестве одной из приоритетных задач, решаемых правоохранительными органами в процессе противодействия криминальным усилиям по проникновению в легальную экономику капиталов организованной преступности. Решение этой задачи заключается в деятельности, направленной на разработку и реализацию системы мер по непосредственному выявлению и расследованию «отмывания» материальных ценностей, приобретенных преступным путем. Предупреждение рассматриваемого вида криминальных деяний является самостоятельным предметом научного поиска [2, с. 74].

Доказывание наряду с реализацией информационной, ретроспективной, коммуникационной, удостоверительной и обеспечительной функциями характеризуется прогностической направленностью, отражающей динамику развития и постоянную программированность действий по установлению конкретных фактов совершения преступлений по мере продвижения к намеченной цели. Стадийность процесса доказывания предполагает планомерность и методичность действий по собиранию, проверке, исследованию и использованию доказательств [1, с. 1077].В этой связи оправданной видится попытка проанализировать направления доказывания фактов легализации доходов, полученных преступным путем.

Интенсивность развития информационного обеспечения жизнедеятельности общества создает условия для использования результатов научно-технического прогресса не только в целях осуществления эффективного расследования преступлений, но и в интересах криминальных структур, которые оснащены современными техническими средствами, используют современные технологии для совершения и маскировки преступлений. Инновационные приемы и методы обнаружения, фиксации и исследования следов противоправной деятельности создают условия для получения криминалистически значимой информации, необходимую для успешного осуществления доказывания [5, с. 134]. Данное обстоятельство требует от субъектов доказывания системной и систематической аналитической деятельности, определения направлений осуществления доказывания при расследовании любого криминального проявления.

Операции по «отмыванию» преступных доходов могут быть доказаны путем детального исследования направлений функционирования организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, путем получения (в том числе процессуальными средствами) и анализа информации о клиентах банковских учреждений, их банковских счетах, партнерах, характере коммерческой деятельности и т.д.);о сотрудниках банковских учреждений, контактирующих с представителями криминального мира, допускающих нарушения правил своей профессиональной деятельности; о движении финансовых средств по счетам установленных подозреваемых лиц.

Исследование деятельности субъектов, профессионально участвующих в операциях фондового рынка (брокеров, управляющих ценными бумагами, депозитариев, регистраторов и др.) выступает средством установления подозреваемых и доказывания незаконных операций с ценными бумагами. При исследовании страхового сектора может быть получена доказательственная информация о выплатах денежных средств по фиктивным страховым случаям, о формировании подобных банковским вкладам накопительных фондов страхования. Подтверждением этому являются поступления и выплаты значительных сумм наличных денег, явное несоответствие сумм страховых выплат по договору страхования фактически начисленным суммам выплат по страховому случаю, проведение экономически нерациональных операций по заключению новых договоров страхования, недочеты в оформлении официальных документов, сопровождающих отношения страхования.

В учреждениях, занимающихся регистрацией сделок с имуществом и прав на него, доказыванию подлежат факты заключения сделок с движимым и недвижимым

имуществом, регистрации прав на него установленными по уголовному делу подозреваемыми – представителями органов власти, членами криминальных структур, их родственниками, друзьями, знакомыми.

Доказательственная информация при расследовании легализации преступных доходов может быть получена в государственных контролирующих и правоохранительных органах: о подозрительных операциях с денежными средствами или иным имуществом в организациях, уполномоченных на их осуществление, а также о субъектах этих операций; об организациях и их сотрудниках, проводящих операции с денежными средствами или иным имуществом, допускающих нарушения правил их осуществления и оформления; о фактах нарушениях порядка осуществления валютных операций, в том числе международных (проведение таковых без наличия соответствующих лицензий и разрешений, с нарушениями правил проверки обоснованности платежей, с нарушениями правил учета и отчетности по операциям, с неточностями в официальных документах);о кредитных организациях и их учредителях, аккумулирующих средства игорных заведений, основными клиентами которых являются лица, зарегистрированные в оффшорных зонах или регионах, в которых распространено производство наркотических средств; о наличии у подконтрольных организованным группам предприятий дочерних организаций, зарегистрированных в оффшорных зонах; о выявленных «фирмах-однодневках», их бенефинциарных владельцах; о наличии коррумпированных должностных лиц и служащих в таких организациях. Использование информации, которой располагают налоговые и таможенные органы, также является одним из направлений получения доказательств легализации преступных доходов.

Субъектами «отмывания» криминальных доходов выступают, как правило, лидеры организованных преступных групп, коррумпированные должностные лица и их связи. Исследуемые преступные деяния характеризуются многоступенчатой структурой преступной организации, предполагающей функционирование руководителей и фактических исполнителей, задействованных в криминальных процессах в соответствии с выполняемыми ими функциями. Доказывание каждой такой функции и компетенции ее реализации повлечет «необходимость установления предшествующих, последующих и параллельных функций в преступной хозяйственной операции» [6, с. 25].

При расследовании уголовных дел целесообразно получение доказательственной информации о проведении преступными организациями и коррупционерами операций по «отмыванию» преступных доходов, о способах, механизмах, методах их осуществления, используемых для этого лицах, об источниках «отмываемых» средств; о контролируемых преступными сообществами и коррупционерами банковских учреждениях, страховых и инвестиционных компаниях, нотариальных конторах, обеспечивающих операции по «отмыванию»; о подконтрольных преступным сообществам коммерческих и некоммерческих организациях, предприятиях сферы игорного бизнеса и досуга, их учредителях; об организациях, в деятельность которых вложены средства членов организованных групп и коррумпированных должностных лиц; об организациях, причастных к финансированию преступных формирований; о намерениях преступных организаций, направленных на учреждения финансово-кредитной системы, промышленные предприятия (скупка акций; продвижение своих представителей в структуры управления; втягивание сотрудников организаций в преступную деятельность) в целях получения доступа к бюджетным средствам и использования их в иных интересах; о приобретениях членами преступных сообществ, коррупционерами, их родственниками объектов недвижимости, транспортных средств, ювелирных изделий, предметов искусства и иных объектов, требующих существенных денежных затрат. Предметом аналитической деятельности в процессе доказывания в любом случае выступают факты значительного оборота наличных денежных средств, в котором участвуют банки и многочисленные промышленно-хозяйственные формирования.

Для «отмывания» относительно небольших и нерегулярных противоправных доходов используются игорные предприятия, спекулятивные сделки с недвижимостью, соединение криминального дохода с законным доходом субъектов хозяйствования с большим оборотом наличных денег. Это учреждения общественного питания и объекты розничной рыночной торговли.

Высокая латентность рассматриваемой категории преступлений, предпринимаемые виновными лицами активные меры по сокрытию преступной деятельности и ее последствий позволяют утверждать, что официальная информация, которая является поводом для возбуждения уголовного дела, как правило, может быть получена только в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности. Наличие признаков легализации преступных доходов доказывает факт совершения лицом указанных выше финансовых операций и иных сделок с денежными средствами или иным имуществом в целях придания владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами и имуществом легитимного характера.

В качестве «первичных» осуществляется доказывание таких преступлений, как хищения, получение взяток, незаконная предпринимательская деятельность, незаконные действия с ценными бумагами, нарушения авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, организация незаконной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства и т. д. Следовательно, деятельность по доказыванию фактов легализации доходов, полученных преступным путем, осуществляется в двух направлениях: от расследования совершенного противоправного деяния к выявлению способов и приемов легализации; и наоборот, от установленных фактов легализации – к выявлению и доказыванию преступлений, в результате которых получен криминальный доход. Нередко легализация преступных доходов осуществляется путем привлечения кэто деятельности участников различных фондов, сотрудников предприятий шоу-бизнеса, казино, торговых и туристических организаций, предприятий видео- и кинопроката, пунктов по осуществлению

обменных валютных операций. Результаты планомерной целенаправленной работы в подобного рода организациях на предмет доказывания их участия в легализации доходов, полученных преступным путем, способствуют установлению конкретных виновных лиц и привлечению их к ответственности.

Специфичность исследуемого противоправного деяния обусловила отсутствие у его участников опасения разоблачения и заинтересованности в сокрытии следов и доказательств криминальных проявлений, в том числе массива документов, отражающих особенности их деятельности и представляющих интерес для расследования. На первых порах требуемые документы или их копии могут быть беспрепятственно изъяты. Однако в ряде случаев после начала официальной проверки виновные лица принимают меры к уничтожению документальных свидетельств своей преступной деятельности. В связи с особым значением документов для расследования при получении оперативным путем информации о месте их нахождения целесообразно обеспечить сохранность документов-доказательств и их изъятие для исследования в процессе доказывания криминальной деятельности. Особого внимания в процессе доказывания легализации преступных доходов требует работа с электронными документами, фиксация и изъятие которых (в том числе – их носителей) в ряде случаев затруднительны без применения специальных знаний, обусловливают необходимость участия специалиста в проведении следственных действий [3, с. 243].

Знание специфики легализации («отмывания») доходов, полученных преступным путем, умение определить направление расследования указанного преступления и совокупность необходимых для доказывания процессуальных и криминалистических средств в сочетании с обоснованными системными организационно-управленческими мероприятиями будут способствовать формированию психологической готовности субъекта расследования к противодействию этого опасного криминального проявления.

Список литературы:

1. Жижина М.В. Доказывание в гражданском (арбитражном) судопроизводстве и криминалистическая деятельность // LEXRUSSICA(РУССКИЙ ЗАКОН). 2014. № 9. С. 1070–1078.

2. Жубрин Р.В. Профилактика легализации преступных доходов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 74–80.

3. Журкина О.В. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве отдельных видов доказательств // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 240–249.

4. Макарова Н.Н., Фесина Е.Л., Серебрякова Т.Ю. Экономические методы выявления легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник Российского университета кооперации. 2019. 4 (38). С. 77–82.

5. Малютина О.А. Теоретические аспекты описания при расследовании экономических преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 2 (9). С. 134–138.

6. Черкасов Р.В. Некоторые вопросы доказывания вины соучастников при расследовании преступлений экономической направленности // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 24–27.

Климова Я.А.

к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»,
г. Волгоград
musisss@rambler.ru

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

Аннотация*: актуальность проблемы, связанной с доказательственным значением производства следственных действий, обусловлена необходимостью повышения эффективности и качества проведения предварительного расследования по уголовному делу. Подчеркивается, что особое значение отводится обыску в жилище, поскольку данное следственное действие зачастую проводится в случаях, не терпящих отлагательства. Автор на основе анализа правоприменительной практики, выявляет основные проблемы, связанные с законностью производства обыска в жилище. Делается вывод о целесообразности более тщательного законодательного регулирования проведения обыска в жилище.*

Ключевые слова*: доказательственное значение, обыск, жилище, безотлагательные обстоятельства, следственное действие, проблемы законности.*

Klimova Ya.A.

Ph.D(Law), the Volgograd Academy
of the Russia Ministry of Internal Affairs
musisss@rambler.ru

THE PROBATIVE VALUE OF THE RESULTS OF SEARCHES IN HOUSING: PROBLEMS OF LAW

Abstract*: the urgency of the problems related to the evidentiary value of investigative actions, due to the need to improve the efficiency and quality of the preliminary investigation of the criminal case. It emphasizes that special importance is attached to a search in the house, as this investigative action is often carried out in cases of urgency. The author based on the analysis of law enforcement practice, identifies the main problems associated with the legality of conducting a search in the home. The conclusion of the feasibility of a more thorough legal regulation of a search in the house.*

Keywords*: probative value, search, house, urgent circumstances, the investigative action, the rule of law problems.*

Обыск является одним из важнейших источников получения доказательств по уголовному делу. Доказательственное значение результатов обыска в жилище определяется соблюдением законности при его проведении.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в статье 6 в качестве назначения уголовного судопроизводства определяет защиту личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод. В соответствии с этим положением законодатель относит следственные действия, при производстве которых неизбежно ограничение конституционных прав и свобод личности, к исключительной компетенции суда.

Так, в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ только суд правомочен принимать решение о производстве обыска в жилище.

В ходе предварительного расследования обыск является одним из самым распространенных и эффективных средств получения доказательственной информации, имеющих первоочередное значение. Зачастую именно своевременное, грамотное производство обыска способствует раскрытию преступления и установлению истины по уголовному делу.

Учитывая особенность рассматриваемого следственного действия, законодатель в исключительных случаях, когда производство обыска в жилище, не терпит отлагательства, наделяет следователя, дознавателя правом произвести обыск без судебного решения только на основании постановления следователя (дознавателя). Согласно ст. 165 УПК РФ следователь, дознаватель обязан в срок не позднее 3 суток с момента начала обыска уведомить судью и прокурора о его производстве и направить копии постановления и протокола обыска для проверки обоснованности и законности принятого решения о его производстве. Судья, после рассмотрения указанных процессуальных документов выносит постановление о его законности или незаконности.

Следует отметить наличие законодательного пробела в регламентации понятия безотлагательных обстоятельств. Заполнить правовую лакуну попытался правоприменитель. Согласно Приказу Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» к безотлагательным обстоятельствам можно отнести случаи, если возможна утрата следов преступления, доказательств; если лица, совершившие преступление, могут скрыться; если непроведение обыска негативно повлияет на возмещение причиненного преступлением ущерба [1].

Не следует забывать, что по своей сути обыск в жилище является принудительным следственным действием и его производство так или иначе существенно ограничивает или затрагивает права и законные интересы граждан. В этой связи столкновение интересов органов предварительного расследования и лиц, чьи права были затронуты при производстве обыска, неизбежны. Этим объясняется большое количество обжалований гражданами действий сотрудников полиции в судебном порядке.

Проанализировав судебную практику за 2018–2019 гг., мы выявили основные проблемы законности проведения обыска в жилище:

1) указание в постановлении о производстве обыска неверного адреса;

2) проведение обыска в отсутствие понятых;

3) присутствие заинтересованных понятых;

4) отсутствие специалиста в случаях, когда его участие в производстве обыска необходимо (например, при изъятии электронных носителей);

5) неразъяснение прав лицам, участвующим при проведении обыска;

6) указание в протоколе не всех лиц, которые фактически принимали участие в ходе обыска;

7) невручение копии протокола обыска;

8) изъятие не тех предметов, документов, которые были указаны в соответствующем постановлении;

9) проведение обыска в отсутствие всех проживающих в жилище лиц;

10) отсутствие реальной крайней необходимости проведения обыска в жилище без санкции суда.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что в ходе производства обыска в жилище допускается немало нарушений норм уголовно-процессуального закона, приводящих к несоблюдению прав и свобод граждан, в результате чего граждане терпят ущерб от проникновения должностных лиц государства в сферу их личной жизни. В этой связи, с целью недопущения нарушения прав граждан и избегания совершения процессуальных ошибок, считаем целесообразным: во-первых, на законодательном уровне закрепить понятие безотлагательных обстоятельств, указать основания для проведения обыска в жилище без вынесения судебного решения; во-вторых, усилить ведомственный контроль за подготовкой к производству обыска, грамотному оформлению процессуальных документов (например, заранее пригласить необходимых специалистов, обеспечить участие понятых); в-третьих, непосредственно законное проведение обыска в жилище следователем (своевременно разъяснять участвующим лицам их права и обязанности, в обязательном порядке делать отметку в протоколе о согласии с проведением обыска всех лиц, проживающих в жилище).

Представляет интерес правовая позиция, выраженная в Определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 47-КГ17-6 от 6 июня 2017 г. [2] В ходе рассмотрения иска Сапсай Н.В., пострадавшей от незаконного обыска в отношении ее супруга в принадлежащей ей квартире, о взыскании компенсации морального вреда, заявитель пояснила, что правоохранители грубо нарушили ее права на неприкосновенность собственности и частной жизни, однако нижестоящие инстанции отказались удовлетворять требования Саповой, сославшись на то, что в отношении нее никаких незаконных следственных действий не проводилось. Судьи Верховного Суда РФ пришли к выводу, что с учетом правовой точки зрения Конституционного Суда РФ, за незаконные и необоснованные действия следователя все пострадавшие граждане, проживающие в жилище, должны получать реальную компенсацию морального вреда.

Таким образом, необходимо дальнейшее законодательное регулирование обыска в жилище с целью исклю-

чения нарушение законности при его производстве и соблюдения прав и законных интересов всех участников следственного действия.

Список литературы:

1. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России № 826 от 28.12.2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212081/ (дата обращения: 24.02.2020).

2. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской по делу № 47-КГ17-6 от 6 июня 2017 г. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1550100 (дата обращения: 18.02.2020).

Ковальчук И.

доктор права, лектор кафедры
права Государственного
университета «A. Russo»,
г. Белцы, Республика Молдова
ioncov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Аннотация*: современные вызовы, возникающие перед уголовным процессом, а также ответы законодателя на них являются основными факторами, которые в принципе определяют развитие данной отрасли право. А так как правильное развитие уголовно-процессуального законодательство, зависит от объективности установления возникающих проблем и адекватности механизмов для их решения, то выявление ошибок допущенных в этом процессе, не может оставаться вне научного анализа. Именно выявление и анализ этих ошибок, а также возможности их исправления являются предметом настоящей статьи.*

Ключевые слова*: уголовный процесс, доказательства, специальная розыскная деятельность, соглашению о признание вины.*

Covalciuc I.

Dr.Sci(Law),
Lecturer University "A. Russo",
Beltsy, Republic of Moldova

SOME NOTES ABOUT THE CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract*: modern challenges that arise before the criminal process, as well as the responses of the legislator to them are the main factors that in principle determine the development of this branch of law. And since the correct development of criminal procedure legislation depends on the objectivity of the establishment of emerging problems and the adequacy of mechanisms for their solution, the identification of errors made in this process can't remain outside of scientific analysis. It is the identification and analysis of some errors made in this process, as well as the possibility of their correction, that is the subject of this article.*

Keywords*: criminal procedure, evidence, special investigative activities, the agreement on admission of guilt.*

Несмотря на определенную стабильность, которым отличалось уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова, до 90-х годов прошлого века, а в некотором плане даже до 2003 года, то есть до принятия нового уголовно-процессуального кодекса, после указанной даты, спокойной данную отрасль права назвать, вряд ли возможно. Анализ некоторых аспектов связи с факторами, которые влияют на изменения уголовно-процессуального законодательства, а также их роль в развитие данной отрасли права, является целью данной работы.

Так, если изменения уголовно-процессуального кодекса в редакции 1961 года, являются само собой разумеющимися после обретения независимости Республики Молдова и вступления на новый этап экономического и социального развития, то после принятия нового УПК РМ[1], в редакции 2003, изменения законодательства в данной сфере представляются особо интересными. В то же время сложно не заметить, что уголовно-процессуальный кодекс в редакции 1961 года за время своего существования, а также с учетом необходимости адаптации к новым реалиям, претерпел всего около 90 изменений, а новый уголовно-процессуальный кодекса уже был подвергнут изменениям более 60-ти раз. В то же время учитывая относительно короткий срок нового уголовно-процессуального кодекса, а также тот факт, что он был принят спустя 22 года после обретения независимости Республикой Молдова, можно сделать вывод что изменения в данной отрасли права производятся относительно часто, порой по 5–6, а то и 10 раз в год, что с одной стороны придает уголовно-процессуальному законодательству довольно динамичный характер, а с другой указывает на то что данная отрасль права находится еще в стадии развития.

В то же время для определения мотивов столь динамичных изменений, а также тенденций развития современного уголовно правового законодательства, считаем необходимым выявления и анализ определяющих факторов. Но так как выявление и анализ всех факторов, влияющих на развитие уголовного процесса, переходит далеко за рамки настоящего исследования, то попытаемся остановится на главных из них.

Тенденции развития уголовного процесса будут проанализированы также исходя из описанных в литературе моделей уголовного процесса профессором Стэнфордско-

[1] Здесь и в дальнейшем имеется в виду Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова № 122 от 14.03.2003 // МониторулОфициал № 104–110 от07.06.2003.

го университета (США) Гербертом Пакером, в статье «Две модели уголовного процесса», опубликованной в 1964 г. и ныне считающейся классической. Г. Пакер выделил две модели уголовно-процессуальной политики: а) модель «надлежащей правовой процедуры» (DueProcessModel), когда основным приоритетом становится защита индивидуальных прав и свобод, обеспечиваемая предоставлением максимального числа гарантий лицу, защищающемуся от уголовного преследования; б) модель «контроля над преступностью» (CrimeControlModel), когда во главу угла ставится защита общества и его членов (потенциальных или реальных потерпевших) от преступлений, допускающая во имя достижения максимальной эффективности существенное ограничение индивидуальных прав и свобод. Опираясь на эту концепцию, признаваемую сегодня хрестоматийной, можно сказать, что основными, причем постоянно конкурирующими, направлениями уголовно-процессуальной политики являются, с одной стороны, всемерная защита прав человека, а с другой стороны – жесткая борьба с преступностью. Заслугой Г. Пакера следует признать также то, что он показал невозможность абсолютной монополии любого из этих направлений уголовно-процессуальной политики. Они хотя и находятся в естественной конкуренции между собой, тем не менее постоянно взаимодействуют, заставляя каждую конкретную уголовно-процессуальную систему находиться в вечном поиске необходимого для общества баланса [2, с. 57].

Влияние указанных моделей, а точнее их соотношение с отечественным уголовным процессом, во многом определены как внешними, так и внутренними факторами, от преобладания которых зависят конкретные изменения уголовно-процессуального законодательства. В то же время не сложно заметить, что внешние факторы, влияющие на уголовный процесс, относятся как к континентальному, так и к англосаксонскому типу правовой системы. Факторы, к которым если прибавить внутреннюю составляющую, а также сложность восприятия различных по своей природе процессуальных форм, то вполне можно объяснить динамичность отечественного уголовно-процессуального законодательства.

В этом смысле, влияние внешних и внутренних факторов на уголовный процесс стало заметным сразу после принятия нового уголовно-процессуального кодекса 2003 года. Более того стали заметны также побочные эффекты включения в уголовно-процессуальные законодательство, которое относится к континентальному типу правовой системы (в том виде, в котором была развита в советское время), правовых институтов, характерных для англосаксонской правовой системы, а также институтов классической континентальной правовой системы.

В этом плане интересны высказывания Б.Г. Розовского относительно развития уголовно-процессуального законодательства Украины. Так Б.Г. Розовский, отмечал что сегодня чрезвычайно престижным является вопрос о признании Украины мировой общественностью в качестве правового государства. Ради этого делается многое, в том числе заимствуются западные образцы. Однако, автор считает необходимым обратить внимание на одностороннюю оценку учеными и законодателями западного опыта. Нормотворчество – это, по сути, процесс осмысления накопленного человеческого опыта, порой жестокого, трагического. Например, считается, что правила техники безопасности писаны кровью тысяч поколений тружеников, ставших жертвами ненадлежаще организованных производственных процессов. Уголовный процесс при рассмотрении в таком ракурсе – те же правила производственной безопасности, но в узкой, специфической сфере, именуемой уголовным судопроизводством [1, с. 16].Замечания, которые в полной мере актуальны и для отечественного уголовного процесса.

К примеру включение в уголовно-процессуальный кодекс таких институтов как производство по соглашению о признание вины, производство уголовного преследования и рассмотрения дел по преступлениям, совершенным юридическими лицами, ранее неизвестными в отечественном уголовном процессе, требовали своего осмысления и восприятия на практике. Не случайно, сразу после принятия уголовно-процессуального кодекса 2003 данные институты практически не применялись.

В тоже время введение как одного, так и второго института, помимо новизны, которую они внесли в уголовный процесс, принесли и немало неразрешенных проблем, что вполне объяснимо учитывая англосаксонские корни данных институтов. Так, к примеру, соглашение о признание вины, которое является вполне объяснимым торгом между обвинением и защитой в англосаксонской правовой системе, где функции обвинения и защиты строго разграничены, выглядит немножко неуклюже в континентальной правовой системе, с принципом установления истины в уголовном процессе, а также с более слабо развитыми способностями функции защиты, особенно на стадии уголовного преследования. Также институт соглашения о признание вины в отсутствие соответствующих уголовно-процессуальных гарантий рискует сделать шаг в прошлое, превратив признание вины в царицу доказательств, особенно учитывая возможности органов уголовного преследования и неравные возможности защиты, плюс ограниченный доступ защиты к материалам уголовного дела. Данные факторы создают более высокою вероятность, заключения соглашения о признании вины, с обвиняемым, который незнаком с доказательствами обвинения, при отсутствии возможности провести собственное расследование, чем с обвиняемым, который знаком с материалами уголовного дела и имеет возможность провести собственное расследование. С этой точки зрения соглашение о признание вины можно сравнить с покупкой кота в мешке, где взамен признательных показаний обвиняемый отдает себя в руки органов уголовного преследования, уповая на милость правосудия и предоставляя последним доказательства, которых не было в уголовном деле на тот момент. А в качестве факторов, стимулирующих сделку, могут выступать меры процессуального принуждения, имеющейся в арсенале органа уголовного преследования.

Волончю Н., в этой связи отмечал что, вполне возможно после определенного периода, в течение которого акцент делался на защиту прав человека в ущерб защите общества, наступление периода авторитарного государства [4, с. 3].

Другой проблемой, которая возникла в связи с институтом соглашения о признание вины, касается роли потерпевшего в уголовном процессе, который практически лишился права на доступ к правосудию в случае применения данной процедуры, так как он либо не вызывался в судебное заседание, либо участвовал в нем в качестве пассивного свидетеля. А согласно практике некоторых судебных инстанций, даже лишался права на обжалования приговора.

В итоге можно заключить, что заимствование института соглашения о признание вины без предоставления соответствующих уголовно-процессуальных гарантий может принести больше вреда, чем пользы правосудию. Связи с чем не можем не согласится с мнением профессора И. Тановичану о том, что является непростительной ошибкой трансплантат любых институтов от одного народа к другому, без предварительного изучения если они ему подходит [3, с. 244].

Тоже самое можно сказать и о производстве уголовного преследование и рассмотрение дел по преступлениям, совершенным юридическими лицами. Институт, к которому по мимо вышеупомянутым замечаниям можно добавить разные концептуальные подходы, которые были использованы законодателем. Так, первоначально законодатель предусмотрел возможность привлечения юридического лица к уголовной ответственности вне зависимости от совершенного преступления, если она перечислена в ч. 3 ст. 21 УК РМ1, в соответствие с которым юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, несет уголовную ответственность за совершение преступлений, предусмотренных статьями 215–218, 221, 223–246, 248–251, 257, 259–261 УК РМ. Однако, как оказалось, не все перечисленные статьи предусматривали наказание для юридических лиц, с одной стороны, в то же время спектр указанных преступлений, который являлся исчерпывающим, охватывал далеко не все преступления,которые могли совершить юридические лица. То есть условия привлечения юридического лица к уголовной ответственности, таким образом, были необоснованно сужены. Для исправления данной ситуации законодатель был вынужден изменить свой подход к регламентации условий привлечения юридического лица к уголовной ответственности, предусмотрев в ч. 3 ст. 21 УК РМ, что юридические лица, за исключением органов публичной власти, несут уголовную ответственность за преступления, за совершение которых предусмотрено наказание для юридических лиц в Особенной части уголовного кодекса.

Другая категория фактов, которые определяют развитие уголовно процессуального законодательства, относится к внутренним факторам. К этим факторам относятся, в первую очередь, нормативные ответы законодателя на современные вызовы в области уголовного процесса, при чем вне зависимости от истоков данных причин. К данной категории можно отнести в первую очередь актуальное уголовно-процессуальное законодательство в редакции 2003 года, которая несмотря на множество заимствованных институтов все же является законодательным ответом на современный этап развития Республики Молдова. В эту же категорию можно внести и большинство изменений уголовно процессуального законодательства. Так, например, необходимость решения с одной стороны вопросов законности оперативно-розыскных мероприятий, а с другой стороны дотация органов уголовного преследования необходимым арсеналом для расследования уголовных дел, Парламентом Республики Молдова был принят закон №. 66 от 29.03.2012, о внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс, в результате которого был введен ранее неизвестный институт специальной розыскной деятельности, которая согласно ст. 132[1] УПК РМ представляет собой совокупность действий по уголовному преследованию гласного и/или негласного характера, осуществляемых розыскными офицерами в рамках уголовного преследования только на условиях и в порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Этим же законом были изменены средства доказывания путем включения в данный список процессуальных актов о результатах специальных розыскных мероприятий и приложения к ним, включая стенограммы, фотографии, записи.

Не в последнюю очередь, хотелось бы отметить своеобразное решение законодателем определенных проблем, поднятых международным сообществом. Так к примеру, для исключения ревиктимизации несовершеннолетних в уголовном процессе, законодатель решил исключить возможность передопроса несовершеннолетних-свидетелей (потерпевших). С этой целью, согласно ст. 110[1] УПК РМ, была введена особая процедура допроса, согласно которой допрос несовершеннолетнего свидетеля в возрасте до 14 лет по уголовным делам о преступлениях сексуального характера, о торговле детьми или о насилии в семье, а также в других случаях, если того требуют интересы правосудия или несовершеннолетнего, осуществляется судьей по уголовному преследованию в специально обустроенных помещениях, оснащенных средствами аудио- и видеозаписи, с помощью допрашивателя. Несовершеннолетний свидетель и допрашиватель находятся в допросной комнате, отделенные от судьи по уголовному преследованию и других лиц, участвующих в данном процессуальном действии. В наблюдательной комнате находятся судья по уголовному преследованию, прокурор, защитник подозреваемого или обвиняемого, психолог, судебный секретарь, законный представитель допрашиваемого несовершеннолетнего, законный представитель потерпевшего и, при необходимости, иные лица в соответствии с законом. Участвующие в допросе адресуют вопросы судье по уголовному преследованию, который передает их допрашивателю устно – посредством технических устройств или письменно – во время перерыва.

Однако, не трудно заметить, что вместо решения одной проблемы, законодатель создал множество, как правильно заметил в этой связи Б.Г. Розовский, который утверждает, что постсоветская теория уголовного процесса обладает одним отличительным свойством: ее способность создавать проблемы значительно превосходит воз-

[1] Здесь и в дальнйшем имеется в виду Уголовный кодекс Республики Молдова № 985от 18.04.2002 // МониторулОфичиал № 128–129/1012 din 13.09.2002.

можность их решения [1, с. 22].Иначе как объяснить, при данном подходе невозможность использования таких следственных действий как опознание, проверка показаний на месте преступления, эксперимент ит.д. причем не только для проверки показаний несовершеннолетнего свидетеля, но и для их полноценного получения. Более того, непонятно если особый порядок допроса распространяется только на стадии предварительного следствия или и на судебную стадию, со всеми вытекающими обстоятельствами. А об экономии времени и средств для проведения допроса, исходя из количества, участников, которые задействованы в следственном действии и их интересов можно забыть.

Так подытожив вышесказанное, без каких-либо претензий на исчерпывающий анализ поднятых вопросов, так как это явно выходит за рамки предложенной нами темы можно сделать несколько выводов:

- Во-первых, современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства предопределены заимствованием ранее неизвестных отечественному уголовному процессу иностранных институтов;
- Некоторые из заимствованных иностранных институтов являются объективно необходимыми для отечественного уголовного процесса и являются результатом интеграционных процессов, в которых Республика Молдова принимает участие, а некоторые являются данью современным тенденциям в данной области;
- Интеграция заимствованных иностранных институтов в отечественном уголовном процессе происходит не сразу, иногда для этого к отечественным реалиям адаптируются заимствованные институты, а иногда напротив к данным институтам адаптируются уголовный процесс;
- Не всегда законодательные ответы на актуальные проблемы уголовного процесса приносят адекватные решения данных проблем.

Список литературы:

1. Розовский Б.Г. Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса. Луганск, 2004. 600 с.

2. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. № 1. P. 1.

3. Tanoviceanu I. Tratat de dreptșiprocedurăpenală. Ed. A doua a Cursului de dreptșiprocedurăpenală. Tip. Curieruljudiciar. București 1927. 850 p.

4. Volonciu V. et al. Noul Cod de procedură penală comentat, ediția 2-a, revizuită și adăugită, editura Hamangiu 2015.1542 p.

5. Уголовный кодекс Республики Молдова, № 985-XV от 18.04.2002. Переопубликован: Мониторул Официал № 72-74/195 от 14.04.2009.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова № 122-XV от 14.03.2003. Переопубликован: Мониторул Официал ал Р. Молдова № 248–251/699 от 05.11.2013.

Комарова Е.А.

к.ю.н., доцент,
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Симферополь

НЕУСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ КАК ПРИЧИНА ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ

Аннотация*: в статье анализируются типичные нарушения при установлении предмета доказывания, которые приводят к возвращению прокурором уголовного дела следователю для устранения выявленных недостатков. Сформулирован вывод о необходимости установления в полном объеме всех обстоятельства, подлежащих доказыванию.*

Ключевые слова*: обстоятельства подлежащие доказыванию, главный факт, пределы доказывания, роль прокурора в процессе доказывания, типичные нарушения при установлении предмета доказывания.*

Komarova E.A.

Ph.D(Law), Associate Professor,
Crimean Institute of Law (branch) of the University
of prosecutor's office of the Russian Federation,
Simferopol

UNSPECIFIED CIRCUMSTANCES TO BE PROVED AS THE REASON FOR RETURNING THE CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR

Abstract*: the article is analyzed typical violations in establishing the subject of proof, which lead to the return of the criminal case the Prosecutor to the investigator to eliminate the identified deficiencies. The conclusion is formulated that it is necessary to establish in full all the circumstances subject to proof.*

Keywords*: the circumstance to proof, the main fact, the limits of proof, the role of the Prosecutor in the process of proof, typical violations in establishing the subject of proof.*

Предмет доказывания – это обстоятельства, подлежащие установлению по каждому уголовному делу, его своевременное и правильное определение является очевидным. При этом, необходимо обращать внимание на то, что необоснованное расширение предмета доказывания может привести к чрезмерным усилиям по установлению обстоятельств, не имеющих значение для дела, тогда как, необоснованное его сужение – к неполноте и односторонности расследования и дальнейшего судебного разбирательства, в результате чего существенные для дела обстоятельства остаются не установленными. И то, и другое отрицательно сказывается на производстве по уголовному делу, поскольку не устранение или несвоевременное устранение пробелов предмета доказывания

могут привести к неполноте предварительного расследования или судебного следствия, а также к судебным ошибкам [2, с. 50–54].

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу определены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в статье 73 (далее УПК РФ). В литературе с термином «предмет доказывания» часто употребляется категория «главный факт», несмотря на то, что этот вопрос был предметом множества научных изысканий [1, с. 21–22; 9; 3, с. 123–126], однозначного ответа на вопрос о том, какие именно обстоятельства подлежащие доказыванию, его образуют получено не было. Однако, нельзя не согласится с позицией А.В. Руденко, указавшего на то, что среди обстоятельств, входящих в предмет доказывания, нельзя выделить главный или второстепенные факты. Поскольку, все обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ, имеют свое важное процессуальное значение и выделить из них более или менее значимые обстоятельства невозможно [7, с. 213].

Еще одной категорией, тесно связанной с предметом доказывания, являются пределы доказывания. Это совокупность доказательств, достаточных для достоверного выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания. И если предмет доказывания определен в законе и одинаков для всех категорий уголовных дел, то пределы доказывания определяются в каждом конкретном случае лицом, осуществляющим предварительное расследование или судом. Субъект доказывания самостоятельно устанавливает степень детализации тех или иных фактов, образующих предмет доказывания. Правильное определение пределов доказывания является гарантией с одной стороны, от поверхностного и неполного осуществления не только предварительного расследования, но и судебного следствия, а с другой – препятствием от излишнего загромождения дела ненужными доказательствами.

Однако, в некоторых случаях такая «избыточность» схожих доказательств не только допустима, но и необходимо, в случае, если эти повторы перекрывают слабые места в процессе доказывания и устанавливают дополнительные связи между доказательствами. По мнению А.А. Хмырова система доказательств должна обладать способностью не только достоверно устанавливать фактические обстоятельства дела, но и делать это с определенным резервным запасом необходимым на случай, если в ходе дальнейшего производства по делу отдельные доказательства подвергнутся сомнению или будут исключены [8, с. 99].

Особую роль при определении пределов доказывания играет прокурор, поскольку именно в момент рассмотрения и утверждения итогового документа стадии предварительного расследования решается вопрос о достаточности доказательств для рассмотрения дела в суде.

Анализ причин постановления судами оправдательных приговоров показал, что многочисленные нарушения требований уголовно-процессуального закона, допущенные следователями и дознавателями в досудебном производстве и послужившие причиной постановления судом оправдательных приговоров, не всегда своевременно выявлялись и устранялись прокурорами, в то время как их можно было и иследовало устранить еще на этапе утверждения прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления), если они не были устранены на более ранних этапах производства [6, с. 27–28].

Эта обязанность закреплена за прокурором рядом организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации [4; 5].

С целью недопущения подобных явлений целесообразно выделить типичные нарушения при установлении предмета доказывания, приводящие к возвращению прокурором уголовного дела следователю для устранения выявленных недостатков и пути их устранения:

Во-первых, не устанавливаются своевременно и в полном объеме обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Зачастую эта информация появляется в материалах уголовного дела в начале осуществления предварительного расследования и не актуализируется к моменту его окончания. Так, при изучении материалов уголовного дела, поступившего прокурору для принятия решения в порядке ст. 226 УПК РФ, установлено, что материалы, характеризующие личность подозреваемого (сведения о судимости, состоянии здоровья, характеристика т.д.) получены органом дознания на стадии рассмотрения сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела. Учитывая, что срок проведения процессуальной проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела составил более 3 месяцев, а срок дознания составил 5 месяцев, указанные сведения дознавателем обновлены не были, что среди прочего послужило основанием для возвращения уголовного дела для производства дополнительного дознания.

Во-вторых, не уделяется должное внимание обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание. Так, при составлении обвинительного акта дознавателем в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, указано наличие на иждивении подозреваемого малолетнего ребенка. Однако, согласно материалам уголовного дела подозреваемый находился в разводе и дознавателем обстоятельства исполнения им обязанностей по воспитанию ребенка не установлены.

В ходе дополнительного дознания было установлено, что подозреваемый воспитанием ребенка не занимается, имеет задолженность по уплате алиментов, что исключило наличие обстоятельств, смягчающих наказание.

Из анализа причин следует, что при производстве предварительного расследования большее внимание уделяется установлению события преступления и виновности лица в его совершении, и поверхностно устанавливаются иные обстоятельства, подлежащие доказыванию. Данный подход является недопустимым, поскольку те же обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, могут повлиять на размер наказания, режим отбытия наказания, наличие смягчающих наказание обстоятельств и т.п.

Таким образом, полагается, что выделение основных и второстепенных обстоятельств из закрепленных в ст. 73 УПК РФ, и распределение нагрузки по производству процессуальных и следственных действий с учетом установленных приоритетов, является недопустимым. Органам предварительного расследования необходимо

в полном объеме и всесторонне устанавливать все обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Список литературы:

1. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид лит., 1964. 179 с.
2. Куликова С., Степенко В. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу // Закон и право. № 10. 2006. С. 50–53.
3. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2019. 263 с.
4. Приказ Генпрокуратуры России от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.02.2020).
5. Приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2020).
6. Решетова Н.Ю., Великая Е.В., Камчатов К.В. Научный доклад НИИ АГПРФ «Анализ причин постановления судами оправдательных приговоров». М., 2017. 30 с.
7. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. М.: Проспект, 2014. 273 с.
8. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. Краснодар, 1996.
9. Хмыров А.А. Теория доказывания: общая часть: учеб. пособие / 3-е изд., испр. и доп. Краснодар, 2006.

Комова Ю.В.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
Адвокат Адвокатской палаты Саратовской области
komovayulia@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, НЕСУЩИХ В СООТВЕТСТВИИ С ГК РФ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Аннотация*: в статье рассмотрены отдельные особенности участия юридических лиц в уголовном процессе. В частности, затронута проблема несвоевременного привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика. Предложено расширить перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, включив в них обстоятельств возмещения имущественного вреда, посредством установления физических и юридических лиц, которые в соответствии с ГК РФ, несут ответственность за вред, причиненный преступлением.*

Ключевые слова*: юридическое лицо, ответственность, гражданский ответчик, имущественный вред, обстоятельства, подлежащие доказыванию.*

Komova Yu. V.

Saratov State Law Academy,
Saratov
Lawyer of the Law Chamber of the Saratov Region

SOME FEATURES OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES INVOLVING LEGAL ENTITIES THAT BEAR RESPONSIBILITY FOR HARM CAUSED BY A CRIME IN ACCORDANCE WITH THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract*: the article discusses certain features of the participation of legal entities in the criminal process. In particular, the problem of untimely involvement of a legal entity as a civil defendant was raised. It is proposed to expand the list of circumstances to be proved in a criminal case, including the circumstances of compensation for property damage, by identifying individuals and legal entities that, in accordance with the Civil Code of the Russian Federation, are liable for damage caused by a crime.*

Keywords*: legal entity, liability, civil defendant, property damage, circumstances to be proved.*

Отдельным вопросам доказывания по уголовным делам посвящены работы многих ученых [3, с. 277–278; 2, с. 31–41; 5, с. 106–110].

Доказывание по уголовным делам с участием юридических лиц имеет свои особенности.

Одной из форм участия юридического лица в уголовном процессе, является привлечение его в качестве гражданского ответчика по уголовному делу(ст. 54 УПК РФ).

В ч. 1 ст. 54 УПК РФ установлены фактические основания для вступления юридического лица в качестве гражданского ответчика – юридическое лицо в соответствии с ГК РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением, и юридические основания – вынесение решения дознавателем, следователем или судом о привлечении юридического лица в качестве гражданского ответчика.

При этом УПК РФ не конкретизирует, в какой срок должно быть вынесено такое постановление, не установлена обязанность должностных лиц выявлять основания для привлечения в качестве гражданского ответчика, что на практике нередко приводит к тому, что гражданский ответчик при наличии материальных оснований привлекается в уголовный процесс с запозданием, чаще уже на судебной стадии уголовного процесса.

Особенно данные пробел отражается на юридических лицах, поскольку в некоторых, предусмотренных гражданским законодательством случаях (причинение вреда работником юридического лица при исполнении им трудовых (служебных, должностных) обязанностей – ч. 1 ст. 1068 ГК РФ, причинение вреда потерпевшему источником повышенной опасности, принадлежащим

юридическому лицу – ст. 1079 ГК РФ), они несут ответственность за вред, причиненный преступлением, но в силу того, что юридические лица сами не привлекаются к уголовной ответственности, они могут быть не осведомлены о возникновении материальных оснований для их участия в уголовном деле в качестве гражданского ответчика.

При этом в случае несвоевременного привлечения в уголовный процесс юридическое лицо лишается возможности защитить свои интересы и воспользоваться правами, предусмотренными ст. 54 УПК РФ, в том числе правом возражать против предъявленного иска, собирать и представлять доказательства, заявлять ходатайства.

Следует заметить, что даже в случае осведомленности лиц, полномочных действовать в интересах юридического лица, о наличии материальных оснований для участия в уголовном процессе, они не всегда могут защитить интересы юридического лица, вследствие неурегулированности данного вопроса нормами УПК РФ. Так, например, по уголовному делу, возбужденному по факту ненадлежащего оказания медицинской помощи работником скорой помощи, вследствие чего наступила смерть лица, признанным в качестве потерпевшего родственником умершего был заявлен гражданский иск к подозреваемому – работнику скорой помощи и юридическому лицу – Бюджетному учреждению здравоохранения. Следователь признал гражданским ответчиком лишь физическое лицо, а при подаче юридическим лицом ходатайства о привлечении его в качестве гражданского ответчика, вынес постановление об отказе в удовлетворении ходатайства в связи с тем, что оснований для признания юридического лица гражданским ответчиком на этапе предварительного расследования не установлено. Данное решение было обжаловано представителем юридического лица в районный суд в порядке ст. 125 УПК РФ, а затем в апелляционном порядке в областной суд, и в обеих инстанциях в удовлетворении жалоб было отказано. При разрешении жалоб суд сослался на положения ст. 38 УПК РФ и, исходя из процессуальной самостоятельности следователя, сделал вывод о том, что суд, при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, не вправе давать следователю указаний, в том числе о признании юридического лица гражданским ответчиком. Также суд указал на то, что разрешение вопроса о наличии оснований для привлечения в качестве гражданского ответчика юридического лица требует оценки фактических обстоятельств дела, что не может быть осуществлено при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ [1].

Данный пример из практики подтверждает абсолютную незащищенность юридических лиц при вступлении их в уголовное дело в качестве гражданских ответчиков. При этом, если анализировать приведенный пример, то в данном случае присутствуют основания, предусмотренные ст. 1068 ГК РФ, для привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика, поскольку привлекаемое к уголовной ответственности физическое лицо является работником организации и совершило преступление при исполнении трудовых обязанностей.

На обозначенную проблему обращали внимание некоторые ученые. Так, А.Ю. Никулин предлагает «конкретизировать срок признания следователем соответствующего субъекта в качестве гражданского ответчика в ч. 1 ст. 54 УПК РФ (например, трехдневный срок с момента наличия достаточных данных, дающих основания для привлечения данного лица в качестве гражданского ответчика), а также срок уведомления следователем гражданского ответчика о наделении его этим процессуальным статусом (например, трехдневный срок с момента вынесения постановления) с разъяснением прав и обязанностей данного субъекта в уголовном судопроизводстве» [4, с. 176].

Однако, исходя из содержания ст. 54 УПК РФ, следователь и в настоящее время должен выносить соответствующее решение о привлечении в качестве гражданского ответчика в случае установления материальных оснований, но законом не установлена сама обязанность следователя по установлению лиц, которые в соответствии с ГК РФ несут ответственность за вред, причиненный преступлением.

В условиях загруженности следователь по уголовному делу стремится к установлению лишь того минимума обстоятельств, которые установлены в ст. 73 УПК РФ и не задается вопросом, какие лица помимо обвиняемого несут в соответствии с ГК РФ ответственность за вред, причиненный преступлением. В п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ закреплена лишь обязанность устанавливать характер и размер вреда, причиненного преступлением. Установление лиц, несущих гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный преступлением, представляется, хотя и связано с обстоятельствами, которые должны устанавливаться – характер и размер вреда, но все же находится за его рамками.

Тем не менее, установление лиц, несущих гражданско-правую ответственность за вред, причиненный преступлением, поспособствует не только защите прав и законных интересов лиц, привлекаемых в качестве гражданских ответчиков, но и поможет реализовать назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в ст. 6 УПК РФ, защищая права и законные интересы лиц, потерпевших от преступления, посредством обеспечения реальной возможности возмещения вреда.

Полагаем, что обстоятельства возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, следует отнести к обстоятельствам, подлежащим обязательному выяснению в ходе расследования.

В связи с изложенным, предлагаем внести изменения в ст. 73 УПК РФ путем добавления в нее части 3 следующего содержания: «3. Подлежат выявлению также обстоятельства возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, посредством установления физических и юридических лиц, которые в соответствии с ГК РФ несут ответственность за вред, причиненный преступлением». При этом ч. 1 ст. 54 УПК РФ полагаем необходимым изменить, изложив в следующей редакции: «… При выявлении данных физических и юридических лиц дознаватель, следователь или судья незамедлительно выносит постановление, а суд – определение о привлечении физического или юридического лица в качестве гражданского ответчика».

Список литературы:

1. Апелляционное постановление № 22-К-503/1522 К-503/2015 от 15 апреля 2015 г. (дело № 22-к-503/15) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/(дата обращения: 25.02.2020).
2. Баранова М.А., Григорян В.Л. Негативные аспекты применения преюдиции при осуществлении доказывания по уголовному делу // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Саратов: Кубик, 2015. С. 31–41.
3. Григорян В.Л. Защита в сфере доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве России // Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения): сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, г. Саратов, 3–4 июня 2010 г.) / [ред-кол.: О.С. Ростова (отв. ред.) и др.]. Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 277–278.
4. Никулин А.Ю. Основания и порядок привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика в уголовном судопроизводстве: некоторые дискуссионные аспекты // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. № 3–2. 2013. С. 176–179.
5. Перетятько Н.М. Оценка достоверности доказательств // Судебная экспертиза. 2007. № 2 (10). С. 106–110.

Коомбаев А.А.
д.ю.н., профессор,
факультет переподготовки и
повышения квалификации кадров
ППК КНУ им. Ж. Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызская Республика
migrantkg@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО НОВОМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация*: в данной статье проанализированы нормы нового уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, проблемные вопросы доказательственного право и доказывания, в том числе участие защитника в сборе, исследовании и оценке источников доказательства.*

Ключевые слова*: процесс доказывания; суд и властные субъекты уголовного процесса; депонирование показаний; судебная экспертиза; следственный судья; исследование и оценка источников доказательств.*

Koombaev A.A.
Dr.Sci(Law), Professor
The Faculty of retraining and advanced
training of personnel of the
Kyrgyz National University
named by Jusup Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyz Republic

ACTUAL PROBLEMS OF PROOF BY THE NEW CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Abstract*: in this article analyzes the norms of the new criminal procedure code of the Kyrgyz Republic, problematic issues of evidentiary law and evidence, including the participation of the defender in the collection, research and evaluation of sources of evidence.*

Keywords*: the process of proving, the court and the authorities of the criminal process, deposit of the testimony, judicial expertise, investigating judge, research and evaluation of evidence sources.*

В новом Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики институту доказательств и доказывания, посвящен отдельный раздел, содержащий две главы (раздел 3, главы 10 и 11 УПК КР).

При разработке нового УПК КР, который вступил в силу с 1 января 2019 года, авторы осторожно подошли к центральной части уголовного судопроизводства, а именно к понятию и источникам доказательства, к перечню обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Вместе с тем, предпринята попытка усовершенствовать процесс доказывания, часть которых прямо предусмотрена в главе 11, посвященной институту доказывания, часть нашли отражения в отдельных полномочиях как суда, должностных лиц осуществлуюших досудебное производство, так и отдельных участников уголовного процесса (ст. 54, 172 УПК КР).

В первую очередь следует констатировать, что в нормах УПК КР, также как в прежнем УПК КР, и в УПК РФ определение понятия «доказывание» фактически отсутствует. Законодатель лишь констатирует, что «Доказывание состоит в собирании, исследовании и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела» (ст. 92 УПК КР).

Так как в уголовном процессе нет единства суждений по определению понятия доказывания, то напрашивается вывод, что гносеологическая составляющая этого процесса у разных авторов приблизительно едина, характеризуя цель доказывания в качестве установления истины по уголовному делу. В настящее время в работах процессуалистов впросам установления истины, в качестве цели уголовно-процессуальной познавательной деятельности, уделяется много внимания. Следует согласиться с такой позицией, которая отрицает возможность фактического установления абсолютной истины. В этом смысле установление истины не может быть целью уголовного су-

допроизводства, однако результат принятого решения, выраженный во вступившем в законную силу приговоре, следует считать истинным, поскольку абсолютна истина заменяется объективной или формальной истиной.

По мнению Ю.В. Францифорова, истина не всегда прагматична, далека от копирования действительности и не приравнивается к теоретическому доказательству [4, с. 10].

В этой связи, в качестве краткого определения доказывания на основе проанализированных точек зрения, можно предложить следующее определение: «под доказыванием следует понимать непосредственную и опосредованную уголовно-процессуальным законом практико-мыслительную деятельность должностных лиц стороны обвинения и суда по собиранию, исследованию и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 83 УПК КР».

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве, как это следует из положений действующего УПК КР, представляет собой единство таких элементов доказательственной деятельности, как собирание, исследование и оценка доказательств.

Что касается основного способа собирания доказательств, то, как верно отмечает В.М. Корнуков, «следственные действия считались и считаются основным средством, а их производство – основным способом собирания и исследования доказательств» [1, с. 600]. Тут же в подтверждение и в поддержку высказывания В.М. Корнукова следует указать на положение нового УПК КР, где указано, что получение сведений от таких лиц, которые обладают с, имеющей отведениями, имеющими значение для расследуемого дела, осуществленный защитником считается нелегитимным, а потому не может быть приобщен к материалам уголовного дела в качестве доказательства, до тех пор пока защитником не будет обеспечена его явка в орган предварительного расследования для осуществления допроса (ч. 4 ст. 93 УПК КР).

Однако собирание доказательств обусловлено полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством, для отдельных специальных участников процесса, которые вправе принимать участие в производстве следственных действий и представлять доказательства.

Точнее если выразиться, то это, во-первых, касается таких участников процесса, как: сторона защиты, потерпевший, представитель потерпевшего, т.е. те кто имеют материальный или процессуальный интерес в исходе дела. Во-вторых, речь идет о возможности получить, в том числе путем истребования документов или сведений (информации) от соответствующих лиц или организаций.

В этом аспекте к ключевым нововведениям УПК КР следует отнести полномочия защитника о возможности принесения ходатайства следственному судье о депонировании доказательств и о производстве экспертизы, либо принятя решения о самостоятельном обращении в экспертную организацию для проведения экспертизы на договорной основе (ст. 54 УПК КР).

Депонирование показаний по смыслу п. 7 статьи 5 в совокупности с содержением главы 26 УПК КР относится к следственным действиям, осуществляемым в досудебном производстве следственным судьей допроса свидетеля по просьбе сторон для возможности сохранения доказательств, при условии что в дальнейшем допросить свидетеля не представится возможным, либо в случае обеспечения егобезопасности. Следует заметить, что понятие “депонирование показаний”, определенное в статье 5 УПК не полностью совпадает с содержанием главы 26 УПК КР, где предусмотрено возможности депонирование показаний свидетелей защитника, а также показаний несовершеннолетних потерпевших в целях недопущения психотравмирующего на них воздействия.

Вместе с тем безусловно прогрессивным положением, на наш взгляд является недопустимость таких оглашений в суде показаний потерпевшего, свидетеля, котрые связаны с отсутствием возможности его появления в суде. Такие правила существовали в нормах прежнего УПК КР 1999 года. Во-первых, такое правило противоречит важному принципу непосредственного исследования всех доказательств в суде и не соответствует положению Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому сторона защиты, а также обвиняемый вправе допрашивать (задавать вопросы) свидетелям, показывающих против него (п. «е» ч. 3 ст. 14). Во-вторых, в на практике имеются примеры, когда свидетели давшие показания в досудебнм производстве, на судебном заседании их не подтверждают, поясняя свой отказ от раннее представленных доказательств, давлением со стороны следователя или дознавателя. Кроме того, на практике все чаще ключевые свидетели или потерпевшие по различным уважительным причинам (напиример, в связи со смертью и т.п.) не являются в судебное заседание или же по неуважительным причинам уклоняются от явки в суд, вследствии чего нарушаются процессуальные сроки рассмотрения уголовных дел и суды не могут принять окончательного решения по делу [2; 3, с. 112–113].

Что касается такого права адвоката, связанного с обращением в экспертную организацию для проведения экспертизы на основании договора, если при этом отсутствует необходимость в истребовании объектов исследования из органов досудебного производства, то, это закреплено в ст. 54 и ч. 12 ст. 172 УПК КР. Между тем следует отметить, что дальнейщая процедура и механизм реализации указанного правозащитника, в нормах нового УПК КР и Законе о судебно-экспертной деятельности не расписано. В этой связи право адвоката уже больше года просто-напросто не реализуется на практике.

Итак, в ходе досудебного производства следственный судья вправе осуществлять судебный контроль и участвовать в сборе доказательств по желанию сторон с помощью депонирования показаний и назначения судебной экспертизы. Правом участвовать в сборе сведений, как устных, так и в письменной форме, а также предметов и документов для приобщения их к делу представлено не только защитнику (адвокату), но и подозреваемому, лицу, ответственному за возмещение материального ущерба и морального вреда, потерпевшему, его представителю, а также любому гражданину и организации.

УПК КР 1999 года не предусматривал каких-либо отдельных правил представления источников доказательств и его оформления. Согласно правилам нового УПК КР 2017 года, принятие предметов и документов от участников судопроизводства и иных лиц осуществляется на основании их ходатайства и подлежит приобщению к делу, о чем составляется протокол (ч. 5 ст. 93 УПК КР).

Итак, по новому УПК КР сделаны вполне определенные шаги по направлению наделения участников процесса, в первую очередь, защитника (адвоката) такими полномочиями, которые позволяют ему проявлять активность и принимать участие в сборе и исследовании источников доказательств. Вместе с тем представляется верным вывод о том, что самостоятельно, без разрешения властных субъектов, защитник полноценно исследовать и дать оценку источникам доказательств не вправе. Полученные защитником сведения могут быть приняты следователем к уголовному делу в качестве доказательств, лишь по усмотрению следователя, поскольку защитник наделенный правом собирания доказательств, не вправе давать оценку этим доказательствам.

Такое основополагающее, имеющее как теоретическое, так и практическое значение положение в уголовном процессе, верно осталось не изменным. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 95 УПК КР именно уполномоченное должностное лицо органа дознания, следователь, прокурор и суд оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на объективном и достаточном рассмотрении доказательств в их совокупности, при этом руководствуясь законом и совестью. Именно эти властные субъекты уголовного процесса решают вопросы о недопустимости доказательства и по ним принимают мотивированное решение (ч. 5ст. 82 УПК КР).

Список литературы:

1. Корнуков В.М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 597–602.

2. Специальный доклад Акыйкатчы (Омбудсмена) Кыргызской Республики «Доступ к правосудию: основные проблемы» за 2016 год. URL: http: // www.0mbudsman.kg/files:docs/reports/2016/access_to-justice.pdf. (дата обращения: 25.02.2020).

3. Кулбаев А.К. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики 2017 года: новеллы. Бишкек, 2018. С. 112–113.

4. Францифоров Ю.В. Цена истины в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. № 11. 2005. С. 10–14.

Костенко Р.В.

д.ю.н., профессор,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар
rom-kostenko@yandex.ru

ОСНОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация*: в настоящей статье автор анализирует нормативные положения уголовно-процессуального законодательства некоторых стран ближнего зарубежья, посвященные обвинительному приговору и основаниям его постановления. В результате исследования сформулирован вывод об оптимальных, с точки зрения автора, нормативных предписаниях, определяющих конкретные обстоятельства и факты в качестве оснований обвинительного приговора, а также необходимость их подтверждения достаточными доказательствами.*

Ключевые слова*: уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран, обвинительный приговор, основания постановления обвинительного приговора, достаточные доказательства.*

Kostenko R.V.

Dr.Sci(Law), Professor,
FGBOU «Kuban state University»,
Krasnodar

GROUNDS FOR THE DECISION OF A GUILTY VERDICT IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF SOME COUNTRIES OF THE NEAR ABROAD

Abstract*: in this article, the author analyzes the normative provisions of the criminal procedure legislation of some countries of the near abroad, dedicated to the conviction and the grounds for its decision. As a result of the study, a conclusion is formulated about the optimal, from the author's point of view, regulatory requirements that define specific circumstances and facts as grounds for a conviction, as well as the need to confirm them with sufficient evidence.*

Keywords*: criminal procedure legislation of foreign countries, conviction, grounds for the decision of the guilty verdict, satisfactory proof.*

Как показывает анализ уголовно-процессуального законодательства некоторых стран ближнего зарубежья, нормативные положения, посвященные обвинительному приговору и основаниям его постановления, довольно разнообразны. Так, например, УПК Грузии помещает пред-

писания об обвинительном приговоре в статью 13, которая именуется «Доказательства». Согласно части второй указанной нормы, обвинительный приговор должен основываться только на совокупности согласующихся друг с другом явных и убедительных доказательств, которые вне разумных сомнений подтверждают виновность лица [4].

В соответствии с ч. 3 ст. 373 УПК Украины, регламентирующей виды приговоров, обвинительный приговор не может основываться на предположениях и постановляется лишь при условии доказательства в ходе судебного разбирательства виновности лица в совершении уголовного преступления [11].

Статья 44 УПК Азербайджана обозначена, как «Основания осуждения», она же предусматривает, если по совокупности доказательств, исследованных в ходе судебного разбирательства, будет установлена виновность обвиняемого в преступлении, суд постановляет обвинительный приговор [1].

В уголовно-процессуальном законодательстве таких стран, как Беларусь, Кыргызстан и Узбекистан, предусматриваются отдельные нормы об основаниях вынесения обвинительного приговора. Однако, из их содержания далеко не всегда ясно, что собой представляют эти основания. К примеру, в ч. 1 ст. 356 УПК Республики Беларусь («Основания постановления обвинительного приговора») сказано, что обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность обвиняемого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств [3]. В статье с аналогичным названием уголовно-процессуального кодекса Кыргызстана говорится о том, что обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность обвиняемого в совершении преступления либо проступка подтверждена совокупностью исследованных доказательств, и не может быть основан на предположениях (ч. 1 ст. 339 УПК Кыргызстана) [6]. Статья 463. Основания постановления обвинительного приговора УПК Узбекистана провозглашает: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. В основу обвинительного приговора должны быть положены достоверные доказательства, полученные в результате проверки всех возможных по делу обстоятельств совершения преступления, восполнения всех обнаруженных в материалах дела пробелов, устранения всех возникших сомнений и противоречий» [10].

Еще в некоторых уголовно-процессуальных кодексах стран ближнего зарубежья содержатся нормы, которые прямо названы «Обвинительный приговор». В частности, в соответствии с ч. 3 ст. 393 УПК Казахстана, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении уголовного правонарушения подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств [5]. По сути дела, аналогичное предписание отражается в ч. 3 ст. 418 УПК Туркменистана: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, он выносится лишь при подтверждении виновности подсудимого в совершении преступления в ходе судебного разбирательства совокупностью исследованных судом доказательств» [9]. В ч. 1 ст. 389 УПК Молдовы сказанно, что обвинительный приговор постановляется лишь при условии подтверждения в результате судебного расследования виновности подсудимого в совершении преступления на основе совокупности доказательств, исследованных в судебной инстанции [7].

По нашему мнению, наиболее точен и правомерен в формулировках, посвященных обвинительному приговору, условиям и основаниям его постановления, УПК Армении. Помимо традиционной формулы о том, что «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постанавливается лишь в том случае, когда виновность подсудимого доказана в ходе судебного разбирательства» (ч. 2 ст. 365 УПК Армении), эта же норма определяет, «виновность подсудимого в совершении преступления может считаться доказанной, если суд: руководствуясь презумпцией невиновности, основываясь на результатах исследования обстоятельств дела в судебном разбирательстве в рамках надлежащей правовой процедуры, на основе достоверных доказательств, исследованных в судебном следствии, толкуя все неустранимые сомнения в виновности подсудимого в его пользу, – дает утвердительные ответы на вопросы, указанные в пунктах 1–4 части первой статьи 360 настоящего Кодекса» [2]. Исходя из ст. 360 УПК Армении, «при постановлении приговора суд в представленной последовательности разрешает следующие вопросы:

1) доказано ли деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;

2) соответствуют ли признаки этого деяния признакам норм Особенной части Уголовного кодекса;

3) доказано ли совершение этого деяния подсудимым;

4) доказана ли виновность подсудимого в совершении данного преступления и если да, то какой статьей, частью, каким пунктом Уголовного кодекса предусмотрено оно» [2].

Указанный порядок, определяющий правила постановления обвинительного приговора, является оптимальным с точки зрения важности для понимания судом того, какие конкретно обстоятельства и факты выступают в качестве оснований данного итогового решения, а также необходимости их подтверждения достаточными доказательствами. Считаем, что в УПК РФ следует также предусмотреть отдельную норму об обвинительном приговоре, в которой, помимо указания на условия, основания и его виды, сформулировать положение о том, что суд выносит обвинительный приговор, если дает утвердительные ответы на вопросы, указанные в пунктах 1–4 части первой статьи 299 УПК РФ [8].

О необходимости обоснования доказательствами описательно-мотивировочной части обвинительного приговора говориться в ст. 307 УПК РФ. Однако, содержание данной нормы нельзя признать безупречным. На наш взгляд, совершенно абстрактно и широко выглядит формулировка п. 2 ст. 307 УПК РФ о доказательствах, на которых основаны выводы суда в отношении подсу-

димого. Какие выводы в отношении подсудимого должны подтверждать доказательства? Здесь речь должна идти не о «выводах в отношении подсудимого». Нужна другая безусловная терминологическая конкретика. Достаточные доказательства в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора выступают основой не «выводов суда в отношении подсудимого», они представляют собой средство установления конкретных обстоятельств совершенного преступления, доказанность наличия которых является основанием признания подсудимого виновным в совершении преступления, привлечения его к уголовной ответственности и применения различных видов обвинительного приговора.

Именно в указанном правильном контексте и понимании, в отличие от критикуемых положений п. 2 ст. 307 УПК РФ, законодатель использует формулировку о доказательствах в п. 4.1 этой же нормы. В соответствии с п. 4.1 ст. 397 УПК РФ, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Таким образом, предлагаем п. 2 ст. 307 УПК РФ изложить в новой редакции, а также дополнить рассматриваемую норму новыми пунктами следующего содержания:

«2) доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства;

2.1) доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что это деяние совершил подсудимый, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства;

2.2) доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что подсудимый виновен в совершении этого преступления, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства;».

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. (с изм. и доп. по состоянию на 09.07.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 июля 1998 г. (с изм. и доп. по состоянию на 30.09.2019 г.). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. (с изм. и доп. по состоянию на 09.01.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия от 9 октября 2009 г. (с изм. и доп. по состоянию на 08.05.2019 г.). URL: https://www.legislationline.org/download/id/8252/file/Georgia_CPC_2009_am2019_ru.pdf

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. (с изм. и доп. по состоянию на 11.01.2020). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852

6. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. (с изм. и доп. по состоянию на 15.05.2019). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=95077

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. (с изм. и доп. по состоянию на 29.11.2018). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (с изм. и доп. по состоянию на 27.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

9. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. (с изм. и доп. по состоянию на 30.11.2019). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31344376

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 06.12.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101

11. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. (с изм. и доп. по состоянию на 31.10.2019). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31197178

Лавнов М.А.

к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
m-lavnov@rambler.ru

СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ОТКАЗЕ ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ[1]

Аннотация: *отказ прокурора от обвинения влечет безусловное прекращение уголовного дела. Такое решение по своей правовой природе обеспечивает защиту прав личности, служит своеобразным правовым фильтром, ограждая невиновных от незаконного и необоснованного уголовного преследования, что предполагает полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств уголовного дела. Однако существующая модель разрешения уголовного дела по существу при отказе прокурора от обвинения не в полной мере позволяет реализовать указанное требование.*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887. The reported study was fundedby RFBR, project number 20-011-00887.

Ключевые слова: *отказ прокурора от обвинения, прекращение уголовного дела, обеспечение прав личности, независимость судей, права потерпевшего, состязательность сторон*.

Lavnov M.A.
Ph.D.(Law),
Saratov State Law Academy,
Saratov

STANDARDS OF PROOF WHEN THE PROSECUTOR REFUSESTOCHARGE

Abstract: *the Prosecutor's refusal to charge entails the unconditional termination of the criminal case. Such a decision, by its legal nature, protects human rights. It is a legal filter that protects the innocent from illegal and unjustified criminal prosecution. This implies a full, comprehensive and objective investigation of the circumstances of the criminal case. The current model of resolving a criminal case on the merits when the Prosecutor refuses to charge does not fully allow for the implementation of this requirement*.

Keywords: *refusal of the Prosecutor to charge, termination of the criminal case, ensuring the rights of the individual, independence of judges, the rights of the victim, the adversarial nature of the parties*.

Состязательность уголовного судопроизводства предполагает в определенной степени пассивную роль суда в доказывании обстоятельств уголовного дела и закрепление за обвинением статуса «движущей силы» всей уголовно-процессуальной деятельности, что позволяет сформулировать следующую формулу: «без обвинения не может быть и уголовного дела». При состязательном построении уголовного судопроизводства зависимость суда от позиции обвинения или наличия обвинения как такового не вызывает никаких сомнений. Подкрепляется это и позицией Генеральной прокуратуры, изложенной в Приказе от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», и ориентирующей государственных обвинителей на то, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения. Государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств. При этом, как верно отмечает В.Л. Григорян, вопрос о том, кто из участников процесса обязан всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела остается открытым [2, с. 329]. Равно как и не решенной остается проблема о месте указанного требования в системе основных начал уголовного судопроизводства.

Представляется, что независимо от того, как определяется современный российский уголовный процесс с типологической точки зрения в научной литературе, нельзя отрицать, что именно на суд возлагается ответственность за вынесение правосудного (законного, обоснованного, мотивированного и справедливого) итогового решения по делу. Это, по мнению, Н.С. Мановой и М.А. Барановой дает суду возможность участвовать в доказывании обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, собирая доказательства по собственной инициативе [5, с. 575].

Тем не менее, с учетом действующей правовой регламентации модели отказа государственного обвинителя от обвинения, дающей возможность прокурору реализовать свое право на распоряжение судьбой уголовного иска в судебных стадиях уголовного процесса, возможность полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств уголовного дела вызывает обоснованные сомнения.

С точки зрения действующей правовой регламентации, отказ государственного обвинителя от обвинения влечет безусловное и безальтернативное решение – прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниями (пп. 1,2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Однако, если указанные основания будут обнаружены судом самостоятельно, то прекращение уголовного дела становится невозможным. В такой ситуации судебное разбирательство проводится в полном объеме и завершается итоговым процессуальным решением – оправдательным приговором. Закрепленный в УПК РФ порядок разрешения уголовного дела по существу, по справедливому замечанию В.М. Корнукова, является несправедливым и некорректным с точки зрения человека, находящегося в статусе подсудимого. Вопрос о том, почему прокурору позволено распоряжаться обвинением так, что подсудимый лишается права на правосудие, права на оправдание, является во многом риторическим. Поэтому нельзя не согласиться и в этой части с В.М. Корнуковым, который утверждает, что «человеку, необоснованно обвиняемому в совершении преступления, в суде нужна не милость или снисхождение государства в лице прокурора, а объявление судебной властью его невиновным…». Разумно предположить, что право на распоряжение судьбой уголовного иска прокурору должно принадлежать в стадии предания суду [10, с. 140-141].

Стадия подготовки и назначения судебного заседания (или, как она ранее именовалась «стадия предания суду») не предназначена для решения вопроса о виновности или невиновности подсудимого, а ориентирована на реализацию контрольно-подготовительных механизмов обеспечения законности и обоснованности производства по уголовному делу. Тем не менее, данная стадия, может завершиться разрешением уголовного дела по существу, путем его прекращения, но только по таким основаниям, которые не требуют назначения судебного заседания и могут быть явными для суда уже на предварительном слушании, без полноценного исследования всех материалов уголовного дела и оценки всей совокупности представленных сторонами доказательств [7, с. 66].

Согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ отказ прокурора от обвинения в стадии «предания суду», как и в судебном разбирательстве связан с убежденностью государственного обвинителя в наличии реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела. Вопрос о конституционности данной нормы рассматривался Конституционным Судом РФ еще на заре действия УПК РФ в 2003 году, который

сформулировал по данному вопросу вполне четкую правовую позицию, изложенную в Постановлении от 8 декабря 2003 года № 18-П: «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты» [9]. Очевидно, что прокурор вправе, руководствуясь законом и совестью, отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств, что невозможно сделать в стадии подготовки и назначения судебного заседания, независимо от формы ее проведения.

Процесс доказывания в рассматриваемой стадии имеет свои особенности, носит ограниченный характер и ориентирован на анализ, оценку имеющихся доказательств применительно к основаниям прекращения уголовного дела [8, с. 299]. В случае, когда речь идет об основаниях, с которыми законодатель связывает возможность государственного обвинителя отказаться от обвинения следует учитывать их связь с отсутствием события, по поводу которого было возбуждено уголовного дело, состава преступления (любого из его элементов), а также непричастностью лица к совершению преступления. Каждое из представленных оснований имеет свои, особенные стандарты доказывания.

Отсутствие события преступления связано с недоказанностью самого деяния, по сообщению о котором было возбуждено уголовное дело либо, если оно связано с проявлением природных сил, заведомой ложностью сообщения о преступлении [4, с. 91–91].

Отсутствие в деянии состава преступления предполагает, что само деяние по факту которого возбуждено уголовное дело имело место, но отсутствует какой-либо из элементов состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), или имеются обстоятельства, исключающие преступность деяния, установлена малозначительности деяния. По мнению Б.Т. Безлепкина, данное отсутствие состава преступления менее благоприятно для обвиняемого, чем отсутствие события преступления, поскольку определенные действия реабилитированным все-таки совершены, они могут быть порицаемы и влекут определенные правовые последствия [1, с. 115].

Непричастность лица к совершению преступления в познавательном аспекте означает, что достоверно установлены следующие обстоятельства:

1) Событие преступления имело место;

2) Доказано наличие отдельных элементов состава преступления (как минимум объект и объективная сторона);

3) Лицо, находящееся в статусе обвиняемого, данное деяние не совершало;

4) Деяние является результатом действия другого лица (других лиц).

Ограничения процесса доказывания в стадии подготовки и назначения судебного заседания, не позволяют провести полноценное судебное заседание, отвечающие всем общим условиям судебного разбирательства, в том числе отсутствие полномочий на проведение следственных действий, ставят под серьезные сомнения саму возможность реализации закрепленной в законе формулы прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям в связи с реализацией прокурором права по распоряжению судьбой уголовного иска.

Список литературы:

1. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008. 288 с.

2. Григорян В.Л. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельства дела в системе основных начал уголовного судопроизводства // Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации: монография / под ред. Н.С. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019. Гл. 16. 360 с.

3. Лавнов М.А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике. М.: Юрлитинформ, 2017. 176 с.

4. Лавнов М.А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 200 с.

5. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593.

6. Манова Н.С. Роль суда в состязательном уголовном судопроизводстве // Судебная реформа как инструмент совершенствования правосудия: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию судебной реформы в Российской Федерации (г. Пенза, 21 октября 2016 г.) / под ред. В.А. Терехина. Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. С. 574–577.

7. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2004 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Никитина Л.В. Особенности процесса доказывания в стадии подготовки и назначения судебного заседания / Очерки теории российского законодательства: монография / под ред. В.А. Летяева, И.Н. Сенякина. Ч. 3. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. С. 299–301.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. 23 декабря.

10. Российский уголовный процесс. Вопросы Особенной части: курс лекций / В.М. Корнуков. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. 304 с.

Лазарева Л.В.
д.ю.н., профессор,
Владимирский юридический институт
ФСИН России,
г. Владимир
larisa_vui@mail.ru

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В ФОРМИРОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация*: с учетом тенденций развития уголовно-процессуального права и на основе анализа действующего законодательства рассматриваются возможности использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам. Исследуется процессуальный порядок получения заключения и показаний специалиста, рассматриваются возможности стороны защиты в этом направлении. Обосновываются рекомендации и предложения по повышению эффективности участия специалиста в формировании доказательств.*

Ключевые слова*: уголовный процесс, специалист, специальные знания, заключение специалиста, показания специалиста.*

Lazareva L.V.
Dr.Sci(Law), Professor,
Vladimir legal institute
Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir

PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN THE FORMATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES

Abstract*: taking into account the trends in the development of criminal procedure law and on the basis of an analysis of the current legislation, the possibilities of using special knowledge in evidence in criminal cases are examined. The procedural procedure for obtaining a conclusion and testimony of a specialist is examined, the possibilities of the defense in this direction are examined. Recommendations and proposals on increasing the effectiveness of specialist participation in the formation of evidence are substantiated.*

Keywords*: criminal procedure, specialist, special knowledge, expert opinion, expert testimony.*

Специалист, вовлекаясь в уголовно-процессуальную деятельность, одновременно выполняет обязанности по представлению таких доказательств, как заключение и показания специалиста и оказывает содействие в проведении следственных действий.

Как справедливо отмечал Р.Д. Рахунов: «Уголовно-процессуальная деятельность характеризуется тем, что ее участники: а) действуют на основе уголовно-процессуального закона; б) имеют определенные обязанности и права; в) вступают в уголовно-процессуальные отношения с другими участниками процесса» [7, с. 19].

Методологически отталкиваясь от традиционного представления о специальных знаниях и лицах, ими обладающих, в настоящее время наибольшие усилия в этом сегменте уголовно-процессуальной науки, на наш взгляд, целесообразнее направить на рассмотрение и исследование вопросов, связанных с участием специалиста в собирании доказательств по уголовным делам, что имеет большую практическую востребованность. Данная проблема является одной из важнейших для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в условиях усиления состязательности вообще и в области доказательственного права, в частности.

Оставаясь в большинстве случаев техническим помощником следователя, специалист сегодня является еще и посредником в познавательной деятельности субъектов доказывания. Поскольку эта деятельность связана с восприятием объектов материального мира, то субъекты доказывания взаимодействуют с информацией, извлекаемой из сознания специалистов. В свою очередь специалист также выступает субъектом познания, взаимодействуя тем или иным образом с обстоятельствами, подлежащими доказыванию.

С целью изучения вопроса об эффективности использования специальных знаний в собирании доказательств в уголовном судопроизводстве нами изучено мнение сотрудников судебно-следственных органов, согласно которому большинство положительно оценивает роль специалиста в процессе доказывания.

Из содержания статьи 58 УПК РФ можно предположить, что участие специалиста является не столько его правом, сколько обязанностью, что ставит его реализацию в зависимость от усмотрения лиц, в чьем производстве находится уголовное дело. Вследствие чего у практических работников складывается самое разное представление о круге процессуальных обязанностей специалиста.

В этой связи следует обратить внимание на то, что законодатель, закрепляя права и обязанности участников уголовного процесса, в целом отступил от традиционного способа их формирования, исключил понятие «обязан», заменив его словом «не вправе».

Кстати, регламентируя свободу на труд, ст. 37 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду. Запрет на принудительный труд содержится также в ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации.

Напомним, что в своих работах мы предлагали один из вариантов решения проблемы путем получения согласия специалиста [5, с. 129], который, на наш взгляд, мог бы способствовать не только возможности реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, но и обеспечению права специалиста на свободный труд, в случае, если выполнение его процессуальных обязанностей выходит за рамки должностных.

Весьма неоднозначен и одновременно важен для осуществления уголовно-процессуального доказывания вопрос о процессуальной регламентации получения заключения и показаний специалиста. Тот факт, что законода-

тель уклоняется от формализации процедуры получения заключения и показаний специалиста, следует расценивать как недоработку самого законодателя. Безусловно, установленная законом регламентация получения доказательств придает процессу доказывания стабильность, необходимую для достижения его целей и задач.

Кстати, в этой связи необходимо обратить внимание на весьма различную степень формализации самих доказательств. В отношении некоторых из них предусмотрены достаточно конкретные способы собирания. Например, при назначении и проведении судебной экспертизы, результатом которой является заключение эксперта, законодатель регламентирует буквально каждый шаг правоприменителя. Тогда как происхождение заключения специалиста носит более неопределенный характер, подчиняясь общим правилам проведения следственных действий.

Для определения процессуального порядка вовлечения специалиста законодатель использует следующую формулировку: «Вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса» (ч. 2 ст. 58 УПК РФ). Статья 168 УПК РФ, в свою очередь, перенаправляет к ст. 164 УПК РФ. Буквальная ее трактовка означает всего лишь возможность привлечения специалиста, не уточняя ее процедуры.

Рассматривая деятельность специалиста в процессе доказывания, стоит обратить внимание ее на двусторонний характер. Однако сторона защиты ограничена в использовании специальных знаний посредством специалиста. К сожалению, следователи, да и судьи прибегают к возможности получения доказательственной информации из такого источника не так часто, как хотелось бы. С точки зрения сбалансированности прав и обязанностей сторон в уголовном процессе заключение специалиста чаще используется стороной защиты. Это не вина защиты, а беда нашего уголовного судопроизводства. Как известно, формирование доказательств в уголовном судопроизводстве осуществляется должностным лицом или органом, ведущим производство по делу. В этой связи представляется не вполне некорректным утверждение законодателя, что специалист привлекается для разъяснения сторонам вопросов, входящих в его компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Выходит, что допуск специалиста к делу всецело зависит от усмотрения органа уголовного преследования (суда). Тем не менее, данная норма конкурирует с положением п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, согласно которому и защитник с момента его допуска к делу вправе «привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 настоящего Кодекса». Изучение специальной литературы позволяет констатировать, что ученые в большинстве согласны с возможностью привлечения специалиста стороной защиты. В частности, Т.В. Аверьянова отмечает, «сторона защиты, не согласная с заключением эксперта, или не получившая положительного решения об удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы (первичной, дополнительной, повторной), может обратиться непосредственно к специалисту для получения его заключения» [1, с. 174].

Действующая редакция ст. 58 УПК РФ, а именно ч. 2.1 предоставляет стороне защиты право требовать удовлетворения своего ходатайства о привлечении специалиста к участию в деле и не может получить отказа в этом.

В случае необходимости обращения за помощью к специалисту с целью получения его заключения защитник руководствуется Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Согласно п. 4 ч. 3 ст. 6 названного Закона, адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

К сожалению, имеют место случаи, когда некоторые правоприменители полагают, что если в законе не закреплен порядок привлечения специалиста, то реализация им своих функций невозможна. Это заблуждение приводит к тому, что следователи отказывают в удовлетворении ходатайства стороны защиты в привлечении специалиста к участию в процессуальных действиях [3, с. 68–72].

Более того, участники, заинтересованные в разрешении уголовного дела (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и пр.) вообще не имеют возможности воспользоваться таким инструментом для отстаивания своих интересов, поскольку их обращение за консультацией к специалисту не регламентировано действующим законодательством. Заключение специалиста, подготовленное по инициативе лица, не обладающего властно-распорядительными полномочиями, может быть признано недопустимым доказательством по причине его получения не процессуальным путем.

В свою очередь, ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ обязывает органы предварительного расследования удовлетворить ходатайства подозреваемого или обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей о приобщении к материалам уголовного дела заключений специалистов, «если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».

Специалист, вовлеченный в уголовный процесс по инициативе защитника, может принести существенную пользу в процессе формирования доказательств. Все большее распространение в деятельности адвоката по защите подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе получают консультации со специалистом, представленные в последующем в письменной форме.

Один из вариантов решения проблемы о признании полученного защитником заключения специалиста доказательством предложен А.А. Тарасовым, который предлагает обязательный допрос такого специалиста следователем и судом [9, с. 156].

Весьма уместно предложение, представляющее не только научный, но и практический интерес, выдвинуто Ф.Г. Аминевым, согласно которому следует «взять все прогрессивное, что имеется в УПК зарубежных стран, адаптировать, закрепить в УПК РФ и применить на практике, а именно, ввести в УПК РФ ст. 204.1 «Заключение специалиста» [2, с. 28]. Аналогичная позиция высказывалась ранее и нами [6, с. 108–112].

Кстати, подобные идеи уже получили воплощение в некоторых государствах на постсоветском пространстве. В частности, ст. 117 УПК Республики Казахстан назы-

вается «Заключение и показания специалиста». И хотя процессуальный порядок получения данного доказательства выглядит поверхностным, по крайней мере, в статье определена его структура и содержание.

В настоящее время в уголовно-процессуальной доктрине существует позиция, заслуживающая внимания, согласно которой заключение специалиста предстает перед следователем в готовом виде и никакому процессуальному формированию не подлежат. В этой связи отпадает необходимость специальных процессуальных процедур, направленных на формирование этого доказательства. Как справедливо отмечает С.Б. Россинский, речь следует вести о его процессуальной легализации, введении в уголовное дело посредством представления, истребования или изъятия как элемента некоторых следственных действий [8, с. 28–29].

В своих работах мы неоднократно высказывались по этому поводу и предлагали решение этой проблемы посредством включения самостоятельной нормы в УПК РФ, регламентирующей данную процедуру, как более логичной и отвечающей современным подходам к методологии процессуального доказывания [4, с. 185–187].

Таким образом, можно сделать вывод, что устранить пробельные предписания уголовно-процессуального законодательства, порождающие трудности в процессе доказывания, можно только путем дальнейшего совершенствования закона с целью оптимизации участия специалиста в формировании доказательств.

Список литературы:

1. Аверьянова Т.В. Проблемы теории и практики судебной экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2017. С. 1–8.

2. Аминев Ф.Г. Теория и практика использования специальных знаний в расследовании преступлений. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 166 с.

3. Галинская А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 158 с.

4. Лазарева Л.В. К вопросу о доказательственном значении заключения и показаний специалиста в уголовном процессе / Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской : сборник научных трудов. М.: Элит, 2011. С. 183–189.

5. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 470 с.

6. Лазарева Л.В. Собирание доказательств посредством использования специальных // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 1(30). 2017. С. 108–112.

7. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. 277 с.

8. Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. 240 с.

9. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 184 с.

Лапин Е.С.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
k_kmk@ssla.ru

К ВОПРОСУ КАЧЕСТВА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСОВ

Аннотация*: в статье проанализированы материалы уголовных дел с целью выявления дефектов в проведении допросов, оказывающих влияние на неудовлетворительный исход дел. Повышение качества производства допросов и в целом расследования уголовных дел невозможно без изучения текущих недостатков расследования преступлений.*

Ключевые слова*: получение показаний, следственные ошибки, небрежное оформление допроса, протокол допроса, собственноручное изложение показаний допрашиваемым.*

Lapin E.S.

Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

TO QUESTION OF QUALITY OF INTERCEPTIONS

Abstract*: in article materials of criminal cases for the purpose of identification of defects in conducting the interrogations having an impact on the unsatisfactory result of affairs are analyses. Improvement of quality of production of interrogations and in general investigations of criminal cases is impossible without studying of the current shortcomings of investigation of crimes.*

Keywords*: obtaining indications, investigative mistakes, negligent registration of interrogation, record of interrogation, autographic statement of indications interrogated.*

Повышение качества работы органов предварительного следствия и дознания, в целом, и проведения ими допросов, в частности, актуальная проблема. Практика предварительного расследования отмечает ряд дефектов в производстве допросов, которые отрицательно влияют на дальнейший ход дел, обусловливают трудно исправимые следственные ошибки.

За последнее время наблюдаются нередкие случаи, когда допрашивающие проявляют грубое отношение к допрашиваемым, обращаются к ним на «ты», позволяют себе по их адресу неуместные шутки, задевающие достоинство допрашиваемых и роняющие авторитет органов предварительного расследования в глазах граждан. Грубый тон рассматривается некоторыми работниками следствия и дознания, как проявление «демократической» простоты, в то время как он есть лишь проявление собственной некультурности данных работников.

Грубому, недопустимо фамильярному отношению к допрашиваемым сопутствует во многих случаях и неряшливое отношение к ведению допроса, оформлению его хода и результатов. Так, иногда следователи (дознаватели) оставляют в протоколах допросов незаполненные строчки и даже листы, тогда как все свободные, незаполненные места бланков допросов должны быть заполнены или прочеркнуты до подписания протокола допрашиваемым. Ими не всегда отслеживается, чтобы допрошенным был подписан каждый лист протокола. Допрашивающими недостоверно указываются место и время проведения допросов (например, один следователь вынужден был заявить в суде, что допустил «техническую ошибку», указав в протоколе допроса обвиняемого дату 25.12.2018 г., в то время, как предъявление обвинения состоялось / постановление о привлечении в качестве обвиняемого вынесено/ 26.12.2018 г.).

Допрашивающими допускаются применение таких способов исправления в протоколе в отношении правильности изложенного, что не просто не соответствуют закону (ч. 6 ст. 166 УПК РФ), но и граничат подчас с откровенной подделкой. В качестве иллюстрации приведем весьма показательный пример из судебной практики.

Суд признал недопустимым доказательством протокол допроса П. от 6 марта 2018 г. Из текста протокола было видно, что он содержал неоговоренные исправления и не устраненные противоречия относительно процессуального статуса П., относительно объема разъяснявшихся ему прав. На первой странице до изложения текста протокола имелась запись: «Испр. верить» за подписью следователя, которая, понятно, не могла свидетельствовать о легальности каждого из многих имевшихся в протоколе исправлений, кроме того, подписи участвовавших лиц – допрашиваемого и его защитника под данной записью отсутствовали, равно как не удостоверены ими были и иные обнаруженные в протоколе исправления. Суд также обратил внимание на то обстоятельство, что рукописные записи следователя содержали указание на отказ П. от подписания протокола в статусе подозреваемого, о наличии которого свидетельствовало и содержание протокола, однако, дальнейшие исправления были направлены на придание ему статуса обвиняемого, хотя по инкриминируемому преступлению обвинение на момент 6 марта 2018 г. П. предъявлено не было и допросу в качестве обвиняемого по нему он не подлежал по смыслу положений ст. 171, 172, 173 УПК РФ. Принял суд во внимание и то обстоятельство, что содержание данного протокола подсудимый в суде не подтвердил, пояснив, что следователь неоднократно пыталась «навязать» ему свою версию событий, на почве чего между ними даже произошел конфликт. Подписывать данный протокол и давать показания П. отказался, поскольку следователь пыталась исказить данные им показания. Такие пояснения П. суд нашел заслуживающими внимания, учтя содержание протокола и отраженные в нем действия П. – отказ в ходе допроса от дальнейшей дачи показаний и от подписания протокола, – и признал данный протокол допроса П. недопустимым доказательством, в соответствии с ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, исключив его из системы доказательств [3].

В другом случае в материалах уголовного дела оказался не оригинал, а копия протокола допроса свидетеля. По предложению суда представить подлинник этого протокола орган расследования в судебное заседание так и не смог его предъявить. В этой связи суд показания данного свидетеля, изложенные в копии протокола допроса, без предъявления его подлинника, расценил как недопустимое доказательство, исключив их из числа доказательств и не использовав при постановлении приговора [4].

А вот пример того, как один следователь произвел допрос по телефону. Этот следователь, работая в одном из подразделений МВД России на транспорте, допросил по средствам телефонной связи представителя потерпевшего. Им были заданы интересующие следствие вопросы и получены ответы от представителя потерпевшего, находившегося в другом населенном пункте. Затем им лично был оформлен протокол допроса представителя потерпевшего и вместе с постановлением о допуске к участию в уголовном деле в качестве представителя потерпевшего и протокола разъяснения прав представителя потерпевшего отправил по электронной почте данному представителю потерпевшего. В свою очередь последний посредством железнодорожного сообщения передала подписанный протокол допроса и другие документы, которые были приобщены следователем к материалам уголовного дела. Суд посчитал, что следователем допрос представителя потерпевшего не производился, как по месту предварительного следствия, так и по месту нахождения допрашиваемого лица, что исключало возможность допрашивающим лично удостовериться в личности допрашиваемого, разъяснить ему права, обязанности и ответственность, а также составить протокол следственного действия непосредственно после допроса и ознакомить с ним допрашиваемое лицо. Оценивая представленный стороной обвинения данный протокол допроса в качестве доказательства, суд в точном соответствии с требованиями ст. 75 УПК РФ признал его недопустимым, поскольку он был выполнен с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства [5].

Нередко суду приходится принимать показания подсудимых по обстоятельствам проведения их допросов в качестве подозреваемых, обвиняемых в связи с тем, что в ходе предварительного расследования на них оказывалось давление со стороны работников органа дознания и (или) следствия. Многие из этих допросов, как выяснялось, производились в присутствии оперативных работников, однако, в протоколах допросов в качестве присутствующих лиц эти работники не указывались. Такие доводы подсудимых также нередко находят свое подтверждение в судебном заседании. И в итоге получается так, что суд не может положить показания подозреваемых (обвиняемых) в основу обвинительного приговора, поскольку выявляется их нелогичность, непоследовательность, несогласованность между собой и с показаниями других участвующих в деле лиц, а также с иными доказательствами по делу, т.е. поскольку данные ранее показания не подтверждаются.

К другому роду незаконного воздействия на допрашиваемого следует отнести ложь, к которой прибегают

допрашивающие. Например, по одному уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 318 УК РФ, подсудимый в судебном заседании, объясняя противоречия в своих показаниях с теми показаниями, что давал ранее на предварительном следствии, пояснил, что последние были даны по просьбе следователя, который пообещал ему наказание в виде штрафа, а не лишения свободы.

До сих пор одним из дефектов при допросах является использование вопроса, определяющего предмет «свободного рассказа» (если с такового по тактическим соображениям решено было начинать допрос), в следующей формулировке: «Расскажите все известное Вам по делу», как предлагалось делать в соответствии с требованием давно утратившей силу ст. 164 УПК РСФСР 1923 г. Поскольку вызванный на допрос свидетель, может ответить, что ему ничего не известно, потому как не знает, что за дело, о чем конкретно должен рассказать. О тактической негодности в силу своего весьма широкого характера такой формулировки уже было сказано более века назад одним из пионеров отечественной криминалистики В.И. Громовым [1, с. 99–100]. Между тем, до сих пор в криминалистической литературе мы встречаем рекомендацию о том, чтобы начать допрос со «свободного рассказа», «следователь должен предложить допрашиваемому рассказать все, что ему известно по делу» [2, с. 132].

По некоторым изученным нами уголовным делам допросы были проведены настолько поверхностно и бесплановo, что непременно нашло свое отражение во множественности дополнительных допросов одних и тех же участвовавших в деле лиц. К этому надо добавить «засоренность» некоторых дел протоколами допросов свидетелей, чьи показания об обстоятельствах происшедшего ничего не поясняли, очевидцами события преступления не являлись. А это все означает непроизводительную трату времени и средств, как государства, так и граждан.

В практике органов предварительного расследования можно иногда наблюдать, как допрашиваемым предлагается собственноручно излагать свои показания в протоколах допросов. В действующем уголовно-процессуальном законе не установлено такого рода отступления от нормального порядка фиксирования показаний допрашиваемых следователями (дознавателями) участвующих в деле лиц даже в тех случаях, когда допрашиваемые сами заявляют желание поступить так.

Допускать собственноручное изложения показаний допрашиваемым, когда он сам выражает желание это сделать, а тем более самим допрашивающим предлагать изложить то, что ему известно по делу, на переданном ему следователем (дознавателем) бланке протокола, допроса тактически неправильно. Избирая такой путь, следователи (дознаватели), по сути, желают избавить себя от труда производить допрос и протоколировать показания допрашиваемых, поскольку запись в протокол показаний самим допрашиваемым никак не усиливает их доказательственного значения. И вот допрашиваемые пишут свои показания без всякого контроля следователя (дознавателя) и бывали даже случаи вне кабинета следователя. В результате, вызванному на допрос лицу, недобросовестно относящемуся к дачи своих показаний, предоставляется неограниченная возможность искажать эти показания в желательном для него направлении, а лицу добросовестному, не знающему, какие конкретно обстоятельства существенны для дела, а какие – нет, наполнять свои показания множеством ненужных подробностей, упуская из поля зрения самое существенное. В таких случаях в протоколах допросов, как правило, не оказывается совсем контрольных сведений, необходимых для проверки и оценки показаний данного допрошенного лица (например, откуда допрашиваемому стало известно о сообщаемых им фактах, известно ли об этих фактах еще кому-либо и т.д.).

Допускать собственноручное изложение показаний допрашиваемого возможно лишь в одном случае и при следующих непременных условиях. Это случай, когда допрашиваемый сам выскажет желание собственноручной записи своих показаний и лишь только после того, как обстоятельно устно он изложит допрашивающему, что считает важным написать. В протоколе допроса должна иметься специально оговоренная запись о допущении по просьбе допрашиваемого собственноручного изложения им своих показаний. После того, как допрашиваемый напишет текст, допрашивающий должен проверить правильность изложения письменных показаний и, при наличии в них неясностей или пробелов, путем уточняющих вопросов эти неясности и пробелы устранить.

Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на других дефектах в производстве допросов, имеющих место в текущей практике расследования преступлений. Что же касается тех недостатков, что настоящей работой были рассмотрены и определены, как нередко повторяющиеся, должны быть быстрее устранены из нашей следственной практики.

Список литературы:

1. Лапин Е.С. История расследования преступлений в России: 1917–1927 годы. Саратов: Научная книга, 2018. 536 с.

2. Криминалистика: учебник : в 2 т. Т. II / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. 559 с.

3. Приговор Фурмановского городского суда Ивановской области от 6 июля 2018 г. по делу № 1-52/2018 // Судебные и нормативные акты. URL: https://www.sudact.ru/regular/doc/ple8miXqfagU/ (дата обращения: 10.02.2020).

4. Приговор Волгодонского районного суда Ростовской области от 11 июля 2018 г. по делу № 1-158/2018 // Судебные и нормативные акты. URL: https://www.sudact.ru/regular/doc/F41Ron6FaPll/ (дата обращения: 10.02.2020).

5. Приговор Карачевского районного суда Брянской области от 26 июня 2018 г. по делу № 1-28/2018 // Судебные и нормативные акты. URL: https://www.sudact.ru/regular/doc/3j1MPv0cZqo5/ (дата обращения: 10.02.2020).

Лебедев З.С.

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева», г. Самара
lebedev.zakon@gmail.com

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПАСПОРТ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация*: автором в статье затронуты проблемы введения электронного паспорта уголовного дела в российское уголовное судопроизводство, предложено их решение, а также высказана собственная позиция по данному вопросу.*

Ключевые слова*: уголовное дело, электронное уголовное дело, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, электронный паспорт.*

Lebedev Z.S.

Samara National Research University, Samara

ELECTRONIC PASSPORT OF A CRIMINAL CASE

Abstract*: the author's article addresses the problems of introducing an electronic passport of a criminal case into Russian criminal proceedings, proposes their solution, and expresses his own position on this issue.*

Keywords*: criminal case, electronic criminal case, criminal proceedings, criminal process, electronic passport.*

В наши дни развитие IT-технологий играет не последнюю роль. Прогрессивный процесс усовершенствования различных информационных систем, создание новых программ позволяет значительно оптимизировать, упростить, тем самым улучшить множество процессов, в связи с чем неизбежно встает вопрос об использовании современных информационных технологий в сфере уголовного судопроизводства.

Сравнительно новой в теории уголовного процесса является дискуссия о необходимости внедрения электронного паспорта уголовного дела. Стоит отметить имеющийся положительный зарубежный опыт, например, в Германии порядок создания электронного паспорта уголовного дела и электронного взаимодействия правоохранительных органов и суда урегулирован законодательно [1, с. 238].

Не без интереса ученые обращают внимание и на пилотный проект Следственного комитета РФ по запуску электронного паспорта уголовного дела. Несмотря на то, что он был реализован на территории Северо-Кавказского федеральною округа еще в 2014 году, до настоящего времени проект продолжает применяться только в тестовом режиме и не распространен в других регионах России.

Одним из возможных отрицательных последствий создания электронного паспорта уголовного дела ряд исследователей называют утечку информации об обстоятельствах уголовного дела или вовсе ее утрату [2], к примеру, вследствие хакерских атак. Вместе с тем, полагаем, что с учетом положительного эффекта от использования системы электронного паспорта уголовного дела и активного развития современных информационных технологий удастся минимизировать указанные риски и успешно внедрить электронный паспорт уголовного дела уже в наши дни.

Электронный паспорт уголовного дела должен представлять собой основной источник информации по уголовному делу, являющейся доказательством, и содержащий в себе pdf файлы. Однако это должно быть обеспечено не просто сканированием всех имеющихся процессуальных документов, а созданием специальной программы.

Такая программа должна содержать предусмотренный УПК РФ алгоритм ведения следствия. В целях оптимизации работы следователей в ней целесообразно предусмотреть шаблоны всех процессуальных документов, в которые достаточно будет внести лишь идентифицирующую информацию по конкретному делу. Кроме того, по часто встречающимся категориям дел целесообразно будет создать типовые шаблоны, предусматривающие автозаполнение ряда полей, что значительно сэкономит время на соблюдение бюрократичных процедур. Не лишним будет предусмотреть всплывающие окна при заполнении каждого процессуального документа о необходимости разъяснения прав обвиняемому, свидетелю и др. с указанием конкретных норм права.

Также стоит отметить, что система будет способна контролировать все процессуальные сроки и напоминать следователю о совершении тех или иных процессуальных действий по каждому делу.

В целях защиты материалов дел от искажения, исправления, утраты доступ должен быть открыт непосредственно для конкретных участников процесса. Реализация возможна, например, выдачей определенного кода доступа. Подписание электронных документов со стороны следователя должно быть обеспечено электронной подписью.

Кроме того, система должна поддерживаться не только для аппарата Следственного комитета РФ, но также и для прокуратуры, и суда. При этом доступ к конкретным материалам дела будет возможен не всегда, а, к примеру, для суда он будет открываться автоматически только после утверждения обвинительного заключения прокурором.

Небезынтересным является вопрос оценки доказательств, собранных следователем. Суд, оценивая доказательства, исходит из материалов дела, которые подготовлены следователем. Соответственно, суд априори ограничен в оценке собранных доказательств, он видит их через призму взгляда следователя, все то, что собрано в материалах дела – результат наблюдения самого следователя. В связи с чем ставим под сомнение реализацию такого принципа уголовного судопроизводства как свобода оценки доказательств, согласно которому судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь,

дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ).

К сожалению, в настоящее время осуществление указанного принципа на всех стадиях судопроизводства невозможно, так как доказательства в «первобытном» виде оценивает только следователь, иные лица, указанные в ч. 1 ст. 17 УПК РФ, оценивают уже подготовленную следователем информацию.

Между тем, в вопросе оценки доказательств такого быть не должно, в связи с чем, считаем возможным вести видеозапись всех процессуальных действий с обязательным ее внесением в систему электронного паспорта уголовного дела. Только так можно реализовать принцип свободы оценки доказательств, предусмотренный законом.

Внедрение такой системы позволит упросить множество процессов [3, с. 238], например, по поиску информации в деле, по передаче дела в суд, по ознакомлению участниками процесса с материалами, а также повысить качество процессуальных действий, дисциплинировать следователей, защитить имеющуюся информацию от фальсификации. Все это, безусловно, повысит степень доверия к органам следствия и уменьшит количество обжалуемых процессуальных действий.

Предусмотренная надежная система идентификации лиц, допущенных к ознакомлению с материалами электронного паспорта уголовного дела, позволит системе сделать стадии уголовного процесса открытыми и прозрачными, а также оперативно контролировать действия следователя контролирующими лицами.

Стоит отметить, что ввод абсолютно любого документа путем создания шаблона трудно реализуем, так как некоторые из них поступают, так скажем, извне, например, заключение эксперта. Однако это не означает, что в таком случае оно не должно отражаться в системе. Достаточно будет его отсканировать и приложить к остальным документам.

Учитывая изложенное, полагаем возможным на сегодняшний день совместно со специалистами в сфере информационных технологий разработать систему электронного паспорта уголовного дела и внедрить ее главным образом в органы следствия в целях оптимизации работы. Доводы противников предложенной позиции понятны и обоснованы. Однако постоянное сопровождение данной системы высококвалифицированными программистами позволит свести возможные риски к минимуму, а внедрение данной системы станет шагом вперед на пути к защите прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Вилкова Т.Ю. Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. Часть 3. М.: РГ Пресс, 2019. С. 236–240.

2. Макарова О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела. URL: https://urfac.ru/?p=1574 (дата обращения: 15.02.2020).

3. Соколов Ю.Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. М., 2017. С. 28–33.

Лютынский А.М.

к.ю.н., доцент,
Северо-Западный институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
г. Вологда
anton040677@gmail.com

О ПРАВОВЫХ УСЛОВИЯХ ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ НЕ ЯВИВШИХСЯ В СУД СВИДЕТЕЛЕЙ, ДАННЫХ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация*: в статье рассматривается современное правовое регулирование оглашения показаний свидетелей, не явившихся в судебное заседание. Исследуется правовая позиция Конституционного суда РФ по данному вопросу, предлагаются собственные изменения положений ст. 281 УПК РФ.*

Ключевые слова*: судебное разбирательство, свидетель, уголовный процесс, неявка, показания.*

Lutynski A.M.

Ph. D., Associate Professor,
Northwestern Institute (branch)
Kutafin Moscow State Law Uniwersity (MSAL),
Vologda

ON THE LEGAL CONDITIONS FOR THE DISCLOSURE OF THE TESTIMONY OF WITNESSES WHO DID NOT APPEAR IN COURT, GIVEN DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract: *the article deals with the current legal regulation of the disclosure of the testimony of witnesses who did not appear at the court session. Examines the legal position of the constitutional court of the Russian Federation on this issue, offered its own amendments to the provisions of article 281 of the code of criminal procedure.*

Keywords*: trial, witness, criminal trial, non-appearance, testimony.*

1. Показания – особенный вид уголовно-процессуального доказательства. Это личное доказательство, источником которого является человек, имеющий определенный статус, гарантии соблюдения прав и обязанности, обусловленные волей и интеллектом.

Именно поэтому непосредственное получение в суде показаний прямо вытекает из важнейших условий судебного разбирательства, основано на международных стандартах уголовного правосудия. Это важно не только как проявления правил о непосредственности и устности судебного разбирательства, но и как важнейший элемент справедливого судебного разбирательства, дающего возможность обвиняемому принять личное участие в допросе свидетеля, дающего обвинительные показания. Такой подход поддерживается и позициями Конституционного Суда РФ, который неоднократно рассматривал обращения в связи с содержанием ст. 281 УПК РФ и, в частности, отмечал, что «каждому обвиняемому в совершении уголовного преступления согласно продпункту «е» пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и подпункту «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод должно быть предоставлено право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, а также право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него» [2]. Оглашение показаний ранее допрошенных лиц (в первую очередь, свидетелей) дано уже оценивается в доктрине и практике Верховного Суда РФ как исключение из общего правила. Его можно рассматривать как особый случай превращения т.н. «предварительных» доказательств в судебные, служащие основой для приговора или иного итогового решения по уголовному делу.

2. Законодательные изменения последних лет (Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации») нормативно закрепили эту позицию. Оглашение показаний отсутствующих в судебном заседании свидетелей (потерпевших) без согласия сторон (но по инициативе одной из них либо суда) возможны лишь в пяти случаях, четыре из которых требуют обязательного предоставления обвиняемому возможности предварительно оспорить их.

Особенно важно отметить следующую новацию уголовно-процессуального закона – ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ: «В случаях, предусмотренных пунктами 2–5 части второй настоящей статьи, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами».

Анализ актуальных публикаций и судебной практики показывает наличие проблем нормативного регулирования и правоприменительной практики в вопросе реализации гарантий состязательности сторон при оглашении показаний неявившихся свидетелей (потерпевших).

Не претендуя на полный охват проблем в рамках доклада, рассмотрим некоторые аспекты содержания ч. 2.1. ст. 281 УПК РФ.

1. Способы оспаривания в суде показаний, данных на предварительном следствии.

Конституционный Суд РФ в одном из своих решений отметил, что в случае принятия судом решения об оглашении показаний свидетеля обвиняемому в соответствии с принципами состязательности и равноправия сторон судопроизводства должна предоставляться возможность защиты своих интересов в суде всеми предусмотренными законом способами, в частности: оспаривание оглашенных показаний *путем заявления ходатайств об исключении недопустимых доказательств (здесь и далее курсив наш – авт.)* или *об истребовании дополнительных доказательств в целях проверки* допустимости и достоверности оглашенных показаний, а также с помощью иных средств, способствующих предупреждению, выявлению и устранению ошибок при принятии судебных решений. Следовательно, оглашение не может ограничивать принцип права обвиняемого на защиту [3].

Сложившаяся на настоящее время судебная практика позволяет считать, что главным необходимым условием оглашения показаний будет производство очной ставки обвиняемого и свидетеля (потерпевшего), чьи показания он оспаривает.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в нескольких решениях по рассматриваемой проблеме соответствия оглашения показаний праву на справедливое судебное разбирательство утвердил несколько позиций: индивидуальный подход к каждой ситуации оглашения показаний; т.н. «трехступенчатый тест»: проверка причины неявки свидетеля; значение показаний не явившегося; предоставление дополнительных гарантий стороне защиты: удовлетворение дополнительных ходатайств защиты, исследование дополнительных материалов, допуск дополнительных свидетелей со стороны защиты, содействие в предоставлении материалов, ставящих под сомнение оглашенные показания и т. п. с тем, чтобы обеспечить равенство сторон в процессе.

Оглашая показания отсутствующего свидетеля, суд должен указать причину, по которой эти показания оглашаются, а также развернуто объяснить участникам судебного разбирательства, почему справедливость процесса не пострадает, если свидетель не будет допрошен» [1, с. 132–134].

2. Уточнение правовых условий оглашения показаний.

На наш взгляд, содержание УПК РФ в вопросе регулирования допустимости оглашения показаний свидетеля, требует существенной корректировки и дополнения как ст. 281 УПК РФ, так и некоторых других, например, ст. 79 «Показания свидетеля».

С точки зрения юридической техники корректней, как кажется, было бы внести изменения в ч. 2.1, дополнив ее следующим содержанием:

«2.1. В случаях, предусмотренных пунктами 2–5 части второй настоящей статьи, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом

в *исключительных случаях* (выделено нами – авт.) при следующих условиях:

1) обстоятельства, указанные в пп. 2 установлены достоверно и надлежащим образом;

2) суд принял все разумные меры к обеспечению явки свидетеля (потерпевшего);

3) в ходе досудебного производства по делу была произведена очная ставка с участием защитника обвиняемого со свидетелем, чьи показания будут оглашены;

4) в ходе досудебного производства по делу у обвиняемого были иные реальные возможности оспорить содержание показаний не явившегося свидетеля предусмотренными законом способами (назначение экспертиз, производство следственных действий и др.)

5) доводы стороны, несогласной с оглашением показаний, подробно отражены в протоколе судебного заседания.

Суд обосновывает необходимость оглашения показаний с учетом принципов уголовного судопроизводства, всех установленных условий и возражений стороны».

Ст. 78 (79) может быть дополнена следующей нормой. «Показания потерпевшего (свидетеля), не явившегося в судебное заседание и оглашенные в соответствии со ст. 281 УПК РФ могут быть положены в основу обвинительного приговора лишь при совокупности с иными доказательствами обвинения».

Добавим следующее:

1. Предлагаемые изменения позволят развить практику установления уважительных причин неявки свидетеля (потерпевшего) (обстоятельства, указанные в пп. 2–5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, их анализ и практика применения заслуживают отдельного рассмотрения).

2. Фиксация позиций сторон по поводу возможности оглашения показаний и обязательный ответ суда по поводу этой позиции послужит развитию состязательного начала, даст в первую очередь стороне защиты дополнительную гарантию учета ее интересов.

3. Обязательное производство очной ставки со свидетелем (потерпевшим) в ходе досудебного производства по делу уже сложилось в практике применения ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ. Конечно, очная ставка далеко не полноценная замена судебного допроса с участием сторон, а лишь временная мера. Ее предлагается дополнить обязательным участием защитника, а в перспективе более существенных изменений УПК РФ можно поддержать идею депонирования показаний, т.е. судебного допроса, который производится на стадии предварительного расследования судьей (следственным судьей) с участием сторон» [4, с. 242].

Можно положительно оценить случившиеся изменения ст. 281 УПК РФ, очевидно усиливающие подлинную состязательность в уголовном судопроизводстве. Предлагаемые изменения, на наш взгляд, улучшат правовое регулирование и помогут закрепить более существенные гарантии состязательности уголовного процесса.

Список литературы:

1. Качалова О.В. Оглашение показаний отсутствующего свидетеля и справедливость уголовного процесса: правовые позиции ЕСПЧ // Уголовная юстиция. 2016. № 1(7). С. 132–134.

2. Определение КС РФ от 2 апреля 2009 г. № 477О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Д.А. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (дата обращения: 14.02.2020).

3. Определение Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2014 г. № 2978-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Базарнова И.А. на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 281 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (дата обращения: 14.02.2020).

4. Хмельницкая Т.В. К вопросу о формировании личных доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 239–244.

Манова Н.С.

д.ю.н., профессор,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИСТИНА ЦЕЛЬЮ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ?[1]

Аннотация*: автор рассматривает вопрос о том, что ныне является целью доказывания по уголовным делам. На основе анализа высказанных в литературе дискуссионных точек зрения и положений действующего УПК РФ делается вывод о том, что установление истины как цель доказывания осталось неизменным, и о том, что законодатель придерживается прежних представлений о ее содержании, так как истинным может считаться только такое решение следователя и суда, которое содержит выводы, соответствующие фактическим обстоятельствам дела.*

Ключевые слова*: цель доказывания, установление истины, всестороннее, полное и объективное установление обстоятельств совершенного преступления.*

Manova N.S.

Dr.Sci(Law), Professor,
Saratov State Law Academy

IS TRUTH THE OBJECTIVE OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES?

Abstract*: the author considers what is now the purpose of evidence in criminal cases. Based on the analysis of the discussion points of view expressed in the literature and the*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887. The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00887

provisions of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, it is concluded that the establishment of truth as the purpose of proof has remained unchanged, and that the legislator adheres to previous ideas about its content, since only such an investigator's decision can be considered true court, which contains findings that correspond to the actual circumstances of the case.

Keywords*: the purpose of proof, the establishment of truth, a comprehensive, complete and objective establishment of the circumstances of the crime.*

Доказывание, как отмечал более века тому назад В.Д. Спасович, «составляет центральный узел всей системы судопроизводства, движущее начало, образующее самую существенную статью процесса, которая обусловливает и устройство судов и все главные формы судопроизводства» [15, с. 17]. Точно также в самом доказывании «центральный узел» образует вопрос о цели, для достижения которой осуществляется доказывание.

В процессуальной литературе справедливо отмечается, что в широком значении целью доказывания является обеспечения достижения общего назначения уголовного судопроизводства, так как это именно те цели, тот результат уголовно-процессуальной деятельности, достижение которого законодатель требует от правоприменителя [14, с. 4–5].

В нормах УПК РФ, регламентирующих процессе доказывания (ст. 85), конкретизировано, что данная деятельность осуществляется в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 Кодекса, то есть в целях установления обстоятельств предмета доказывания. И в связи с этим закономерно возникает вопрос о том, насколько достоверно, правильно должны быть установлены эти обстоятельства предмета доказывания, чтобы можно было говорить о достижении общих целей уголовного процесса? Можно ли констатировать достижение назначения уголовного судопроизводства, если обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, установлены недостоверно? Продолжает ли оставаться установление истины средством достижения целей уголовно-процессуальной деятельности?

После принятия УПК РФ эти вопросы приобрели особую актуальность и многократно рассматривались учеными-процессуалистами [9, с. 20–33; 17, с. 37–48; 6; 11, с. 11–31; 12, с. 37–57]. При этом наиболее острыми являлись и остаются ныне споры о том, что называть истиной в уголовном судопроизводстве, каково должно быть ее содержание и достижима ли она при производстве по уголовным делам.

Тезис о том, что при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности должна устанавливаться объективная (или материальная) истина, которая означает «полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц» [16, с. 308], казавшийся незыблемым в советском уголовном процессе, сегодня подвергнут серьезной ревизии. Прежде всего, указывается на то, что требование о том, что «только истина должна лежать в основе такого акта правосудия, как судебный приговор, что обязанность суда в каждом конкретном случае устанавливать по делу истину есть не только его служебный долг, но и долг нравственный» [6], что в целом «концепция объективной истины … увязана со всеми идеями, составляющими идеологию авторитаризма, … это концентрированное выражение инквизиционной идеологии» [2, с. 23–24], «… с этой концепцией связана система ценностей следственного процесса, … которая более соответствует авторитарному устройству государственной власти» [8 , с. 525].

Отмечается и то, что действующий УПК РФ отказался от подобного понимания истины, устранив требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств совершенного преступления, и одновременно усилив правила осуществления доказательственной деятельности, которые затрудняют для стороны обвинения установление обстоятельств предмета доказывания (жесткие требования к допустимости доказательств, установление свидетельского иммунитета для близких родственников обвиняемого (подозреваемого), предоставление последним не только права отказаться от самоизобличения, но и от дачи показаний вообще и т.д.). Это, якобы, свидетельствует о том, что законодатель сознательно отказался от установления истины по уголовному делу ради других официально признаваемых ценностей.

Кроме того, вызывает сомнения сама возможность установления объективной истины при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей или в особом порядке судебного разбирательства, когда доказательства, подтверждающие событие преступления, виновность подсудимого, причиненный им вред, вообще не исследуются судом [18, с. 13].

Наконец, еще один довод авторов, считающих, что установление истины перестало быть целью уголовного судопроизводства в целом и доказывания, в частности, – это несовместимость истины с принципом состязательности. Состязательный «уголовный процесс, осуществляемый несколькими субъектами, олицетворяющими противоположные функции, не может иметь какой-либо цели вообще, а цели, преследуемые его субъектами, не могут быть едиными» [9, с. 4–5].

Кроме того, требование установления истины предполагает «активное участие суда в процессе доказывания, в установлении им события преступления и виновности подсудимого, в привлечении судом доказательств для глубокого, всестороннего исследования обстоятельств совершенного преступления, с тем, чтобы в итоговом решении – приговоре – была изложена действительная картина произошедшего как с фактической, так и с юридической точек зрения» [4, с. 421]. Но такое инициативное восполнение судом при рассмотрении дела неполноты в установлении указанных обстоятельств не соответствует принципу состязательности сторон.

В связи с изложенными доводами в теории уголовного процесса была выдвинута идея отказа от концепции объективной истины и замены ее концепцией истины судебной. Представители нижегородской школы уголовного процесса указывают на дискурсивность судебной

истины, которая устанавливается в результате судоговорения [3, с. 34], и которая является не абсолютно достоверным знанием об обстоятельствах совершенного преступления, а вероятным, но в то же время единственно возможным по данному делу [7, с. 381]. Формальная или судебная истина основана не на необходимости установления обстоятельств реальной действительности, а на точном следовании требованиям уголовно-процессуальной формы при осуществлении доказательственной деятельности, когда полученный результат может вовсе не отражать реальную картину преступления [10, с. 47].

Как представляется, анализ положений действующего УПК РФ, несмотря на отсутствие в нем текстуального закрепления требования установления в результате доказывания по уголовным делам истины, все же позволяет говорить и о том, что данная цель доказывания осталась неизменной, и о том, что законодатель придерживается прежних представлений о ее (истины) содержании. Так, согласно ст. 302 и 380 УПК РФ обвинительный приговор может быть вынесен судом только при наличии достаточной совокупности достоверных доказательств, подтверждающих все обстоятельства предмета доказывания. И если выводы суда, изложенные в приговоре, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, то такой приговор подлежит отмене как необоснованный. Тем самым, «обоснованным, то есть истинным, следует считать приговор суда, содержащий выводы, соответствующие фактическим обстоятельствам дела» [17, с. 41].

Кроме того, ст. 88 УПК РФ говорит о таком свойстве доказательств, как достоверность. То есть, средства установления обстоятельств совершенного преступления должны обеспечивать получение достоверного знания. Достоверность же есть ничто иное, как форма существования истины [5, с. 409].

Необходимость соответствия установленных следователем и судом обстоятельств тому, что имело место в действительности, вытекает и из положений Уголовного закона. В частности, ст. 6 УК РФ указывает, что наказание за совершенное преступление должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Очевидно, что в данной законодательной дефиниции словосочетание «обстоятельствам его совершения» означает ни что иное, как соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам совершенного деяния.

Трудно согласиться и с доводом о том, что правильное установление фактических обстоятельств совершенного преступления, то есть провозглашение истины целью доказывания – это догма инквизиционной идеологии. В законодательстве многих стран, история демократии в которых насчитывает более двух столетий, установление истины, то есть, установление обстоятельств рассматриваемого события такими, какими они были в действительности, является обязанностью компетентных органов государства [13, с. 245].

Поэтому, не ставя под сомнение необходимость четкого соблюдения требований к процессуальному порядку осуществления доказательственной деятельности, который и призван обеспечить получение достоверного результата, полагаем, что отказ от необходимости установления объективной истины – это «подмена цели средствами ее достижения, ... что фактически легализует судебные ошибки, касающиеся существа дела, допущенные при полном соблюдении установленной процедуры» [14, с. 15].

Базовым элементом достижения такой цели доказывания, как установление истины, было и остается положение о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств совершенного преступления. Как правильно отмечал профессор С.А. Шейфер, сконструированная в законе (ст. 73 УПК РФ) модель предмета доказывания не может быть интерпретирована иначе, как требование полного и объективного исследования всех обстоятельств совершенного преступления. Это условие достижения истины является абсолютным при принятии решения о виновности лица. Вывод же о невиновности может и должен быть сделан, если доказательств виновности не представлено либо они вызывают неустранимые сомнения.

Таким образом, истина при производстве по уголовному делу – это соответствие доказанных в предусмотренном законом порядке обстоятельств совершенного преступления тому, что имело место в реальной действительности. Именно к достижению такой цели должны стремиться в каждом случае органы расследования и суд. И хотя в силу объективных и субъективных причин данная цель не всегда достижима, она продолжает оставаться ведущей тенденцией при производстве по уголовным делам

Список литературы:

1. Акимчев А.А. Цель доказывания в суде присяжных. Саратов, 2008. 88 с.

2. Александров А.С. О значении концепции объективной истины // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 23–24.

3. Александров А.С. «Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение. 2002. № 4. С. 34–47.

4. Баранова М.А., Манова Н.С. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593.

5. Большой энциклопедический словарь. М., 1991. 652 с.

6. Зинатуллин З.З. Проблема истины в современной уголовно-процессуальной науке. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm (дата обращения: 23.02.2019).

7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб и доп. М., 2014. 452 с.

8. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 640 с.

9. Лазарева В.А. Проблема истины в уголовном судопроизводстве // Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара, 2007. 303 с.

10. Мизулина Е.Б. Технология власти: уголовный процесс. Ярославль, 1992. 147 с.

11. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. 146 с.

12. Пастухов П.С. Концепция истины как ядро парадигмы уголовно-процессуального доказывания // Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества. М., 2015. 352 с.

13. Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд. М., 2006. 378 с.

14. Соловьев А.Б. Проблемные вопросы доказывания в процессе расследования преступлений при применении УПК РФ. М., 2008. 288 с.

15. Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула, 2000. 235 с.

16. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 1. М., 1968. 470 с.

17. Шейфер С.А. Остается ли истина целью доказывания // Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2012. 240 с.

18. Францифоров Ю.В. Цена истины в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. 2005. № 11. С. 12–15.

Марковичева Е.В.

д.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Москва
markovicheva@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ

Аннотация: *в статье раскрываются отдельные проблемы доказывания в судебном разбирательстве с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Анализируются проблемы, связанные с оценкой достоверности показаний несовершеннолетних и оглашением таких показаний.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, несовершеннолетний, потерпевший, свидетель, допрос, оглашение показаний.*

Markovicheva E.V.

Dr.Sci(Law), Associate Professor,
Russian State University of Justice,
Moscow

PROBLEMS OF JUDICIAL EVIDENCE IN CRIMINAL CASES WITH PARTICIPATION OF MINOR WITNESSES AND VICTIMS

Abstract: *the article reveals certain problems with evidence in a trial involving juvenile victims and witnesses. The author analyzes the problems associated with assessing the reliability of the testimony of minors.*

Keywords: *criminal proceedings, minor, victim, witness, interrogation, witness testimony.*

Традиционно в отечественном уголовном процессе в большей степени разработанными являются вопросы доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, и в значительно меньшей – проблемы участия в доказывании несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

В последнее десятилетие российский законодатель предпринял ряд позитивных шагов по приведению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в соответствие с требованиями международных норм. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, принятые ООН 22 июля 2005 г. прямо указывается на необходимость такой организации правосудия, которая позволит проявлять заботу о детях-жертвах и свидетелях преступления.

К сожалению, точечные законодательные изменения в УПК РФ не носили системного характера. Закономерным результатом такого уже привычного подхода законодателя стал новый круг проблем, обозначившихся в доказывании в суде по уголовным делам с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Специфика доказывания по таким делам связана с тем, что необходимо обеспечить разумный баланс между правом на защиту обвиняемого и объективной потребностью в снижении негативного психотравмирующего воздействия уголовно-процессуальной деятельности на несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. На практике решить данную задачу достаточно непросто.

Суд, являясь активным субъектом доказывания, обязан решить целый ряд задач, связанных с исследованием и оценкой доказательств, а также с получением новых доказательств в условиях действия принципа состязательности. Хотя полемика о допустимости активной позиции суда в условиях состязательного процесса не утихает в последние годы, позволим себе согласиться с точкой зрения Л.В. Головко, полагающего, что «вялое поведение сторон, в том числе обвинителя, пренебрежение ими процессуальными возможностями или сугубо формальное их выполнение не освобождают суд от обязанности разрешить уголовное дело компетентно и профессионально, ответив на сформулированные законом вопросы о событии преступления, виновности обвиняемого, его наказании, основаниях освобождения от наказания и т.д.» [3, с. 28].

Не вдаваясь в полемику о цели доказывания в уголовном процессе, лишь отметим, что задачей суда является установление фактических обстоятельств совершения преступления в том объеме, который позволит разрешить дело по существу и постановить законный, мотивированный и справедливый приговор. Как отмечала Ц.М. Каз, исследуя проблематику доказывания в суде первой инстанции, именно истина является целью процесса [4, с. 38].

Активность суда в доказывании может варьироваться в зависимости от различных факторов, в том числе и специфики уголовного дела. В силу целого ряда причин активность суда при рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних и свидетелей должна быть достаточно высокой. Согласимся с авторами, которые указывают, что нормативное регулирование доказательственной деятельности суда в современном российском уголовном судопроизводстве носит противоречивый характер [5]. Трудности в доказывании в судебном разбирательстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей связаны с тем, что нередко именно несовершеннолетние являются основным источником доказательственной информации, и все обвинение строится преимущественно на их показаниях. Суд обязан исследовать эти показания и дать им оценку. К сожалению, в судебной практике часто сложно осуществить и первое, и второе.

Несовершеннолетнему потерпевшему или свидетелю может быть не рекомендовано заключением врача, психолога, проводившего амбулаторную судебно-психологическую экспертизу, участие в судебном разбирательстве. В этом случае суд может исследовать видеозапись допроса несовершеннолетнего, производимую в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 191 УПК РФ. Однако анализ судебной практики свидетельствует о том, что часто такая видеозапись отсутствует, поскольку законный представитель несовершеннолетнего заявил соответствующие возражения. В этом случае суду ничего не остается, как, опираясь на ч. 6 ст. 281 УПК РФ, огласить показания несовершеннолетнего.

В целом, такой подход соответствует международным стандартам отправления правосудия с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Но остается проблема оценки достоверности показаний указанных лиц. Суд обязан оценить как те показания несовершеннолетних, которые были даны в досудебном производстве, так и те, которые давались в суде, в случае непосредственного участия несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в судебном следствии.

Чтобы решить эту непростую задачу суды нередко прибегают к помощи психолога и даже ставят перед ним вопрос, явно выходящий за рамки возможностей психологической науки, – это вопрос о достоверности показаний несовершеннолетнего. Полагаем, что такая постановка является недопустимой, поскольку оценка доказательства как допустимого или недопустимого может быть произведена только судом.

Обеспечение прав несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, тем не менее, не исключает реализации права обвиняемого на судебную защиту. Поэтому, вполне логичным видится корректировка ст. 196 УПК РФ с целью уточнения оснований обязательного назначения судебной экспертизы и включения в перечень оснований наличия сомнений в способности несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания.

Также необходимо пересмотреть закрепленные законодателем подходы к производству допроса несовершеннолетних. В частности, к его продолжительности. Поскольку ограниченное время допроса может выступать не только позитивным моментом, но и негативным, поскольку не позволит установить психологический контакт с допрашиваемым лицом. За отведенный временной период следователь вынужден выполнить еще и все необходимые формальные действия, предусмотренные УПК РФ. Тем самым создается предпосылка для повторных допросов несовершеннолетнего, что всегда несет ряд рисков: усиления психотравмы, формирования ложных воспоминаний, снижению контакта между следователем и ребенком, так как последний начинает полагать, что ему не верят, и т.д. [2]

Однако предлагаемые изменения должны стать частью пересмотра концептуальных подходов к обеспечению доказывания с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. В частности, заслуживает изучения опыт Республики Казахстан по производству дистанционных допросов несовершеннолетних, депонированию их показаний [1]. Рациональным видится и закрепление на законодательном уровне специальных правил производства очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Обсуждение данной проблематики видится уместным и в контексте обсуждения перспектив введения в российский уголовный процесс следственных судей, полномочия которых могут быть более широкими, нежели чем просто различные формы судебного контроля за предварительным расследованиям.

Список литературы:

1. Аубакирова А.А. Закрепление показаний несовершеннолетнего потерпевшего в современном уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 43–48.

2. Брусницин Л.В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. 2015. № 3. С. 90–94.

3. Головко Л.В. Влияние профессионального статуса суда на степень его активности в уголовном судопроизводстве // Закон. 2016. № 1. С. 27–38.

4. Каз Ц.М. Проблемы доказывания в суде первой инстанции. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 79 с.

5. Романов С.В. Процессуальная активность суда в судебном разбирательстве по уголовному делу: сравнительно-правовой и правозащитный аспекты // Закон. 2016. № 1. С. 39–50.

Моргачева Л.А.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж
laris777444@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПАРИТЕТА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация*: в статье рассматриваются проблемы обеспечения равноправия в доказательственной деятельности сторон в досудебном производстве. Опираясь на традиционный подход к пониманию доказательства, обосновывается, что доказательственная деятельность в досудебном производстве сосредоточена в руках должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. Это в некоторой мере нарушает право неофициальных участников судопроизводства на равное участие в доказывании. Предлагаются пути преодоления неравенства через расширение процессуальных гарантий.*

Ключевые слова*: состязательность, законный интерес, стороны, равноправие, доказательство, информация.*

Morgacheva L.A.
Voronezh State University, Voronezh

PROCEDURAL GUARANTEES OF THE PARTY OF EVIDENTIAL ACTIVITY OF THE PARTIES IN PRE-TREATMENT PROCEEDINGS

Abstract*: the article considers the problems of ensuring the equality of evidence of the parties in pre-trial proceedings. Based on the traditional approach to understanding evidence, it is proved that the evidence in pre-trial proceedings is concentrated in the hands of officials conducting criminal proceedings. This to some extent violates the right of unofficial participants in legal proceedings to equal participation in evidence. The author proposes some possible ways to overcome inequality by expanding procedural guarantees.*

Keywords*: adversarial system, legitimate interest, the parties, equality, evidence, information.*

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в 2001 году закрепил принцип состязательности уголовного судопроизводства. Означает ли это, что в уголовно-процессуальном законодательстве советской республики до этого момента состязательности не было места и, что произошли кардинальные изменения в системе судопроизводства с появлением статьи 15 УПК РФ? По оценкам ученых состязательность в определенной мере имела место в советском уголовном процессе [18, с. 103, 105, 118; 19, с. 46] равно как и не получила адекватной реализации по новому уголовно-процессуальному закону [2, с. 16; 17, с. 4]. Л.Д. Кокорев по этому поводу заметил, что, не прибегая к терминам «состязательность» и «презумпция невиновности», их суть заложена в тексте Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [7, с. 4]. Элементы состязательности активно анализировались и в научных трудах ученых, которые зачастую слово состязательность не использовали по понятным причинам.

Сегодня, отдавая дань памяти творческому наследию замечательного ученого Цили Моисеевны Каз, нельзя не отметить, что в ее трудах мы можем прочесть ряд суждений, которых актуальны и теперь, в том числе для решения проблем доказывания в современном состязательном уголовном судопроизводстве. Так, при классификации участников уголовного процесса Ц.М. Каз выделяла группу лиц, «которые осуществляют процессуальные функции и характеризуются тем, что каждый из них действует целенаправленно в соответствии со стоящими перед ним задачами или своими интересами в процессе, участвует в обсуждении или решении вопросов, составляющих существо дела, обладает широкими процессуальными правами, в том числе правом (или обязанностью) доказывания» [6, с. 32]. Представляется, что в этом высказывании отражен предмет состязания сторон – а именно деятельность участника, направленная на принятие решения, отвечающего интересам этой стороны. В современном судопроизводстве согласно положениям статьи 6 УПК РФ деятельность по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и лиц, привлекаемых в качестве подозреваемых (обвиняемых) составляет стержень состязательной борьбы. Эта защита может осуществляться разными средствами и способами, предусмотренными нормами УПК, в том числе путем использования возможности активно участвовать в доказывании.

Достаточно большое внимание Ц.М. Каз уделяет активной доказательственной деятельности неофициальных участников, которых она справедливо относит к субъектам доказывания [5, с. 40, 43, 46, 57, 59]. Она пишет, что эти участники «имеют право активно участвовать в доказывании, представлять имеющиеся у них доказательства, ходатайствовать об их истребовании, исследовать доказательства и оценивать их по своему внутреннему убеждению» [6, с. 32]. Также Ц.М. Каз указывала, что «Следователь и суд… обязаны проверить все те доказательства, которые представляются обвиняемым и его защитником в целях оправдания обвиняемого или смягчения его ответственности» [5, с. 43] и «… опровергая выдвинутую обвиняемым версию, органы следствия и суд не могут ограничиться ссылками на то, что эта версия не состоятельна, а должны положительно доказать виновность обвиняемого, представив веские доказательства его виновности» [5, с. 45]. Тем самым она подчеркнула состязательный характер взаимоотношений представителей стороны обвинения и стороны защиты. Сегодня эти выводы трансформировались в положения принципа презумпции невиновности о бремени стороны обвинения опровергать доводы, приводимые в защиту подозреваемого или обвиняемого.

Рекомендации, данные Ц.М. Каз относительно отдельных видов доказательств [5, с. 65–104], классификации доказательств могут быть использованы состязающимися сторонами и сегодня, «...могут облегчить пользование доказательствами на практике» [5, с. 29]. Ведь знание способов, порядка и особенностей получения того или иного доказательств, его исследования и оценки поможет субъекту доказывания отстоять свою позицию по уголовному делу.

С принятием УПК РФ и провозглашением в нем принципа состязательности доказательственная деятельность сторон и суда приобрела новую окраску. Новый закон породил в юридической практике новые проблемы, которые стали предметом острых научных дискуссий. Проблемы отчасти обусловлены несовершенством законодательства, отчасти отсутствием единообразного подхода ко многим понятиям в теории уголовного процесса. Теория представляет собой научное знание как отражение действительности в специальных понятиях, для науки характерен «целенаправленный перевод знания об объектах на некий искусственный язык» [8, с. 16]. Понятийный аппарат в юридической науке вообще и в теории доказывания в частности сложен и противоречив. Это обусловлено множеством факторов: «сложностью теоретического осмысления и описания правовых явлений» [5, с. 3], «отсутствием единства существующих в настоящее время философских и иных общенаучных концепций» [3, с. 116]. Тем не менее, полагаем, что разрабатывать понятийный аппарат необходимо. Законодатель на основе научных разработок должен принимать нормы права с четкими и однозначными определениями, логически согласованные, которые исключат расхождения в правоприменении. Ц.М. Каз отмечала, что «Четкая законодательная регламентация устранила бы ряд спорных вопросов» [6, с. 27].

Несовершенство норм ныне действующего уголовно-процессуального закона вызвало оживленную дискуссию по вопросам о том, является ли досудебное производство состязательным и должно ли быть обеспечено равноправие сторон на досудебных стадиях судопроизводства. Кроме того, в теории и практике возникло неоднозначное понимание сущности доказательства, несмотря на законодательное определение этого понятия. Мы полагаем, что равноправие сторон должно быть обеспечено на всех стадиях уголовного процесса. По нашему мнению, которое было обосновано ранее [13, с. 145–147], равноправие сторон не представляет собой полное тождество прав участников – это определенное положение, то есть совокупность отношений, обстановка, которая складывается при производстве по делу в результате обеспечения равных возможностей сторонам для отстаивания их законных интересов.

Обеспечить паритет сторон в досудебном производстве в той системе судопроизводства, которая закреплена нормами УПК РФ достаточно сложно. Ведь досудебное производство не представляет собой ряд самостоятельных и свободных действий равных сторон, как, например, в гражданском процессе. Досудебное производство подробно регулируется законом и призвано решать ряд государственных задач. Разница в правовом положении сторон обусловлена слишком высокой ценой уголовно-правового спора, конфликтностью и сложностью спорной ситуации, зачастую взывающей к жизни противодействие сторон. Поэтому уравнивание сторон происходит за счет наделения их разными правами, обязанностями, ответственностью, «уравновешивающими суммарные позиции сторон» [16, с. 58].

Центральное место в деятельности по защите прав и законных интересов сторон занимает доказывание. Задача законодателя состоит в том, чтобы дать стороне все возможности для отыскания, изучения, закрепления и представления в суд доказательственной информации. При этом законодатель, обеспечивая равные возможности сторон в этой деятельности, должен учитывать особенности познавательной деятельности, возможность преступника скрыть следы преступления, возможность субъектов добывать информацию незаконным путем, фальсифицировать доказательства и другие факторы. Поэтому к мерам, уравнивающим доказательственные возможности сторон, можно отнести следующие: 1. Для стороны обвинения – а) установление всеобщей обязанности подчиняться указаниям должностного лица, ведущего производство по уголовному делу при производстве следственных и иных процессуальных действий (ч. 4 ст. 21 УПК РФ); б) предоставление стороне обвинения права применять принудительные меры при производстве следственных действий (ст. 182, 184–186 и др.), меры пресечения в целях предупреждения угроз свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств со стороны подозреваемого, обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ); 2. Для стороны защиты – а) закрепление принципа презумпции невиновности, из которой следует, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана стороной обвинения и, что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, обязанность доказывания лежит на стороне обвинения (ст. 14 УПК РФ); б) обязанность стороны обвинения доказать обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, и обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (пункты 5, 6, 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ); в) обязанность стороны обвинения устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию только доказательствами, полученными предусмотренными законом способами и в предусмотренном законом порядке (статьи 74–84 УПК РФ); г) запрет использования результатов оперативно-розыскной деятельности, не отвечающих требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89 УПК РФ).

Несмотря на указанные меры, правила доказывания, ставящие доказательственную деятельность неофициальных субъектов в зависимость от мнения должностного лица, ведущего производство по уголовному делу и выполняющего функцию обвинения, нарушают равновесие. Правом самостоятельно собирать или представлять готовые доказательства неофициальные участники не наделены. Осуществить закрепление, а иногда поиск и получение доказательственной информации они могут

лишь путем обращения к соответствующему должностному лицу. Предложения ученых для решения данной проблемы можно свести к следующим. 1. Необходимо всецело переустроить систему судопроизводства по состязательному типу с наделением адвоката правом параллельного расследования, а суда – правом придавать доказательственной информации статус доказательства [11, с. 34]. Ввиду невозможности одномоментного кардинального изменения сложившейся системы судопроизводства полагаем эту идею неприемлемой. 2. В действующей системе судопроизводства: а) изменить отношение к сущности доказательства, допустить асимметрию правил собирания и допустимости доказательств в пользу стороны защиты [10, с. 133–139; 13, с. 5–10]. Мы не согласны с такой позицией ввиду раздвоения стандартов доказывания, подрыва традиционного понимания признаков доказательства, несоответствия предложенных подходов действующему законодательству [9, с. 13; 20, с. 63], что «разрушает всю систему правовых гарантий его доброкачественности» [4, с. 82]; б) на основе устоявшегося в теории подхода к пониманию доказательства усилить гарантии равноправия через дополнительные обязанности следователя, дознавателя, расширение прав неофициальных участников и возможностей судебного обжалования действий и решений должностных лиц. Именно такую позицию занимает законодатель, который в 2017 году внес изменения в статью 159 УПК РФ (части 2.1 и 2.2)) и многие процессуалисты [1, с. 47–86; 14, с. 45; 20, с. 231]. Она же разделяется автором.

Список литературы:

1. Алиев Т.Т., Громов Н.А., Макаров Л.В. Уголовно-процессуальное доказывание. Участие обвиняемого и защитника. М.: Книга сервис, 2002. 128 с.

2. Давлетов А. Проблема состязательности решена в УПК РВ неудачно // Рос. юстиция. 2003. № 8. С. 16–18.

3. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 384 с.

4. Доля Е.К вопросу о праве стороны защиты собирать и представлять доказательства // Уголовное право. 2007. № 4. С. 79–83.

5. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1960. 104 с.

6. Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе (Гос. органы). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1968. 68 с.

7. Кокорев Л.Д. Судебные реформы под влиянием идей М.С. Строговича // Юридические записки. Вып. 2: Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М.С. Строговича. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1995. С. 3–6.

8. Козырев Д.Н. Доказательство в научном познании. Введение в теорию доказательств : электрон. учеб. пособие. СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. 56 с.

9. Кудрявцев В.Л. Проблемы двойного стандарта при определении допустимости доказательств в российской уголовно-процессуальной науке // Актуальные проблемы уголовно-процессуального права и практика его применения: материалы международной дистанционной научно-практической конференции. Караганда: КЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова, 2009. С. 7–13.

10. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара, 2007. 303 с.

11. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 256 с.

12. Мартынчик Е.Г. Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы (к разработке концепции и модели) // Адвокатская практика. 2004. № 3. С. 4–11.

13. Моргачева Л.А. Сущность, назначение и содержание равноправия сторон в уголовном судопроизводстве // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы. Вып. 5, ч. 5: Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2009. С. 144–153.

14. Мосов Д.О. Право защитника собирать доказательства и допустимость собранных защитником доказательств // Академический юридический журнал. 2008. № 4 (34). С. 42–46.

15. Пиюк А.В. Собирание доказательств защитником – декларация или реальность? // Российская юстиция. 2010. № 3. С. 32–35.

16. Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. 320 с.

17. Соколовская Н.С. Роль суда в состязании сторон по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. 24 с.

18. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. Юридическое издательство НКЮ Союза ССР. М., 1939. 150 с.

19. Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1983. 80 с.

20. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.

Надоненко О.Н.
к.ю.н., доцент,
Екатеринбургский филиал
ФГКОУ ВО «Московская Академия
Следственного комитета
Российской Федерации»,
г. Екатеринбург
uc.ural@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ОЦЕНКЕ НАУЧНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

Аннотация*: в настоящей статье автор рассматривает сложившиеся представления о практике привлечения специалистов для оказания помощи следователям, судам в оценке научной достоверности такого доказательства, как заключение эксперта. А так же анализирует предлагаемые новеллы регламентации такой оценки.*

Ключевые слова*: оценка доказательств, научная достоверность доказательства, заключение эксперта, мнение специалиста.*

Nadonenko O.N.,
Ph.D(Law), Associate Professor,
Ekaterinburg branch of FSSEI HI
"Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation",
Ekaterinburg

PROBLEMS OF PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN ASSESSING THE SCIENTIFIC RELIABILITY OF A FORENSIC EXPERT'S OPINION

Abstract*: in this article, the author examines the existing ideas about the practice of attracting specialists to assist investigators and courts in assessing the scientific reliability of such evidence as an expert's conclusion. It also analyzes the proposed innovations to regulate such an assessment.*

Keywords*: evaluation of evidence, scientific reliability of evidence, conclusion of a forensic expert, opinion of a specialist.*

Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Это положение ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с одной стороны закрепляет равноправие всех доказательств перед законом, исключая их иерархию, с другой стороны обязывает следователя оценивать доказательства, а не принимать их на веру. Уже давно эксперта не рассматривают как «научного судью». Как и иные доказательства, его заключение подлежит оценке в части относимости, допустимости, достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ). Определенную сложность в данном процессе для следователя представляет оценка достоверности заключения эксперта.

Мы, как и многие ученые и практики, согласны с мнением Р.С. Белкина о том что, «ни научную обоснованность, ни правильность выбора и применения методов исследования, ни соответствие этого метода современным достижениям соответствующей области научного знания они оценить не в состоянии, поскольку для такой оценки должны обладать теми же познаниями, что и эксперт» [4, с. 124]. Именно поэтому для проверки достоверности заключения судебного эксперта очень часто предлагают привлекать специалистов. «При необходимости дать оценку первичным экспертизам, сомнительным с точки зрения достоверности их результатов, целесообразнее прибегать не к назначению повторных экспертиз, а к привлечению независимых специалистов для оценки научной обоснованности выводов завершенных экспертных исследований» [10, с. 665]. Тем более, что уголовно-процессуальный закон предоставляет следователю такую возможность, закрепив в ч.ч. 3,4 ст. 80 как показания, так и заключение специалиста. Данная статья позволяет узнать суждения специалиста по поставленным перед ним вопросам, требующим специальных познаний. При этом в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют ограничения возможностей специалиста относительно объема изложения им своего мнения, при условии наличия у него специальных познаний. Участие специалиста для оказания помощи в оценке заключения эксперта предложено и в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21.10.2010.

В связи с этим привлечение специалиста для оказания помощи при оценке достоверности заключения весьма активно применяется на практике. Поэтому вполне объяснимо появление различных научных работ, посвященных структурированию и регламентированию данного направления деятельности [1; 2, с. 38; 6; 8]. Однако, ряд авторов оспаривает необходимость и возможность привлечения специалистов для оказания помощи при оценке достоверности заключения деятельности. Так, по мнению Темираева О. «не ясно, на каком основании делаются попытки привлечения специалистов к оценке заключений эксперта. Законом специалист наделен лишь правом оказать помощь следователю и суду назначить экспертизу, но не оценивать ее результаты. Оценка заключения эксперта, как любого другого доказательства, в соответствии со ст. 17 УПК – исключительная компетенция следователя, прокурора, суда. В случае сомнений в обоснованности выводов эксперта следователь и суд вправе допросить эксперта, а также в соответствии со ст. 207 УПК назначить повторную экспертизу. Законом в этом случае не предусмотрена возможность использования суждений специалиста, потому что правильно разобраться с заключением эксперта с узкопрофессиональной точки зрения возможно лишь в ходе изучения не только самого заключения, но и непосредственно тех объектов, обстоятельств, которые были предметом экспертного исследования. Это опять же компетенция не консультанта-специалиста, а, как правило, полноценной экспертной комиссии» [7]. Представляется верным мнение этого автора о том, что в случае появления сомнений у следователя или суда в обоснованности эксперта, необходимо

назначать повторную экспертизу. Однако специалистов привлекают в ситуации, когда следователь, прокурор или суд не обладают специальными познаниями, необходимыми для первоначальной объективной оценки научной достоверности заключения эксперта. В связи с чем сомнений в этом у них не возникает. Поэтому мы не согласны с возражением Темираева О. о том, что специалист не может оценивать заключение эксперта на предмет научной достоверности. Следует понимать, что специалист осуществляет оценку научной достоверности заключения путем формулирования своего мнения относительно того, что изложено экспертом в своем заключении. Он не осматривает предметы исследования, не проводит лабораторные анализы, а изучает исключительно содержание заключения эксперта.

Мнение Темираева О., что если инициатива привлечения специалиста к оценке заключения исходит не от следователя, а от защитника, то это может иметь негативные последствия, поддерживается и другими учеными. Такой позиции, например, придерживается Багаутдинов Ф., считая, что участие специалистов на стороне защиты будет помехой следствию, так как «они за оплату могут дать разъяснение, противоречащее выводам официальных экспертиз» [3, с. 8]. Данный порок общества, затрагивает морально-этические аспекты работы и может проявится в работе любых сведущих лиц, независимо от их статуса и того, кто их вовлекает в процесс. Дача экспертом заведомо недостоверного (ложного) заключения за полученное вознаграждение, настолько же вероятна, как и то, что специалист в состоянии дать объективную оценку заключению эксперта, не зависимо от того, кто инициировал его участие в процессе. Хотелось бы отметить, что в качестве специалистов часто привлекают действующих сотрудников государственных экспертных учреждений, профессорско-преподавательский состав образовательных организации и научно-исследовательских институтов, для которых их профессиональная и научная репутация гораздо важнее денежного вознаграждения. Стороны не покупают вывод, а оплачивают работу эксперта или специалиста. Поэтому по нашему мнению довод об обязательной предопределенности платных заключений сведущих лиц не состоятелен.

В то же время мы не можем полностью согласиться и с мнением Хомутова С.В. о придании оценке специалистами заключений экспертов неоспоримого статуса, на основании которого, он предлагает, например, осуществлять исключение экспертов из единого Государственного реестра судебных экспертов (если такой будет принят) [8, с. 11]. Автор, односторонне рассматривая ситуацию, не учитывает возможности оценки заключения экспертов несколькими специалистами. В такой ситуации неясно которое из заключений следует учитывать следователю или суду. Вероятно предполагается, что оценку будут иметь право делать только определенные специалисты или объединения, такие как «Общественный совет по судебно-экспертной деятельности в регионе» [8, с. 11] или комиссии по оценке заключений экспертов при судах [8, с. 23], а их решение будет вердиктом, решающим судьбу судебной экспертизы – окончательным и обязательным для следователя или суда.

Полагаем, что такой подход неверен в силу того, что как заключение эксперта, так и оценка специалистом заключения эксперта не имеют заранее установленной силы. В рассматриваемой ситуации эксперт не выступает в роли виновного, в отношении которого проводится служебная проверка. Он равноправный участник прений по вопросам оценки своего экспертного заключения, как на этапе предварительного расследования, так и судебного слушания. Следует согласиться с мнением Шутемовой Т.В., о том что «специалист, комментирующий заключение эксперта с точки зрения научной обоснованности, правильности и полноты использования специальных знаний, должен обладать либо равной эксперту научной квалификацией либо его превосходящей, что требует выработки определенных критериев к его привлечению в этом качестве во избежание тенденциозности подхода.» [9].

Представляются так же верным мнения авторов, заявляющих, что необходимо дополнительное законодательное регламентирование процедуры оценки заключения эксперта специалистом в части:

- порядка привлечения специалиста к оценке заключения эксперта. Четкий регламент последнего необходим, «для обеспечения действий участников судопроизводства, вовлеченных в оценку экспертного заключения» [5, с. 106];
- формы и структуры заключения специалиста. На наш взгляд «структура заключения специалиста должна содержать основные разделы общепринятой формы заключения эксперта и включать в себя данные о специалисте» [1, с. 82].

Таким образом, полагаем, что в вопросе целесообразности и порядка проведения оценки заключения эксперта специалистом неверны позиции как полностью или частично исключающие возможность привлечения для этого специалистов, так и создание с этой целью некоего надзорного органа с карательными полномочиями, контролирующего качество работы экспертов. В этом вопросе специалист и эксперт должны быть равноправны, их заключения в конечном итоге должны помогать следователю и суду в установлении объективных данных с целью принятия обоснованного решения по материалам уголовного дела.

Список литературы:

1. Александрова, Л. Мнение специалиста опровергает заключение эксперта? // Уголовное право. 2008. № 1. С. 77–82.

2. Анализ и оценка прокурором заключения эксперта: конспект лекций / Е.В. Елагина. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 48 с.

3. Багаутдинов Ф. Закон об адвокатуре: взгляд с другой стороны // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 8–10.

4. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007. 528 с.

5. Кудрявцев Ю.С. Об оценке экспертного заключения // Судебная власть и уголовный процесс 2018. № 3. С. 102–106.

6. Попов А.И. Роль специальных знаний в расследовании преступлений в конфликтной следственной ситуации: монография. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 138 с.

7. Темираев О. Компетенция специалиста // Законность. 2005. № 6. С. 39–40.

8. Хомутов С.В. Научно-методические и организационные основы криминалистической оценки заключений эксперта и специалиста: автореф. дис… канд. юрид. наук. Ростов н/Дону, 2019. 25 с.

9. Шутемова Т.В. Оценка прокурором заключения судебного эксперта по уголовным делам // Вестник Волжского университета им В.Н. Татищева – 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-prokuroromzaklyucheniya-sudebnogo-eksperta-po-ugolovnym-delam (дата обращения: 05.02.2020).

10. Эксархопуло А.А. Криминалистика: учебник. СПб., 2009. 904 с.

Виолетта Немец

к.ю.н., доцент,
Гданьский государственный университет,
г. Гданьск, Польша

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ФАКТА ВРУЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША

Аннотация*: автор рассматривает проблемы, связанные с подтверждением факта вручения процессуальных документов участникам процесса. Рассматриваются условия законности вручения документов и наиболее часто допускаемые на практике ошибки.*

Ключевые слова*: вручение процессуального документа участникам процесса, условия и доказательства законности вручения.*

Violetta Nemec

Ph.D(Law), Associate Professor,
Gdansk state University,
Gdansk, Poland

CONFIRMATION OF THE FACT OF DELIVERY OF PROCEDURE DOCUMENTS IN THE REPUBLIC OF POLAND

Abstract*: the author considers the problems associated with the confirmation of the fact of delivery of procedural documents to the participants in the process. The author considers the conditions of lawfulness of the delivery of documents and the most frequently made mistakes in practice.*

Keywords*: delivery of the procedural document to the participants of the process, conditions and evidence of the legality of delivery.*

Факт вручения процессуальных документов в уголовном, административном и гражданском судопроизводстве Республики Польша, по общему правилу, должен быть надлежащим образом подтвержден. Наиболее достоверным и полным доказательством вручения является письменное подтверждение получения процессуального документа [13, с. 198; 8, с. 4]. Согласно ст. 130 польского УПК, документы должны быть вручены под расписку адресата об их получении.

В обычном понимании расписка в получении документов – это письменное подтверждение получения каких-либо документов [16, с. 777]. Само понятие «расписка в получении документов» отождествляется в литературе польского процесса с письменным подтверждением получения документа адресатом или другим уполномоченным адресатом лицом [1, с. 278]. С данным документом связано также возникновение презумпции вручения, и лишь в случае наличия обоснованных сомнений данный факт подвергается проверке уполномоченным органом[1].

Орган, вручающий процессуальный документ, обязан составить документ о вручении, соответствующий всем требованиям процессуального закона, из которого следует, что вручение произвел соответствующий орган, законным способом; при этом часть, в которой адресат подтверждает вручение своей личной подписью, является приватным документом в понимании польского законодательства[2].

Документ о вручении не является исчерпывающим доказательством обстоятельств вручения, и в случае наличия обоснованных сомнений уполномоченный орган должен предпринять действия, направленные на проверку указанных фактов [17, с. 546–547]. Дата и факт вручения могут быть опровергнуты другими имеющимися в материалах дела доказательствами. Например, если участник процесса отрицает, что вручение произведено в соответствии с законом, орган уголовного или административного производства должен допросить по этому обстоятельству вручающего субъекта.

Понятие «форма вручения» тесно связано со способами и доказательствами вручения. На основании положений польского УПК различают несколько групп таких доказательств вручения документа, отличающихся правовым характером и субъектами, участвующими во вручении документа: расписка в получении документа, квитанция о направлении документа по предполагаемому месту нахождения лица или же вручение в порядке особого уведомления.

Расписка в получении документа предусмотрена § 1, 2, 4 ст. 132, ст. 133- 135 УПК Республики Польша. Необходимо, чтобы получающий подтвердил вручение письма своей подписью. Подтверждение получения документа может быть выражено не только непосредственным адресатом, но и его представителями (это защитники, начальники соответствующих подразделений органов государственной власти, командиры подразделений во-

[1] Анализ содержания ст. 130 УПК РП позволяет предположить, что здесь мы имеем дело с законной опровержимой презумпцией.

[2] В Польском праве принято деление документов на пуюличные и приватные. В данном случае подпись лица в формуляре о получении документа, рассматривается как самостоятельный приватный документ

оруженных сил, администрация мест лишения свободы, лица, имеющие право получать письма в организационных единицах, а также субъекты, указанные в § 2 ст. 132 УПК (совершеннолетнее лицо, проживающее совместно с адресатом, администрация домовладения, управляющий домом, солтыс (должностное лицо муниципального уровня власти в малых поселениях).

Подтверждение в получении письма требует собственноручной подписи лица, получившего процессуальный документ. Органы уголовного производства не обязаны проверять аутентичность подписи на почтовых расписках, подтверждающих факт вручения, до момента появления сомнений о том, что подпись на возвратной квитанции является фальсифицированной. Факт получения документа не может быть признан только на основании заявления вручающего субъекта.

Отсутствие подписи свидетельствует о недействительности вручения (ст. 130 УПК РП). О порочности вручения не может свидетельствовать неразборчивый характер подписи получающего. Уголовно-процессуальный закон ничего не говорит о дате вручения, однако, учитывая разъяснения Верховного Суда Республики Польша и практику нижестоящих судов, можно утверждать, что собственноручная подпись получающего подтверждает не только сам факт, но и дату вручения. При этом для признания действительности факта вручения не является обязательным указание даты вручения. Установление даты возможно с использованием других средств доказывания, например, с помощью реестра вручаемых заказных отправлений почтовых служб в соответствии с законом о почте от 23 ноября 2012 г. На основании распоряжения Министра юстиции Польши от 10 января 2017 г. о принципах и режиме вручения процессуальных писем в уголовном судопроизводстве определен образец квитанции для получения заказных писем.

Действующая в настоящее время форма квитанции в получении процессуального письма по уголовным делам содержит указание на адресат отправки, необходимость почтового штемпеля, дату, номер дела, вид отправки. Обратная сторона квитанции содержит подробные сведения, касающиеся самого вручения. При этом вручающий субъект указывает получателя, а также то, что заказное почтовое отправление с определенным номером вручено адресату или лицу, уполномоченному на получения документа, которое обязуется передать его адресату.

При обстоятельствах, когда отправление нельзя вручить способом, описанным выше, вручение производится в соответствии с § 1 и 2 ст. 133 УПК Республики Польша, допускающей, что письмо оставляется на почте или в отделении полиции, учреждении муниципальной администрации. К доказательствам направления документа по предполагаемому месту нахождения лица следует отнести и официальное подтверждение, что письмо ожидало получения определенное количество дней на почте. Из способов вручения можно также выделить так называемую, «предположительную» квитанцию, предусмотренную положениями ст. 136 УПК, когда адресат отказывается получать письмо.

Письмо вместе с примечанием об отказе в его получении следует признать доказательством конклюдентного вручения. Вручающий субъект обязан указать, по каким причинам не вручил отправление. Такой причиной может быть отказ в получении письма адресатом или другое обстоятельство, которое вручающий субъект указывает в квитанции. Согласно ст. 136 УПК РП, существуют причины субъективного характера, когда получающий отказывается подтвердить получение письма, и объективного характера, когда получающий не может подтвердить получение письма.

Отказ в получении письма может быть связан с ситуацией, когда адресат принял письмо и объективно отсутствуют препятствия в совершении им подписи, однако он не хочет совершить это действие. В данной ситуации вручающий указывает это обстоятельство непосредственно на квитанции. Согласно положениям ст. 132 УПК РП, передача письма адресату должна быть совершена субъектами, там перечисленными, поэтому отсутствие отчетливого волеизъявления с требованием передачи письма адресату исключает возможность вручения письма в этой форме. В доказательство о вручении следует обозначить применение соответствующего режима вручения; если данное обозначение отсутствует, вручение является недействительным [9, с. 216].

Также существует вероятность, что получающий хочет расписаться в получении письма, но в силу объективных препятствий не может этого сделать. В таком случае вручающий указывает дату вручения, лицо, которое получило письмо, а также указывает причину отсутствия подписи.

Положения ст. 138–139 польского УПК предусматривают режим в связи с фикцией вручения. Если получатель находится заграницей, органы судопроизводства отправляют письма по последнему известному адресу пребывания лица, имеющемуся в материалах дела, и в случае неполучения письма, считают его врученным. В такой ситуации вручающий субъект обязан указать причины, которые привели к тому, что вручение документа непосредственному адресату не могло произойти.

Особый порядок уведомления – это официальный документ, подтверждающий вручение уведомления в упрощенном порядке путем оглашения или другим традиционным образом, например, в прессе, по радио или телевидению (ст. 131 УПК РП). Сюда же можно отнести документ, подтверждающий неотложное вручение (ст. 137 УПК РП). Доказательством о вручении в порядке ст. 131 УПК РП будет текст объявления вместе с подтверждением его выпуска издателем, которое приобщается к материалам дела [10, с. 657].

Таким же образом в порядке ст. 137 УПК РП к материалам дела приобщается уведомление лица в обстоятельствах, не терпящих отлагательства [6, с. 497]. При этом волеизъявления лица, свидетельствующего о получении комуниката, не требуется [17, с. 547]. Такое заявление стороны заменяет квитанцию и считается достаточным доказательством осознания адресатом содержания письма [10, с. 657].

Для того, чтобы вручение документа было признано совершенным в соответствии с положениями польского закона, необходимо исполнить все его требования. К требованиям относительно порядка вручения можно

отнести: вручение уполномоченным субъектом, в установленном месте, получение подписи адресата, сроки вручения.

С точки зрения действительности вручения существенной является обязанность совершения этого действия соответствующим процессуальным органом, которым является орган, ведущий делопроизводство [10, с. 657; 11, с. 471; 18, с. 460]. Именно он обременен обязанностью вручения документов способом, предусмотренным законом и обеспечивающим соблюдение процессуальных гарантий. Однако следует отличать перечисленных субъектов вручения от уполномоченных органов вручения. Субъекты, посредством которых процессуальные органы совершают вручение процессуальных писем, указаны в ст. 131 УПК РП: почта, иные курьерские службы, занимающиеся вручением корреспонденции, сотрудники отправляющего органа государственной власти, а также полиция. Решение о том, кто из субъектов совершит передачу документа, принимает процессуальный орган.

Одним из обязательных условий признания факта вручения является место совершения данного действия. По смыслу ст. 132, 133, 134 УПК Республики Польша допустимыми местами вручения процессуальных документов являются квартира адресата, место его постоянной работы, помещение вручающего органаили вручающего субъекта. Также возможно вручение процессуального письма там, где адресат будет встречен. В соответствии с судебной практикой Верховного Суда Польши, «адресату можно вручить судебное письмо в любом месте; при этом адресат не может уклониться от получения письма, руководствуясь доводами недопустимого места вручения» [15, с. 38].

В УПК Польши не регулируется время вручения процессуальных документов. Представляется, что в данном вопросе следует руководствоваться положениями Гражданского процессуального кодекса (ст. 134), согласно которым в выходные дни и в ночное время вручать письма можно лишь в исключительных случаях после вынесения соответствующего распоряжения Председателя суда. Ночным временем суток, согласно ст. 221 польского УПК, признается время с двадцати двух часов вечера до шести часов утра. Выходными днями являются исключительно воскресные дни, а также дни, перечисленные в законе о днях, свободных от работы (государственные выходные дни).

Чтобы вручение процессуального документа было признано законным, оно должно быть осуществлено в определенный срок. Само понятие «срока» имеет два значения: во-первых, срок – это период, в течение которого следует выполнить процессуальное действие и, во-вторых, это обозначенная временная точка, в которой действие должно произойти [12, с. 131].

Период, то есть временной отрезок, обладает начальным *diesaquo*(первый день срока) и конечным *diesaquem* (последний день срока) пунктами. Положения УПК Республики Польша, относящиеся к срокам, не определяют понятия «срок вручения», однако в них идет речь о сроке совершения процессуального действия. Отсутствие положений по сроку вручения не обозначает, что законодатель вообще не затронул эту проблему. Закон регулирует сроки конкретных процессуальных действий, указывая и на вручение соответствующего процессуального документа, обозначая определенное количество дней для его совершения. В законе содержатся также положения, определяющие срок вручения некоторых документов через формулировку «немедленно» (например, § 1 ст. 161 УПК РП).

Учитывая, что на территории Польши нередко ведется производство с участием иностранцев, важной является проблема, связанная с языком предпринимаемых правовых действий [20, с. 147]. На основании ст. 4 пп. 1 и 4 закона от 7 октября 1999 г. о Польском языке, официальным языком в стране является польский язык; на нем ведется судопроизводство и лица, не владеющие им, вправе выступать в суде на известном им языке и пользоваться помощью бесплатного переводчика.

Существенную роль играет подпись участника процесса, подтверждающая получение процессуального документа (решения, распоряжения, повестки), знаменующего начало течения сроков для подачи жалобы или определяющего обязательный срок явки.

Больше всего упущений в сфере вручений процессуальных документов связано с процедурой вручения, и они, как правило, допускаются сотрудниками субъектов, выполняющих данные действия. Наиболее частой ошибкой является оставление отправителем одной квитанции с указанием срока получения отправления, несмотря на то, что закон обязывает вручать, так называемую «двойную квитанцию» (ст. 132, 133 УПК РП). В сфере подтверждений вручения частой ошибкой является отсутствие обозначения или примечания о способе вручения или личности получателя. На практике встречается также несоответствие относительно лица получателя и подписи получающего.

Еще одним часто встречающимся упущением является неправильное заполнение отправителем обратной стороны квитанции подтверждения получения документа, а также отсутствие подписи вручающего субъекта или отсутствие почтового штемпеля [21, с. 192]. Из-за неправильного обозначения соответствующего адреса вручения или почтового отделения происходит затягивание с вручением, возвращение процессуальных писем. Случается, что процессуальные письма вручаются также заинтересованными сторонами, что не должно иметь места в уголовном процессе. Но самым серьезным нарушением можно считать подделку подписи адресата процессуального письма, совершаемой на квитанции в получении, что в соответствии с действующим уголовным законом Республики Польша признается уголовно наказуемым деянием.

Указанные нарушения влияют на реализацию процессуальных гарантий участников процесса, сказываются на их участии в производстве по делу, что может повлечь возобновление производства. Обвиняемый в уголовном судопроизводстве, согласно ст. 540 польского УПК, вправе подать ходатайство о возобновлении производства, если он не получил информацию о сроке и месте судебного разбирательства в связи с невручением ему уведомления [19, с. 1277–1278], или если ему не разъяснена возможность выдачи решения в его отсутствие, а также

когда не вручено решение, содержащее разъяснение о способе его обжалования [7, с. 729].

В случае, когда совершена подделка документа о вручении процессуального письма, основанием возобновления производства служит п. 1 § 1 ст. 540 УПК РП, согласно которому судебное производство, завершенное решением, вступившим в законную силу, возобновляется, если в связи с производством совершено преступление, и существует обоснованное основание для предположения, что это могло оказать влияние на содержание решения (*propter falsa)* [19, с. 1272]. Закон не указывает конкретный вид преступления, поэтому можно предположить, что имеется в виду любое преступление, совершенное участником процесса [13, с. 425–673, 2, с. 514].

Список литературы:

1. Adamiak B., Borkowski J. Kodeks postępowania administracyjnego. Komentarz. Warszawa, 2014. 310 p.
2. Augustyniak B., Eichstaedt K., Kurowski M., Świecki D. (ред.), Kodeks postępowania karnego. Komentarz. Warszawa, 2014. Pp. 514.
3. Brodzisz Z., Gruszecka D., Haÿduk-Hawrylak I., Jasiński W., Kosonoga J., Nita-Światłowska B., Nowicki K., Pachowicz Z., Ponikowski R., Posnow W., Skorupka J. (ред.), Szołucha J., Światłowski A., Świecki D. Kodeks postępowania karnego. Komentarz. Warszawa, 2020. 410 p.
4. Cieślak M., Dzieła wybrane. Polska procedura karna. Krakyw, 2011. 240 p.
5. Demendecki T. Glosa do postanowienia SN z dnia 3 lutego 2012 r., I CZ 163/11, St. Iur. 2012. № 18. Pp. 17–19.
6. Grzegorczyk T. Kodeks postępowania karnego. Komentarz. Warszawa, 2014. P. 497.
7. Grzeszczyk W. Kodeks postępowania karnego. Komentarz. Warszawa, 2014. P. 729.
8. Hilarowicz T. German, Doręczenie w ogylnym postępowaniu administracyjnym, Gazeta Administracji i Policji Państwowej. 1925 № 24–28. P. 4.
9. Hochberg L., Murzynowski A., Schaff L. Komentarz do kodeksu postępowania karnego. Warszawa, 1959. P. 216.
10. Hofmański P., Sadzik E., Zgryzek K. Kodeks Postępowania Karnego. Komentarz, т. 1. Warszawa, 2007. P. 657.
11. Kurowski M. (в:), Augustyniak B., Eichstaedt K., Kurowski M., Świecki D. (ред.) Kodeks postępowania karnego. Komentarz. Warszawa, 2014. P. 471.
12. Lipczyńska M. Polski proces karny. Zagadnienia ogylne. Warszawa, 1986. P. 131.
13. Łaszczyca G., Matan A. Doręczenia w postępowaniu administracyjnym ogylnym i podatkowym. Krakyw, 1998. Pp. 425–673.
14. Paprzycki L.K. (red.), Steinborn S., Kodeks Postępowania Karnego. Komentarz. Warszawa, 2014.
15. Peiper L. Kodeks Postępowania Karnego. Komentarz Krakyw, 1933. P. 38.
16. Szymczak M. (ред.) Słownik języka polskiego, т. 2, Warszawa, 1979. P. 777.
17. Śliwiński S. Polski proces karny. Zasady ogylne, Warszawa, 1948. P. 547.
18. Steinborn S. (в:) Grajewski J., Paprzycki L.K. (ред.), Steinborn S. Kodeks Postępowania Karnego. Komentarz. т.1. Warszawa, 2013. P. 460.
19. Świecki D. (в:), Skorupka J. (ред.) Kodeks postępowania karnego. Komentarz. Warszawa, 2015. Pp. 1272–1278.
20. Woźniewski K. Prawidłowość czynności procesowych w polskim procesie karnym. Gdańsk, 2010. P. 147.
21. Wysocki D. Przewlekłość procesu karnego. Krakyw, 2001. P. 192.

Никитина Е.В.

к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»,
г. Екатеринбург
nick2210@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ СРЕДСТВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация*: в статье представлен анализ некоторых теоретических высказываний относительно средств доказывания в уголовном судопроизводстве. В итоге – формулируется вывод о том, что под средствами доказывания нельзя понимать лишь определенные действия, приводящие к получению доказательственной информации. Система средств уголовно-процессуального доказывания должна включать в себя не только процессуальные действия, но и доказательства как результат этих действий.*

Ключевые слова*: уголовное судопроизводство, средства доказывания, процессуальные действия, доказательства.*

Nikitina E.V.

Ph. D(Law),
Ural State Law University,
Ekaterinburg

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURE MEANS OF PROOF

Abstract*: the article presents an analysis of some theoretical opinions regarding the criminal procedure means of proof. The conclusion is formulated that it is impossible to understand by means of proof only certain actions leading to obtaining evidentiary information. The system of criminal procedure means of proof must include not only procedural actions, but also evidence as a result of these actions.*

Keywords*: criminal procedure, means of proof, procedural actions, evidence.*

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве имеет две составляющие. С одной стороны – это мыслительный, логический процесс, обоснование выводов по делу [9, с. 158], к которым пришел субъект доказыва-

ния. А с другой – это практическая, информационно-поисковая деятельность, заключающаяся в собирании, проверке и оценке доказательств (ст. 85 УПК РФ). В первом случае средствами доказывания являются доказательства, понимаемые как сведения о фактах (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), заключенные в определенных законом источниках (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). А во втором – средствами доказывания предстают процессуальные действия, способы собирания и оперирования доказательствами. Поскольку в процессе уголовно-процессуальной деятельности невозможно отделить деятельность мыслительную от деятельности практической, то и средствами доказывания будут как сами доказательства, так и способы их получения, проверки и использования.

Подобное понимание термина «средства доказывания» можно встретить еще в работах советских процессуалистов. Так, например, Фаткуллин Ф.Н. считал, что этот термин должен применяться для обозначения многогранного понятия, которое охватывает как фактические данные, используемые в процессе доказывания, так и те формы и способы, при помощи которых эти данные становятся достоянием субъектов доказывания. «Исходя из существа и назначения», он делит средства доказывания на три группы: 1) доказательства, представляющие собой фактическую информацию об обстоятельствах уголовного дела; 2) источники доказательств, предназначенные для сохранения и передачи этой информации; 3) способы получения доказательств и оперирования ими, т.е. процессуальные действия, являющиеся средством собирания, проверки и оценки фактических данных и их источников [7, с. 93–95].

В развитие такого подхода Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д. и Элькинд П.С., сконструировав особую систему уголовно-процессуального доказывания, включают в нее в качестве отдельного структурного образования средства доказывания. Однако подразделяют их лишь на две группы. Одну составляют фактические данные, используемые в процессе доказывания и содержащиеся в определенных законом источниках. Другую группу образуют способы получения, проверки и использования доказательств в уголовном судопроизводстве, а именно – различные следственные и судебные действия. В целом структуру процессуальных средств доказывания авторы представляют в виде схемы, элементами которой являются с одной стороны – доказательства и их виды, а с другой – следственные (судебные) действия [1, с. 218–225].

В дальнейшем в систему средств уголовно-процессуального доказывания было предложено включить, помимо следственных и судебных, еще иные процессуальные действия, посредством которых получают доказательственную информацию по делу. Имелись в виду такие процессуальные действия, как истребование предметов и документов, их представление участниками уголовного судопроизводства или иными лицами, а также – требование о производстве ревизий [8, с. 44; 2, с. 12].

Сегодня можно встретить несколько иное понимание средств доказывания. В частности, Стельмах В.Ю. считает, что под средствами доказывания следует понимать лишь «*действия*, в результате проведения которых можно получить сведения, имеющие доказательственное значение» [6, с. 93]. При таком подходе из процесса доказывания выпадает одна из его составляющих, а именно – мыслительная работа субъектов доказывания. Доказательства как сведения о фактах исключаются из системы средств доказывания. Процесс доказывания сводится лишь к практической деятельности субъектов.

Думается, предлагаемая позиция вряд ли обоснована. Лишь единство мыслительной и практической деятельности субъектов образует процесс доказывания в уголовном судопроизводстве. Лишь соединение обязательных структурных элементов – доказательств и способов их получения – образует систему средств уголовно-процессуального доказывания.

Еще один аспект, затронутый Стельмахом В.Ю., касается содержательной стороны этой системы. Он включает в нее, помимо следственных и иных процессуальных действий, проверочные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела, оперативно-розыскные мероприятия, действия защитника и иных невластных участников уголовного судопроизводства по собиранию доказательств, а также – действия, осуществленные «в рамках других видов деятельности» [6, с. 90–95].

Следует согласиться с расширением системы средств доказывания за счет включения в нее действий, производимых в стадии возбуждения уголовного дела. Законодатель сам предусмотрел, что «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств» (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ). Но при этом выдвинул два условия. Во-первых, эти сведения должны быть получены с соблюдением требований действующего уголовно-процессуального закона, иначе они будут признаны недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК РФ). А во-вторых, должны учитываться положения статьи 89 УПК РФ, устанавливающей запрет на использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Таким образом, можно сделать вывод о том, что проверочные действия, указанные в части 1 статьи 144 УПК РФ, осуществляемые с соблюдением требований закона, и полученные в результате этих действий сведения должны входить в систему средств уголовно-процессуального доказывания. Полученные таким путем сведения приравниваются к доказательствам, а проводимые действия являются способами получения этих доказательств.

Вместе с тем, вряд ли справедливо утверждение, что в статье 89 УПК РФ содержится «фактическое разрешение на использование в доказывании результатов ОРД, если они отвечают требованиям к доказательствам по уголовному делу» [6, с. 93]. Закон, наоборот, содержит запрет на использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. И запрет этот снимается лишь тогда, когда сведения, полученные оперативным путем, посредством особой процедуры преобразуются в доказательства [3]. А процедура эта предусматривает проведение *процессуальных действий* субъектом доказывания, результатом которых и будут *доказательства*.

Что касается действий защитника и других невластных участников уголовного судопроизводства, статья

86 УПК РФ, регламентирующая их участие в процессе доказывания, действительно названа: «Собирание доказательств». Однако результаты их деятельности не являются *доказательствами* по делу. Они могут стать таковыми лишь после определенных следственных или иных процессуальных действий субъекта доказывания (суда, прокурора, следователя, дознавателя). Таким образом, действия защитника и других невластных участников уголовного судопроизводства не могут являться структурными элементами системы средств доказывания.

Еще одним элементом системы средств доказывания предлагается считать действия, производимые «в рамках других видов деятельности». К ним отнесены, например, административно-правовые действия, экспертизы по гражданским или административным делам, действия в рамках прокурорской проверки [6, с. 95]. Очевидно, что речь идет уже не об уголовном процессе и не об уголовно-процессуальном доказывании. Возможно, результаты этой деятельности могут в уголовном процессе получить статус «иных документов» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Но этому должна предшествовать определенная процессуальная деятельность субъектов *уголовно-процессуального* доказывания.

Как видим, не все попытки расширить или видоизменить систему средств доказывания в уголовном судопроизводстве являются бесспорными. Но это не означает, что она статична. С течением времени она развивается, в ней появляются новые структурные элементы. Так, с принятием УПК РФ в законе появился новый вид доказательств – показания эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). А немного погодя к числу доказательств были отнесены заключение и показания специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) [5]. Появились и новые способы получения доказательств. Официальный статус следственного действия получили проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ). В 2010 году закон закрепил совершенно новое следственное действие – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) [4]. Наконец, к способам получения доказательств законодатель отнес и проверочные действия в стадии возбуждения уголовного дела (части 1 и 1.2 ст. 144 УПК РФ – в ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ).

Средства уголовно-процессуального доказывания представляют собой систему, открытую для дальнейшего усовершенствования и оптимального расширения. Однако эта система не должна идти вразрез с фундаментальными положениями уголовно-процессуального закона и уголовно-процессуального доказывания. Она традиционно должна включать в себя и доказательства, и способы их получения. Содержание и форма доказательств отражены на сегодняшний день в статье 74 УПК РФ. Способы получения этих доказательств также получили законодательное урегулирование. Это следственные и судебные действия (главы 24–27, 37 УПК РФ), иные процессуальные действия (часть 1 статьи 86 УПК РФ), а также – проверочные действия в стадии возбуждения уголовного дела (часть 1 статьи 144 УПК РФ).

Список литературы:

1. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. 303 с.
2. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев, 1984. 133 с.
3. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД РФ, Минобороны РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, СК РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/5 09/507/1820/42/535/398/68 г. Москва // Российская газета. Федеральный выпуск № 6258 (282). 2013. 13 декабря.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ // Рос. газ. 2010. 7 июля.
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Российская газета. 2003. 10, 11 июля.
6. Стельмах В.Ю. Понятие и система средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 6 (194). С. 90–95.
7. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. 176 с.
8. Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986. 189 с.
9. Эйсман А.А. Структурный анализ и моделирование судебных доказательств // Правовая кибернетика. М.: Наука, 1970. С. 149–184.

Овсянников И.В.

д.ю.н., доцент,
ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний»,
г. Рязань
ivover@mail.ru

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК: ЦЕНА УСКОРЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Аннотация*: в статье освещаются недостатки существующего особого порядка судебного разбирательства, его влияние на досудебное производство и противоречия, связанные с главой 40 УПК РФ. Обосновываются и формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона.*

Ключевые слова*: особый порядок, исследование доказательств, гласность, состязательность, судебная ошибка, приговор.*

Ovsyannikov I.V.
Dr.Sci(Law), Associate Professor,
Academy of the Federal penitentiary service of Russia,
Ryazan

SPECIAL ORDER: ACCELERATION PRICE JUDICIAL TRIAL

Abstract*: the article highlights the shortcomings of the existing special procedure for the trial, its impact on pre-trial proceedings and the contradictions associated with Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure. Substantiates and formulates proposals for improving the criminal procedure law.*

Keywords*: special order, investigation of evidence, publicity, competition, miscarriage of justice, sentence.*

Расследование и рассмотрение дел ведется не ради быстроты…

Ц.М. Каз.
Проблемы доказывания в суде первой инстанции (цели доказывания)

Принято считать, что достоинством особого порядка судебного разбирательства (далее – ОП) является его простота и быстрота по сравнению с общим порядком. Действительно, при ОП доказательства, подтверждающие обвинение, по общему правилу непосредственно не исследуются (ч. 1 ст. 240, ч. 5 ст. 316 УПК РФ), то есть показания потерпевших и свидетелей судом не заслушиваются, вещественные доказательства не осматриваются и т.д. При этом отпадает необходимость вызовов и допросов свидетелей и потерпевших, ранее давших уличающие подсудимого показания, осмотров вещественных доказательств, оглашений тех или иных документов и т.п.

В то же время ОП допускает возможность постановления обвинительного приговора лишь при том условии, что судья пришел к выводу об обоснованности обвинения и подтвержденности его собранными доказательствами (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). Речь в этой норме закона идет, очевидно, о тех доказательствах, которые были собраны ранее, в досудебном производстве. Считается, что необходимость соблюдать указанное условие налагает на судью обязанность все-таки исследовать относящиеся к обвинению доказательства, но исследовать опосредованно, путем ознакомления со сведениями, которые содержатся в материалах уголовного дела, в том числе в протоколах допросов, осмотров и в других составленных следователем или дознавателем в ходе досудебного производства документах.

Однако в отличие от суда следователи и дознаватели выступают на стороне обвинения, выполняют функцию обвинения и осуществляют уголовное преследование (ст. 21 УПК РФ). Адвокат-защитник, являясь профессиональным участником процесса, может участвовать и в досудебном производстве, но производство допросов потерпевших, свидетелей и осмотров, как и ряда других следственных действий, возможно и без его участия. Если же защитник участвует в допросе, в том числе и своего подзащитного, защитник имеет право задавать допрашиваемому вопросы, но лишь с разрешения должностного лица (следователя, дознавателя), которое вправе и отвести любые вопросы (ч. 2 ст. 53 УПК РФ). Качество осмотров и допросов, в том числе правильность и полнота фиксации извлекаемой информации в протоколах и приложениях к ним (фототаблицах, схемах, планах, чертежах и др.), может быть ограничено и уровнем профессионализма следователя (дознавателя).

Не случайно при общем порядке оглашение показаний, данных ранее подсудимым, потерпевшим или свидетелем, допускается лишь в ограниченных законом случаях (ст. 276, 281 УПК РФ). Обусловлено это, в частности, стремлением обеспечить для суда условия, позволяющие ему воспринимать и оценивать показания участников процесса без постороннего влияния [2].

Существенно, что исследование судьей доказательств путем ознакомления с материалами уголовного дела, которое на практике в случае применения ОП происходит еще до начала судебного заседания, – это исследование вне состязательных процедур, без участия сторон и без последующего критического обсуждения этих доказательств сторонами в прениях.

При таком исследовании доказательств ограничивается и гласность разбирательства (ст. 241 УПК РФ) в части исследования доказанности обвинения. При ОП по общему правилу приговор оглашается полностью (ч. 7 ст. 241 УПК РФ), но в указанном отношении это мало что дает, так как анализ и оценка доказательств в нем не отражены (ч. 8 ст. 316 УПК РФ). В результате никем не оглашается даже суть относящихся к обвинению доказательств.

Указанные особенности не способствуют объективности осуществляемого судьей при ОП процесса познания и правильности решения вопросов о доказанности обвинения [3, с. 44–48].

Таким образом, упрощение судопроизводства и его ускорение в рассматриваемом случае достигается ценой снижения гарантий объективности и эффективности осуществляемого судьей познавательного процесса. Это существенно уменьшает шансы на выявление недостатков в обвинении и дефектов в имеющейся доказательственной базе. Все это мешает точности, правильности и полноте установления судьей обстоятельств дела. И.Л. Петрухин не без оснований полагал, что при ОП существует и риск осуждения невиновного [4, с. 7]. На опасность ошибок при упрощенных судебных процедурах указывает и Генеральный прокурор РФ [6].

По-видимому, с учетом указанных выше присущих ОП особенностей установления судьей обстоятельств, подлежащих доказыванию, закрепленное в части 1 ст. 314 УПК РФ право обвиняемого законодатель ограничил уголовными делами о таких преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы. Это означает, что при рассмотрении уголовных дел о тех преступлениях, за которые возможно более строгое наказание (а, следовательно, выше и цена судебной ошибки) обстоятельства должны устанавливаться более надежным путем – путем непосредственного исследования доказательств в ходе полноценного судебного следствия. Очевидно, с учетом указанных особенностей законодатель внес изменение и в статью 90

УПК РФ [1], лишив тем самым преюдициального значения приговоры, постановленные в ОП.

Тем не менее, в последние годы в России подавляющее большинство уголовных дел рассматривается в ОП, при котором на практике из судебного разбирательства вымываются важные элементы состязательности и гласности. Одновременно наблюдается количественный рост допускаемых следователями нарушений законодательства (с 0,5 млн в 2009 году до 1,3 млн в 2018 году, то есть в 2,5 раза за 10 лет), причем нарушения множатся несмотря на снижение нагрузки на следователей в связи с уменьшением за те же 10 лет числа регистрируемых преступлений с 3 до 2 млн [6]. В Генеральной прокуратуре РФ вполне, на наш взгляд, обоснованно связывают снижение качества и профессионализма следственной работы с преобладанием в судебной практике упрощенных процедур [6]. Генеральная прокуратура РФ и Верховный Суд РФ в качестве решения этих проблем предлагают введение законодательного ограничения, не позволяющего рассматривать в ОП дела о тяжких преступлениях [6].

При таком ограничении описанные проблемы уменьшатся, но для уголовных дел о преступлениях меньшей тяжести, которых по статистике большинство, сохранятся. Поэтому, по нашему мнению, необходимы и другие законодательные меры, позволяющие совершенствовать сам ОП. В качестве одной из мер, направленных на обеспечение гласности, можно предложить закрепить в процессуальном законе обязанность обвинителя не только излагать обвинение, но и оглашать суть тех доказательств, которые, по его мнению, подтверждают это обвинение.

Целесообразно также устранить некоторые противоречия, связанные с главой 40 УПК РФ.

Закон позволяет обвиняемому заявить ходатайство об ОП уже в досудебном производстве (п. 1 ч. 2 ст. 315 УПК РФ). Именно так на практике, как правило, и происходит. Учитывая то расслабляющее влияние, которое зачастую оказывает на следователя или дознавателя факт заявления такого ходатайства [3; 5, с. 172], а также то, что это ходатайство должно быть адресовано только суду и может быть рассмотрено и разрешено лишь в судебном производстве, в целях решения обозначенных проблем представляется логичным предоставить обвиняемому право заявлять такое ходатайство только в судебном производстве. Во-первых, это будет стимулировать следователя и надзирающего прокурора к обеспечению качества процесса доказывания. Во-вторых, это позволит хотя бы приблизить практику правоприменения к соответствию с требованием закона рассматривать и разрешать ходатайство непосредственно после его заявления (ст. 121 УПК РФ).

Кроме того, представляется необходимым устранить следующее внутреннее противоречие в статье 316 УПК РФ: в части 1 этой статьи указано на необходимость соблюдать порядок, установленный главой 39 УПК РФ, предусматривающей возможность постановления оправдательного или обвинительного приговора, но в частях 7 и 8 этой статьи речь идет только об обвинительном приговоре, а оправдательный не упоминается. Последнее обстоятельство само по себе дает повод для сомнений в возможности постановления при ОП оправдательного приговора, а также для рассуждений об обвинительном уклоне. Целесообразно в статье 316 УПК РФ прямо указать и на альтернативный вид приговора. Понимание возможности оправдания обвиняемого будет стимулировать следователей, прокуроров и обвинителей к качественной работе, а защитников, согласия которых с обвинением для применения ОП не требуется, к оспариванию доказанности или обоснованности обвинения при несогласии с ним. Это позволит сохранить для ОП состязательность сторон.

Список литературы:

1. О внесении изменений в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2015 № 191-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27, ст. 3982.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пятакова Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 6.1, 73, 87, 88, 240, 281, 297, 307, 389.28 и 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 513-О// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2020).
3. Овсянников И.В., Тенишев А.П. Ограничение права обвиняемого заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением // Юридический мир. 2015. № 1. С. 44–48.
4. Петрухин И. Роль признания обвиняемого в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 4–8.
5. Попова Е.И. Расследование с использованием норм об особом порядке (глава 40 УПК РФ). М.: Юрлитинформ, 2017.
6. Чайка Ю.Я. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О состоянии законности и правопорядка в 2018 году и о проделанной работе по их укреплению». URL: https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearences/appearences/1590662/ (дата обращения: 28.02.2020).

Овчинникова Н.О.

к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
natalya-afonina@list.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Аннотация*: освещаются проблемы, связанные с определением правовой природы решений ЕСПЧ и их использованием в уголовно-процессуальном доказывании, анализируется действующее правовое регулирование имплементации правовых позиций ЕСПЧ в российское уголовно-процессуальное законодательство.*

Ключевые слова: *решения ЕСПЧ, доказывание, имплементация, прецедент, преюдиция.*

Ovchinnikova N.O.
Ph.D(Law),
Saratov State Law Academy,
Saratov

THE DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN CRIMINAL EVIDENCE

Abstract: *the problems related to determining the legal nature of the ECHR's decisions and their use in criminal procedure evidence are highlighted, and the current legal regulation of the implementation of the ECHR's legal positions in Russian criminal procedure legislation is analyzed. Research methods: a set of dialectical, systematic, logical, and formal-legal research methods. Results: the legal nature of the ECHR decisions and the ways of their use in criminal procedure evidence are determined.*

Keywords: *ECHR`S decisions, evidence, implementation, precedent, prejudice.*

Общеизвестным является тот факт, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью уголовно-процессуального законодательства, имеют высшую юридическую силу и подлежат применению на всей территории Российской Федерации (ч. 3 ст. 1 УПК РФ). Основополагающим для российского уголовного процесса международным правовым актом является Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция), ратифицированная 30 марта 1998 г., поскольку она содержит общепризнанные нормы-принципы, на основе которых строится вся уголовно-процессуальная деятельность и деятельность по доказыванию в частности.

В целях обеспечения должной реализации положений Конвенции был создан и ныне действует Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), юрисдикция которого распространяется на все государства, ратифицировавшие Конвенцию, и включает все вопросы, относящиеся к толкованию и применению Конвенции. Однако относительно правовой природы решений ЕСПЧ нет той определенности, которая позволяла бы считать их источниками уголовно-процессуального права наряду с Конвенцией. В связи с чем возникает правовая неопределенность в вопросах использования решений ЕСПЧ в уголовно-процессуальном доказывании. Решения ЕСПЧ носят общеобязательный характер и подлежат неукоснительному исполнению тем государством, против которого они вынесены, на что неоднократно указывали Конституционный и Верховный Суды РФ [5].

Позиция председателя Конституционного Суда РФ о природе решений ЕСПЧ с течением времени претерпела существенные изменения: если в 2006 г. она заключалась в том, что указанные решения должны оцениваться Конституционным Судом РФ как источник права [1; 2], то в настоящее время В.Д. Зорькин высказывается о двойных стандартах в деятельности ЕСПЧ и в его решениях [3]. Более того, в 2015 году Конституционный Суд РФ установил определенные ограничения исполнимости решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации, связанные с недопустимостью нарушения Европейским судом принципа суверенного равенства и принципа невмешательства во внутренние дела государств [6; 8].

Если придерживаться мнения, что решения ЕСПЧ имеют равную юридическую силу с Конвенцией, то все решения, на которые не распространяются ограничения исполнимости, должны незамедлительно исполняться, а правовые позиции, сформулированные в этих решениях – иметь прямую силу закона, и в дальнейшем подлежать имплементации во внутригосударственное уголовно-процессуальное законодательство.

Решений, затрагивающих правила уголовно-процессуального доказывания множество, и по смыслу указанной выше позиции, они имеют прямое действие и подлежат обязательному исполнению. Показательным является дело «Мирилашвили против России». Европейский суд установил, что судом первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по обвинению Мирилашвили были оглашены показания 3х свидетелей обвинения, проживавших в Грузии и не явившихся в суд. Суд огласил показания свидетелей, данные на следствии (в соответствии с положениями ч. 2 ст. 281 УПК РФ), но отказался приобщить и огласить результаты опросов свидетелей адвокатами, посчитав их недопустимыми [4; 7, с. 144].

Европейский суд по данному делу пришел к выводу, что защита находилась в неблагоприятном положении: обвинение могло допрашивать ключевых свидетелей непосредственно, защита же была лишена этой возможности. Представляя результаты опроса, защита стремилась не только представить оправдательные доказательства, но и оспорить данные, собранные против подсудимого. В этой ситуации отказ приобщить к делу показания, полученные защитой, не был оправданным. Данные, представленные адвокатами, являлись относимыми и существенными. Отказавшись исследовать новые показания, суд сослался на положение законодательства страны, которое не выглядело преследующим какой-либо существенный законный интерес. При особых обстоятельствах дела, в котором заявитель не имел возможности допросить ключевых свидетелей обвинения в суде или, по крайней мере, на стадии предварительного следствия, отказ приобщить к делу показания, полученные защитой, не был оправданным. Соответственно, защита оказалась в менее благоприятном положении [4; 7, с. 144].

Если продолжать следовать логике описанной позиции, то сведения, собранные защитником в ходе предварительного расследования, должны были еще в 2009 году найти свое закрепление в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве самостоятельного источника доказательств, либо, если этого сделано не было, то правовая позиция ЕСПЧ, изложенная в приведенном решении, должна иметь прямое действие, а российские суды соответственно применять ее при разрешении уголовных дел. Не произошло ни того, ни другого.

Представляется, что в рамках российской правовой системы прецедентный характер решений ЕСПЧ не позволяет считать их источником уголовно-процессуального

права, и источником российского права в целом. Поэтому указанные решения, если они не были имплементированы в российское уголовно-процессуальное законодательство, в деятельности по доказыванию могут иметь либо преюдициальное значение, либо использоваться как основание для возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по правилам ч. 5 ст. 415 УПК РФ.

При этом необходимо учитывать ограничения исполнимости решений ЕСПЧ и отсутствие правовой регламентации процедуры имплементации, что делает этот процесс весьма затруднительным. Здесь ключевую роль играет Конституционный Суд РФ, который и уполномочен оценивать исполнимость решений ЕСПЧ. Если у Конституционного Суда РФ не возникает сомнений в исполнимости конкретного решения, то он в своем постановлении вправе отразить правовые позиции ЕСПЧ и обязать российского законодателя внести соответствующие изменения во внутригосударственное уголовно-процессуальное законодательство.

Список литературы:

1. Диалог Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка // Доклад на XIII Международном Форуме по конституционному правосудию. СПб. 18–20 ноября 2010 г. URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=39 (дата обращения: 13.02.2020).

2. Зорькин В.Д. На вершине судебной власти: интервью // газета ЭЖ-Юрист. 2006. № 41. 18 с.

3. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (СПб., 16 мая 2019 года). Российская газета // URL: https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html (дата обращения: 13.02.2020).

4. Информация о постановлении ЕСПЧ от 11.12.2008 по делу «Мирилашвили (Mirilashvili) против России» (жалоба № 6293/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 4.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 3881; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. от 05.03.2013 г.) // Российская газета. 2003. № 3358; Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека. 2019. № 2. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327970/ (дата обращения: 13.02.2020).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

7. Трубникова Т.В. Правила доказывания и принятия решений в уголовном процессе в механизме гарантирования каждому права на судебную защиту // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 143–149.

8. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 51, ч. 1, ст. 7229.

Панькина И.Ю.

к.ю.н., доцент,
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»,
г. Калининград
iupanjkina@yandex.ru

МЕТОД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ И КРИТЕРИЙ ДОСТОВЕРНОСТИ

Аннотация*: в статье поднимается вопрос о методе доказывания в уголовном процессе. Обозначается возможность обособления метода криминалистического познания. Автором ставится вопрос о достоверности информации при использовании метода моделирования.*

Ключевые слова*: уголовный процесс, метод, уголовно-процессуальное доказывание, моделирование, криминалистическое познание.*

Pankina I.U.

Ph.D(Law), Associate Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad

CRIMINAL PROCEDURE PROVISION METHOD AND CREDIBILITY CRITERION

Abstract*: the article raises the question of the method of proof in criminal proceedings. The possibility of isolating the method of forensic knowledge is indicated. The author raises the question of the reliability of information when using the modeling method.*

Keywords: *criminal process, method, criminal procedural evidence, modeling, forensic knowledge.*

Начиная или продолжая исследование института доказывания в уголовном процессе, авторы обычно останавливаются на гносеологических закономерностях и задаются вопросом о соотношении познания и доказывания в аспекте познаваемости объектов окружающего мира. И мы хотели бы вспомнить бесценные мысли Цили Моисеевны Каз, посвященные проблемам доказательственного права, в которых раскрывается сущность элементов доказывания [3, с. 23–25]. Так Ц.М. Каз считала что, под оценкой доказательств понимают мыслительную деятельность следователя, прокурора и судьи, которые руководствуясь законом и правосознанием, рассматривают по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств в целом. А элементами оценки доказательств уже в то время считались относимость, допустимость, достоверность и достаточность [4, с. 46–48] . И, безусловно, была права автор в том, что содержание познания и доказывания абсолютно различно в уголовном судопроизводстве. «Предметом познания в уголовном процессе выступают конкретные факты прошлого и настоящего, но лишь имеющие правовое значение факты становятся предметом доказывания» [5, с. 289–295.].

Мы хотели бы продолжить данную мысль и сказать о том, что в доказывании существуют элементы чувственного и эмпирического познания [1, с. 24]. Требования ст. 73 УПК РФ выделяют предмет доказывания через определенные обстоятельства, относящихся к любому уголовному делу. Они формально установлены в законе и различаются лишь процессуальными средствами доказывания. Мы однозначно принимаем в расчет, кроме следственных действий, как основных путей процесса доказывания, существуют и несут огромное значение познавательные процессы и методы, применяемые субъектами доказывания. Однако необходимо провести отличие между познанием и уголовно-процессуальным доказыванием с позиции разрешения уголовного дела. Мы считаем, что познание обстоятельств совершенного преступления относится к криминалистике, так как в прикладной науке не может образовываться дефиниции «доказательство». И в этом аспекте целью «криминалистического» познания становится формирование источников доказательств по правилам уголовного процесса. И здесь мы спорим с тем, что оно – криминалистическое познание, не обходится без технических и иных разработок, которые внедряются в технологию доказывания [1, с. 105]. Но понятия «внедрение» и «технология доказывания» заслуживают особого внимания, т.к. первое указывает на очевидный интегративный характер криминалистической науки, а второе на более широкий объем уголовно-процессуального доказывания в сравнении с «криминалистическим» познанием. Именно поэтому в силу своей природы криминалистические разработки новых методов задают направление интеграции в уже существующие уголовно-процессуальные системы доказывания.

Но многие положения института доказывания продолжают оставаться дискуссионными. Одним из таких вопросов является институт достоверности доказательств. Познавательность криминалистических методов работы со следами затрагивает именно этот критерий. С точки зрения системы криминалистики при этом задействован раздел не только техники, но и раздел криминалистическая тактика. Так, техника направлена на получение информации через познание обстоятельств расследуемого преступного события. В свою очередь, тактика организует условия собирания и исследования данной информации. Но оценка доказательств не может быть в отрыве от собирания и исследования. Этой точки зрения придерживалась Ц.М. Каз и мы ее разделяем.

Однако существуют мнения о ненужности включения критерия достоверности в оценку доказательств. В некоторых исследованиях достоверность доказательства находится за пределами данного понятия. Фактические данные, полученные в установленном законом порядке, считаются доказательствами независимо от того, достоверны они или недостоверны [6, с. 108]. Но ведь достоверным знание становится в результате проверки и его оценки. Оно не должно вызывать сомнение у субъктов доказывания в своей обоснованности. Нам представляется правильным данное суждение, т.к. обоснованность знания о расследуемых фактах приобретает юридическое значение только в уголовно-процессуальных документах. В свою очередь, любой уголовно-процессуальный документ должен быть составлен в строгом соответствии с УПК РФ, т.е. через законные пути процесса доказывания. И любое нарушение процессуальной формы повлечет за собой сомнение в содержании доказательства, что приведет к исключению его из материалов уголовного дела. Любое познание существующих фактов должно соответствовать объективной действительности. Но в уголовно-процессуальном доказывании при дифференциации познания на познание «для себя» и познание «для других», юридическое значение приобретает второй элемент, содержание которого должно быть получено по правилам УПК РФ и облечено в уголовно-процессуальную форму. Только тогда можно будет считать такое познание достоверным, а доказательства обоснованными. Т.е. в криминалистическом познании информация превращается в доказательство в процессе ее формализации, т.е. применяя определенную форму. В уголовном процессе форма – это письменный документ, в котором воплотилось решение субъекта доказывания.

Существование относимости, допустимости и достаточности не является доказательством дополнения достоверности. Это, безусловно, самостоятельные и связанные друг с другом критерии доказательств. Причем «потеря» одного критерия влечет ошибку субъекта доказывания при принятии процессуального решения. Еще до принятия УПК РФ высказывалась мысль о том, что достоверность должна достигаться через «способ ее практического осуществления, который будет обеспечивать мышление субъекта в направлении презумпции невиновности» [7, с. 43].

Рассматривая в рамках данной статьи только способ получения достоверности доказательств (не затрагивая вопрос применения презумпции невиновности), мы выделяем в криминалистическом познании метод модели-

рования, как наиболее относящийся к мышлению субъекта доказывания.

Результатом моделирования выступает как раз форма отражения объективной реальности субъектом познания (доказывания). Но в модель в мышлении субъекта, конечно, будет отражать онтологические представления о действительности. Но достоверность фактов в данном случае будет только лишь адекватной абстракцией (моделью). Она будет нести в себе интерпретацию оригинала [2, с. 37], которую расшифрует субъект познания.

Поэтому моделирование, как метод достижения достоверности может использоваться все таки в определенных границах криминалистического познания. И только лишь через формализацию данная модель максимально приблизится к оригиналу. Но обязательным этапом формирования достоверности доказательств будет выступать проверки и оценка модели, как средства получения криминалистически значимой информации необходимой для раскрытия, расследования и предупреждения преступления. А это уже инструментальный блок уголовно-процессуального доказывания. А каждое последующее решение субъекта доказывания, во-первых, исключает несоответствующие действительности модели расследуемого преступления. А, во–вторых, приводит субъекта доказывания к формированию достаточной доказательственной базы. Не будем забывать, что уголовный процесс в целом, а процесс доказывания, в частности, это наука о практической деятельности.

Несмотря на то, что изучению институту доказывания посвящены многочисленные научные труды, остаются неразрешенными многие его вопросы. Нельзя уже отвернуться от факта разрыва между реальными потребностями общества и исторически устоявшейся формой уголовного процесса, что порождает, в свою очередь, проблемы защиты прав и свобод личности. Представляется, что в настоящее время необходимо не просто реформирование институтов уголовного процесса, а кардинальное изменение его цели и формы.

Список литературы:

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: в 2 ч. Часть 1: учеб.пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. 184 с.

2. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учебное пособие. Калининград, 1997. 95 с.

3. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960. 106 с.

4. Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе: (Государственные органы). Саратов: СГУ, 1968. 68 с.

5. Каз Ц.М. Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. Саратов, 1962. С. 289–295.

6. Левченко О.В. Доказывание в уголовном процессе России. Астрахань, 2000. 134 с.

7. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1991. 148 с.

Перетятько Н.М.
к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
naperetyatko@yandex.ru

Федюнин А.Е.
д.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
aef@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ВЫШЕСТОЯЩИМ СУДОМ

Аннотация*: в статье проанализированы возможности вышестоящих судов по оценке доказательств, исследована взаимосвязь процессуальных возможностей вышестоящих судов по исследованию доказательств и пределы их полномочий по отношению к суду первой инстанции. Посредством применения диалектического, логико-юридического, сравнительно-правового методов исследования выявлены пробелы в действующем законодательстве, негативно влияющие на гарантии реализации прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве.*

Ключевые слова*: оценка доказательств вышестоящим судом, пределы прав суда, сплошная и выборочная кассация, полномочия судьи кассационной инстанции по подготовке жалобы к рассмотрению, условия поворота к худшему при пересмотре уголовного дела.*

Peretyatko N.M.
Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

Fedyunin A.E.
Dr.Sci(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

THE FEATURES OF EVALUATION OF EVIDENCE HIGHERCOURT

Abstract*: the article analyzes the capabilities of higher courts to assess evidence, investigated the relationship of procedural capabilities of higher courts to study evidence and the limits of their powers in relation to the court of first instance. Through the use of dialectical, logical-legal, comparative-legal research methods identified gaps in the current legislation, negatively affecting the guarantees of the rights of the victim in criminal proceedings.*

Keywords*: evaluation of evidence by a higher court, limits of the court's rights, continuous and selective cassation, powers of a cassation judge to prepare a complaint*

for consideration, conditions for turning to the worst when reviewing a criminal case.

В работах Ц.М. Каз обстоятельно исследованы вопросы оценки доказательств, в том числе, особенности оценки доказательств вышестоящим судом. В ее трудах подчеркивалось, что деятельность вышестоящих судов должна сочетать в себе разумное соотношение руководства нижестоящими судами, формирующего единство судебной практики, и уважения независимости судей судов первой инстанции. «Деятельность вышестоящих судов является плодотворной лишь в том случае, если эти суды осуществляют свои функции в пределах прав, предоставленных законом, не подменяя суды первой инстанции и в то же время не ограничиваясь проверкой формальной стороны дела» [2, с. 346]. Вместе с тем, оценка доказательств, осуществляемая вышестоящим судом, происходит в процессуальных условиях, отличных от деятельности суда первой инстанции, в связи с чем, вышестоящий суд лишается возможности устанавливать новые обстоятельства или новые факты, а также заменять выводы суда первой инстанции своими выводами. Следовательно, по мнению Ц.М. Каз, особое значение приобретают пределы этой оценочной деятельности. В настоящее время выводы, сделанные Цилей Моисеевной, не только не потеряли своего значения, но и приобрели особую актуальность в связи с изменениями, внесенными законодателем в процедуру пересмотра уголовных дел [3].

Закон устанавливает общие требования к оценке доказательств, которые являются едиными для всех стадий уголовного процесса. Оценка доказательств судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций осуществляется по общим правилам, указанным в ст. 17 и 88 УПК. Судьи, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Соответственно, общая цель оценки доказательств – это формирование на основании внутреннего убеждения вывода о том, что доказательство в силу своих свойств способно отражать тот или иной факт объективной действительности и в целом совокупность имеющихся доказательств достаточна для принятия процессуального решения.

Особенности оценки доказательств вышестоящим судом обусловлены следующей спецификой. Вышестоящий суд не только производит оценку доказательств, но и подвергает критике как достоверность отдельных доказательств, так и окончательные выводы суда. Вместе с тем отсутствие непосредственности в исследовании большинства доказательств приводят к тому, что суд кассационной и надзорной инстанции не может проверить их достоверность. Вышестоящий суд высказывает сомнения в достоверности доказательств, сложившиеся в результате изучения материалов уголовного дела, критического анализа источника проверяемого доказательства, сопоставления его с другими доказательствами по делу или с ранее данными показаниями, например, в ходе предварительного расследования. Кроме того, сомнения в допустимости доказательства, чаще всего, рождает сомнение и в достоверности доказательства [1, с. 123].

Необходимо указать на отличия процессуальных возможностей суда апелляционной инстанции, поскольку правомочия по исследованию доказательств у него довольно существенные. Суд апелляционной инстанции вправе исследовать доказательства (ч. 6 ст. 389.13 УПК РФ). Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что «под предусмотренной частью 4 статьи 389.13 УПК РФ проверкой доказательств судом апелляционной инстанции следует понимать исследование по правилам, установленным статьями 87–89 и главой 37 УПК РФ (с особенностями, предусмотренными частями 3–8 статьи 389.13 УПК РФ), доказательств, получивших оценку суда первой инстанции, а также исследование имеющихся в деле доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции, а равно исследование по тем же правилам новых доказательств, представленных сторонами» [4]. Введено новое правило о возможности исследования доказательств с использованием систем видеоконференц-связи (ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ). Стороны могут ходатайствовать о дополнении судебного следствия (ч. 9 ст. 389.13 УПК РФ). Соответственно, суд апелляционной инстанции может проверить достоверность доказательства.

Однако нужно иметь ввиду следующее. Апелляционный суд, руководствуясь ст. 389.26 УПК РФ, принимает решения двух видов:

- решения, которыми завершается производство по делу (оставляет приговор в силе без изменения, вносит изменения в приговор, выносит определение об отмене приговора и прекращении уголовного дела производством и др.);
- решения, которыми производство по делу не завершается, а, наоборот, предполагает дальнейшую работу (определение или постановление об отмене приговора или иного обжалуемого решения и о направлении уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства; определение или постановление об отмене приговора, определения, постановления и о возвращении дела прокурору).

Поскольку суд апелляционной инстанции, отменяя приговор и направляя уголовное дело на новое рассмотрение, не завершает дело, т.е. не разрешает его окончательно, он не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, о преимуществах одних доказательств перед другими, о мере наказания, так как решение по ним отнесено законом к компетенции суда первой инстанции, которому заново предстоит рассматривать уголовное дело (ч. 4 ст. 389.19 УПК РФ).

Вынесение решений второго вида возможно только тогда, когда допущенное судом первой инстанции, нарушение не может быть устранено при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке (ст. 389.22

УПК РФ). «Приговор, определение или постановление суда отменяется и уголовное дело передается на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые не могут быть устранены судом апелляционной инстанции (например, в случаях рассмотрения дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности, нарушения права обвиняемого на защиту, которое не может быть восполнено судом апелляционной инстанции)» [4].

Таким образом, ограничивая вышестоящий суд в выводах относительно достоверности доказательств, доказанности обвинения, законодатель имеет ввиду не только отсутствие для этого необходимых процессуальных условий по исследованию доказательств, но и желанием сохранить исключительные полномочия суда первой инстанции и его независимость.

Право на переоценку выводов суда первой инстанции вышестоящим судом базируется, в том числе и на том, что ее осуществляет коллективный субъект: если в суде первой инстанции, оценка доказательств,как правило, осуществляется единолично, в вышестоящем суде – как минимум троими судьями (исключение – п. 1,2 ч. 3 ст. 30 УПК РФ). В связи с этим важным представляется вопрос о возможности судьи-докладчика в своем выступлении дать предварительную оценку материалов дела.

И.Д. Перлов считал, что докладчик должен озвучить собственную предварительную оценку материалов дела: «Существо дела означает и сущность всех тех нарушений, которые допущены по делу, независимо от того, указано ли на них в жалобах или протесте… Следует иметь в виду, что неполный доклад ведет к нарушению прав участников процесса, которые, не зная всех материалов дела, не могут надлежащим образом отстаивать свои права… Мы считали бы целесообразным дополнить ст. 338 УПК РСФСР указанием на то, что докладчик излагает в докладе свое мнение по делу» [6, с. 258].

М.С. Строгович придерживался иной точки зрения. «Судья оглашает содержание обжалованного приговора, затем излагает основные доводы кассационной жалобы (или протеста) и приводит те материалы дела, которые должны быть рассмотрены при обсуждении кассационной жалобы или протеста, но не высказывает своего мнения по поводу их основательности или неосновательности. Это очень важное правило: член суда, докладывающий дело в заседании кассационной инстанции, ни в коем случае не высказывает своего мнения по делу. Как судья, он свое мнение может высказать лишь в результате рассмотрения доводов кассационной жалобы и протеста в заседании кассационной инстанции, и не иначе как в совещательной комнате, куда судьи удаляются для вынесения кассационного определения по заслушивании объяснений сторон и заключения прокурора» [7, с. 397–398]. Такого же мнения придерживался М.А. Чельцов [8, с. 446].

Мы также поддерживаем данную точку зрения. Согласно ч. 6 ст. 401.13 УПК, «Докладчик излагает…содержание судебных решений, принятых по делу, доводы кассационной жалобы, представления». Судья-докладчик не вправе предрешать оценку доводов кассационного представления или жалобы своим докладом, а также решение суда по делу. Иначе, как представляется, весь дальнейший порядок рассмотрения уголовного дела, превратился бы в пустую формальность.

У судьи, готовящего жалобу к рассмотрению судом кассационной инстанции, формируется то или иное убеждение по делу. Как представляется, с целью недопущения предрешения выводов по уголовному делу до его рассмотрения в судебном заседании, законодатель установил правило, согласно которому судья, вынесший постановление о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, не вправе участвовать в рассмотрении данного уголовного дела (ч. 3 ст. 401.13 УПК РФ). Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что вынесение судьей суда кассационной инстанции постановления о назначении судебного заседания в порядке сплошной кассации и выполнение им по поступившему уголовному делу других требований статьи 401.8 УПК РФ не являются обстоятельствами, исключающими его участие в составе суда кассационной инстанции при рассмотрении данного дела [5]. Такая точка зрения понятна, поскольку основные подготовительные действия по делу несет суд первой инстанции, судья кассационного суда в порядке сплошной кассации, в отличие от выборочной, не формулирует мнение относительно мотивов, по которым может быть отказано или разрешено в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Судья суда кассационной инстанции в порядке сплошной кассации предварительно изучает кассационные жалобу, представление вместе с поступившим уголовным делом, анализирует наличие или отсутствие оснований для возвращения кассационных жалобы, представления. Однако анализируемые им основания для возвращения кассационной жалобы, указанные в ст. 401.5 УПК РФ, не касаются существа пересмотра, наличия или отсутствия нарушений законности при рассмотрении уголовного дела, а сводятся к контролю относительно формальных требований, которым должна отвечать жалоба, лицо ее подающее, срока и место ее подачи.

Пределы прав суда кассационной и надзорной инстанции ограничены запретом на поворот к худшему применительно к осужденному. Установлен пресекательный срок для подачи жалобы, представления, в которых ставится вопрос об ухудшении положения осужденного в один год со дня вступления приговора в законную силу и при наличии оснований, указанных в ст. 401.6 УПК РФ. Данная позиция законодателя представляется справедливой как для стороны обвинения, так и стороны защиты. Вместе с тем, Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагает оставлять жалобу, в которой ставится вопрос об ухудшении положения осужденного, без удовлетворения и в тех случаях, когда в порядке сплошной кассации постановление о назначении судебного заседания либо в порядке выборочной кассации постановление о передаче кассационных жалобы, представления на рассмотрение суда кассационной инстанции было вынесено до его истечения [5].Учитывая данное разъяснение, сторона обвинения должна подать жалобу, представление с определенным временным запасом, позволяющим суду

кассационной инстанции успеть не только принять ее к рассмотрению, но и рассмотреть по существу. Как представляется, рассчитать такой минимальный срок весьма проблематично. В законодательстве, в ст. 401.8–401.13 УПК РФ, указаны сроки, в течение которых суд кассационной инстанции принимает то или иное судебное решение. Однако при рассмотрении жалобы в порядке сплошной кассации, жалоба подается через суд первой инстанции, который производит определенные подготовительные действия – извещает заинтересованных лиц, разрешает некоторые ходатайства и т.п. В статье, регламентирующей эти действия суда первой инстанции при поступлении кассационных жалобы, представления, сроки не указаны. В анализируемом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации сказано, что данные действия суд производит в разумный срок. Таким образом рассчитать заранее, за какой конкретно срок необходимо подать жалобу, в которой ставится вопрос об ухудшении положения осужденного, с тем, чтобы она была рассмотрена, в настоящее время не представляется возможным. С учетом сказанного, полагаем в ст. 401.7 УПК РФ необходимо предусмотреть срок, в течение которого суд первой инстанции производит подготовительные действия по кассационной жалобе. Устранение данного пробела будет способствовать более эффективной реализации прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

В заключении приведем высказывание Ц.М. Каз относительно задач вышестоящего суда, которое в полной мере отражает реалии современного законодательства – задача вышестоящего суда состоит в том, чтобы добиваться наказания всех лиц, виновных в совершении преступления, равно как не допускать неосновательного привлечения граждан к уголовной ответственности [2, с. 360].

Список литературы:

1. Баранова М.А., Григорян В.Л. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам: поиск критериев // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 122–127.

2. Каз Ц.М. Оценка доказательств вышестоящим судом в советском уголовном процессе // Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского. Ученые записки. Саратов: Коммунист, 1957. Вып. 6. С. 346–360.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11.10.2018 № 361-ФЗ (в ред. от 12.11.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 42, ч. 2, ст. 6375; № 47, ст. 7134.

4. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (в ред. от 01.12.2015) // Российская газета. 2012. 2015. 7 дек.

5. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 // Российская газета. 2019. 3 июля.

6. Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1968. 396 с.

7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М.: Наука, 1970. 516 с.

8. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Госюриздат, 1962. 503 с.

Петрова Г.Б.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
petrova.gala2010@yandex.ru

СОБЛЮДЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ КАК УСЛОВИЕ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация*: исследуются проблемы правовых последствий нарушения норм о сроках совершения действий и принятия решений в уголовном судопроизводстве. Обосновывается необходимость изменения правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности с позиции установления предписания о недопустимости доказательств, полученных с нарушением норм о процессуальных сроках.*

Ключевые слова*: процессуальные сроки, недопустимость доказательств, процессуальная форма, последствия несоблюдения срока, обеспечение прав личности.*

Petrova G.B.

Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

COMPLIANCE WITH PROCEDURAL TERM AS A CONDITION FOR THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE

Abstract*: the problems of legal consequences of violations of the rules on the timing of actions and decision-making in criminal proceedings are investigated. The author substantiates the need to change the legal regulation of criminal procedure from the position of establishing a prescription on the inadmissibility of evidence obtained in violation of the rules on procedural terms.*

Keywords*: Procedural terms, inadmissibility of evidence, procedural form, consequences of non-compliance with the term, ensuring the rights of the individual.*

Проблемы допустимости доказательств всегда были в центре внимания и по-прежнему сохраняют свою актуальность, как в теории российского уголовного процесса

[7, 5, 18, 3, 4, 8], так и в ходе практической деятельности органов уголовного преследования и суда. Регламентированный в УПК РФ (ст. 7) принципа законности в своем содержание включает обязательное и неукоснительное соблюдения уголовно-процессуальных норм при производстве по уголовному делу. Особенно это касается проведения следственных действий, которые является основным способом собирания и проверки доказательств.

В соответствии с ч. 3 ст. 7 УПК РФ несоблюдение порядка производства по уголовному делу следователем, дознавателем, прокурором и судом приводит к серьезным правовым последствиям при оценке доказательств, которые в таком случае признаются не имеющими юридической силы, то есть недопустимыми.

Таким образом, допустимость доказательств является важнейшим и неотъемлемым свойством всех полученных в процессе доказывания сведений. Она обеспечивает не только результативность деятельности государственных органов и должностных лиц, но также определяет степень защищенности прав и свобод участников уголовного судопроизводства [16, с. 3].

Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 50) устанавливает важнейшее правило, согласно которому запрещено использовать при отправлении правосудия доказательства, полученные с нарушением федерального закона. Данная конституционная норма получила свою правовую регламентацию в уголовно-процессуальном законе в ст. 75 УПК РФ, в соответствии с которой доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Законодательного определения понятия допустимости доказательств уголовно-процессуальный закон не дает. Отсутствие четкого правового регламентирования понятия и условий допустимости доказательств приводит к отсутствию единообразия правоприменительной практики относительно оценки доказательств. Это в свою очередь, создает благоприятную почву для нарушений норм права со стороны субъектов доказывания и ставит под сомнение законный характер осуществления уголовно-процессуальной деятельности [16, с. 4-5].

В теории российского уголовного процесса допустимость доказательств определяют как «свойство соответствующих сведений, заключающееся в их пригодности для установления наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [23, с. 768].

В целях исследования сущности и содержания допустимости доказательств как правовой категории в литературе выделяют условия (основания, критерии) допустимости [19, с. 257].

Одним из важнейших критериев допустимости доказательств является соблюдение процессуальной формы, то есть порядка проведения следственных и иных процессуальных действий, в ходе которого получены доказательства [19, с. 263]. Именно подобную совокупность условий, адресованных властным субъектам, реализующим свои полномочия в ходе осуществления производства по уголовному делу в уголовно-процессуальной науке традиционно считают уголовно-процессуальной формой [6, 11, 10].

Однако понятие процессуальной формы достаточно сложное по своему содержанию. В литературе обоснованно выделяют два компонента этого правового явления. Первый из них, охватывает узконаправленное представление о процессуальной форме. Содержанием этого компонента сущности уголовно-процессуальной формы является регламентированный законом порядок проведения конкретных следственных и иных процессуальных действий, в ходе которых собираются должностными лицами и государственными органами доказательства. Второй компонент включает установленную законом процедуру производства по уголовному делу в целом, последовательность и порядок деятельности в рамках конкретных производств и стадий [22, с. 50].

Множественность и разнообразие представлений, сложившихся в науке уголовного процесса о сущности и правовой природе процессуальной формы, тем не менее сделать вывод, что в компонентный и содержательный состав ее элементов многие авторы инкорпорируют регламентированные законом условия производства действий и принятия решений [1, с. 32].

Процессуальные сроки, определяющие, темпоральные параметры уголовно-процессуальной деятельности, являются неотъемлемы условием, элементной составляющей процессуальной формы. Уголовно-процессуальная деятельность будет легитимной, порождающей юридические последствия только при условии, если она будет осуществляться в рамках требований УПК РФ о сроках. Например, в 2 месячный срок следователь должен завершить по общему правилу предварительное следствие (ст. 162 УПК РФ). В свою очередь, дознаватель при осуществлении дознания в общем порядке должен завершить дознание в первоначальный срок, установленный ст. 223 УПК РФ – в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. Таким образом, и следователь, и дознаватель проводят расследование, а значит осуществляют доказывание по уголовным делам в рамках того времени, которое отведено законом [24, с. 10].

Вся деятельность следователя, дознавателя, которая будет проводиться с нарушением сроков расследования должна быть признана нелегитимной, она окажется вне уголовно-процессуального поля правового регулирования. Позиция Верховного Суда РФ, изложенная в ряде конкретных решений по уголовным делам, подтверждает сказанное. Судебная практика признает грубейшим, существенным нарушением норм УПК РФ, когда обвинительное заключение как итоговое процессуальное решение следователя составляется за пределами срока следствия, таким образом, «…лишает такой документ процессуального характера и свидетельствует об отсутствии в деле обвинительного заключения как такового» [15, с. 15-16; 12, с. 16; 2; 9].

Более того, представляется также, что в ситуации, когда доказательства собираются следователем, дознавателем по истечении срока предварительного расследования, они в процессе оценки должны признаваться

недопустимыми. Процессуальные сроки оказывают свое правовое воздействие с помощью специальных правовых средств охранительного характера посредством которых можно добиться результативности в правовом регулировании. При этом необходимо иметь ввиду, что различные виды сроков порождают неодинаковые последствия в ситуации их нарушения.

Осуществление уголовно-процессуальной деятельности следователем, дознавателем за пределами сроков расследования необходимо расценивать как невыполнение диспозиции правовой нормы, в которой закреплена прямая обязанность соответствующего лица, предусмотренная законом. «Нормативные правовые сроки, имеющие обязывающий характер, ориентируют участников процесса путем предписания совершения действий или принятия решений в определенный промежуток времени, за неисполнение которых могут наступить неблагоприятные правовые последствия» [14, с. 67].

Нормы права, регламентирующие сроки определяют правомерное поведение участников, выстраивая их деятельность таким образом, что субъект проводит действия и принимает решения так, как и в какой промежуток времени ему предписывает законодатель. Безусловно, на практике предписания закона в условиях определенного правового негилизма не всегда и не всеми субъектами выполняются. Следовательно, механизм уголовно-процессуального регулирования должен содержать определенные средства-санкции, включающие правовые последствия неблагоприятного характера при нарушении процессуальных сроков.

Несмотря на это, в действующем УПК РФ не предусмотрена норма о правовых последствиях несоблюдения сроков. Однако, если посмотреть генезис изменений уголовно-процессуального законодательства, то в свое время существовала норма (до внесения изменений Федеральным законом от 02.12.2008 № 226-ФЗ) [21], согласно которой нарушения уголовно-процессуального закона, являющиеся препятствиями для рассмотрения уголовного дела судом и влекущие возвращение дела прокурору должны быть устранены в срок не позднее 5 суток (ч. 2 ст. 237 УПК в ранее действовавшей редакции). Несоблюдение данного срока законом признавалось существенным и влекло серьезные правовые последствия в виде признания доказательств недопустимыми. Таким образом, недоброкачественными, ничтожными оказывались доказательства, полученные в ходе тех следственных действий, которые следователем осуществлялись за пределами установленного законом 5-суточного срока. Вместе, учитывая, то, что 5-суточный срок являлся недостаточным для реального объема тех следственных действий, которые необходимо было провести в целях устранения допущенных ранее нарушений эта законодательная норма просуществовала недолго и, Федеральным законом от 02.12.2008 № 226-ФЗ [21], была исключена из текста уголовно-процессуального кодекса РФ.

В этой связи для оптимизации процесса правового регулирования в целях обеспечения норм о процессуальных сроках закон должен содержать определенные охранительные средства, санкционного характера, обеспечивающие соблюдение процессуальных сроков всеми государственными органами и должностными лицами. Сказанное дает основание предложить дополнить общие положения уголовно-процессуального закона правилом о том, что «процессуальные действия или решения, совершенные или принятые с нарушением предусмотренного законом срока, считаются не имеющими юридической силы (недействительными), а доказательства, полученные таким путем, – недопустимыми» [13, с. 9]. Подобная правовая конструкция содержится в УПК Республики Казахстан (ч. 1 ст. 50) [20]. Эту норму, на наш взгляд, следует закрепить в ч. 1 ст. 130 УПК, а наименование данной статьи изменить на «Последствия несоблюдения срока и порядок его восстановления». Закрепление данного требования, на наш взгляд, будет детализировать общую правовую норму, регламентирующую принцип законности и последствия его нарушения (ст. 7 УПК).

Список литературы:

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 252 с.
2. Апелляционное постановление № 10-12/2017 от 22 августа 2017 г. по делу № 10-12/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/c2qCzsfadIWq/ (дата обращения: 03.03.2020).
3. Брагин Е.А. Процессуальный порядок и правовые последствия признания доказательств недопустимыми в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск. 23 с.
4. Горбачев А.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 246 с.
5. Гребенкин П.И. Допустимость доказательств уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Пятигорск, 2002. 26 с.
6. Добровольская Т.Н., Элькинд П.С. Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства // Юридическая процессуальная форма.Теория и практика / под ред.: Горшенев В.М., Недбайло П.Е. М.: Юрид. лит., 1976. С. 233–276.
7. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 288 с.
8. Зубарев, А.А. Правовые последствия признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 29 с.
9. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 января 2010 г. № 66-009-241 // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1694112/ (дата обращения: 03.03.2020).
10. Качур А.Н. Дифференциация форм досудебного производства и предания суду в уголовном процессе России М., 2004. 160 с.
11. Манова Н.С. Уголовно–процессуальное производство и его место в структуре процессуальной формы // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 145–152.
12. Определение № 66-099-129 по делу Соломатова и Миловца // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7. С. 16.

13. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.

14. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. 184 с.

15. Постановление № 1-009п98пр, Определение № 51кп098-73сп по делу Крюкова и др. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 7. С. 15-16.

16. Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 52 с.

17. Толмосов В.И. Проблемы допустимости доказательств на досудебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2002. 20 с.

18. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник для вузов / под общ. ред. Г.М. Резника. М.: Юрайт, 2013. 859 с.

19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Алматы: ЮРИСТ, 2019. 356 с.

20. Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2008. № 250.

21. Холоденко В.Д. Процессуальный порядок производства отдельных следственных действий и вопросы его совершенствования // Проблемы повышения качества следствия в органах прокуратуры: материалы научно-практической конференции, 21-22 апреля 1994 г. Саратов, 1994. С. 50.

22. Холоденко В.Д. Уголовно-процессуальное право. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.В. Малько. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. 1136 с.

23. Холоденко В.Д. Условия принятия решений и производства действий как элемент уголовно-процессуальной формы // Вестник СГАП. 2000. № 2. С. 9–10.

Погодин С.Б.

к.ю.н., доцент,
судья Первого кассационного суда
общей юрисдикции, г. Саратов
sbpogodin@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Аннотация*: в статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие доказывание в условиях состязательного процесса по делам частного обвинения. Выделяются пробелы в правовой регламентации полномочий суда, сторон обвинения и защиты по собиранию, проверке и оценке доказательств.*

Ключевые слова*: доказывание; состязательность процесса; особые производства; дифференциация форм уголовного судопроизводства; дела частного обвинения.*

Pogodin S.B.,

Ph.D(Law), Associate Professor,
Judge of the First Court of Cassation
general jurisdiction,
Saratov

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION PROOF OF PRIVATE ACTION

Abstract*: the article analyzes the norms of criminal procedural law governing the proof in terms of the adversarial process in criminal cases as in the order of ordinary and special proceedings. Highlighted gaps in the legal regulation of the powers of the court, the prosecution and defence on the collection, verification and evaluation of evidence.*

Keywords*: proof, adversarial process, special production, differentiation of forms of criminal proceedings, private prosecution cases.*

В статье 123 Конституции РФ среди конституционных принципов, обеспечивающих функционирование судебной власти, закреплен принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

В последующем данный принцип нашел свое воплощение в новом Уголовно-процессуального кодексе РФ (далее – УПК РФ), что потребовало от законодателя изменить отношение к распределению обязанностей по собиранию, проверке и оценки доказательств.

В уголовном судопроизводстве принцип состязательности означает «строгое отграничение функции суда по разрешению дела от функций обвинения и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников процесса», а также «недопустимость соединения различных процессуальных функций» судом.

Обязанность по доказыванию виновности, с учетом принципа презумпции невиновности, возложена на сторону обвинения. При этом правом собирания доказательств наделены дознаватель и следователь, определяющие, какие доказательства должны быть изложены в обвинительном заключении (акте, постановлении), а какие не могут и не должны быть направлены в суд.

Вместе с тем, из общей канвы законодателем выделены дела частного обвинения, по которым существуют как особые процедуры их возбуждения, так и особенности собирания, проверки и оценки доказательств [5, с. 59].

Перечисленная в ст. 20 УПК РФ категория дел частного обвинения, по которым частный обвинитель подавал заявление о привлечении к уголовной ответственности непосредственно мировому судье, претерпела существенные изменения за почти два десятилетия действия

УПК. И если изначально к делам частного обвинения относились дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК РФ, то на сегодняшний день – ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ.

Казалось бы, неизменной осталась процедура привлечения к уголовной ответственности по делам частного обвинения. Однако в действительности не претерпел изменения только повод для начала уголовного преследования – подача заявления частным обвинителем.

С учетом изменения подсудности дел частного обвинения Федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» дела о преступлениях, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ, с 7 января 2019 года стали относиться к подсудности не мировых судей, а районных (городских) судов, в связи с чем на практике возникла проблема с принятием в районном суде заявлений частного обвинителя с соблюдением требований ст. 319 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 318 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд [3, с. 45]. Именно данное заявление заменяет обвинительное заключение (акт, постановление), поскольку предварительное расследование по данной категории дел не проводится, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 318 УПК РФ [7, с. 70].

Диспозиция нормы ч. 1 ст. 318 УПК РФ позволяет подавать заявления не только мировому судье, но и в районный суд, но полномочиями по принятию заявления законодатель согласно ст. 319 УПК РФ наделил только мирового судью. В связи с этим требуется внесение изменений в уголовно-процессуальный закон и наделение полномочиями по принятию заявлений по делам частного обвинения и их возвращению в случае несоответствия требованиям ч. 5 ст. 318 УПК РФ и федеральных судей. При этом изменения должны быть внесены не в главу 41 УПК РФ, регламентирующую особенности производства по уголовным делам, подсудным мировому судье, а в главу 33 УПК РФ, где закреплены общие положения по подготовке к судебному заседанию.

Как уже отмечалось, основным документом, определяющим предмет и пределы доказывания по делам частного обвинения, является заявление, поданное потерпевшим. При этом от юридически правильного составления данного документа зависит возможность привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

Отсутствие в заявлении частного обвинителя указания на место, время или способ совершения преступления не даст возможности суду или мировому судье принять решение о виновности лица в совершении конкретного преступления.

Как правило, к категории дел частного обвинения относятся преступления, совершаемые в быту – побои с административной преюдицией или же причинение легкого вреда здоровью при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, а потерпевшими являются близкие родственники, соседи, знакомые. В таких случаях не всегда потерпевший, подвергающийся домашнему насилию, имеет средства на обращение к адвокату за юридической помощью.

Думается, что в таких ситуациях законодатель должен предусмотреть возможность оказания потерпевшему юридической помощи в составлении указанного процессуального документа и формирования доказательственной базы, что ускорит сроки рассмотрения дел от момента совершения преступления до привлечения лица к ответственности и позволит соблюсти их разумность.

Выделение законодателем особого производства по делам частного обвинения было связано с дифференцией форм уголовного судопроизводства, необходимостью создания упрощенных производств, при которых потерпевший достигал бы желаемого результата – привлечения виновного к уголовной ответственности в максимально короткие сроки [4, с. 45].

Как правильно отмечает П.М. Титов, «частный обвинитель как участник уголовного судопроизводства синтезирует в себе полномочия потерпевшего и отчасти – государственного обвинителя. Создание этого участника уголовного судопроизводства отражает стремление законодателя перенести по делам частного обвинения центр тяжести в доказывании и поддержании обвинения не на государственно-властных субъектов, а непосредственно на заявителя» [6, с. 63].

Вместе с тем, практика рассмотрения уголовных дел частного обвинения показала, что сроки судебного разбирательства увеличиваются за счет неоднократного возвращения заявлений потерпевшим в связи с их несоответствием требованиям, изложенным в ст. 318 УПК РФ, а также в связи с невозможностью обеспечения равных прав по представлению и исследованию доказательств в судебном заседании.

Не обладая юридическими познаниями, частные обвинители в ходе судебного следствия не могут сформулировать вопросы свидетелям и подсудимому, заявить и аргументировать ходатайство, в том числе о проведении экспертизы, выразить свою позицию по квалификации и наказанию.

При этом суд, лишенный полномочий по активному участию в исследовании доказательств, вынужден прерывать, останавливать, применять меры воздействия к частному обвинителю, у которого в связи с этим складывается впечатление о заинтересованности суда в освобождении подсудимого от уголовной ответственности.

Например, по уголовному делу по обвинению Е.Е.А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, по факту причинения физической боли несовершеннолетнему Ф.З.А., 2016 года рождения, лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 6.11 КоАП РФ, свидетели, являющиеся родственниками и подсудимой, и потерпевшего, а также его законного представителя – частного обвинителя, неоднократно меняли показания, выступая то на стороне обвинения, то в пользу стороны защиты. Судебное заседание продолжалось 4 месяца и по результатам частный обвинитель отказался от поддержания обвинения, в связи с чем производство

по делу было прекращено. При этом по делу по ходатайству стороны защиты была проведена ситуационная медико-криминалистическая экспертиза, допрошены свидетели, в том числе несовершеннолетние с участием педагога и психолога, подсудимая и представитель потерпевшего [1].

Выходом из сложившейся ситуации было бы назначение частному обвинителю в качестве представителя профессионального адвоката, вопрос о возмещении процессуальных издержек которому решался бы по результатам рассмотрения уголовного дела со взысканием либо с осужденного, либо за счет федерального бюджета с освобождением частного обвинителя от их уплаты.

По нашему мнению, по данной категории дел также необходимо предоставить суду больше полномочий по участию в исследовании доказательств, наделив его правом не только на оказание содействия сторонам в собирании доказательств, но и на самостоятельное собирание доказательств, в том числе назначение экспертиз при отсутствии ходатайств сторон, вызов свидетелей, не указанных в заявлении по делу частного обвинения, и исследование доказательств в ходе судебного следствия.

Список литературы:

1. Архив Первомайского районного суда г. Пензы, 2019 год, уголовное дело № 1-107/2019.

2. Гриненко А.В. Частное обвинение в механизме уголовно-процессуального регулирования // Мировой судья. 2018. № 2. С. 14–17.

3. Деревянко Е.М. К вопросу о доказательствах по уголовным делам, возбужденным по заявлениям граждан о привлечении к уголовной ответственности лиц в порядке частного обвинения, рассматриваемым мировыми судьями // Российский судья. 2015. № 10. С. 44–47.

4. Качалова О.В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 121–129.

5. Матвеева Д.М. Особенности возбуждения и разрешения уголовных дел частного обвинения // Судья. 2019. № 12. С. 58–63.

6. Титов П.М. Некоторые проблемы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 62–64.

7. Титов П.М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 69–77.

Попов А.П.

д.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Пятигорский филиал
г. Пятигорск
p.aleksey777@mail.ru

Попова И.А.

к.ю.н., помощник прокурора г. Пятигорска
p.irina777@mail.ru

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ?

Аннотация*: могут ли доказательства-сведения в юрисдикционном производстве быть электронными/цифровыми, равно как электрическими, механическими, акустическими и проч.? Авторы статьи дают отрицательный ответ на этот вопрос. Для субъектов доказывания важны смыслы, содержащиеся в доказательственной информации, которые существуют в речевой мыследеятельности. Что же касается правовой регламентации, то ее сферу должны составлять проблемы собирания, проверки и использования информационных носителей.*

Ключевые слова*: уголовно-процессуальное доказательственное право, электронные (цифровые) доказательства, источники доказательств, институт носителей электронной информации.*

Popov A.P.

Dr.Sci(Law), Associate Professor,
Russian Economic University
named G.V. Plehanov,
Pyatigorsk branch,
Pyatigorsk

Popova I.A.

Ph.D(Law),
Assistant Attorney,
Pyatigorsk

DOES ELECTRONIC EVIDENCE EXIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS?

Abstract*: can evidence in jurisdictional proceedings be electronic/digital, as well as electrical, mechanical, acoustic, etc.? The authors give a negative answer to this question. For the subjects of proof are important meanings, contained in the proof-governmental information, that exist in speech activity. With regard to legal regulation, its scope is the problem of collecting, verifying and using information carriers.*

Keywords*: criminal procedural evidence law, electronic (digital) evidence, sources of evidence, institute of electronic information carriers.*

1. Минувшее десятилетие ознаменовалось широким внедрением информационных технологий во все сферы социальной действительности, включая и уголовное судопроизводство. Практически во всех судах осуществляется цифровая видео- и аудиозапись, способствующая эффективному протоколированию хода и результатов судебных заседаний. Компьютерная техника обеспечивает изготовление качественных процессуальных актов, свидетельством чему служит включенная в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) в 2016 г. ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», регламентирующая необходимые в этих условиях правила. Уникальные компьютерные программы обеспечивают производство большинства криминалистических и иных видов судебных экспертиз. Все чаще электронная информация и ее материальные носители проникают в уголовный процесс в качестве вещественных доказательств и документов. К участию в производстве следственных действий по собиранию доказательств активно привлекаются специалисты в области электронно-коммуникативных технологий. В юридической науке на повестку дня выдвигается вопрос о необходимости разработки новой частной криминалистической теории – теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. В соответствии с потребностями практики изменяется и законодательство, регламентирующее общественные отношения, обусловленные включением в оборот уголовного производства электронных носителей информации. Процессы эти развиваются стремительно и не всегда равномерно. Например, в 2018 г. по понятным специалистам причинам из статей 182 и 183 УПК РФ исключены структурные единицы (ч. 9.1 и ч. 3.1 соответственно), регламентировавшие процедуру изъятия электронных носителей при производстве обыска и выемки [4]. Нет стабильности и в использовании профессиональной терминологии в этой сфере правовой теории, особенно когда к ней подключаются ученые, специализирующиеся в области информатики. До сих пор продолжаются дискуссии даже о том, какой термин предпочтительнее использовать для обозначения рассматриваемого вида информации – компьютерная, цифровая или электронная.

Литература, посвященная проблемам использования цифровой информации в уголовном производстве, обширна. Широк и разброс мнений, от консервативных утверждений о том, что цифровизация не повлечет ломки традиционных представлений категорий доказательственного права [1, с. 17], до революционных заявлений, предсказывающих серьезные мировоззренческие и технологические преобразования в уголовном процессе. «С уменьшением ниши слова, – пишут М.П. Поляков и А.Ю. Смолин, – будет сокращаться зона человеческой рациональности, именно того, что составляет костяк антропоцентрической идеологии методологии уголовного процесса – основание для веры в уголовно-процессуальный метод» [5, с. 145].

В ряде предшествующих работ нами предпринималась попытка подвергнуть критическому анализу высказываемые в специальной литературе предложения по изменению или дополнению так называемого «электронного законодательства» [6, с. 165; 7, с. 280]. В настоящей статье мы попытаемся продолжить эту работу, имея в виду, что полемика по данной проблематике может оказаться плодотворной.

2. Цифровая «реальность» корректирует язык науки. Словосочетание «электронное/цифровое доказательство» (также как, например, «цифровая книга», «электронная библиотека») активно внедряется в нашу жизнь, входит в обиход уголовно-процессуальной теории. Правда, законодательство предпочло иной вариант, используя – и совершенно правильно – в необходимых ситуациях термин «электронный носитель информации». Но существует ли действительно доказательство электронное? Адекватно ли оно соответствующему понятию? Почему в предшествующие десятилетия никому из специалистов не приходила в голову мысль о существовании доказательств фотографических, акустических, одорологических, биологических? При этом, конечно, важно получить ответы на следующие вопросы: правомерен ли в принципе этот термин и отвечает ли он содержащемуся в ч. 1 ст. 74 УПК РФ определению понятия доказательств в уголовном процессе или современная действительность ставит на повестку дня вопрос о его корректировке?

В уголовно-процессуальной теории предложения о дополнении закона нормами-дефинициями в специализированной ст. 5 УПК РФ, а также за ее пределами являются наиболее распространенными. Не могли они обойти стороной и исследования проблем внедрения электронной информации. Из нескольких десятков инициатив, посвященных дополнениям ст. 5 УПК РФ либо изменению редакции 74 УПК РФ «Доказательства», в рамках настоящей статьи мы выбрали для иллюстрации наиболее интересный в смысловом и редакционном аспекте вариант, предложенный в диссертационном исследовании М.О. Медведевой (научный руководитель – проф. В.Н. Григорьев). Он обращает на себя внимание, прежде всего, потому, что содержательно, как и вся работа автора, последовательно опирается на методологически безгрешное разграничение доказательств-сведений и их процессуальных источников. По мнению М.О. Медведевой, доказательствами по уголовному делу являются «любые сведения и информация, отраженные в документах, процессах, предметах или объектах, полученные с соблюдением процессуальной формы» и «доступные для верификации и установления аутентичности». На основе этих материалов субъекты доказывания «устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию …, а также иных обстоятельств имеющих значение для уголовного дела» [3, с. 11-12]. Кроме того, в ч. 2 ст. 74 УПК РФ ею предлагается закрепить следующее разъяснение: под электронной формой доказательств «понимается файл, содержащий текстовую, графическую, аудио-, видеоинформацию или их сочетание» [3, с. 12]. Приведенные инициативы имеют право на существование, причем, не только в научных, но, возможно, также в учебных и методических источниках, однако попытаемся детально вникнуть в них, поскольку речь идет не толькоо мнениидного из исследователей, а о предполагаемых изменениях (пусть даже гипотетических) уго-

ловно-процессуального законодательства. В рассматриваемом варианте обнажаются следующие вопросы:

1) вряд ли уместно для обозначения содержания электронных доказательств одновременно использовать два термина – «сведения» и «информация». В синонимическом ряду – *данные, фактические данные, доводы, информация, сведения* – они оба в предлагаемом контексте имеют аутентичное содержание, «звучат» как равнозначные;

2) в перечне «документы, процессы, предметы, объекты» последний из употребленных автором терминов – «объекты» – поглощает все остальные [2 с. 16], поэтому от его использования имело смысл отказаться;

3) сомнения в прагматичности вызывает использование также и терминов «верификация» и «аутентичность» для обозначения требований, предъявляемым к доказательствам. Первый из них, надо полагать, можно было бы обозначить выражениями, традиционно обозначающими достоверность, а второй порождает неуверенность – сходство или тождество имелось в виду автором при конструировании анализируемого правила (!?);

4) учитывая лаконичность языка нормативных актов, словосочетание «обстоятельства, подлежащие доказыванию» может быть опущено, поскольку оно охватывается более широким выражением «обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела»;

5) высказанное М.О. Медведевой суждение о *файле* – именованной области данных на носителе информации – как формы доказательств чрезвычайно интересно для исследователей проблем, порождаемых цифровизацией уголовного и любого другого производства, однако по сути оно сродни утверждениям об изображении как формы фотографических доказательств, о порошке или жидкости как формы доказательств химических и т. п. Подобным образом могут быть описаны и другие информационные источники, имеющие иную «физическую» основу – акустические, механические. Нас же интересует (должна интересовать) процессуально-правовая природа информационных объектов. Исходя из изложенного, мы полагаем, что в предложенном М.О. Медведевой варианте отсутствуют рациональные аргументы для изменения действующей редакции ст. 74 УПК РФ.

Повторимся, из многочисленных источников мы выбрали наиболее привлекательное предложение. Думается, анализировать иные варианты смысла не имеет.

Развитие понятийного инструментария теории уголовного процесса без каких-либо сомнений и оговорок является важнейшей задачей, но само по себе владение **понятием** и его языковой единицей **– термином** еще не гарантирует адекватность **понимания** исследуемых объектов и явлений, тем более **понимания единообразного.** Мы, например, ничуть не сомневаемся в том, что сторонники догматического подхода к изучению правовых явлений в совершенстве знакомы с редакцией ст. 74 УПК РФ, но подавляющее большинство из них не замечают или не хотят замечать коренного противоречия межу ее частями 1 и 2. Заметим попутно: ни в одном из УПК государств, расположенных на постсоветском пространстве, не воспроизведена редакция легальной дефиниции доказательства, аутентичная ст. 69 «Доказательства» ранее действовавшего УПК РСФСР или одноименной ст. 74 УПК РФ. Так должны ли результаты современных исследований гносеологической и процессуально-правовой природы электронных доказательств, совершенство которых представляется сомнительным, непременно закрепляться в законодательстве в форме дефиниционных норм?

Как мы уже отмечали ранее, для субъекта доказывания (также как для астронома, ботаника или врача) важны, прежде всего, **заложенные в сообщениях/знаках *смыслы и значения***, а они существуют лишь в **языковой (речевой) форме и реализуются в мыследеятельности** [7, с. 233]. Имеет ли значение, каким образом – электронным, электрическим, механическим или иным – создано воспринимаемое субъектом текстовое, изобразительное, акустическое или другое сообщение? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Таким образом, никаких цифровых доказательств-сведений, отличных от любой другой доказательственной информации, в юрисдикционном производстве не существует, так же как нет в нем доказательств физических или химических. Допустимое, вероятно, употребление в разговорной речи словосочетания «электронное доказательство» вряд ли уместно в специальной юридической фразеологии.

Владение исследователями проблем цифровизации уголовного судопроизводства адекватным понятийным инструментарием может способствовать дальнейшему совершенствованию норм УПК РФ, нацеленных на собирание, проверку, оценку и использование электронной информации и их носителей.

Список литературы:

1. Головко Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

2. Григорьев В.Н., Зинченко И.А., Попов А.П. Компаративистские заметки об институте следственного судьи в досудебном уголовном производстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 1. С. 13–19.

3. Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.

4. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 27.12.2018 г. № 533-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 53, ч. 1, ст. 8459.

5. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 135–145.

6. Попов А.П., Попова И.А. Проблемы совершенствования норм о представлении предметов и документов как способе собирания доказательств в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 1. С. 163–166.

7. Попов А.П., Попова И.А., Зинченко И.А. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учеб. пособие. Пятигорск, 2014. 412 с.

Попова Л.В.
к.ю.н., адвокат,
Специализированная коллегия адвокатов
города Калининграда,
советник юстиции в отставке,
г. Калининград
larisa_popova39@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация*: в статье определены место и роль результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам. Обоснована необходимость закрепления конкретных требований к порядку проведения и оформлению результатов каждого оперативно-розыскного мероприятия, закрепленного в законе.*

Ключевые слова*: доказательство, доказывание, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, уголовное дело, уполномоченный прокурор, судья.*

Popova L.V.
Ph.D(Law), lawyer
Specialized Bar the city of Kaliningrad,
retired justice adviser,
Kaliningrad

PROBLEMATIC ISSUES OF USING THE RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN THE PROCESS OF PROOF

Abstract*: the article defines the place and role of the results of operational investigative activities in the process of proving criminal cases. The necessity of fixing specific requirements for the procedure for conducting and processing the results of each operational search event, stipulated in the law, is justified.*

Keywords*: evidence, proof, operational-search activity, operational-search measure, criminal case, the Commissioner is the Prosecutor, the judge.*

Действующим уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации закреплены конкретные виды доказательств, к числу которых результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) законодателем не отнесены. На основании ст. 89 УПК РФ использование в процессе доказывания результатов ОРД возможно лишь при условии, если они отвечают требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам. Конституционный Суд России в указанной связи неоднократно разъяснял, что результаты ОРД являются не доказательствами, а представляют собой сведения об источниках тех фактов, которые, при условии их получения с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон «Об ОРД»), могут стать доказательствами лишь после их закрепления надлежащим процессуальным путем.

До настоящего времени в практической деятельности очень часто возникают спорные ситуации, связанные с определением правильности оформления и законности получения результатов ОРД, их соответствия требованиям законодательства об ОРД (в том числе и ведомственным приказам и руководящим документам), а также положениям УПК РФ.

Значимость сведений, полученных стороной обвинения об источниках фактов, которые могут стать доказательствами в результате проведения отдельных или комплекса гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), не вызывает никаких сомнений. Однако, четких и унифицированных положений, закрепляющих порядок оформления полученных результатов ОРД и их использования в доказывании, до сих пор так и не появилось. Их «формирует» местная следственная и судебная практика каждого субъекта нашей необъятной страны. Вопрос в том, насколько такая практика отвечает требованиям закона и обеспечивает соблюдение основных принципов уголовного судопроизводства – состязательности и равноправия сторон, законности при производстве по уголовному делу, презумпции невиновности, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и др.

Остановимся на некоторых вопросах использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам [1], свидетельствующих о признании судами доказательствами результатов ОРД, имеющих признаки недопустимости.

ОРМ «Наведение справок» заключается в получении оперативными работниками информации посредством направления соответствующих запросов в адрес органов, организаций или лиц, располагающих информацией, необходимой для решения конкретных задач ОРД, а также получении такой информации способом непосредственного ознакомления с соответствующими материальными носителями. Изъятие же материальных носителей, содержащих оперативно-значимую информацию, проводится не в рамках ОРМ «Наведение справок», а с помощью иных ОРМ – «Сбор образцов для сравнительного исследования», «Обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «Проверочная закупка» или других.

В рамках уголовного дела по обвинению Б. и других лиц в совершении ряда должностных и иных преступлений в составленной оперативным работником справке по результатам ОРМ «Наведение справок» отсутствовали сведения о том, где и при каких условиях, из какого источника им был получен приложенный к справке материальный носитель информации – DVD диск [2].

Более того, из содержания справки не было ясно, являются ли содержащиеся на диске видеозаписи оригиналами или копиями. В указанном документе также отсутствовали сведения о том – если это оригиналы видеозаписи, то где и когда, от кого (источник) они получены

или изъяты, а если это копии видеозаписей – то от кого и когда они получены, и кем, при каких обстоятельствах, с помощью каких специальных технических средств изготовлены, изъяты и приобщены к справке

Из содержания справки также следовало, что оперативный сотрудник одновременно проводил и оформил одним документом как гласное, так и негласное ОРМ «Наведение справок». Причем такие ОРМ проводились им в разных местах (и соответственно в разное время, с участием разных должностных лиц – участие и присутствие которых в справке не указано) – в полиции, и в таможенном органе.

В соответствии с п. 1 ст. 15 Федерального закона «Об ОРД» в случае изъятия, документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Требования к составлению протокола следственного действия, к которому отсылает вышеуказанная правовая норма, закреплены в ст. 166 УПК РФ, именуемой «Протокол следственного действия».

Таким образом, в рассмотренном случае оперативный сотрудник обязан был руководствуясь ст. 166 УПК РФ составить не справку по результатам ОРМ «Наведение справок», а именно протокол проведения гласного ОРМ, в ходе которого изымался материальный носитель – DVD-R диск, и отразить в нем место и дату производства гласного ОРМ, время его начала и окончания с точностью до минуты; должность, фамилию и инициалы лица, составившего протокол; фамилию, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в гласном ОРМ, а в необходимых случаях – их адреса и другие данные о личности; описать произведенные действия в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для целей ОРД обстоятельства, а также изложить заявления лиц, участвовавших в гласном ОРМ; указать технические средства, примененные при производстве гласного ОРМ, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты; отметить, что лица, участвующие в гласном ОРМ, были заранее предупреждены о применении при производстве гласного ОРМ технических средств; предъявить составленный им протокол для ознакомления всем лицам, участвовавшим в гласном ОРМ, разъяснив их право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении; подписать протокол, в том числе и лицами, участвовавшими в гласном ОРМ; приложить электронные носители информации, полученные или скопированные с других электронных носителей информации в ходе производства гласного ОРМ; протокол также должен содержать запись о разъяснении участникам гласного ОРМ в соответствии с УПК РФ их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства гласного ОРМ, которая удостоверяется подписями участников гласного ОРМ.

Кроме того, результаты проведенного этим же оперативным работником негласного ОРМ должны были быть оформлены с соблюдением режима секретности. Проще говоря – справка о результатах негласного ОРМ должна была иметь соответствующий гриф секретности, который при представлении результатов ОРД следователю в установленном ведомственными приказами порядке снимается (рассекречивается), о чем выносится отдельное постановление, также предоставляемое следователю.

При изложенных обстоятельствах, с учетом положений ст. 89 УПК РФ, результаты ОРД – справка о результатах ОРМ «Наведение справок» и DVD диск, полученные с нарушением закона, конечно, не могли использоваться в процессе доказывания. Судом выявленные стороной защиты нарушения законодательства об ОРД были приняты во внимание и указанные результаты ОРД исключены из доказательств обвинения.

Однако, после допроса стороной обвинения в качестве свидетеля оперативного работника, составившего проанализированную выше «удивительную» справку, суд признал полученные результаты ОРД легитимными и они вновь были использованы стороной обвинения в процессе доказывания по уголовному делу.

В ст. 6 Федерального закона «Об ОРД» приведен исчерпывающий перечень ОРМ, которые могут проводиться при осуществлении ОРД. В связи с чем, при проведении 17, 21 и 24 февраля 2016 г. опросов К., оперативный сотрудник Р. обязан был указать, на каком основании и в рамках какого производства данные опросы им проведены, со ссылкой, что эти опросы являются гласным (или негласным) ОРМ и проводятся им в соответствии со ст. 1–3, 5-6 Федерального закона «Об ОРД». Между тем, содержавшиеся в уголовном деле протоколы опросов не отождествлялись производством, в рамках которого они были проведены [3].

Допущенные нарушения закона судом были проигнорированы и полученные результаты ОРД в числе прочих доказательств – положены в основу обвинительного приговора.

На основании п. 16 Инструкции [4] к документам, указанным в пункте 6 настоящей Инструкции, прилагаются полученные при проведении ОРМ аудиозаписи и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами. При этом информация о времени, месте и обстоятельствах получения прилагаемых материалов и иных объектов (в данном случае – аудиозаписей), полученных при проведении ОРМ, должна быть отражена в сообщении (рапорте). Представленные следователю 21.02.2016, 24.02.2016 и 25.02.2016 результаты ОРД – акты негласного ОРМ «Наблюдение» не содержали сведений о времени, месте и обстоятельствах получения приложенных к ним аудиозаписей [3].

ОРМ «Наблюдение» осуществляется непосредственно сотрудниками оперативных подразделений, либо по их поручениям и заданиям сотрудниками соответствующих оперативно-технических подразделений, а также – лицами, привлекаемыми к содействию. В соответствии с представленными следователю актами негласная аудиозапись осуществлялась не работниками оперативно-технических подразделений по соответствующим заданиям и не лицами, привлеченными к содействию, а лично

оперативным работником, который никаких специальных технических средств ни от кого в установленном ведомственными приказами порядке не получал, и сведения об использованных им конкретных специальных технических средствах (вид такого средства в соответствии с Перечнем, модель, марка) в своих актах проведения негласного ОРМ «Наблюдение» не указал.

В соответствии с частью 8 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД» перечень видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в процессе осуществления ОРД, устанавливается Правительством Российской Федерации [5]. В указанном Перечне технические средства негласной аудиозаписи отсутствуют. В связи с чем использование оперативным работником специальных технических средств, не включенных в Перечень, являлось незаконным, произведенным в нарушение требований ч. 8 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД».

По этому же уголовному делу в представленных следователю результатах ОРД отсутствовал мотивированный рапорт оперативного сотрудника о необходимости проведения комплекса конкретных ОРМ, с обоснованием необходимости проведения и ОРМ «Оперативный эксперимент», с расстановкой сил и средств его проведения, с указанием конкретных оперативных работников, которым поручено их проводить (что, собственно, и образует законность проведения указанного ОРМ).

По своей природе ОРМ «Оперативный эксперимент» заключается в создании оперативными работниками контроля условий, необходимых для документирования подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, в ходе проведения которого подозреваемое лицо находится перед добровольным выбором совершения преступных действий или отказа от них. Однако, вопреки целям и задачам ОРМ «Оперативный эксперимент» результаты разговоров между М. и К., состоявшиеся 21, 24 и 25 февраля 2016 г. и оформленные актами ОРМ «Наблюдение» прямо свидетельствовали о провокационных действиях последнего.

Кроме того, на основании части 8 ст. 8 Федерального закона «Об ОРД» проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Вопреки указанному требованию закона, на момент организации и проведения ОРМ «Оперативный эксперимент» по анализируемому делу достаточных сведений, указывающих, на то, что происходит подготовка или совершение преступлений указанной категории, не имелось.

В контексте приведенных практических примеров хотелось бы отметить ключевую проблему, заключающуюся в том, что суды не всегда должным образом, всесторонне и полно проверяют правильность оформления результатов ОРД и законность их получения. Крайне редко проверяются основания для проведения конкретных ОРМ, дается оценка законности их проведения в непосредственной взаимосвязи с конкретными нормами Федерального закона «Об ОРД».

С другой стороны, специфика законодательства об ОРД не всегда позволяет судам проверить такие основания и законность проведения и оформления результатов ОРД и соответственно правильно их оценить и проанализировать, что связано с необходимостью осуществления ознакомления с документами, составляющими государственную тайну, получения (наличия) допуска к сведениям, составляющим государственную тайну. В связи с чем, повсеместные неправильные оценки судами имеющихся в их распоряжении результатов ОРД по причине невозможности объективной и всесторонней проверки законности их проведения, получения и оформления, порой влекут за собой и ошибочные судебные решения.

Казалось бы, в сложившейся ситуации еще на стадии реализации полномочий, предусмотренных ст. 221 УПК РФ, суду мог бы «помочь» уполномоченный прокурор, имеющий допуск к сведениям, составляющим государственную тайну – который в силу своих должностных обязанностей и во исполнение руководящих указаний Генеральной прокуратуры обязан проверить и законность, и обоснованность проведения ОРМ и полученных результатов ОРД [6].

Однако, в условиях состязательности и в случае поступления уголовного дела с обвинительным заключением в суд, уполномоченный прокурор «не заинтересован» в исключении доказательств обвинения, и будет всеми силами и средствами стремиться получить подтверждение правильности и законности принятого им решения – направления уголовного дела в суд и продолжения уголовного преследования обвиняемого лица (лиц). В противном случае, за несвоевременное выявление и не устранение нарушений законодательства об ОРД, а также за возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, последний неизбежно понесет дисциплинарное наказание по службе.

Порочность такого подхода к оценке результатов ОРД очевидна, однако, без закрепления в Федеральном законе «Об ОРД» и в ст. 89 УПК РФ конкретных требований к порядку проведения и оформлению результатов каждого из закрепленных в законе ОРМ; без допуска каждого судьи к сведениям, составляющим государственную тайну; без глубоких познаний уполномоченными прокурорами и судьями законодательства об ОРД и ведомственных нормативных актов, кардинально ничего не изменится. И ошибки в оценке результатов ОРД так и будут иметь место в подавляющих случаях как со стороны уполномоченных прокуроров, так и со стороны судей.

Список литературы:

1. Из личной практики автора, на примере уголовных дел, рассмотренных судами г. Калининграда и Московской области.

2. Из личной практики автора (по уголовному делу, рассмотренному одним из судов города Калининграда).

3. Из личной практики автора. Уголовное дело № 1-117/18 по обвинению М., А. и О. в совершении ряда преступлений, вступивший в законную силу приговор вынесен 29.08.2018 Одинцовским городским судом Московской области.

4. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утверждена совместным приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Правительства РФ от 01.07.1996 № 770 «Об утверждении... Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления ОРД» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.02.2020).

6. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.02.2011 № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении ОРД» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 20.02.2020).

Россинский С.Б.

д.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
г. Москва
s.rossinskiy@gmail.com

СОБИРАНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ ИЛИ ПРИОБЩЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ К УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: КАК ДОЛЖЕН НАЗЫВАТЬСЯ «ПЕРВЫЙ» ЭТАП ДОКАЗЫВАНИЯ?

Аннотация*: настоящей статьей автор продолжает цикл своих научных публикаций, посвященных исследованию предусмотренной ст. 85 УПК РФ структуры уголовно-процессуального доказывания.*

На основании высказанных аргументов автор приходит к выводу о необходимости частичного пересмотра своей прежней позиции, предполагающей рассмотрение категорий «собирание доказательств» и «формирование доказательств» как двух автономных способов осуществления первого этапа доказывания. Вместо этого автор предлагает придавать категории «собирание доказательств» несколько условное значение, понимая под ней любые формы поведения участников уголовного судопроизводства, направленные на получение и последующую процессуализацию полезной информации.

Ключевые слова*: доказывание, приобщение доказательств к делу, собирание доказательств, структура доказывания, формирование доказательств.*

Rossinskiy S.B.,

Dr.Sci(Law), Associate Professor,
Moscow State Kutafin Law University (MSLA),
Moscow

GATHERING, FORMING OR MESSAGING CRIMINAL EVIDENCE: HOW MUST CALL THE «FIRST» STAGE OF EVIDENCE?

Abstract*: in the article, the author continues to study the structure of evidence in a criminal case (Article 85 of the Russian Code of Criminal Procedure).*

The author makes a number of arguments that allow us to reconsider the previous point of view that the concept of "collecting evidence" and the concept of "forming evidence" are two autonomous methods of the first stage of proof. Instead, the author proposes to consider the category of "gathering evidence" conditional. It should be understood as any forms of actions of subjects of criminal proceedings that are aimed at obtaining and further legalizing useful information.

Keywords*: proof, introduction of evidence to the case, collection of evidence, evidence structure, formation of evidence.*

Проблемы доказывания в целом и работы с отдельными видами доказательств в частности традиционно вызывали и продолжают вызывать особый интерес у ученых-процессуалистов, являясь предметом наиболее бурных дискуссий. И в этом нет ничего удивительного, поскольку доказывание, будучи «сердцевиной», «душой» уголовного судопроизводства, пронизывает деятельность всех его субъектов и осуществляющегося на всем его протяжении [6, с. 122; 9, с. 41; 19, с. 12].Определяя всю сложность и широту данной научной проблематики, Ц.М. Каз справедливо указывала, что вопрос о доказательствах по существу тесно связан со всей процессуальной деятельностью и в связи с этим не может правильно решаться в отрыве от других вопросов уголовного процесса: его задач, принципов, статуса участников, полномочий следственных и судебных органов и т.п. [3, с. 4].

Наряду с другими актуальными проблемами теории, законодательного регулирования и практики уголовно-процессуального доказывания автора настоящей статьи уже давно привлекают вопросы, связанные с его структурой, то есть с сущностью, содержанием и соотношением отдельных этапов (элементов) работы с доказательствами, направленной на возможность их использования для основания приговоров либо иных правоприменительных решений.

Так, уголовно-процессуальное законодательство РФ в настоящее время предполагает трехэлементную структуру доказывания, включающую: а) собирание доказательств; б) проверку доказательств; в) оценку доказательств (ст. 85 УПК РФ). Аналогичная трехзвенная «формула» ранее вытекала из содержания ст. 70-71 УПК РСФСР; этого же подхода придерживаются и многие ученые-процессуалисты, посвятившие свои труды указанной проблематике [2, с. 260; 17, с. 130 и мн. др. работы].

Подобная нормативная конструкция позволяет считать собирание доказательств как бы «первым», «начальным» этапом работы с доказательствами. Хотя указанное «первенство» имеет несколько условный характер, детерминированный не более чем технической необходимо-

стью законодательного перечисления элементов доказывания в каком-либо порядке. Тогда как в реальной правоприменительной практике эти элементы вполне могут осуществляться единовременно (совместно или параллельно) и быть настолько переплетены между собой, что их прикладное размежевание на отдельные фрагменты процессуальной деятельности весьма затруднительно или просто невозможно. На данную особенность структуры уголовно-процессуального доказывания уже неоднократно обращали внимание как автор этих строк [10, с. 49], так и другие специалисты [14, с. 302; 15, с. 361; 16, с. 174]. Поэтому, называя собирание доказательств «первым», «начальным» этап работы с доказательствами, мы преднамеренно берем указные прилагательные в кавычки.

Сам то себе термин «собрание доказательств» ввиду прямого законодательного закрепления активно поддерживается многими учеными-процессуалистами. Тем не менее, вопрос об его использовании в настоящее время остается открытым и является предметом дискуссии. В частности, некоторые авторы связывают «первый» элемент доказывания, не «собиранием», а с «формированием доказательств» [13, с. 239; 18, с. 33–34], под которым понимают совокупность неких юриидческих механизмов трансформации (преобразования) имеющей значение для дела информации в один из предусмотренных УПК РФ видов доказательств.

Автором концепции формирования доказательств по праву считается С.А. Шейфер, который в 1972 г. высказал научный тезис, что готовых доказательств, в частности различных показаний, экспертных заключений, протоколов следственных действий, не существует и существовать не может, что в природе имеются лишь полезные сведения, которым в процессе познавательно-удостоверительной деятельности органов дознания, предварительного следствия либо суда придается надлежащая процессуальная форма [20, с. 7, 15, 16]. Хотя при этом С.А. Шейфер не может претендовать на введение данного термина в оборот уголовно-процессуальной науки. В частности, Ц.М. Каз еще в 1960 г. писала о формировании свидетельских показаний [3, с. 78]; этот же термин использовался и в работах других специалисты в «дошейферовского» периода [1, с. 113; 4, с. 163].

Автор настоящей статьи также неоднократно высказывался в поддержку категории «формирование доказательств» как более логичной и отвечающей современным подходам к методологии процессуального доказывания [11, с. 86]. Однако наши дальнейшие исследования и рассуждения по данному вопросу привели к убеждению о некоторой ошибочности ранее высказываемых позиций и о необходимости частичного пересмотра отношения к формированию доказательств как к единственному способу, обеспечивающему их появление в уголовном деле. Ведь позиция С.А. Шейфера и солидарных с ним ученых о необходимости преобразования полезной информации в форму доказательств вполне разумна, но лишь в части показаний, заключений эксперта и результатов «невербальных» следственных и судебных действий[1], то есть доказательств, обусловленных активным поведением органов предварительного расследования и суда. В ее обоснование, собственно говоря, и приводятся примеры таких показаний и протоколов [18, с. 33]. Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон предусматривает и другие виды доказательств: вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста. Они предстают перед дознавателем, следователем, судом уже в готовом, окончательном виде и никакому процессуальному формированию не подвергаются, а либо приобщаются к уголовному делу, либо не приобщаются. В данном случае речь идет не столько о формировании доказательств, сколько об их процессуальной легализации, об их введении в уголовное дело посредством представления, истребования или изъятия как элемента некоторых следственных действий. Если подобные доказательства (например, иные документы, заключения специалиста) и «формируются», то за рамками уголовного судопроизводства вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. Позднее указанная позиция была полностью поддержана еще одним известным специалистом в области уголовно-процессуального доказывания – В.А. Лазаревой, которая также обратила внимание на необходимость включения в число неподлежащих процессуальному формированию доказательств результатов ОРД и информации о телефонных (иных) переговорах и соединениях между абонентами и абонентскими устройствами [5, с. 58].

В этой связи нами было высказано предположение о собирании и формировании доказательств как о двух параллельных процессуальных механизмах, характеризующих «первые» этапы работы с различными видами доказательств. Мы писали, что собирание выражается в процессуальной легализации доказательств, в их введении в уголовное дело, поэтому оно применимо к тем доказательствам, которые возникают за рамками уголовного судопроизводства и появляются в готовом виде – к вещественным доказательствам, иным документам, заключениям специалиста. Тогда как формирование доказательств заключается в предусмотренных УПК РФ процессуальных механизмах преобразования полезной информации в форму доказательств, поэтому оно применимо к различным видам показаний, результатам «невербальных» следственных и судебных действий и экспертным заключениям [10, с. 43].

И тем не менее, результаты наших самых последних исследований позволили констатировать наличие слабых мест и в указанной научной позиции, то есть опровергли ее безгрешность и заставили в очередной раз задуматься о необходимости ее частичного пересмотра. Ее уязвимость обуславливается доктринальной и нормативной неопределенностью того смысла, который вкладывается в категорию «собирание доказательств».

На первый взгляд, значение данного термина представляется вполне понятным и очевидным. Однако при более детальном погружении в указанную проблематику на поверхность всплывают весьма и весьма различные варианты его толкования. В частности, Ц.М. Каз писала, что под собиранием доказательств следует понимать деятель-

[1] Результатами «невербальных» следственных и судебных действий мы в своих работах называем доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ и традиционно именуемые протоколами следственных действий и судебного заседания.

ность органов предварительного следствия, дознания, состоящую в обнаружении доказательств и закреплении их в установленном заколом порядке [3, с. 36]. Авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» связывали собирание доказательств с поиском, обнаружением, получением, закреплением, исследованием фактических данных (информации) определенного вида [12, с. 367]. Ю.К. Орлов указывал, что собирание доказательств представляет достаточно сложный процесс, состоящий из нескольких этапов, а именно: а) поиск доказательств; б) получение доказательств; в) процессуальное оформление доказательств [8, с. 110-111].

Чем же все-таки является собирание доказательств: поиском, обнаружением, восприятием и фиксацией полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела или их процессуальной легализацией, направленной создание, на появление в уголовном деле полноценных и юридически доброкачественных познавательных ресурсов, подлежащих использованию для обоснования приговоров или иных правоприменительных решений? Правильнее всего было бы предположить, что, оперируя данной правовой категорией, законодатель подразумевает именно ее первое значение, то есть поиск, обнаружение, восприятие и фиксацию полезных сведений. По крайней мере на данную мысль наталкивают положения УПК РФ, дающие право собирать доказательства подозреваемому, обвиняемому, защитнику, потерпевшему и другим заинтересованным лицам. С другой стороны, обнаруженные, воспринятые и даже зафиксированные каким-либо способом фрагменты полезной информации еще не являются полноценными доказательствами, готовыми к использованию для обоснования правоприменительных решений, поскольку требуют определенной процессуальной легализации (своеобразной процессуализации) посредством реализации юрисдикционных государственно-властных полномочий органами предварительного расследования либо судом.

В части показаний, заключений экспертов и результатов «невербальных» следственных и судебных действий подобный вопрос не представляет большой сложности, поскольку данные виды доказательств возникают в результате собственного активным поведения дознавателя, следователя, суда, как бы интегрирующего оба понимания категории «собирание доказательств» в рамках соответствующего процессуального действия. Например, проводя осмотр места происшествия, следователь визуально воспринимает какие-либо материальные фрагменты объективной реальности и одновременно фиксирует их в протоколе. И поэтому, как мы уже неоднократно отмечали ранее, к подобным доказательствам вообще более подходит категория «формирование доказательств».

Однако в части вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, результатов ОРД, появляющихся уже в окончательном, готовом виде, действия по представлению соответствующих предметов или документов и их легализация в уголовном деле – это различные формы процессуальной деятельности, иногда осуществляемые даже разными субъектами. Например, вещественное доказательство, будучи изначально полученным в результате какого-либо следственного действия (осмотра, обыска, выемки и т.д.), приобретает свое полноценно юридическое значение с момента издания органом предварительного расследования или судом специального уголовно-процессуального акта – постановления о признании и приобщении к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. По смыслу закона аналогичный механизм предполагается и в части признания доказательствами иных документов. Хотя для справедливости следует отметить, что он лишь кратко определен для судебного производства (ст. 286 УПК РФ), тогда как для предварительного расследования – почему-то не установлен. И в этой связи А.В. Миликова совершенно правильно предлагает дополнить уголовно-процессуальное законодательство нормами, предписывающими выносить соответствующие распорядительные акты государственно-властного характера, которыми бы закреплялся статус иных документов и результатов ОРД как полноценных доказательств [7, с. 152-153, 156].

В подобном контексте категория «собирание доказательств» приобретает достаточно широкое толкование, охватывающее как фактические действия различных участников уголовного судопроизводства по обнаружению, восприятию, фиксации полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела, так и процедуры их процессуальный легализации, то есть «введения в процесс», признания полноценными доказательствами посредством издания специальных распорядительных актов государственно-властного характера. И в этой связи мы приходим к выводу о приемлемости данной категории не только в отношении доказательств, приобщаемых к уголовному делу в готовом виде, но и в отношении тех познавательных ресурсов, которые появляются в распоряжении органов предварительного расследования либо суда посредством формирования, то есть показаний, экспертных заключений, результатов «невербальных» следственных и судебных действий.

Иными словами, мы предлагаем, сохранив за категорией «собирание доказательств» значение «первого» этапа доказывания по уголовному делу, тем не менее придать ей несколько условный смысл, включив в ее содержание самые разнообразные процессуальные и непроцессуальные формы поведения различных участников уголовного судопроизводства, так или иначе направленные на получение и последующую процессуализацию полезной информации для обеспечения возможности ее использования в качестве полноценных доказательств при обосновании приговоров либо иных правоприменительных решений. При этом представляется, что собрание доказательств может выражаться в двух автономных процессуальных механизмах: а) в формировании, предполагающем получение показаний, экспертных заключений и результатов «невербальных» следственных и судебных действий и б) в представления, истребовании либо изъятии различных предметов и документов с их последующим признанием вещественными доказательствами, иными документами, заключениями специалистов, результатами ОРД и т.д. и приобщением к уголовному делу в качестве полноценных доказательств на основании специального постановления дознавателя, следователя, постановления или определения суда.

Список литературы:

1. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 108–117.
2. Зажицкий В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015. 449 с.
3. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. 106 с.
4. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1969. 203 с.
5. Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18. № 2. С. 55–62.
6. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М.: Норма, 2010. 240 с.
7. Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, Волгоградский госуниверситет, 2019. 218 с.
8. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.
9. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.
10. Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 39–50.
11. Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85–91.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
13. Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 238–240.
14. Строгович М.С. Курс Советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 469 с.
15. Уголовно-процессуальное право: учебник. 2-е изд. / отв. ред. П.А. Лупинская. М., Норма, 2009. 1072 с.
16. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд. М.: Спарк, 2002.704 с.
17. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008. 173 с.
18. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. 240 с.
19. Шейфер С.А. Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015. 112 с.
20. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: ВЮЗИ, 1972. 130 с.

Рябинина Т.К.

к.ю.н., профессор,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»,
г. Курск
tatyanakimovna-r@yandex.ru

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ КАК ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Аннотация*: статья посвящена особенностям принятия решения в первой судебной стадии. Автор, используя всеобщий диалектический метод познания, обосновал положение о том, что обязательным элементом и результатом доказывания в любой стадии процесса является принятие решения, соответствующего задачам и процедуре доказывания в каждой отдельно взятой стадии уголовного процесса. При этом делается вывод о том, что сам процесс доказывания на данном этапе подчиняется общим правилам его осуществления.*

Ключевые слова*: решение, назначение и подготовка судебного заседания, полномочия судьи.*

Ryabinina T.K.

Ph.D(Law), Professor,
Southwest State University,
Kursk

DECISION MAKING AS THE FINAL STAGE THE PROOF PROCESS AS AN EXAMPLE OF THE STAGE APPOINTMENT AND PREPARATION OF THE COURT SESSION

Abstract*: the article is devoted to the peculiarities of decision-making in the first judicial stage. The author, using the universal dialectical method of knowledge, justified the position that the mandatory element and result of proof at any stage of the process is the decision that corresponds to the tasks and procedure of proof at each individual stage of the criminal process. It is concluded that the process of proof itself at this stage is subject to the General rules of its implementation.*

Keywords*: decision, appointment and preparation of the court session, the judge's powers.*

Изучая вопрос об особенностях доказывания в различных стадиях уголовного процесса, нельзя не обратиться к основам теории доказательств, весомую роль в развитии которой в советский период, наряду с плеядой известных процессуалистов, сыграла Ц.М. Каз [7, с. 76–78; 8, с. 346–360; 9, с. 104 с. ; 10, с. 59-60; 11, с. 142–145; 12, с. 68; 13, с. 80; 14, с. 107–110]. В своих работах она не обошла своим вниманием, пожалуй, ни одного из важ-

нейших вопросов, касающихся доказательств и доказывания в уголовном процессе: о понятии доказательств, целях доказывания, предмете и пределах доказывания, процессе доказывания, субъектах доказывания, реализации принципов уголовного процесса в доказывании, особенностях доказывания в различных стадиях процесса, внеся существенный вклад в теоретическую разработку обозначенных категорий.

Участвуя в обсуждении на кафедре уголовного процесса Саратовского юридического института монографии П.А. Лупинской, Ц.М. Каз вступила в дискуссию с В.Я. Чекановым, не согласившимся с мнением автора о том, что установление фактических обстоятельств является первым этапом принятия решения в уголовном процессе [18, с. 16–20]. С точки зрения Ц.М. Каз, процесс доказывания охватывается первым этапом, поэтому нельзя отрывать оценку доказательств от их собирания и исследования [15, с. 130], с чем нельзя не согласиться.

Надо заметить при этом, что на фоне традиционного подхода к доказыванию как деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств (как это следует и из уголовно-процессуального закона, причем как советского, так и российского), позиция Ц.М. Каз, солидаризирующейся с мнением П.А. Лупинской, а также В.М. Савицкого и Ф.Н. Фаткуллина о том, что в качестве самостоятельного элемента доказывания следует выделить и обоснование вывода, к которому приходит субъект доказывания в ходе выяснения фактических данных, что воплощается в конкретном процессуальном решении [18, с. 20; 21, с. 156; 22, с. 11–14], нашла свое подтверждение в многочисленных исследованиях ученых уже нового поколения [2, с. 2–5; 19, с. 86; 20, с. 193–198; 4, с. 120–143; 3, с. 32–34], прежде всего посвященных судебным решениям, имеющим особое значение в уголовном процессе как актов, являющихся результатом реализации властных полномочий суда на всех стадиях процесса [5, с. 117].

Содержание судебных решений предопределено особенностями стадии, в которой принимаются решения, – ее задачами, процедурой принятия решения [6, с. 18], полномочиями суда по разрешению правовых конфликтов как властно-публичной деятельности по отправлению правосудия. Подытоживая эту деятельность и обязывая всех участников конфликта подчиниться воле, выраженной в судебном решении, оно, по сути, является актом отправления правосудия, обеспечивающим реализацию судебной власти, в конечном итоге нацеленной на достижение назначения уголовного судопроизводства, состоящего в защите прав и свобод личности в уголовном процессе, в каком бы статусе она ни выступала.

К основным решениям, принимаемым судьей в стадии назначения и подготовки судебного заседания, следует отнести те, которые определяют, подсудно ли уголовное дело суду, в который оно поступило от прокурора, есть ли основания для передачи его в следующую стадию – судебного разбирательства, или, при наличии препятствий рассмотрения дела судом – необходимы ли меры по их устранению, вплоть до разрешения дела по существу путем его прекращения. Вид решения, которое примет судья на данном этапе, зависит от характера выявленных обстоятельств в ходе проверки материалов поступившего в суд уголовного дела, то есть проверочная деятельность судьи в данной стадии, по сути, равнозначна деятельности по доказыванию наличия или отсутствия обстоятельств, имеющих значение для принятия судьей решения в этой стадии.

Актуальность изучения вопроса об особенностях доказательственной деятельности суда в первой судебной стадии обусловлена тем, что реформирование правового регулирования этой стадии в первую очередь затронуло изменение предмета и пределов доказывания в сторону сужения обстоятельств, подлежащих доказыванию, и ограничению полномочий судьи по исследованию обстоятельств, имеющих значение для принятия решения по поступившему в суд делу, по сравнению с УПК РСФСР, поэтому многими учеными делается вывод о формальном характере контрольно-проверочной деятельности судьи на данном этапе, в отличие от стадии судебного разбирательства [23, с. 22; 16, с. 144-145; 17, с. 91; 1, с. 10], с чем трудно согласиться.

Полномочия суда по осуществлению доказывания в стадии назначения и подготовки к судебному заседанию свидетельствуют о том, что деятельность судьи на данном этапе связана с доказыванием обстоятельств, при установлении которых судья принимает решение о назначении судебного разбирательства или иное решение по дальнейшему движению уголовного дела, имеющее властно-распорядительное значение и направленное на реализацию основной задачи суда – разрешения уголовного дела по существу в суде первой инстанции, то есть предмет проверки материалов уголовного дела в данной стадии сводится к категории достаточности доказательств для назначения судебного разбирательства.

Таким образом, правильнее считать, что в настоящей стадии предмет и пределы доказывания не ограничены, например, по сравнению со стадией судебного разбирательства, а имеют свою специфику, обусловленную задачами, решаемыми в данной стадии, процедурой и полномочиями суда по осуществлению правосудия в первой судебной стадии.

Полномочия судьи в стадии назначения и подготовки судебного заседания ограничены лишь запретом на решение вопроса о виновности обвиняемого в совершении преступления, что логично предопределяет запрет оценки достоверности доказательств в силу специфичности задач суда, решаемых в настоящей стадии, и отсутствия условий, в которых может осуществляться оценка достоверности доказательств в этой стадии.

Законодатель предусматривает, в зависимости от характера и важности рассматриваемого судьей вопроса на первоначальном этапе судебного производства, возможность принять на выбор одно из решений, определяющих движение уголовного дела и дальнейшие действия судьи (ч. 1 ст. 227 УПК РФ, ч. 1 ст. 236 УПК РФ). Многообразие предусмотренных в первой судебной стадии решений, различающихся по основаниям, условиям, процедурам их принятия, последствиям и для участников процесса, и для судьбы самого уголовного дела, форме и содержанию, порядку обжалования, позволяет предложить следующее деление решений, принимаемых в стадии назначения и подготовки судебного заседания: 1) решения, опре-

деляющие дальнейшее движение уголовного дела (о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, о назначении судебного заседания и выборе процедуры судебного разбирательства); 2) правообеспечительные решения, направленные на устранение препятствий рассмотрения уголовного дела (о возвращении уголовного дела прокурору, о приостановлении производства по уголовному делу, о прекращении уголовного дела, об отложении судебного заседания, о выделении уголовного дела в отдельное производство и о назначении судебного заседания, о соединении уголовных дел и о назначении судебного заседания); 3) подготовительно-обеспечительные решения, создающие необходимые условия для судебного разбирательства, в том числе обеспечивающие защиту прав и интересов сторон (о назначении защитника в случаях, предусмотренных УПК РФ; об изменении списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание; об отмене, изменении или избрании меры пресечения; о продлении срока ареста, наложенного на имущество; о принятии мер по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа, по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества; 4) решения, принимаемые в ходе предварительного слушания (об отложении предварительного слушания, об исключении недопустимых доказательств, об истребовании дополнительных доказательств или предметов; о результатах рассмотрения заявленных ходатайств и поданных жалоб; об изменении обвинения прокурором); 5) частное постановление судьи.

В УПК РФ установлены два перечня решений: 1) принимаемых судьей без проведения предварительного слушания (ст. 227 УПК РФ), 2) решений, принимаемых на предварительном слушании (ст. 236 УПК РФ).

Особенностью реализации судьей своих полномочий при единоличном, без участия сторон, разрешении вопросов, стоящих перед ним на данном этапе, является отсутствие как таковой процедуры, обрядности, в которой осуществляется деятельность судьи. Судья на данном этапе осуществляет деятельность по проверке законности проведения предварительного расследования и установления наличия оснований для назначения судебного заседания путем изучения письменных материалов поступившего в суд уголовного дела без проведения судебного заседания. Принимая решение по делу, судья основывается, таким образом, только на своем внутреннем убеждении в достаточности оснований для принятия того или иного решения, без учета мнения сторон.

Если судья придет к выводу о том, что дело подсудно данному суду, никаких препятствий для рассмотрения дела в судебном разбирательстве не имеется, никаких нарушений не установлено, не заявлены ходатайства, требующие рассмотрения в судебном заседании, не выявлено спорных вопросов касательно представленных доказательств, то он без проведения предварительного слушания принимает решение о назначении судебного заседания и приступает к осуществлению своих полномочий по непосредственной подготовке судебного заседания. Тем самым, осуществление судьей единоличных действий вне строго регламентированной процедуры, то есть без проведения предварительного слушания, не означает, что эта деятельность сводится только лишь к формально-проверочным действиям. Задачи суда на данном этапе, как и объем полномочий, предоставленных судье для решения возникающих в настоящей стадии вопросов, и характер решений, принимаемых судьей по поступившему в суд уголовному делу, не умаляют роль суда как органа, отправляющего правосудие.

В тех случаях, когда судья в ходе изучения материалов уголовного дела обнаружит препятствия для его рассмотрения, в том числе нарушения или ошибки, допущенные в ходе досудебного производства, а также сложные или спорные вопросы, вытекающие из материалов дела или ходатайств сторон, требующие рассмотрения и разрешения в судебном заседании с их участием, он принимает решение о проведении предварительного слушания. Предварительное слушание является важной формой судебной деятельности в стадии назначения и подготовки судебного заседания, осуществляемой в условиях состязательных начал, в строго установленной законом процедуре, позволяющей при принятии судьей решения о дальнейшем движении уголовного дела наиболее полно учесть интересы сторон, устранить допущенные в досудебном производстве ошибки или нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, обеспечив тем самым качественное разбирательство уголовного дела по существу, а при невозможности устранить препятствия его рассмотрения судом первой инстанции – возвратить его прокурору или, при наличии оснований для его прекращения, – завершить производство по уголовному делу на более раннем этапе, не допуская излишних процессуальных и организационных затрат для суда и моральных переживаний – для обвиняемого. Рассмотрев на предварительном слушании вопросы, требующие учета мнения сторон, или устранив препятствия рассмотрения дела судом в следующей стадии, судья также вправе принять решение о назначении судебного разбирательства уголовного дела по существу.

Решение судьи оформляется постановлением, содержание и структура которого предусмотрены ч. 2 ст. 227 и ч. 2, 3 ст. 231 УПК РФ. Каждое из этих решений, кроме решений о приостановлении производства по делу и об отложении судебного заседания, являются итоговыми не только для предварительного слушания, но и для всей стадии назначения и подготовки судебного заседания. В вынесенном постановлении судья определяет дальнейшее движение дела – или ему дается ход в следующую стадию, или оно возвращается прокурору, или совсем прекращается производством, или только временно приостанавливается или откладывается. В зависимости от принятого решения, в постановлении могут быть разрешены и другие вопросы (о заявленных ходатайствах, мере пресечения и др.).

В завершение следует отметить, что, независимо от процедуры, в рамках которой осуществляется деятельность суда в стадии назначения и подготовки судебного заседания, эта деятельность является отправлением правосудия, поэтому не согласимся с теми авторами, в том числе и с Ц.М. Каз, считающими, что в этой стадии процесса суд не отправляет правосудие, поскольку здесьлишь проверяется наличие необходимых условий

для разбирательства дела в судебном заседании, но не выносится решение по существу, не разрешается вопрос о виновности и наказании обвиняемого [6, с. 19].В любом случае решение, принятое судьей на данном этапе и основанное на совокупности установленных обстоятельств, имеющих значение для его принятия, независимо от его содержания и правовых последствий, завершая разрешение какого-либо правового вопроса, является актом правосудия, в котором выражена властная воля суда как носителя судебной власти.

Список литературы:

1. Андрющенко Т.И. Суд как субъект доказывания в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. 25 с.
2. Бахта А.С. О природе уголовно-процессуальных решений // Российский следователь. 2011. № 15. С. 2–5.
3. Беляев М.В. О внешних свойствах судебных решений в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 32–34.
4. Бурмагин С.В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 120–143.
5. Бурмагин С.В. Уголовный суд России: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 388 с.
6. Каз Ц.М. Правовая природа приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1952. 21 с.
7. Каз Ц.М. Оценка доказательств на предварительном следствии в советском уголовном процессе // Научная конференция. Тезисы докладов. Саратов, 1955. С. 76–78.
8. Каз Ц.М. Оценка доказательств вышестоящим судом в советском уголовном процессе // Ученые записки. Вып. 6. Саратов, 1957. С. 346–360.
9. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: СГУ, 1960. 104 с.
10. Каз Ц.М. Обстоятельства, подлежащие установлению в стадии возбуждения уголовного дела // Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования: тезисы докладов и сообщений на научной конференции (19–21 декабря 1962 года). М., 1962. С. 59–60.
11. Каз Ц.М. О пределах доказывания в судебном разбирательстве // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1963–1964 гг. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1965. С. 142–145.
12. Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе: (Государственные органы). Саратов: СГУ, 1968. 68 с.
13. Каз Ц.М. Проблемы доказывания в суде первой инстанции: (Цели доказывания). Саратов: СГУ, 1978. 80 с.
14. Каз Ц.М. Осуществление принципов советского уголовного процесса в доказывании // Актуальные проблемы отраслевых юридических наук. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. С. 107–110.
15. Каз Ц.М. Решения в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1978. № 2. С. 130–131.
16. Комбарова Е.Л. Особенности доказательственной деятельности, осуществляемой судом в процессе предварительного слушания уголовных дел // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 144–145.
17. Кудрявцева А.В., Сысков В.Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2007. 256 с.
18. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М.: Юридическая литература, 1976. 176 с.
19. Муратова Н.Г., Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу (понятие, виды, содержание, механизм принятия): монография. Казань: ООО АКП им. Сурьянинова Е. Аделаида, 2007. 86 с.
20. Муратова Н.Г., Шайдуллова К.А. Судебное решение – акт юридической культуры и справедливости // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 193–198.
21. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М., 1971. 343 с.
22. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. 206 с.
23. Шигуров А.В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 26 с.

Седова Г.И.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
Se-gali1962@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ФОРМЕ СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ

Аннотация*: в статье рассматриваются отдельные особенности установления предмета и пределов доказывания по уголовным делам, расследуемым в форме сокращенного дознания.*

Ключевые слова*: сокращенное дознание, предмет и пределы доказывания, сроки расследования, проверка сообщений о преступлениях.*

Sedova G.I.,

Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State law Academy,
Saratov

TO THE QUESTION ABOUT THE LIMITS OF PROOF IN CRIMINAL CASES IN THE FORM OF A PART OF THE INQUIRY

Abstract*: the article deals with certain features of establishing the subject and limits of evidence in criminal cases investigated in the form of a shortened inquiry*

Keywords: *abbreviated inquiry, subject and limits of the evidence, the timing of the investigation, verification of messages on crimes*

Общеизвестно, что под пределами доказывания «принято понимать совокупность доказательств, достаточных для достоверного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания и обеспечивающих законное и обоснованное принятие того, или иного процессуального решения» [4, с. 105]. Чтобы получить такую совокупность доказательств по делу следователю, дознавателю требуется определенный промежуток времени, определяемый или исчисляемый процессуальными сроками, через осуществление уголовно-процессуальной деятельности. Эта разновидность государственной деятельности состоит из диалектически взаимосвязанных длительностей совершения действий и принятия решений, с помощью которых обеспечивается ее темпорально- правовое регулирование [7, с.17]. Соблюдение процессуальных сроков обеспечивает эффективность уголовно-процессуальной деятельности, в рамках которой происходит доказывание по уголовному делу. Именно пределы доказывания определяют круг необходимых доказательств, используемых для установления искомых обстоятельств. Тенденции уголовно-процессуальной политики последнего времени связаны с упрощением как процедуры расследования уголовных дел, так и их судебного разрешения по существу [17, с. 201].

Спустя больше чем 10 лет после принятия УПК РФ, в 2013 году законодатель ввел в уголовный процесс новое производство- сокращенное дознание [15]. Его сущностью стали не только сокращенные сроки расследования преступления, но и, нетрадиционные для уголовного судопроизводства России, границы доказательственной деятельности дознавателя по установлению обстоятельств совершенного преступления. Исходя из анализа норм УПК, основная доказательственная база такого уголовного дела представляет собой материалы доследственной проверки, осуществляемой в порядке ст. 144, 145 УПК РФ. Сразу же в научной литературе появилось множество точек зрения на предмет и пределы доказывания по делам, расследуемых по новым правилам, регламентированным главой 32.1 УПК РФ [5, с. 45–49; 6, с. 363–375;10, с. 22–30].

Большинство авторов указывали на недопустимость усечения предмета доказывания по делам, расследованным в форме сокращенного дознания. А между тем, Л.А. Ярыгина, в своем диссертационном исследовании, посвященном проблемам доказывания в рассматриваемой форме расследования, убедительно показала, опираясь на солидный эмпирический материал, что при сокращенном дознании ограничений по установлению обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК нет. Устанавливается предмет доказывания по таким делам в полном объеме, главным образом, в ходе проверки сообщения о преступлении, в том числе, и при определении наличия условий для производства дознания в сокращенной форме [11, с. 79–86].

Данный исследователь полагает, что в ситуации с сокращенным дознанием имеет место не ограничение предмета доказывания, а ограничение пределов доказывания за счет отказа от производства следственных действий, в пользу непроцессуальных средств получения информации [11, с. 88]. Тем не менее, нельзя категорично говорить об усечении пределов доказывания в этой ситуации, потому что, несмотря на кажущуюся простоту уголовного дела, обусловленную условиями применения анализируемой процедуры расследования уголовного дела, границы доказательственной деятельности, в которых устанавливаются обстоятельства совершенного преступления, совсем не определяются моментом вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Напротив, данную процедуру сложно назвать очень простой. И, в первую очередь это относится к временному периоду, так как сроки расследования малозначительных преступлений и являются основным показателем простоты и оперативности. Примечательно, что установленный 15 суточный срок исчисляется не с момента возбуждения уголовного дела, а со дня принятия соответствующего решения компетентным должностным лицом органа дознания. Момент окончания срока расследования определяется до дня направления прокурору уголовного дела с обвинительным постановлением. А составляется обвинительное постановление не позднее 10 суток со дня удовлетворения ходатайства и принятия решения о расследовании уголовного дела по упрощенной процедуре. О том, из каких временных отрезков складывается общий срок в 15 суток, остается лишь предполагать, что является недопустимым.

Основная работа по собиранию доказательств в полном объеме осуществляется в рамках доследственной проверки сообщения о преступлении, то есть вне процессуальных границ. Эту ситуацию профессор С.А. Шейфер позиционировал как снижение требований законодателя к процессуальной форме доказательств, а также использование сведений непроцессуального характера [16, с. 42-43]. Что касается сроков такой деятельности, то они уже сопоставимы со сроками расследования преступлений в форме дознания. Большинство проверок сообщений о преступлении длятся 10 и более суток.

Представляется, что для реализации основополагающей идеи судебной реформы в России – усиление защиты прав и свобод личности, требуется дальнейшее совершенствование дознания именно в сокращенной форме, потому что только она, способна обеспечить быстрый доступ к правосудию, реальное сокращение сроков расследования преступлений, экономию сил и средств правоохранительных органов. Прежде всего, это должно касаться отдельных процессуальных ситуаций, когда возникает необходимость возврата из сокращенного дознания в процедуру дознания в общем порядке: во-первых, отмены положения, когда суд, в случае возникновения препятствий для рассмотрения такого уголовного дела, в особом порядке, не назначает общий порядок рассмотрения, а возвращает уголовное дело досудебное производство, прокурору для организации расследовании в форме дознания в общем порядке; во-вторых, ограничение волеизъявления потерпевшего о форме расследования уголовного дело досудебными стадиями процесса. Большинство авторов, исследующих проблемы приме-

нения сокращенного дознания в российском уголовном процесс заостряют внимание именно на этих причинах настороженного отношения практиков к данной разновидности упрощенного производства [3; 9; 11].

Анализируя упрощенный порядок расследования преступлений, следует сказать о ситуации в некоторых странах СНГ, с которыми у нас в прошлом была общая законодательная база, этим интересен их опыт правоприменения. Так, в Республике Казахстан (Далее РК) с 2015 года в уголовно-процессуальном законодательстве реализована новая модель протокольной формы расследования преступлений, которая применяется по отдельному виду уголовных правонарушений – уголовным проступкам к которым относятся очевидные малозначительные преступления (ст. 189 УПК РК) [12]. При его обнаружении, выявлении в отношении причастного лица органом дознания составляется протокол об уголовном проступке. Минимальный срок, в течение которого осуществляется данная процедура, составляет трое суток. В случае необходимости привлечения в какой-либо форме специалистов – в течение суток, с момента получения их заключения. Процессуальная позиция сторон не влияет на применение формы производства. Протокол является, по сути, итоговым процессуальным документом, на который распространяются общие правила составления таких актов, а также сведения о личности подозреваемого, обстоятельства, подлежащие доказыванию, фактические данные, подтверждающие наличие уголовного проступка и виновность правонарушителя, квалификация уголовного проступка, данные о потерпевшем, а также о характере и размере причиненного ему ущерба. Процесс доказывания имеет ограниченный характер. Собираются и закрепляются в протоколах следственных и иных процессуальных действий только те доказательства, которые устанавливают событие, личность и виновность лица в совершении уголовного правонарушения. Он согласовывается с начальником органа дознания, предъявляется подозреваемому для ознакомления и направляется прокурору в течение 3 суток с момента его составления, который в срок от 1 до 8 суток (в случае задержания подозреваемого) утверждает протокол и направляет его вместе материалами в суд. Таким образом, минимальный срок расследования малозначительных преступлений составляет 7 суток, что является эффективным средством борьбы с преступностью, так как такой порядок максимально приближает наказание за преступление к моменту его совершения. Аналогичный порядок работы по малозначительным преступлениям регламентирован в законодательстве Азербайджанской Республики (ст. 214 УПК АР) [13], Республики Молдова (ст. 273, 274 п. 4 ст. 279 УПК РМ) [14]. В такой регламентации упрощенного производства можно было бы говорить об усечении пределов доказательственной деятельности. В этой связи, относительно российского законодательства, также высказывались мнения о возврате, внедрении в уголовный процесс протокольной формы досудебной подготовки материалов, предлагались ее модели с учетом ныне действующих принципов уголовного судопроизводства [8; 1; 2; 11]. Это представляется актуальным в связи с введением в уголовное право России категории «уголовный проступок».

Список литературы:

1. Гаврилов Б.Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 25–26 сентября 2014 г.). Иркутск, 2014. С. 57–63.
2. Гирько С.И. Проект федерального закона о протокольной форме расследования преступлений / С.И. Гирько, Г.В. Костылева, Л.В. Осипов, О.И. Цоколова // Научный портал МВД России. 2014. № 3(27). С. 5–8.
3. Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб.ст. / Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш.проф. образования «Волгогр. гос. ун-т»; общ. ред. и предисл. И.С. Дикарева; редкол.: И.С. Дикарев (отв. ред.) [и др]. Волгоград, 2013.
4. Гришин А.И. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве. Глава 5, в кн.: Уголовный процесс: учебник / коллектив авторов; под ред. Н.С. Мановой и Ю.В. Францифорова. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. 356 с.
5. Кругликов А.П. Дополнение УПК новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 45–50.
6. Манова Н.С. Проверка заявлений и сообщений о преступлении: новые возможности и новые проблемы // Вопросы правоведения. 2013. № 2. С. 363–373.
7. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности / под науч. ред. проф. В.М. Корнукова. Саратов: Изд–во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. 182 с.
8. Седова Г.И. Реализация принципа процессуальной экономии в российском уголовном процессе // Вестник Поволжской Академии государственной службы имени П.А. Столыпина. 2007. № 13. С. 88–90.
9. Седова Г.И. Вопросы обеспечения прав граждан органами дознания в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : монография / М.Т. Аширбекова, В.М. Быков, И.С. Дикарев и др.; под ред. Н.С. Мановой. М., 2016. 192 с.
10. Смирнов А.С. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 22–30.
11. Ярыгина Л.А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: дис ... канд. юрид. наук. Самара. 2017. 20 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=228;-88&pos2=3291;-68? (дата обращения: 10.02.2020).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280&doc_id2=30420280#activate_doc=2&pos=63;-108&pos2=2630;-108 (дата обращения: 10.02.2020).

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729&doc_id2=30397729#activate_doc=2&pos=64;-111&pos2=3336;-115 (дата обращения: 10.02.2020).

15. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». № 23-ФЗ от 04.03.2013 // Российская газета. № 48. 2013. 6 марта.

16. Шейфер С.А. Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2015. 110 с.

17. Шминке А.Д. Уголовно-процессуальная политика как системное образование // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов: ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия, 2017. № 5. С. 210–216.

Сибирцев Г.И.

к.ю.н.,
Гданьский государственный университет,
г. Гданьск, Польша

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация*: в статье рассматриваются проблемы, связанные с участием в собирании доказательств адвоката защитника. Автор анализирует те изменения, которые были внесены в УПК РФ в последние годы и приходит к выводу о том, что, объявив о праве защитника собирать доказательства на досудебном производстве, в действительности закон это право не обеспечил. Субъектом собирания доказательств на досудебном производстве остаются органы уголовного преследования, а защитник реально в этом может лишь им содействовать.*

Ключевые слова*: участие защитника в собирании доказательств, адвокатское расследование, принцип состязательности.*

Sibirtsev G.I.

Ph.D.(Law),
Gdansk State University,
Gdansk, Poland

ACTUAL PROBLEMS OF PARTICIPATION OF THE LAWYER-DEFENDER IN THE EVIDENCE ON CRIMINAL CASES

Abstract*: the article discusses the problems associated with the participation of a defense attorney in the collection of evidence. The author analyzes the changes that have been made to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in recent years and concludes that, having announced the right of the defense counsel to collect evidence in pre-trial proceedings, the law did not really provide this right. The subject of the collection of evidence in pre-trial proceedings remains the criminal prosecution bodies, and the defender really can only assist them in this.*

Keywords*: participation of the defense attorney in the collection of evidence, legal investigation, principle of adversarial.*

Вопросы о том, каково гносеологическое содержание уголовного судопроизводства, должны ли выводы следствия и суда по уголовному делу быть истинными, достоверными или же они могут быть какими-либо иными, нуждаются ли сведения, полученные в ходе осуществления защиты, в повторной формализации, представляются отнюдь не второстепенными, имеющими только теоретическое значение.

Разрешение уголовного дела немыслимо без исследования обстоятельств совершенного преступления. При их установлении властными участниками процесса реализуются специальные правовые средства, предназначенные для исследования преступного события и изобличения совершившего его лица (например, производство следственных действий), наравне со средствами, обеспечивающими соблюдение процедурной формы уголовного судопроизводства (разъяснение прав участникам процесса; надзор прокурора за деятельностью органов расследования; обжалование действий следователя и т.п.).

В установлении обстоятельств совершенного преступления значительная роль может принадлежать адвокатскому расследованию. Следует отметить, что в законодательстве ряда зарубежных государств отсутствует законодательно закрепленное право защитника собирать доказательства и представлять их следствию или суду. Так, УПК Республики Польша умалчивает о возможности самостоятельного собирания доказательств обвиняемым и его защитником на досудебных стадиях уголовного процесса или в суде [15, с. 49]. Но в доктрине польского уголовного процесса идут активные дискуссии относительно возможности предоставления защитнику права на собирание доказательств. Некоторые авторы указывают, что защитник выполняет в процессе публичную функцию, и поэтому законодатель должен предоставить ему более значительные полномочия для выполнения поставленных перед ним задач [16; 17; 18; 19], в первую очередь, право собирать «частные» доказательства, которые должны иметь влияние на уголовный процесс, как и классические доказательства [14, с. 229; 15, с. 49].

Как представляется, всестороннее установление обстоятельств дела невозможно без обеспечения стороне защиты права на участие в доказывании. В свою очередь, реализация такого права для адвоката-защитника не может быть полной без утверждения принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса. В большинстве европейских стран законодательство признает состязательность и равноправие сторон одним из ведущих начал организации уголовного судопроиз-

водства. Но нередко процессуальное равноправие не означает фактического равенства прав сторон и наличия у них одинаковых процессуальных возможностей по осуществлению доказывания обстоятельств совершенного преступления [12, с. 103-104]. В Российской Федерации ведущие уголовное преследование дознаватель, следователь и прокурор располагают широкими правами по собиранию доказательств. Сторона же защиты при всех своих процессуальных правах реально самостоятельно собирать доказательства не имеет возможности. Но без обеспечения такого права обвиняемому и его защитнику процессуальное равноправие в досудебном производстве – это лишь формальное равенство. Чтобы процессуальное равенство из области декларации превратилось в действительное правовое состояние необходимо, чтобы защитник и его доверитель имели не просто право собирания доказательств, но и действенные средства его реализации, обеспеченное необходимыми гарантиями.

Безусловно, что защите благоприятствует возложение обязанности доказывания обвинения на сторону обвинения, как и правило о толковании всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого. В соответствии с принципом презумпции невиновности молчание обвиняемого, непредставление им оправдательных доказательств не могут рассматриваться как доказательство виновности. Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его совокупностью имеющихся доказательств.

В УПК РФ впервые за многолетнюю историю развития российского уголовного процесса было официально закреплено право защитника на собирание доказательств. Согласно ст. 53, 80, 86 УПК РФ защитник имеет право собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опрашивая лиц с их согласия, истребуя различные документы от органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, привлекая специалиста для дачи заключения. Это дало основания многим ученым констатировать тот факт, что закон наконец-то предоставил адвокату-защитнику возможность самостоятельно собирать доказательства по делу, и усмотреть в этом важное проявление состязательности в уголовном судопроизводстве [6, с. 12].

Однако со временем в юридической литературе все чаще стали появляться заявления ученых и практиков о «полуступенчатости» права защитника на собирание доказательств, и сегодня многие авторы говорят о том, что идея формирования состязательного досудебного производства не была в должной мере организована законодателем [4, с. 50; 5, с. 57; 10, с. 37]. Аналогичного мнения придерживаются и многие практикующие адвокаты, полагая, что те способы собирания доказательств, которые закон предоставляет защитнику, недостаточны для того, чтобы самостоятельно устанавливать обстоятельства совершенного преступления и доказывать невиновность подзащитного.

По нашему мнению, только при условии реальной возможности для защитника участвовать в процессе доказывания, в собирании доказательств может быть обеспечена и возможность осуществления независимой профессиональной защиты в уголовном процессе. Равные возможности сторон при собирании доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса являются основной гарантией всестороннего и полного установления обстоятельств уголовного дела, преодоления взгляда на сведения, полученные защитником, как материалы более низкого процессуального качества, сформированные в интересах подзащитного [11].

При собирании доказательств адвокаты-защитники нередкосотрудничают с частными детективами. В Республике Польша сфера дел, по которым адвокаты и частные детективы тесно сотрудничают, достаточно широка (дела об опеке, мошенничестве, кражах, страховании и т.п.). В современной России, к сожалению, нет аналогов подобных услуг. Федеральный закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»[1] содержит некое подобие указанного выше института, однако частный детектив не является субъектом оказания квалифицированной юридической помощи и результаты расследования, осуществленного им, не имеют доказательственного значения и не могут быть положены в обоснование принимаемых по делу процессуальных решений.

Право защитника по собиранию доказательств в специальной литературе нередко называют адвокатским расследованием, которое, как отмечает Е.Г. Мартынчик, осуществляется в дополнение к предварительному расследованию исключительно в интересах подзащитного [8, с. 65]. Обязанность государства создавать адвокатам надлежащие условия для эффективного осуществления их деятельности закреплена многими международно-правовыми актами. Так, Основные положения о роли адвокатов (Нью-Йорк, 1990 г.) устанавливают обязанности правительства уважать и гарантировать роль адвокатов, при применении национального законодательства обеспечить адвокатам возможность исполнять их профессиональные обязанности без запугивания, препятствий и неуместного вмешательства (п. 16).

Однако введение в российский уголовный процесс института адвокатского расследования вызывает неоднозначную реакцию со стороны юридического сообщества. Если одни авторы считают, что институт адвокатского расследования приведет к преодолению процессуальной скованности и ограниченности субъектов, осуществляющих защиту по уголовным делам [8, с. 65],то другие ученые и работники правоохранительных органов пишут о том, что данный институт противоречит основополагающим принципам уголовного процесса, так как расследование уголовного дела и собирание доказательств, устанавливающих обстоятельства совершенного преступления, должно осуществляться исключительно компетентными государственными органами [9, с. 150-151], и наделение защитника правом на активное участие в доказывании может создать препятствия на пути достижения целей уголовного процесса [1, с. 94].

Тем не менее российский законодатель, хотя и косвенно, все же идет по пути усиления возможностей стороны защиты в доказывании на досудебном произ-

[1] См.: Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 30 апреля.

водстве. Так, в 2017 году в законе была закреплена обязанность органов расследования по удовлетворению ходатайств защитника, связанных с доказыванием обстоятельств, свидетельствующих в пользу обвиняемого (подозреваемого). В соответствии с изменениями, внесенными в ст. 58 УПК РФ, стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Кроме того, в ст. 159 УПК РФ было закреплено положение о том, что защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, а также в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, если обстоятельства, об установлении которых ходатайствует защитник, имеют значение для дела и подтверждаются этими доказательствами.

Вместе с тем, полагаем, что УПК РФ, объявив о праве защитника собирать доказательства на досудебном производстве, в действительности это право не обеспечил. Субъектом собирания доказательств на досудебном производстве остаются органы уголовного преследования, а защитник реально в этом может лишь им содействовать.

Список литературы:

1. Аббасова Ф.М. Общие условия обеспечения принципа состязательности в процессе собирания доказательств (по материалам Азербайджанской Республики) // Право и государство: теория и практика. 2009. № 11. С. 93–96.

2. Белканов Е.А., Казаков А.И. К вопросу о полномочиях защитника по собиранию доказательств // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): матер. науч.-практ. конф. Ч. 1. Екатеринбург, 2005. 122 с.

3. Воскресенский В., Кореневский Ю. Состязательность в уголовном процессе // Законность. 1995. № 7. С. 5-6.

4. Давлетов А. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 50-51.

5. Карякин Е. Допустимость доказательств, собранных защитником, и осуществление функции защиты в уголовном производстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 57-58.

6. Кузнецов Н., Дадонов С. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 32.

7. Моряшова Н.А. Проблемы криминалистической тактики в условиях состязательности сторон: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 23 с

8. Мартынчик Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе: теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М., 2009. 257 с.

9. Свиридов М.К. Предварительное расследование и состязательность // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 44. Томск, 2009. С. 150-151.

10. Царева Н.П. Документы-доказательства в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2003. № 5.

11. Шамардин А.А., Денисова Т.Ю. К вопросу о полномочиях адвоката-защитника по уголовным делам. URL: http://artshamardin. narod.ru/files/students/acts2/article/6.pdf (дата обращения: 06.01.2020).

12. Ярцева Л.С. Практические проблемы деятельности защитника на стадии предварительного расследования // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 30. Томск, 2006. С. 103–108.

13. Ясельская В.В. Проблемы реализации защитником права собирать доказательства // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сбор. статей. Ч. 44. Томск, 2009. С. 185–187.

14. Bojańczyka A. Dowyd prywatny w postępowaniu karnym w perspektywie prawnoporywnawczej. Warszawa, 2011. S. 229; Fingas M. Pozaprocesowy kontakt obrońcy ze świadkiem w procesie karnym // Jus Novum. 2015. 04.

15. Fingas M. Pozaprocesowy kontaktobrońcy ze świadkiem w procesie karnym // Jus Novum. 2015. № 4.

16. Grzegorczyk T. Obrońca w postępowaniu przygotowawczym. Łydź, 1988.

17. Ćwiąkalski Z. (red.), Szewczyk M. (red.), Waltoś S. (red.), A. Zoll (red.) Problemy odpowiedzialności karnej. Księga ku czci Profesora Kazimierza Buchały. Krakyw, 1994.

18. Kruszyński P. Stanowisko prawne obrońcy w procesie karnym, Białystok 1991.

19. Kulesza C., Efektywność udziału obrońcy w procesie karnym w perspektywie prawnoporywnawczej. Krakyw, 2005.

Славгородская О.А.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
slavkur-htc@yandex.ru

ДОСТОВЕРНОСТЬ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация*: рассматриваются вопросы повышения эффективности использования показаний свидетелей в уголовном судопроизводстве. Исследуются основы их анализа и определяются перспективные направления разработки методики оценки достоверности показаний свидетелей.*

Ключевые слова*: достоверность показаний, доказательства, объективность, полнота, свидетель, сознание.*

Slavgorodskaya O.A.

Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

CREDIBILITY OF THE WITNESS TESTIMONY IN THE EVIDENCE ON CRIMINAL CASES

Abstract*: the issues of increasing the effectiveness of the use of witnesses in criminal proceedings are considered. The basics of their analysis are investigated and promising areas for developing methods for assessing the reliability of witness testimonies are determined.*

Keywords*: credibility of evidence, evidence, objectivity, completeness, witness, consciousness*

Генезис уголовно-процессуального права России неразрывно связан с советским уголовным процессом, который невозможно представить без ученых процессуалистов Саратовского юридического института им. Д.И. Курского. Плеяда его научной школы представлена такими именами как Дубривный В.А., Корнуков В.М, Познанский В.А., Цыпкин А.Л., Чеканов В.Я.

Отдельное место среди этих выдающихся ученых занимает известный представитель саратовской процессуальной науки – Циля Моисеевна Каз.

Коллеги характеризовали ее как «крупного ученого, замечательного педагога, активного общественного деятеля, человека высокого гражданского долга, благородства и большой души», а оценивая ее научный вклад подчеркивали, что «все ее работы проникнуты идеями демократизации уголовного судопроизводства, укрепления в нем законности, усиления охраны прав и интересов граждан» [2, с. 125].

Определяя цели уголовного судопроизводства Ц.М. Каз указывала, что они состоят в следующем: «а) достижение истины, воспитательное воздействие, в) обеспечение законности, защита прав и законных интересов участников процесса» [5, с. 18]. Дискуссии, возникающие в области определения целей уголовного судопроизводства, не влияют на то, что они при различном их толковании они все же неразрывно связаны с этими тремя базовыми элементами.

Целеопределяющие вопросы охраны прав и интересов граждан являются одним из основных направлений совершенствования процедуры доказывания по уголовным делам. Доказывание как основа любого вида процесса для сферы уголовного судопроизводства приобретает особое значение в силу его специфичности.

Характеризуя процесс доказывания, профессор Р.С. Белкин указывал, что он состоит в собирании, исследовании и оценке доказательств [1, с. 8].

Реализация процесса доказывания неразрывно связана с различными видами доказательств, объем которых меняется за счет появления новых видов, обусловленных достижением науки и в частности развитием информационной среды. Однако, несмотря на все происходящие изменения в системе доказательств критериями их оценки традиционно остаются относимость, допустимость и достаточность.

Профессор Р.С. Белкин отмечал, что каждое доказательство выступает в качестве носителя информации об определенном явлении. Содержащаяся совокупность информации в доказательстве позволяет получить ответ на вопрос, что доказывает данная информация (факт) [1, с. 49]. Все рассмотренные обстоятельства в полной мере применимы к одному из самых древних и одновременно весьма распространенных видов доказательств – показаниям свидетеля.

Известные процессуалисты, определяя распространенность и значение показаний свидетелей, оценивали их с позиции доверия, через призму содержательной стороны человеческой личности, которая характеризуется совокупностью необходимых физических, психологических, нравственных качеств, которых достаточно для надежного свидетельствования о фактах, которые нашли свое отражение в сознании человека [3, с. 130].

Вопросы доверия к показаниям свидетелей в настоящее время претерпеваю негативное изменение. Связано это в первую очередь с отрицательным отношением отдельных следователей к показаниям свидетелей как ненадежному источнику доказательств. Не утруждая себя проверкой всей полноты и объективности, сообщаемых свидетелем данных они считают возможным минимизировать информационную составляющую допросов и представляют возможным замену информации, получаемой от свидетелей получением доказательств иных видов.

Аргументируется подобный подход изначальной ненадежностью, как самих показаний свидетелей, так и потенциальной возможностью изменения свидетелем своих показаний, или вообще полного отказа от ранее данных показаний.

При определении полноты и объективности свидетельских показаний было определено в своем время установление объективной и субъективной достоверности свидетельских показаний [4, с. 73].

Объективная достоверность свидетельских показаний характеризуется как совокупность факторов, не зависящих от свидетеля лично, однако, влияющих в совокупности на содержание показаний. Это факторы относятся к особенностям условий восприятия свидетелем информации о событии преступления, сопровождающиеся его личными физиологическими и психологическими характеристиками, а также всеми особенностями обстановки расследуемого события.

Оценка содержательной стороны свидетельских показаний через призму объективной достоверности производится как на стадии предварительного расследования, так и в стадии судебного следствия. Причем вне зависимости от различия в субъектах осуществления подобной оценки методика остается единой и основана на определении взаимосвязи личного восприятия свидетелем криминалистически значимой информации с сопутствующими элементами обстановки и обстоятельств подобного восприятия.

Основная цель состоит в определении возможности искажений объективности даваемых показаний, посредством установления фактов добросовестного заблуждения, подмены действительного обычным и т.п. Очевидно, что основная роль в подобной проверке объективной достоверности отводится допросам, производимым на стадии предварительного расследования, а также анализу

и сопоставлению полученной от свидетеля информации с иными доказательствами.

Однако, при рассмотрении уголовного дел в стадии судебного следствия суд также не только имеет возможность определить степень доверия к показаниям свидетелей, но и обязан это сделать и использует для этого помимо анализа всех собранных доказательств, содержащихся в материалах дела и резюмированных в обвинительном заключении также позицию стороны защиты и в первую очередь личную оценку показаниям, даваемым свидетелем в судебном заседании. Причем суд не ограничивается в приговоре только ссылками на фамилии лиц, давших те или иные показания, но и указывает какие фактические данные, из каких источников, положены в основу выводов [7, с. 138].

При оценке показаний свидетелей необходимо производить их в сопоставлении с другими доказательствами. Этому же процессу служит и определение значение показаний каждого конкретного свидетеля для установления всех обстоятельств по делу [4, с. 74].

Критерии достоверности свидетельских показаний, раскрывающиеся через призму субъективной достоверности, неразрывно связаны с личностью свидетеля и зависят от его непосредственного желания исказить объективную реальность. Ложь в показаниях свидетелей, как правило, преимущественно имеет своей целью создание ложного алиби у виновного лица или сообщение несоответствующей действительности информации в его пользу. Следует отметить, что ложь сама по себе, как правило, не выступает в качестве побудительного мотива искажения действительности. Преобладающими ситуациями чаще всего являются случаи дачи ложных показаний под воздействием угроз, корыстной или иной заинтересованности свидетеля.

Критерием оценки уровня достоверности свидетельских показаний до настоящего времени остается личное восприятие, анализ и исследование полученной информации следователем или судом. Несмотря на все достижения и возможности современной науки у органов уголовного судопроизводства отсутствует единая научно обоснованная и состоятельная методика проведения подобного анализа.

Содержательная сторона оценки степени осведомленности в отношении расследуемого события и возможности ее искажения со стороны свидетеля характеризуется взаимосвязанным исследованием сознания и памяти. В связи, с чем речь идет не о внешнем или внутреннем строении объектов и возможностей получения о них определенной информации, а об особенностях получения необходимой информации на основе использования знаний об особенностях памяти и сознания.

Вопросы исследования памяти и сознания наиболее тесно связаны особенностями отражения как одного из основных свойств материи. Основу отражения образует процесс взаимодействия человека с окружающей действительностью результатом, которого является непосредственное воздействие на его органы чувств.

В работах профессора А.М. Коршунова, посвященных проблемам восприятия отмечалось, что «анализаторы человека, мозг в целом, испытывая воздействие извне, отражают внешние явления. Это отражение выступает прежде всего в материальной форме – в виде совокупности нейродинамических изменений, соответствующих внешнему воздействию [6, с. 62]. В обоснование материальной базы отражения положен системный подход к психическим процессам профессора П.К. Анохина. Согласно его теории, процесс отражения «развертывается таким образом, что внешний объект через непрерывный ряд физических и физиологических процессов как бы ассимилируется организмом, т.е. отражается сначала в его структурах, а потом и в сознании. Такой порядок развития процессов отражения приводит к естественному выводу, что, по сути дела, этот процесс от этапа к этапу формируется в соответствии с теорией передачи информации» [6, с. 63]. Исследование информационных процессов должно стать одной из приоритетных возможностей получения объективных данных о содержательной стороне информации, которой способен потенциально располагать определенный индивид.

Несомненно, что в этой связи, одной из актуальнейшей задач в направлении исследования вопросов определения достоверности свидетельских показаний, следует выделить развитие методов исследования сознания, памяти, отражения и возможности получения результатов способных реализоваться в единую методику для органов предварительного и судебного следствия.

Список литературы:

1. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. 295 с.

2. Вопросы уголовного процесса. Проблемы обеспечения законности в уголовном судопроизводстве: межвузовский научный сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. Вып. 4. 128 с.

3. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 303 с.

4. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1960. 106 с.

5. Каз Ц.М. Проблемы доказывания в суде первой инстанции. Цели доказывания. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 79 с.

6. Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. М.: Политиздат, 1979. 216 с.

7. Советский уголовный процесс. Вопросы Особенной части / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1988. 200 с.

Смушкин А.Б.
к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
г. Саратов
skif32@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ

Аннотация: *в статье рассматривается вопрос существования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. Анализируя мнения различных ученых, автор приходит к выводу о необходимости выделения самостоятельной категории «электронные доказательства» и дополнения ей Уголовно-процессуального закона. В статье определена специфика электронных доказательств, способы контроля аутентичности информации*

Ключевые слова: *электронные доказательства, доказывание, электронная форма, электронная информация, электронные носители информации.*

Smushkin A.B.
Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

ON THE ISSUE OF ELECTRONIC EVIDENCE

Abstract: *the article considers the issue of the existence of electronic evidence in criminal proceedings. Analyzing the opinions of various scholars, the author comes to the conclusion that it is necessary to distinguish an independent category of "electronic evidence" and to supplement it with the Criminal Procedure Law. The article defines the specificity of electronic evidence, methods of controlling the authenticity of information.*

Keywords: *electronic evidence, proof, electronic form, electronic information, electronic storage media.*

Несмотря на широкое внедрение идей цифровизации во все сферы общественной жизни, концепт электронных доказательств в настоящее время представляет собой объективно существующую категорию, однако, при этом не имеющую надлежащего ни научного, ни законодательного закрепления. Откликаясь на четвертую информационную революцию, законодатель закрепил в УПК особенности изъятия электронных носителей информации, но при этом оставил в стороне вопросы работы с электронной информацией в цифровой форме, не находящейся на конкретных носителях (распределенная информация) или получаемой дистанционно с носителей, не изымаемых при этом или вообще, расположенных вне пределов РФ. Кроме того, существует большое количество информационно-технологических устройств, хранение информации для которых не входит в основную функцию. Поэтому, концепция изъятия электронных носителей информации в настоящий момент не отвечает требованиям эффективного использования в расследовании электронной цифровой информации. Однако, даже используя подобный оборот, законодатель уже дистанцировал данную группу доказательств от вещественных или письменных, подчеркнув специфику используемой информации. При этом в отношении письменных и вещественных доказательств, УПК используется не дифференциация доказательств по типу информации, а максимально широкая категория, включающая кроме текстовых, фотовидео документы, а так же вещественные доказательства, как носители материальных изменений, не содержания, а формы или иных характеристик объектов.

Разрабатывая авторские определения концепции и содержания теории электронных доказательств, ученые концентрируют внимание либо на носителях информации, либо на специфической ее форме. Так Д.В. Замула под электронными доказательствами понимает «информацию, содержащуюся на электронном носителе, способную передаваться по информационно-телекоммуникационным сетям или обрабатываться в информационных системах, и имеющую значение для рассмотрения и разрешения конкретного дела» [5, с. 87]. В.Б. Вехов, подчеркивая специфическую форму представления информации в электронных доказательствах указывает, что «Электронные доказательства – это любые сведения (сообщения, данные), представленные в электронной форме, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном процессуальным законодательством порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» [4, с. 47]. Особое значение форме информации придавали и другие авторы [9, с. 68]. Нам представляется, что все указанные подходы страдают некоторой «однобокостью».

Как правило, авторы дифференцируют реальное применение электронных доказательств на категории «иные документы» и «вещественные доказательства». Некоторые авторы сводят процессуальное применение электронных доказательств только к электронным документам, относя их к процессуальной категории «иной документ» и указывая, что «ст. 84 УПК РФ содержит максимально широкое определение документа без указания на его физическую форму и способ фиксирования сведений, что позволяет признавать электронные документы в качестве «иных документов»» [2, с. 33; 15, с. 26–28]. Другие авторы указывают на возможность существования электронных вещественных доказательств, обуславливая, такое отнесение либо не пользовательским, а машинным источником возникновения информации [16, с. 88–91], либо использованием электронного устройства в качестве средства совершения преступления. Ряд авторов рассматривает возможность существования электронных доказательств в обоих классических видах. Так, по мнению П.С. Пастухова, в УПК РФ не следует вводить новый вид доказательства («электронное доказательство») или новый источник («электронный носитель информации»), необходимо лишь уточнить понятие «доказательство»,

указав, что сведения могут быть в виде электронной информации, которая, в свою очередь, «вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств – вещественном доказательстве или документе» [12, с. 558; 11, с. 253-254].

Некоторые авторы разграничивают основы применения электронных доказательств, в зависимости от того, имело ли место человеческое вмешательство в появление информации. Так, Т.А. Савчук указывает, что «для пригодности электронного документа в качестве документа-доказательства по уголовным делам он должен быть не только доступным и понятным для восприятия человеком, но и быть изготовленным человеком. Иными словами, технические, программные и программно-аппаратные средства в данном случае выступают лишь средством изготовления такого рода документов. Если же информация исходит от техники, то она может рассматриваться как вещественное доказательство» [16, с. 88–91]. Другие авторы подчеркивают, что «В чистом концептуальном понимании электронное доказательство – это доказательство, от начала до конца сформированное электронным устройством. Точнее, устройство формирует не доказательство (в его сложившемся понимании), а фиксирует кусок действительности, который содержит информацию, имеющую отношение к делу» [14, с. 143]. При этом, необходимо определиться, какие же все-таки объекты включать в концепцию электронных доказательств. Так результаты обычной фиксации материальной действительности с помощью цифровых средств, вряд ли стоит выводить из категории «иные документы». Как отмечает А.М. Баранов, «Доказательства, если имеются в виду файлы, воспроизводимые с помощью электронных средств или приборов, лишь воспроизводятся с их помощью. Например, электронный микроскоп позволяет рассмотреть мелкие объекты или биологические клетки, невидимые невооруженным глазом. При этом зафиксированное состояние клеток не называют ЭЛЕКТРОННЫМ, потому что оно не зависит от электроники (электронной техники), которая зафиксировала пучок электронов, прошедший через образец» [1, с. 65].

Мы солидарны с мнением авторов, призывающих выделить электронные доказательства в УПК в качестве самостоятельного вида доказательств [6, с. 30]. Представляется, что спецификой электронных доказательств, позволяющей заявлять о их самостоятельной природе, является равно важное значение формы и содержания в таких доказательств и необходимости рассмотрения их в комплексе. Сам цифровой способ фиксации, например, цифровая фото или видеосъемка, а так же электронная форма хранения, например, у электронного документа еще не делает файл электронным доказательством. При таком узком подходе содержательная информация, извлекаемая из таких доказательств не превышает аналогичную при обычной аналоговой видеозаписи или рукописного документа. И.Б. Михайловская писала, что часть 2 ст. 74 УПК РФ, содержащая исчерпывающий перечень видов доказательств, является основой различия процессуальной формы доказательств (особенностей источника, оснований и порядка их получения, исследования и фиксации) [8, с. 204]. В.А. Лазарева, так же уточняет, что «строго говоря, понятие «вещественное доказательство» и есть характеристика доказательства со стороны его формы» [7, с. 324]. Однако, если для вещественного доказательства более важное значение имеет форма, несущая определенные следы, а для письменного доказательства- содержание, то для электронного доказательства, на наш взгляд должны комплексно приниматься во внимание и источник, и содержание, и электронная форма, с точки зрения метаданных, свойств и состояний файла, наличия или отсутствия так называемых электронных (виртуальных, цифровых) следов.

Поляков М.П. и Смолин А.Ю. отмечают, что «Через электронные доказательства реализуется идея доказательства как чистой информации, не привязанной к форме. Феномен электронного доказательства в его исконном концептуальном виде как раз и олицетворяет отрыв доказательства от своего источника» [14, с. 142] при этом, авторы, скорее всего, имеют ввиду внешнюю форму, носитель, электронную же форму и ее специфику отрицать сложно. Кроме того, они не настаивают на электронных доказательствах, как «вещи в себе», определяя, что «вопрос об источнике электронной информации может быть ограничен техническим устройством» [14, с. 142]. Нам представляется, что указанные технические устройства программируются на фиксацию информации не сами по себе (по крайней мере, если не вести речь об искусственном интеллекте или самообучаемых комплексах), а производителем или пользователем. Сам пользователь, или с его согласия (подразумеваемого при выборе и использовании конкретного информационно-технологического устройства) либо прямого указания при использовании помощи программиста или иного специалиста, выбирает устанавливаемые программы или даже целиком операционную систему, которая использует свои способы шифрования информации (при необходимости), свои способы защиты, тип и способ фиксации метаданных и т.д. Поэтому, в данном случае, человек является не сторонним наблюдателем, а более или менее активным участником процесса сохранения информации. Подобной позиции придерживаются и некоторые другие авторы. Так А.М. Баранов источником электронной информации называет «лицо, которое эту информацию сохранило на электронном приборе (гаджете) или ее получило из электронной среды или электронного прибора» [1, с. 67]. Сложно согласиться с утверждением М.П. Полякова и А.Ю. Смолина, что «Специфическое концептуальное понимание феномена электронных доказательств сможет позволить примирить его с таким недопустимым для обычного доказательства явлением, как анонимность источника доказательств. В случае с электронным доказательством (при презумпции технической надежности) источник в виде человека не столь важен. Важна лишь содержательная относимость и техническая аутентичность информации (исключение факта умышленной трансформации информации [14, с. 144]. Навряд ли в данном случае можно говорить о полной анонимности. Любая информация, любые электронные доказательства изымаются с конкретного информационно-технологического устройства, принадлежащего конкретному лицу, конкретного сайта, сервера, имеющих правообладателя. Даже у распределенной информации

есть определенные обладатели (полностью или в части) есть треккер, содержащий сведения о расположении частей, механизмы блокчейна, используемые в аналогичных целях и т.д. Хотя в рамках распределенной информации обычно затруднительно назвать первоначального обладателя целостного файла, запустившего его оборот в виде распределенной информации.

Электронные доказательства обладают, безусловно, специфической природой, однако утверждать о появлении нового концепта доказательств, «индифирентного к форме» [14, с. 141] будет преждевременным. Электронные доказательства, вне зависимости от внешней формы выражения, имеют электронную форму.

Особенности данной электронной формы неоднократно подчеркивались многими авторами [3, с. 19; 17, с. 94-95; 10, с. 23]. Аккумулируя результаты изысканий в данной области, проведенных различными авторами, можно выделить следующие специфические признаки электронной формы доказательств:

- Неосязаемость электронных доказательств;
- Универсальность электронных доказательств вне зависимости от типа и формы их носителя;
- Практически полная неизменность электронного доказательства в его копии (копия и оригинал отличаться не будут);
- Обязательность использования информационно-технологических устройств для перевода в человекочитаемый вид и быстрота такого перевода;
- Основной проблемой электронных доказательств является также их контроллепригодность. Можно согласиться с П.С. Пастуховым, предлагающим вычисление криптостойкой Хеш-функции как способ контроля и подтверждения неизменности исходной информации» [13, с. 171].

Таким образом, нам представляется электронные доказательства нам представляются самостоятельной категорией, имеющей существенные отличия от вещественных доказательств и письменных доказательств в любых видах. Основным критерием дифференциации при этом должно выступать комплексное значение содержания электронных доказательств и их формы (возникших изменений). Для наиболее эффективного расследования современных преступлений, особенно, киберпреступлений, насущно необходимо внесение подобного вида доказательств в УПК.

При этом не стоит идеализировать компьютер или иное устройство как носитель абсолютно объективной информации. Так, М.П. Поляков и А.Ю. Смолин указывают, что «электронное доказательство сможет иметь особую роль и особое содержание только там, где компьютер займет статус технического божества» [14, с. 144]. Однако, подобный подход приводит к воплощению мифологического «Бога из машины» (Deusexmachine).

Список литературы:

1. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69.

2. Бессмертная А.И. Проблемы и перспективы использования электронных доказательств в уголовном процессе // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты: сб. стат. по мат. междунар. студенческой науч- практ. конф. / под ред. С.А. Полякова, М.А. Михайлова, Е.А. Ануфриевой, Т.В. Омельченко. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. С. 32–35.

3. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Собирание электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Информационное право. 2015. № 3. С. 17–21.

4. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. №. 4 (11). 2016. С. 46–50.

5. Замула Д.В. Понятие электронных доказательств // Вестник современных исследований. 2018. № 8.4 (23). С. 189–191.

6. Зигура Н.А., Кудрявцева А.В. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России. М., 2011. 176 с.

7. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 359 с.

8. Михайловская И.Б. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2010. 685 с.

9. Овчинникова О.В. Собирание электронных доказательств, размещенных в сети Интернет // Правопорядок: история, теория, практика. №. 4 (11). 2016. С. 67–70.

10. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 158 с.

11. Основы теории электронных доказательств / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. 383 с.

12. Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18-19 нояб. 2016 г.): сб. науч. ст. М.: Статут, 2017. С. 558–566.

13. Пастухов П.С. Средства проверки надежности «электронных» доказательств в ходе производства по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 170–173.

14. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46) С. 135–145.

15. Полякова Т.А. Вопросы создания правовых условий внедрения электронного документооборота и использования электронных документов в качестве доказательств // Человек: преступление и наказание. 2008. № 1. С. 26–28 .

16. Савчук Т.А. Дискуссионные вопросы о понятии и законодательном закреплении «электронных» («цифровых») доказательств в уголовном процессе // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и ин-

тернационализации криминальных угроз: сборник научных трудов, приуроченный к 90-летию д-ра юрид. наук проф. И.И. Мартинович. 2017. Изд-во БГУ(Минск) 88–91.

17. Стельмах В.Ю. Электронная информация в доказывании по уголовным делам: способы получения и место в системе доказательств // Библиотека криминалиста. 2018. № 3. С. 93–100.

Соловьев С.А.

к.ю.н., адвокат,
Управляющий партнер
Адвокатского бюро города Москвы «СОСЛОВИЕ»,
член Совета Адвокатской палаты города Москвы,
г. Москва
soloviev@soslovie-ab.ru

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОПЫТКА ПАРАДИГМАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Аннотация*: в статье высказывается гипотеза о необходимости пересмотра двуединого назначения уголовного судопроизводства в пользу единой цели в виде защиты личности от незаконного обвинения и осуждения и ограничения его прав и свобод как новой парадигме отечественного уголовного процесса и роли в этой парадигмальной трансформации доказательственной деятельности.*

Ключевые слова*: уголовный процесс, назначение уголовного судопроизводства, доказательственная деятельность, публичный интерес, обвинение, защита, парадигма.*

Solovyov S.A.,
Ph.D(Law), lawyer,
Managing partner of the Moscow law office
"ESTATE", member of the Council
of the Moscow chamber of Lawyers,
Moscow

THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS THROUGH THE PRISM OF EVIDENCE-BASED ACTIVITIES: AN ATTEMPT AT PARADIGM ANALYSIS

Abstract*: the article suggests the need to review the dual purpose of criminal proceedings in favor of a single goal in the form of protection of the individual from illegal prosecution and conviction and restriction of his rights and freedoms, as a new paradigm of the domestic criminal process, and the role in this paradigm transformation of evidentiary activity.*

Keywords*: criminal process, purpose of criminal proceedings, evidentiary activity, public interest, prosecution, defence, paradigm.*

Т. Кун в своей титульной работе «Структура научных революций» заложил в определение парадигмы прямую взаимосвязь между научными достижениями и конкретно-определенным временем их появления и принятия научным сообществом.

Назначение уголовного судопроизводства, сформулированное в том или ином виде, по нашему мнению, всегда обладает признаками парадигмального вектора, включающего в себя по отношению к этой деятельности социально значимые запросы либо общества (большинства), либо правящего класса (элит). Как справедливо писал Р. Иеринг, право наполняется содержанием, находящимся в зависимости от «степени умственной и нравственной культуры народа, уровня развития идеи государственной власти, социального расчленения народа…, но, главным образом, от нравственной силы, которой пользуется идея права у данного народа» [2, с. 31].

Подтверждение этому тезису можно с очевидностью наблюдать при сравнительном анализе организации уголовного судопроизводства в советский период и в современной России.

Квинтэссенцию советской парадигмы уголовного процесса ярко выразила Ц.М. Каз, назвав общим и главным результатом судебной работы«успешность борьбы с преступлениями, искоренение преступлений и перевоспитание лиц, виновных в совершении преступлений» [5, с. 22].

Катализатором трансформации данной парадигмы в отношении уголовного судопроизводства современной России явилось, безусловно, принятие 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации, закрепившей в статье 2, что человек [1, с. 82-83][1], его права и свободы являются высшей ценностью [9, с. 180-181][2], а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина есть обязанность государства [11, с. 583][3].

Происходящая переоценка ценностей уголовного процесса наглядно демонстрируется из результатов проведенного нами анкетирования, в котором приняло участие более тысячи профессиональных участников уголовного судопроизводства. На вопрос о *«большем зле»* отечественного уголовного процесса подавляющее большинство назвало именно необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности (*рис. 1*)[4].

Эти результаты позволяют сформулировать гипотезу, что доказательственная деятельность, как «стержень уголовного судопроизводства, …в конечном итоге определяющий судьбу уголовного дела» [3, с. 14], организо-

[1] «Конституцией Человека» называл С.С. Алексеев такую Конституцию, в соответствии с которой человек – с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами – возвысился над властью и стал центром государственно-правовой жизни..

[2] Н. Неновски писал, что «прогресс в правовых ценностях выражается прежде всего в том, что более императивно обрисовывается и утверждается взгляд на человека, как на высшую ценность».

[3] Р. ф. Иеринг отмечал, что «история всякого права подтверждает, что предвестники новой системы уже являются, когда старая еще держится во всей силе, и что, наоборот, запоздалые следы последней сохраняются, когда первая уже достигла полного господства».

[4] В таком виде на поставленный вопрос ответили 94 из 174 ответивших на этот вопрос судей (54 %), 34 из 72 ответивших на этот вопрос прокуроров (47,2 %), 82 из 158 ответивших на этот вопрос следователей (53,9 %) и 445 из 621 ответивших на этот вопрос адвокатов (71,7 %).

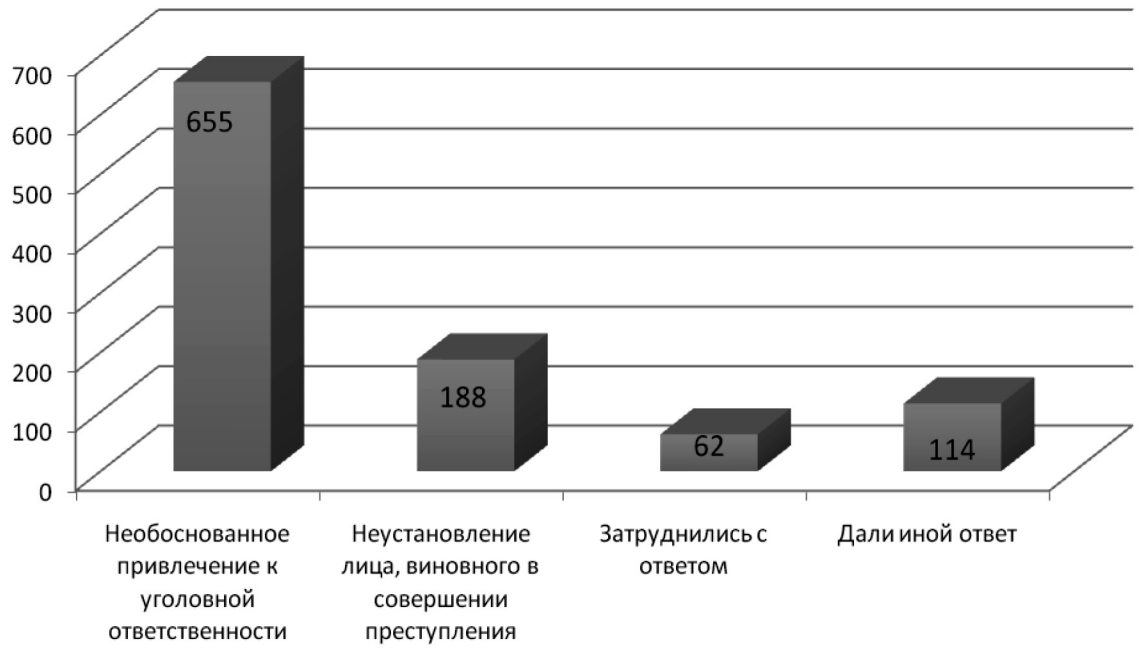

Рис. 1. Объединенные результаты ответов 1029 профессиональных участников уголовного судопроизводства на вопрос: «Что, по вашему мнению, является *«бóльшим злом»* для уголовного судопроизводства в России?»

ванная соответствующим образом, способна позитивно влиять на надлежащую реализацию назначения уголовного судопроизводства в государстве. При этом, будучи очевидно несбалансированной вследствие двуединого назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), обеспечивает очевидную дезорганизацию путем сваливания в приоритет репрессивной составляющей уголовной юстиции.

Согласие с этой гипотезой дает основание говорить о проявлении в уголовной юстиции новой цели – необходимости обеспечения доказательственной деятельности в такой форме, при которой на максимально возможном уровне будет обеспечиваться преодоление имманентно существующего в системе уголовно-процессуальных правоотношений дефицита равенства между двумя главными их участниками: государством и человеком. Признание этого целеполагания, по справедливому мнению Л.М. Карнозовой, будет очевидно свидетельствовать о смене парадигм [6, с. 50].

Признание (в рамках парадигмальной гипотезы) приоритета назначения уголовного судопроизводства за защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод позволяет, на наш взгляд, избавиться от известной фикции о возможности уголовного судопроизводства обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, уже потерпевших от преступлений.

В ряде иных работ [10, с. 292–300] нами отмечалось, что защитить уже нарушенные совершенным преступлением права потерпевшего нормами уголовно-процессуального закона, на наш взгляд, невозможно. Как, например, можно защитить право на жизнь человека в случае совершения его умышленного или даже неосторожного убийства?

Попытаться восстановить, насколько это реально, нарушенные права – да, возместить причиненный ущерб, вред – тоже допустимо и реально. Но смысл защиты всегда в превенции, в недопущении нарушения, в предотвращении какого-либо возможного вреда или незаконного посягательства на права и законные интересы. Таким образом в рамках отправления уголовного судопроизводства и в контексте именно защиты прав и законных интересов можно говорить только о тех лицах, которые по воле государства вовлекаются в сферу уголовно-процессуальных правоотношений и в отношении которых государство выполняет свою публично-правовую функцию по привлечению их в качестве обвиняемых по конкретному уголовному делу[1].

Точное формирование приоритетов назначения уголовного судопроизводства позволяет разработать соответствующие задаче критерии доказанности и доказательственной деятельности, применение которых позволяло бы, в первую очередь, обеспечить защиту прав и законных интересов тех лиц, в отношении которых государство в ходе уголовного судопроизводства применяет свои репрессивные властные полномочия. Более того, на наш взгляд, такой пересмотр парадигмы назначения уголовного судопроизводства сможет преодолеть совершенно противоестественный, с точки зрения приоритета человека как высшей ценности (статья 2 Конституции

[1] Здесь стоит отметить, что уголовное дело может и не иметь реальной фигуры потерпевшего, что, в свою очередь, не препятствует реализации государством своих публичных задач по привлечению лица к уголовной ответственности.

РФ), обвинительный уклон современного отечественного уголовного судопроизводства, который своим наличием фактически нуллифицирует как конституционные положения, так и положения уголовно-процессуального закона, обеспечивающие гарантии законного и справедливого правосудия.

Л.М. Карнозова справедливо отмечала, что «карательный характер ответа государства на преступления повышает «суммарную агрессивность» общества и приводит, в конечном счете, к расширенному воспроизводству преступности» [6, с. 30]. Этот тезис весьма ярко стал проявляться на современном этапе активного развития социальных площадок в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», способствующего быстрой и, в ряде случаев, весьма массовой реакции общества на противоречащие понятию справедливости действия публичных органов государственной власти. А случаи вызывающего анти-правового поведения власти, по словам С.С. Алексеева, всегда еще больше усиливали процессы развала и хаоса [1, с. 68].

Отмечается, что определение цели доказательственной деятельности в современном отечественном уголовном процессе так и не сформировалось в какую-либо внятную единую парадигму [4, с. 103–121] в отличие, например, от той, которая имела место в советском уголовном процессе и была, в том числе, сформулирована Ц.М. Каз как достижение истины по каждому уголовному делу [5, с. 6].Споры о целях доказывания в условиях состязательного уголовного судопроизводства во многом, на наш взгляд, обусловлены именно сформулированным «двуназначением» уголовного судопроизводства. Ведомственная же принадлежность научного сообщества часто требует отстаивания приоритета одного назначения над другим.

Соглашаясь во многих позициях с В.А. Лазаревой, позволю возразить ее тезису, что «уголовный процесс, осуществляемый несколькими субъектами, олицетворяющими при этом противоположные или несовместимые функции, не может иметь никакой цели вообще, а цели, преследуемые его субъектами, не могут быть едиными» [8, с. 37]. Целью уголовного процесса и, соответственно доказательственной деятельности в его рамках, должна быть защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

При этом трансформация парадигмы назначения уголовного судопроизводства не потребует даже изменения текстуальной формулы этого назначения с точки зрения законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, так как положение о «защите личности от … ограничения ее прав и свобод» в достаточной степени будет гарантировать возможность реализации своих прав и этими участниками уголовного судопроизводства.

Отечественный уголовный процесс уже знавал печальные периоды, когда установление [читай – назначение] виновных рассматривалось и правоприменением, и доктриной как установление истины по делу, признаваемой в качестве реализации основной задачи уголовного процесса. В то же время уголовная юстиция в России еще ни разу не существовала в парадигме исключительной цели защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Формирование целей доказывания через призму решения именно этой задачи позволит, пусть возможно и через императивное предписание, а не через внутреннее согласие, уйти от бессмысленных и, на наш взгляд, серьезно тормозящих развитие отечественной науки уголовного процесса споров о необходимости повторного закрепления объективной истины в уголовном процессе как основного назначения уголовного судопроизводства и разглядеть, наконец, за «деревьями» своих предубеждений «лес» возможностей для истинной гуманизации уголовного судопроизводства.

Т. Кун, опираясь на позиции Тейлора, утверждал, что в гуманитарных и социальных науках «новые и более глубокие интерпретации являются сознательной целью научной игры» [7, с. 306-307]. Преодоление двойственности в назначении уголовного судопроизводства в перспективе развития отечественного уголовного процесса вполне соответствует этой позиции философа.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 4. Линия права. Концепция. Сочинения 1990-х – 2009 годов. М.: Статут, 2010. 544 с.

2. Иеринг. Р. ф. Юридическая техника. / сост. А.В. Поляков. М.: Статут, 2008. 231 с.

3. Допустимость доказательств в уголовном процессе: стандарты ЕСПЧ и судебная практика. Научно-практическое пособие / под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. М.: Право, 2016. 304 с.

4. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М., Норма: ИНФРА-М, 2017. 384 с.

5. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1960. 105 с.

6. Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М.: Р. Валент, 2010. 480 с.

7. Кун Т. После «Структуры научных революций» / Томас Кун; пер. с англ. А.Л. Никифорова Москва: АСТ, 2014. 443 с.

8. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 369 с.

9. Неновски Н. Право и ценности: пер. с болг./ вступ. ст. и пер. В.М. Сафронова; под ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.

10. Соловьев С.А. Механическое уравнивание прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) как отрицательная тенденция в развитии отечественного уголовного процесса // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции 10-11 ноября 2016 года (г. Москва) «Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI веке. М.: РГУП, 2017. С. 292–300.

11. Университетский вопрос в России. Д.И. Мейер. О значении практики в системе современного юридического образования. / Сост. и авт. вступит. ст. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2017. 704 с.

Страхова С.В.
к.ю.н.,
Крымский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры
Российской Федерации»,
г. Симферополь
svestr-65@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация*: целью статьи является выделение проблемных ситуаций, возникающих при поддержании государственного обвинения в суде с участием коллегии присяжных заседателей, и разработка рекомендаций по их преодолению. В работе проанализирована практика апелляционного обжалования оправдательных приговоров в Верховный Суд Российской Федерации, предложены рекомендации относительно отдельных аспектов доказывания в судебном следствии и прениях сторон с участием коллегии присяжных заседателей. Сделан вывод о том, что использование указанных рекомендаций прокурором при поддержании государственного обвинения в суде с участием коллегии присяжных заседателей будет способствовать вынесению присяжными заседателями объективных вердиктов и постановлению судами законных и обоснованных приговоров.*

Ключевые слова*: доказывание в суде с участием присяжных заседателей, поддержание государственного обвинения, объективный вердикт.*

Strakhova S.V.,
Ph.D(Law),
Crimean Institute of Law (the branch)
University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Simferopol

ABOUT SOME PROBLEMATIC ISSUES OF PROOF IN COURT INVOLVING A JURY

Abstract*: the purpose of the article is to highlight problematic situations that arise when supporting a public prosecution involving a jury, and develop recommendations for overcoming them. The paper analyzes an appeal practice of acquittals to the Supreme Court of the Russian Federation, proposed recommendations on certain aspects of proof in a judicial investigation and debates of parties involving a jury. It is concluded that usage of the indicated recommendations by a prosecutor while maintaining a state prosecution in court with participation of a jury will facilitate a jury to issue objective verdicts and a court to order legitimate and reasonable sentences.*

Keywords*: proof in a jury, supporting of public prosecution, an objective verdict.*

Процесс доказывания в суде с участием присяжных заседателей имеет ряд особенностей, связанных с тем, что в присутствии присяжных исследованию подлежат только те фактические обстоятельства, доказанность которых устанавливается ими согласно чч. 1, 4 ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, стороны не вправе касаться процессуальных вопросов, в частности, собирания доказательств. Часть ст. 335 УПК РФ содержит запрет относительно решения вопроса о недопустимости доказательств судебном следствии в присутствии присяжных заседателей. Стороны в прениях сторон не вправе ссылаться в обоснование своей позиции на доказательства, которые признаны недопустимыми. Судья прерывает такие выступления и разъясняет присяжным заседателям, что они не должны учитывать данные обстоятельства (чч. 2, 3 ст. 336 УПК РФ). Однако, как справедливо замечает по этому поводу А.Ю. Самодумов, поскольку информация уже доведена до присяжных, такие действия, даже при единичных нарушениях, малоэффективны [7, с. 35]. Поэтому государственному обвинителю, как основному субъекту доказывания законности и обоснованности обвинения в суде, следует учитывать, что оценку доказательств присяжные заседатели осуществляют исходя из своего жизненного опыта, системы ценностей, нравственных установок, психологических особенностей, в частности, особенностей восприятия информации.

Данные судебной статистики на протяжении многих лет свидетельствуют о том, что по результатам рассмотрения уголовных дел в процессах с участием присяжных заседателей суды в десятки раз чаще постановляют оправдательные приговоры по сравнению с судебными процессами, осуществляемыми в общем порядке. В частности, в 2018 году по уголовным делам, рассмотренным единолично судьей или коллегией из трех федеральных судей, оправдано 1992 лица (0,3 % от общего количества рассмотренных по существу уголовных дел с вынесением приговора), а по уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей, оправдано 90 лиц (17,4 %) [8]. В научной литературе указанное обстоятельство связывается с тем, что особенности данной формы судопроизводства не в полной мере учитываются государственными обвинителями [1, с. 5].

С учетом сказанного представляется целесообразным проанализировать практику Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) с тем, чтобы государственный обвинитель мог избежать тактических ошибок, участвуя в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, способствовать вынесению присяжными заседателями объективного вердикта и постановлению судом законного, обоснованного приговора, а при наличии законных оснований привести надлежащие доводы в апелляционном представлении.

Так, в апелляционном определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что в ходе прений гособвинитель, подвергая оценке первоначальные показания подсудимого, сообщила о даче им «признательных показаний из опасений за свою жизнь. Обстановку допроса Вы могли оценить…».Председательствующий прервал речь гособвинителя. Далее гособви-

нитель, обращаясь к присяжным, озвучила вопрос: «…но разве кто-то угрожал И.?». Председательствующий снова прервал ее речь. В каждом случае он обращался к присяжным с разъяснениями о том, чтобы они не учитывали данную информацию при вынесении вердикта. Указанные обстоятельства свидетельствуют о незаконности действий государственного обвинителя, которая в присутствии присяжных пыталась обсудить вопрос о допустимости показаний подсудимого [3]. Аналогичные нарушения зачастую допускает и сторона защиты [6].

Вместе с тем, судебная практика Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что суды не во всех случаях усматривают в подобных заявлениях сторон наличие нарушений уголовно-процессуального закона.

В частности, в апелляционном представлении на оправдательный приговор, постановленный с участием присяжных заседателей в отношении И., государственный обвинитель в качестве доводов указала, что в судебных прениях адвокат поставила под сомнение допустимость протоколов осмотра места происшествия в связи с обнаружением вещественного доказательства – кисета в ходе дополнительного осмотра места происшествия. Она заявила, что при первичном осмотре кисет обнаружен не был, а в ходе дополнительного осмотра находился на месте происшествия. В связи с этим у защитника возник вопрос, каким образом он там оказался. Председательствующий не прервал речь защитника. Далее адвокат продолжил порочить выводы эксперта о наличии эпителиальных клеток Иванова на кисете. Председательствующий прервал речь защитника, однако не только не сделал ему замечание, а наоборот, обратил внимание присяжных на то, что адвокат, возможно, намекает на то, что кисет был подменен или подброшен. Кроме того, председательствующим оставлено без внимания заявление защитника, который поднял вопрос о процедуре изъятия вещественного доказательства – молотка, чем подверг сомнению законность следственного действия.

Однако, доводы государственного обвинителя о том, что подсудимый и его защитники в присутствии присяжных заседателей затрагивали процессуальные вопросы, а именно, процесс собирания доказательств, подвергали сомнению допустимость доказательств Судебной коллегией Верховного Суда РФ были признаны безосновательными. В апелляционном определении Судебная коллегия указала, что защитники не затрагивали процессуальные вопросы, они проводили анализ исследованных доказательств. Сторона защиты оценивала доказательства с точки зрения их достоверности, а не допустимости [3].

Таким образом, государственному обвинителю надлежит учитывать, что оценку достоверности доказательств, в отличие от их допустимости, сделанную в судебных прениях, суды не признают незаконным воздействием на присяжных заседателей.

Вместе с тем, подчеркивает Верховный Суд РФ, систематическое доведение в судебном следствии до присяжных заседателей информации, порочащей представленные доказательства, которые не были признаны председательствующим недопустимыми, в том числе, путем заявлений о том, что их содержание не соответствует действительности, способной вызвать предубеждение присяжных заседателей, повлиять наих беспристрастность, а также отразиться на содержании ответов на поставленные перед ними вопросы при вынесении вердикта, является основанием для отмены приговора [2]. Если подобные нарушения допускает сторона защиты и должные меры председательствующим не принимаются, государственному обвинителю следует своевременно обращать его внимание на допущенные нарушения. В противном случае доводы, изложенные государственным обвинителем в апелляционном представлении, при отсутствии соответствующих заявлений с его стороны в судебном заседании, равно как и доводы, имеющие неконкретный характер, не подкрепленные соответствующими ссылками на протокол судебного заседания, суды признают безосновательными [5].

При этом уместным будет заметить, что систематичность нарушений, связанных с тем, что сторона защиты неоднократно и последовательно доводит до присяжных содержание доказательств, которое не соответствует действительности, путем его искажения, даже при соответствующих мерах, предпринятых председательствующим, свидетельствует о том, что присяжные заседатели подвергались незаконному воздействию со стороны защиты, что не позволяет им надлежащим образом исполнить свои обязанности. При таких условиях, указывает Верховный Суд РФ, оправдательный приговор, постановленный на основании вынесенного присяжными заседателями вердикта, нельзя признать законным [4].Поэтому государственным обвинителям следует учитывать это обстоятельство при составлении апелляционных представлений.

Следует подчеркнуть, что в силу презумпции невиновности адвокат в судебных прениях не обязан доказывать невиновность своего клиента, – он может выстроить свою позицию лишь на том, чтобы убедить суд и присяжных заседателей в недоказанности обвинения, давая собственную оценку исследованным доказательствам. В связи с этим для опровержения утверждений защитника, высказанных им в судебных прениях, государственному обвинителю необходимо использовать право реплики. В ином случае с доводами государственного обвинителя об искажении стороной защиты содержания доказательств суд вряд ли согласится. Так, отклоняя доводы государственного обвинителя, изложенные в апелляционном представлении на оправдательный приговор, постановленный с участием присяжных заседателей в отношении И., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала следующее. В протоколе судебного заседания отражено, что адвокат в прениях говорил о том, что следователем в протоколе осмотра места происшествия зафиксирован выломанный косяк двери, а ломали именно дверь, из чего следует вывод об ином способе проникновения в дом, что, по мнению государственного обвинителя свидетельствует об искажении защитником содержания протокола осмотра места происшествия. Подобные утверждения государственного обвинителя носят произвольный характер и с ними нельзя согласиться. Адвокат в присут-

ствии присяжных заседателей, излагая свою позицию относительно недоказанности предъявленного И. обвинения, давал оценку исследованным доказательствам. У государственного обвинителя была возможность опровергнуть утверждения защитника при произнесении реплик, однако он правом реплики не воспользовался [3].

Подытоживая сказанное, отметим, что использование предложенных рекомендаций в практике поддержания государственного обвинения по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей, на наш взгляд, будет способствовать предотвращению формирования предубеждения присяжных заседателей при оценке доказательств, вынесению объективных вердиктов и постановлению судами законных, обоснованных, справедливых приговоров.

Список литературы:

1. Агабаева А.В. Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием присяжных заседателей: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 225 с.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам от 24 апреля 2018 г. № 70-АПУ18-1сп // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2020)
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.06.2018 № 18-АПУ18-9сп // ИПС «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27062018-n-18-apu18-9sp/ (дата обращения: 18.02.2020).
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.10.2015 № 37-АПУ15-3сп // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71254830/ (дата обращения: 19.02.2020).
5. Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 43-АПУ16-3сп // ИПС «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032016-n-43-apu16-3sp/ (дата обращения: 21.01.2020).
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 94-О12-1сп // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/7014900/ (дата обращения: 05.02.2020).
7. Самодумов А.Ю. Проблемы судебной практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей // Судья. 2016. № 5. С. 33–35.
8. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/F1-svod-2018.xls (дата обращения: 10.02.2020).

Тихий А.В.

ассистент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
skisgap@list.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ

Аннотация*: в статье рассматриваются субъективная и объективная стороны механизма формирования внутреннего убеждения судьи. Автор отмечает, что внутреннее убеждение, в идеале представляющее собой правильное отображение в сознании судьи объективно существующих обстоятельств уголовного дела, служит субъективным выражением объективной истины. Восприятие (усмотрение) судьей обстоятельств рассматриваемого дела, то есть субъективная сторона механизма формирования его внутреннего убеждения во многом определяется субъективно-личностными качествами судьи, которые становятся решающими факторами при принятии обоснованного и справедливого решения по делу*

Ключевые слова*: судейское, усмотрение, восприятие судьей обстоятельств уголовного дела, внутреннее убеждение, механизм формирования внутреннего убеждения.*

Tikhiy A.V.

Assistant,
Saratov State Law Academy,
Saratov

JUDICAL DISCRETION AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF INTERNAL BELIEF

Abstract*: the mechanism of formation of internal conviction has two sides: the subjective – the sensory perception by the judge of the picture of the dispute (discretion by him of the circumstances of the case under consideration) and the objective – the result (result) of the judge's conscious thought in the study of evidence – conviction. The judge's inner conviction, ideally representing the correct reflection in his mind of the objectively existing circumstances of the criminal case, serves as the subjective expression of objective truth. The judge's perception (discretion) of the circumstances of the case under consideration, that is, the subjective side of the mechanism of formation of his inner conviction is largely determined by the subjective and personal qualities of the judge, which become decisive factors in making a reasonable and fair decision in the case.*

Keywords*: perception, vision, discretion, inner conviction, mechanism of formation of inner conviction.*

Принимая решение по уголовного делу, судья, в соответствии с положениями ст. 17 УПК РФ, основывается на своем внутреннем убеждении, руководствуясь законом и совестью. В свою очередь, внутреннее убеждение судьи формируется на основе исследованных им доказательств. И важнейшим, определяющим элементом внутреннего убеждения судьи, главным фактором, лежащим в основе его формирования, является усмотрение судьей обстоятельств совершенного преступления, его визуальное и психологическое восприятие таких обстоятельств [16, с. 71]. Очевидно, что судья не просто опирается на формальное изложение фактов, представленных сторонами. В противном случае, как справедливо отмечено, «уголовный процесс давно бы был переведен в автоматизированный режим и процессуальные решения принимались бы не человеком, а машиной» [3, с. 4].

В науке уголовного процесса вопрос о сущности внутреннего убеждения был и остается одним из наиболее дискуссионных. Как правило, внутреннее убеждение рассматривалось как метод и результат оценки доказательств, как универсальный принцип оценки доказательств [5, с. 15; 13, с. 92-93; 23, с. 483-484]. В современной доктрине уголовного процесса внутреннее убеждение судьи определяется в качестве правовой категории, «выражающей субъективную мыслительную деятельность судьи по осуществлению правосудия по конкретному делу в целях достоверного установления обстоятельств предмета доказывания с последующей объективацией результатов в приговоре суда, включающей как процесс исследования доказательств, так и оценки доказательств, условия для правовой квалификации содеянного, оценке результатов деятельности участников процесса по выполнению процессуальных функций, деятельности обвиняемого по защите своих интересов, переходящей в ходе разбирательства дела и вынесения приговора в конкретное достоверное знание о преступлении, основанное на доказательствах по делу» [24, с. 4].

Внутреннее убеждение (исходя из общепринятого смысла) означает мнение, сформировавшееся у судьи по результатам изучения обстоятельств рассматриваемого им дела. В этом смысле внутреннее убеждение понимается, как «самоубеждение, как формирование собственного итогового взгляда на фактические обстоятельства дела» [19, с. 191]. «В уголовном процессе … судья в конце концов подходит к моменту, когда на основе воспринятых доказательств создает мысленный образ преступления, остается, так сказать, наедине со своим представлением. И в этот момент он должен решить, соответствует ли оно реальной действительности, не ошибся ли он в своих выводах» [10, с. 60-61].

Как писал М.С. Строгович, процесс формирования внутреннего судейского убеждения есть процесс познания (то есть восприятия, усмотрения) судьями обстоятельств уголовного дела [22, с. 338]. Механизм формирования внутреннего убеждения имеет две стороны: субъективную – чувственное восприятие судьей картины спора (усмотрение им обстоятельств рассматриваемого дела) и объективную – итог (результат) осознанной мыслительной деятельности судьи по исследованию доказательств – убеждение [7].

Проблема субъективизма при оценке доказательств всегда волновала ученых и практиков [4, с. 9–18; 18, с. 196–199]. Восприятие (усмотрение) судьей обстоятельств рассматриваемого дела, то есть субъективная сторона механизма формирования его внутреннего убеждения, во многом зависящая от субъективно-личностных качеств судьи, осуществляется непрерывно на всех этапах судебного разбирательства.

Как уже отмечалось, усмотрение как чувственное восприятие картины происходящего, как отражение «образа» предмета (или объекта) в сознании судьи в механизме формирования внутреннего убеждения составляет его субъективную сторону и является отправным пунктом процесса познания [1]. В.А. Лазарева выделяет два уровня познания, формирующие внутреннее убеждение: чувственно-практическое – получение информации с помощью органов чувств, и рационально-логическое – анализ и синтез полеченной информации [12, с. 18]. На первом уровне задача судейского восприятия состоит в том, чтобы сформировать у судьи, рассматривающего и разрешающего уголовное дело, правильные образы объективной реальности.

В психологии восприятие (perception) понимается как процесс, «посредством которого люди организуют и интерпретируют свои сенсорные ощущения, пытаясь придать смысл своему окружению. Мы лишь интерпретируем то, что видим, и называем это реальностью. Результатом такого восприятия является формирование образа (видения), включающего в себя комплекс разнообразных ощущений, приписываемых сознанием предмету или явлению» [15].

В психологии различают восприятие непреднамеренное (или непроизвольное) и преднамеренное (произвольное). При непреднамеренном восприятии субъект не руководствуется заранее поставленной целью или задачей – воспринять данный предмет. Восприятие направляется внешними обстоятельствами. Преднамеренное восприятие, напротив, с самого начала определяется задачей воспринять тот или иной предмет или явление, ознакомиться с ним [11].

Судейское усмотрение, будучи результатом преднамеренного восприятия, является осмысленным видением (мысленным образом), интерпретацией чувственных ощущений судьи, придающим смысл установленным по уголовному делу обстоятельствам в их совокупности, а также сложившейся по делу ситуации в целом.

В доктрине советского процессуального права предпринимались попытки исключить субъективную сторону из процесса формирования внутреннего убеждения судьи [8, с. 22–24; 20]. Однако ныне ученые-процессуалисты признают, что на внутреннее судейское убеждение воздействуют и субъективные факторы, личностные характеристики судьи, обладающего уголовно-процессуальными знаниями, житейским опытом, способностью правильно применять их в своей профессиональной деятельности, вести себя благоразумно и предусмотрительно; способного схватывать (воспринимать) общее и существенное в материалах судебного следствия, прениях сторон и репликах [9, 21, 26]. Роль субъективных качеств личности судьи признается значимой и на зако-

нодательном уровне: в законе «О статусе судей в Российской Федерации» закреплены требования к личности судьи (возраст, образование, стаж работы и т.п.), которые значимы при решении вопроса о замещении судейской должности.

И хотя законность, обоснованность и справедливость принимаемого судом решения во многом зависит от правильности усмотрения (видения) судьей обстоятельств уголовного дела, как правильно отмечает А.Н. Власова, «правильному формированию «судейского видения» (усмотрения) сути дела не учит ни одна из изучаемых в юридических вузах дисциплин, составляющих основу подготовки юристов в целом. Это знание, которое судьям приходится привносить самим» [6, с. 66–77].

Исследуя обстоятельства уголовного дела, судья индивидуально воспринимает их и переживает все воспринимаемое. Процесс восприятия, усмотрения судьей обстоятельств рассматриваемого дела сопровождают эмоции, чувства, которые делают этот процесс более активным, вызывающим личное отношение к предмету познания, явлениям общественной жизни, поведению других людей. Безусловно, что судья не должен оставаться равнодушным к тому делу, которое он рассматривает, не должен выполнять свои обязанности по инерции, так как это влечет безразличие и утрату чувства ответственности за результаты своей деятельности. Вероятно, в силу этого закон включает в качестве одной из составляющих формирования внутреннего убеждения судьи – совесть. Как отмечает И.Б. Михайловская, упоминание в ч. 1 ст. 17 УПК РФ о совести как одной из основ внутреннего убеждения вводит в процесс принятия решений по уголовному делу нравственно-эмоциональный компонент, который может усиливать действие презумпции невиновности и повышать шансы защиты [17, с. 62].

С другой стороны, эмоции, по справедливому замечанию П.А. Лупинской, «сами по себе не могут составлять основание принятия решения» [14, с. 89]. Порой из-за переоценки эмоциональных впечатлений и неправильного под их влиянием восприятия, усмотрения судьей отдельных доказательств, переоценки их значения, принимаются необоснованные решения [2, с. 91; 25, с. 130]. Точно также судьи, подчиняющие (подгоняющие) свои решения сложившейся практике, либо требованиям вышестоящих инстанций, отстраняющиеся от своего личностного усмотрения (видения) обстоятельств совершенного преступления, фактически обезличивают принимаемые ими решения.

Таким образом, субъективизм в восприятии (усмотрении) судьей обстоятельств совершенного преступления и его оценке этих обстоятельств неизбежен. Но при этом основой внутреннего убеждения должен являться познавательный процесс, базирующийся на теории познания, логике, гносеологии, которые всегда должны присутствовать как в рефлексии самого судьи при формировании его внутреннего убеждения, так и в оценке результатов этого внутреннего убеждения со стороны иных участников процесса.

Список литературы:

1. Азаров В.А., Беккер Т.А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном судопроизводстве. М., 2019. 208 с.
2. Амосов С. Формирование внутреннего убеждения // Правосудие в Восточной Сибири. 2013. № 4 (12). С. 12–14.
3. Аубакирова А.А. Субъективизм в оценке доказательств в уголовном судопроизводстве // Аубакировские чтения: матер.междунар. науч.-прак. конф. 19 февраля 2017 г. Алматы, 2017. 230 с.
4. Бозров В.М., Костовская Н.В. Оценка доказательств в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2012. № 9. С. 9–18.
5. Бохан В.Ф. Формирование убеждений суда. Минск, 1973. 159 с.
6. Власова А.Н. Внутреннее убеждение или предубеждение? // Юридический аналитический журнал. 2004. № 2–3. С. 66–77.
7. Внутреннее убеждение судьи. URL: http://blog.pravo.ru›Общие› (дата обращения: 17.09.19).
8. Голунский С.А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1955. № 7. С. 70–79.
9. Горевой Е.Д. Внутреннее судейское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам: теория, законодательство, правоприменительная практика: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.
10. Корнеевский Ю.В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1999. № 2. С. 55–62.
11. Кураев Г.А., Пожарская Е.Н. Психология человека. URL: https://scicenter.online/osnovyi-psihologii-scicenter/116-nablyudenie. html (дата обращения: 01.06.19).
12. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара, 2007. 302 с.
13. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. 167 с.
14. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 2010. 167 с.
15. Маклаков А. Общая психология. URL: http: // www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/makl/08.php. (дата обращения 06.06.2016).
16. Мартышкин В.Н., Гавин А.С., Дементьева Т.А. Актуальные проблемы современного правосудия: сбор. ст. междунар. науч.-прак. конф. Пенза, 2009. С. 237–244.
17. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. 192 с.
18. Нурбаев Д.М. Понятие внутреннего убеждения как основы свободной оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (34). С. 196–199.
19. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П.А. Лупинской. М., 1998. 797 с.
20. Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961. 171 с.

21. Прокопенко А.А. Оценка доказательств в ходе рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 27 с.

22. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. 470 с.

23. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1973. 736 с.

24. Телятников В.И. Проблемы формирования внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе: автореф. … дис. канд. юрид. наук. СПб., 2003. 25 с.

25. Шабанов П.Н. Внутреннее убеждение судьи // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2010. № 1. С. 129–139.

26. Яцишина О.Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 21 с.

Усанов И.В.

к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
nov318us@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВИДЕОЗАПИСИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация*: в статье рассматриваются некоторые вопросы формирования доказательственной базы по уголовным делам, так как в настоящее время растет количество уголовных дел, по которым основным источником доказательств выступают результаты видеозаписи. Автор предлагает апробированные варианты трансформации исходной информации в доказательственную.*

Ключевые слова*: видеозапись, доказательство, уголовный процесс.*

Usanov I.V.

Ph.D(Law),
Saratov State Law Academy,
Saratov

PROBLEMS OF THE USING VIDEOTAPE RESULTS IN EVIDENCE

Abstract*: the article deals with some issues of forming the evidence base in criminal cases, as the number of criminal cases in which the main source of evidence is the results of video recordings is currently growing. The author offers proven options for transforming the source information into evidence-based information.*

Keywords*: video recording, evidence, criminal process.*

С появлением камер видеонаблюдения, гаджетов и видеорегистраторов появилась дополнительная возможность использования результатов видеозаписи для формирования доказательственной базы по уголовному делу.

Инциденты, подвергающиеся случайной видеофиксации, можно подразделить на следующие категории:

Это инциденты, попавшие в поле зрения стационарных камер видеонаблюдения (драки, кражи, грабежи, разбойные нападения и прочие происшествия на улицах, площадях, автозаправках, стадионах, дорогах, в подъездах, в торговых комплексах, в метро, в лесу и т.д.).

Это инциденты, попавшие в поле зрения автомобильных регистраторов (ДТП и прочие происшествия).

Это инциденты, подвергшиеся перечислению в пп. 1 и 2, зафиксированные свидетелями происшествия с помощью гаджетов.

Все три рассматриваемые категории подвергаются видеофиксации за пределами процессуальной формы и, соответственно, результаты такой видеозаписи изначально не могут быть признаны доказательствами по уголовному делу.

При этом случайная видеофиксация инцидентов может содержать информацию, потенциально имеющую доказательственное значение. Существенной чертой такой информации является ее объективность, что становится особенно важным в ситуации отсутствия свидетелей-очевидцев происшествия.

Таким образом, весьма насущной становится проблема трансформации информации, изначально не являющуюся доказательством по уголовному делу, в информацию, являющуюся доказательством по уголовному делу (в соответствии со ст. 74 УПК).

Рассмотрим проблемы данной трансформации на примере каждой из трех категорий инцидентов.

17 сентября 1998 года в зоне уличного видеонаблюдения торгового комплекса «Шувалово» Выборгского района Санкт-Петербурга произошло разбойное нападение на граждан Х. и Ф. [1, с. 403].

Перед тем, как назначить и произвести комплексную видеографическую экспертизу, необходимо было правильно с точки зрения уголовно-процессуального закона трансформировать результаты случайной видеозаписи в информацию, имеющую вид доказательства по делу.

Здесь можно порекомендовать следующую последовательность действий.

а) Произвести осмотр места происшествия, на заключительном этапе которого произвести изъятие материального видеоносителя с зафиксированной на нем информацией об инциденте (как вариант, возможно производство выемки указанного видеоносителя в рамках самостоятельного следственного действия).

б) Произвести осмотр данного видеоносителя и просмотр зафиксированного на нем материала.

в) Вынести постановление о приобщении данного документа к вещественным доказательствам по делу (согласно п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 81 УПК).

г) Назначить соответствующую экспертизу.

По всей видимости, в рассматриваемом случае следователь так и поступил.

Однако дальше возникли другие проблемы. Это были проблемы, связанные с идентификацией лиц, совершивших разбойное нападение на граждан Х. и Ф. Видеоизображения обвиняемых в совершении данного преступления лиц, обозначенных как А1 и А2, получились недостаточно четкими, что не позволило произвести их индивидуальную идентификацию. Однако отобразившиеся на видеозаписи некоторые признаки внешности и моторики позволили экспертам провести их групповую идентификацию, а также решить задачу их дифференциации друг от друга и от третьих лиц [1, с. 404.]. Вторая категория инцидентов, как было сказано раньше, это инциденты, фиксируемые с помощью автомобильных видеорегистраторов. Видеозаписи подобных инцидентов характеризуются сравнительно небольшим полем охватываемого пространства, наличием нецензурных комментариев владельцев, отсутствием внешнего звукоряда.

Здесь можно порекомендовать следующую последовательность действий, направленную на трансформацию исходной видеозаписи в доказательство.

а) Произвести осмотр транспортного средства, на заключительном этапе которого произвести изъятие автомобильного видеорегистратора с зафиксированной на нем информацией об инциденте (как вариант, возможно производство выемки указанного видеорегистратора в рамках самостоятельного следственного действия).

б) Произвести осмотр данного видеорегистратора и просмотр зафиксированного на нем материала.

в) Вынести постановление о приобщении данного предмета к вещественным доказательствам по делу (согласно п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 81 УПК РФ).

г) Назначить соответствующую экспертизу.

Проблем с идентификацией участников инцидента, как правило, не возникает в силу весьма высокого качества изображения.

И, наконец, трансформацию результатов видеозаписи третьей категории инцидентов в доказательство можно представить следующим образом.

а) Произвести выемку гаджета, либо изъять его в ходе личного или иного обыска (в ряде ситуаций это происходит после задержания, т.е. физического захвата лица, заподозренного в совершении определенного преступления).

б) Произвести осмотр данного гаджета, извлечь имеющуюся на нем информацию с помощью устройства криминалистического исследования сотовых телефонов UFED и осуществить просмотр зафиксированного на нем видеоматериала.

в) Вынести постановление о приобщении данного предмета к вещественным доказательствам по делу (согласно п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 81 УПК РФ).

г) Назначить соответствующую экспертизу.

Следование этим рекомендациям позволит создать, на наш взгляд, максимально объективную доказательственную базу по некоторым категориям уголовных дел.

Список литературы:

1. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. Состояние, развитие, проблемы. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2004. 875 с.

Устинов А.А.
председатель Советского районного суда,
г. Брянск
artem.ustinov@mail.ru

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДОСУДЕБНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ: НЕОБХОДИМОСТЬ В ДОКАЗЫВАНИИ

Аннотация*: в данной статье обозначена важность процесса доказывания при осуществлении судебного контроля за досудебным производством, приведены аргументы, подтверждающие его необходимость, указаны отличительные признаки процесса доказывания при осуществлении судебного контроля, сделан вывод о необходимости определения конкретных критериев достаточности доказательств для установления значимых обстоятельств, относящихся к предмету судебного контроля.*

Ключевые слова*: доказывание, судебный контроль, правосудие, состязательность, правосудность судебного решения.*

Ustinov A.A.
Chairman
Soviet District Court,
Bryansk

THE JUDICIAL CONTROL OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS: THE NEED FOR PROVING

Abstract*: this article outlines the importance of the evidence process in the exercise of judicial control over pre-trial proceedings, provides evidence supporting its necessity, identifies the distinctive features of the evidence process in the exercise of judicial control, concludes that it is necessary to determine specific criteria for the sufficiency of evidence to establish significant circumstances relevant to the subject of judicial review control.*

Keywords*: proving, evidence, judicial control, justice, adversarial, judicial decision fairness.*

Вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве изучены достаточно широко, но специфика данного процессуального института определяет высокую степень его дискуссионности и, как следствие, необходимость дальнейшего исследования и совершенствования.

Известно, что процесс доказывания лежит в основе производства по уголовным делам, связан с деятельностью всех его участников и является основой уголовного судопроизводства на каждой его стадии, поскольку только по результатам собирания, проверки и оценки доказательств возможно принятие юридически значимого решения по уголовному делу. Первостепенным образом это касается и процессуальной деятельности по осуществлению судебного контроля за досудебным производством.

Высокий статус самостоятельной и независимой судебной власти определяется тем, что она выполняет особую роль в обеспечении конституционных прав и свобод личности, являющихся высшей ценностью в государстве. В соответствии с Конституцией РФ под охраной судебной власти находятся важнейшие блага и ценности человека: право на свободу и личную неприкосновенность; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; неприкосновенность жилища. Их ограничение допускается только по судебному решению [4]. Поэтому наряду с такой основной формой реализации судебной власти как рассмотрение дел по существу, действующим законодательством на суд возложена и другая форма осуществления судебной власти – судебный контроль за досудебным производством по уголовным делам. Именно судебный контроль выполняет правообеспечительную, правовосстановительную и правоориентирующую функции судебной деятельности. В сути судебного контроля за досудебным производством мы видим реализацию провозглашенного Конституцией РФ права граждан на судебную защиту от всяческих незаконных действий и решений органов государственной власти, ограничивающих их конституционные права. При определении сущности судебного контроля, на наш взгляд, необходимо исходить из позиции Верховного Суда Российской Федерации и рассматривать судебный контроль как форму осуществления правосудия [5]. На обоснованность указанной позиции указывает содержание понятия суда первой инстанции, закрепленного в п. 52 ст. 5 УПК РФ исходя из которого судебный контроль за досудебным производством представляет собой деятельность по осуществлению правосудия. Также в подтверждение правильности того, что судебный контроль нельзя рассматривать отдельно от деятельности по осуществлению правосудия, необходимо привести сформулированную Конституционным Судом Российской Федерации правовую позицию, согласно которой из положений ст. 10 и ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации следует, что никакой иной орган не может принимать на себя функцию отправления правосудия, а также, что на суд не может быть возложено выполнение каких бы то ни было функций, не согласующихся с его положением органа правосудия [6].

Таким образом, следует определить, что судебный контроль за досудебным производством – это деятельность суда, регламентированная уголовно-процессуальным законом, по проверке законности и обоснованности действий (бездействия) и решений органов уголовного преследования (их должностных лиц) и прокурора, направленная на разрешение правового спора, связанного с ограничением конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства и иных заинтересованных лиц, включая доступ граждан к правосудию, в целях предупреждения их нарушения или устранения таковых.

На судебный контроль, как форму осуществления правосудия, в полной мере распространяются условия состязательности, при которых процесс доказывания направлен на выяснение объективной истины и на обеспечение конституционных принципов в области прав и свобод личности. Суд при этом выполняет особую роль, заключающуюся в выполнении возложенной законом обязанности по созданию условий для всестороннего и полного исследования доказательств сторонами в уголовном процессе. Как указывает А.В. Смирнов, стремление суда к достижению истины в уголовном судопроизводстве осуществляется путем создания условий для ее достижения [8, с. 64-65]. При осуществлении судебного контроля поиск «истины» напрямую зависит от объективности сторон, и, прежде всего, от объективности стороны обвинения, которой законом предоставлены более широкие процессуальные полномочия, в том числе, отказ в возбуждении уголовного дела, его прекращение и др., в целях недопущения необоснованного привлечения лиц к уголовной ответственности. Как справедливо отмечает В.И Качалов, в рамках реализации функции обвинения необходимость объективного, всестороннего и полного исследования обстоятельств дела не будет противоречить самой сущности функции обвинения в уголовном судопроизводстве [1, с. 23]. Также он считает, что объективная истина в уголовном судопроизводстве должна быть обозначена в виде общего условия предварительного расследования, предусматривающего необходимость всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [2, с. 55–59]. В этой связи, вне всякого сомнения, судебный контроль за досудебным производством, особенно в аспекте процесса доказывания, выполняет важнейшую роль в соблюдении стороной обвинения объективности в установлении всех обстоятельств дела. При помощи именно судебного контроля суд правомочен активно воздействовать на сторону обвинения в случае несоблюдения последней указанного важнейшего условия в ходе предварительного следствия и дознания.

Вместе с тем, обсуждение вопроса о необходимости в «доказывании» при осуществлении судебного контроля за досудебным производством вызывает далеко не однозначные мнения практиков, среди которых встречаются недоумевающие, что же «доказывать», например, при рассмотрении ходатайства следователя об отстранении от должности обвиняемого? Действительно, если внимательно посмотреть на зарубежный опыт по осуществлению судебного контроля за досудебным производством, можно заменить, что в некоторых государствах постсоветского пространства такие меры процессуального принуждения, как, например, упомянутое выше отстранение от должности обвиняемого, перенесено в разряд процессуальных действий, принимаемых следственным судьей по ходатайству лица, осуществляющего досудебное расследование, единолично, без участия сторон [9] вне состязательного процесса судебного доказывания.

Прежде всего необходимо обратиться к истории возникновения судебного контроля. Так, еще более полторы сотни лет назад, в процессе Судебной реформы 1864 года принятым Уставом уголовного судопроизводства предусматривалось, что при избрании меры пресечения обвиняемому принимались во внимание не только строгость угрожающего ему наказания, но также сила представляющихся против него улик, возможность скрыть следы преступления, состояние здоровья, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе [10]. То есть, в самом

начале применения судебного контроля в отечественном уголовном процессе законодатель закрепил необходимость доказательственного судебного процесса, оценки «силы улик» и других имеющих значение обстоятельств при аресте обвиняемого судом.

Для разрешения каких-либо сомнений, на наш взгляд, снова следует обратиться к закрепленному в п. 52 ст. 5 УПК РФ понятию суда первой инстанции, в соответствии с которым, это суд, рассматривающий уголовное дело по существу и правомочный выносить приговор, а также принимать решения в ходе досудебного производства по уголовному делу. Из этого следует, что и процесс рассмотрения дела по существу, и принятие решения в порядке судебного контроля, осуществляется по определенным правилам доказательственного уголовного процесса. Только правильное установление в процессе доказывания имеющих значение обстоятельств дает возможность принятия правосудного решения. В ином случае нельзя прийти к объективной оценки позиций сторон (или стороны), что нарушает принцип независимости и беспристрастности суда при отправлении правосудия.

Подчеркивая важность доказательственного процесса для данной стадии, Н.А. Колоколов указывает, что судебный контроль не пустая формальность, а процессуальная деятельность судьи, наполненная кропотливой работой по доказыванию [3, с. 2].

Однако, обсуждения среди юридического сообщества относительно значимости процесса доказывания при осуществлении судебного контроля на досудебной стадии уголовного процесса не беспочвенны. Действительно, правовые последствия правильного разрешения правового спора при рассмотрении дела по существу и, например, «санкционирования» обыска различны, соответственно и значимость этих правовых споров не равнозначная, с учетом их общественной важности и социальных последствий. С учетом этого, процесс доказывания при осуществлении судебного контроля на досудебной стадии имеет свои характерные отличия, во-первых, по предмету доказывания, т.е. по устанавливаемым фактическим обстоятельствам, круг которых значительно сужен с учетом будущего рассмотрения дела по существу. Например, при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, не вправе делать выводы о фактичекских обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния [7]. Во-вторых, по субъектам доказывания, в число которых входит меньшее число лиц, участие которых в самом судебном процессе не обязательно. В-третьих, по степени «активности» суда, лишенного своих «активных» полномочий по назначению экспертиз, вызова для допроса эксперта и некоторых других. В-четвертых, по способу доказывания, с учетом «усеченного» судебного следствия.

Данные «особенности» доказывания при судебном контроле перечислены нами с целью указать на очевидную сложность этого процесса на досудебной стадии, для разрешения которой, на наш взгляд, не следует отходить от условий состязательности, а напротив, требуется определение конкретных критериев достаточности доказательств для установления значимых обстоятельств, относящихся в предмету судебного контроля.

Список литературы:

1. Качалов В.И. Теоретические основы доказывания при исполнении итоговых судебных решений в уголовном процессе России. М., 2017. 156 с.
2. Качалов В.И. Общие условия предварительного расследования: проблемы и перспективы их развития // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 55–59.
3. Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М, 2008. 416 с.
4. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» (в ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 50, ст. 5679.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» (в ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).
8. Уголовный процесс: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. 704 с.
9. УПК Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz; (дата обращения: 25.02.2020).
10. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // СПС «Гарант» (дата обращения: 25.02.2020).

Устинов Д.С.

к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
ustinov681@yahoo.com

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ДОКАЗЫВАНИИ МОБИЛЬНЫХ (СОТОВЫХ) СРЕДСТВ СВЯЗИ

Аннотация*: в статье под углом зрения Конституции РФ анализируется процессуальный порядок получения в качестве доказательств сведений, содержащихся в мобильных средствах связи. Указывается на отсутствие единого подхода к получению такого рода доказательств. Обосновывается, что доступ к информации, находящейся в мобильных средствах связи возможен только на основе судебного решения.*

Ключевые слова*: уголовный процесс, мобильные средства связи, электронные носители информации, обыск в помещении, личный обыск, осмотр.*

Ustinov D.S.
Ph.D(Law),
Saratov State Law Academy,
Saratov

ON THE USE OF MOBILE (CELLULAR) MEANS OF COMMUNICATION IN EVIDENCE

Abstract*: the article analyzes the procedural procedure for obtaining information contained in mobile communications as evidence from the point of view of the Constitution of the Russian Federation. It is pointed out that there is no unified approach to obtaining such evidence. It is proved that access to information in mobile communications is possible only on the basis of a court decision.*

Keywords*: criminal proceeding, mobile communications, electronic media, room search, personal search, inspection.*

Человечество, в целом, и наше российское государство, в частности, достаточно быстрым темпом идет по пути наивысшего технологического развития и увеличения уровня информатизации общества. Различные технологические «ноу-хау» сейчас во всех сферах жизни, одновременно упрощают и ускоряют наш быт и, вместе с тем, существенно обогащают и усложняют его. Что раньше было просто грезами различных фантастов в прошлом, в настоящее время является нормой для нас [5]. И, безусловно, главными, на наш взгляд, из таких высокотехнологических изобретений являются мобильные (сотовые) средства связи, в которые мы включаем не только такую «обыденность» как сотовый телефон, но и различные планшеты, умные часы и другие гаджеты.

Сейчас мобильные средства связи через информационно- телекоммуникационную сеть «Интернет» обеспечивают быстрый и легкий доступ в банковскую, социальную, правовую, медицинскую, образовательную сферы жизни. Например, телефоном возможно оплатить любую покупку, перевести денежные средства с одного счета на другой, в нем имеется своя карта памяти, фотоаппарат, диктофон, социальные сети, имеется система глобального позиционирования, благодаря которой можно отследить перемещения человека. С помощью различных приложений возможно получить различные государственные услуги, не обращаясь напрямую в соответствующий государственный или муниципальный орган, в перспективе внедрение в него биометрии и электронных паспортов [4]. Обычный телефон превратился из простого средства связи и общения между людьми в носителя колоссального количества информации, в котором уже есть 5 видов информации, относящейся к категории ограниченной доступности, и может быть в перспективе порядка еще 70 [8].

Данная трансформация средств связи превратила их из роскоши и предмета преступных действий в средство совершения преступления и носителя доказательственной информации. Там может быть столько сведений, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела, сколько порой невозможно собрать в рамках различных следственных действий.

Использование сведений, содержащихся в мобильных средствах связи в рамках производства по уголовному делу все больше будет возрастать. Например, показательным в этом смысле будет резонансное убийство саудовского журналиста, сотрудника газеты «The WashingtonPost» Джамаля Хашкаджи, который в личных целях 2 октября 2018 года посетил здание консульства Саудовской Аравии в Турции и пропал. Изначально власти Саудовской Аравии всячески уходили от ответственности и заявляли, что журналист покинул здание и им неизвестно его местонахождение. Перед походом в здание консульства он оставил свой телефон своей невесте, при этом Д. Хашкаджи носил часы AppleWatch, с которых информация автоматически отправляется в специальное облачное хранилище «iCloud». В это облачное хранилище можно войти с другого устройства. Последние файлы, переданные с часов и сохраненные в облачном хранилище, принадлежащем Д. Хашкаджи, это аудиозаписи о том, что в здании консульства Саудовской Аравии журналиста допрашивали, пытали, а после убили. Это позволило раскрыть данное дело и привлечь к уголовной ответственности 8 человек, виновных в смерти журналиста [7].

Не отстает и наш правоприменитель достаточно активно используя электронные улики снятые с мобильных средств связи. Так, студенту одного медицинского ВУЗа потребовались деньги, и он в интернете нашел подработку «закладчиком» наркотических средств. Проработав 1,5 месяца, студент перестал этим заниматься. Через полгода за ним пришли оперативные сотрудники из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков МВД РФ прямо в учебную аудиторию. Нашли его достаточно просто – был пойман покупатель, у него изъяли смартфон и открыли мессенджер (программа для обмена мгновенными сообщениями), где была найдена переписка с фотографией и была указана геолокация с закладкой. После этого установили IP-адрес отправителя снимка, установили телефон, а далее заказали у мобильного оператора данные по звонкам и перемещениям владельца телефона. Эта операция подтвердила, что этот студент был на том месте, где покупатель позже забирал сверток. После чего у студента забрали уже его телефон, при этом он не давал согласия на это и пароль доступа к нему [3].

Совершенно очевидно, что в таких случаях затрагиваются конституционные права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту чести и доброго имени, и на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ). Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. В уголовно-процессуальном кодексе РФ это право закреплено в качестве принципа в ст. 13. Такие следственные действия как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) и получение информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами производятся на основании судебного решения (186[1]УПК РФ). Здесь все достаточно понятно – необходимые права гарантируются с помощью рассмотрения судом соответствующего ходатайства. Но что делать, если интересующая следователя информация находится в памяти мобильного устройства или в облачных хранилищах, привязанных к этому устройству, и вла-

делец отказывается предоставить доступ добровольно? В уголовно-процессуальном кодексе РФ однозначного ответа на это нет. Ст. 164[1] УПК РФ, посвященная особенностям изъятия электронных носителей информации и ее копированию, не содержит перечень электронных носителей информации, подлежащих изъятию, более того не совсем ясно, что считать электронными носителями. Не установлен там и процессуальный порядок получения сведений с мобильных средств связи по уголовным делам. На основании этого адвокат Екатерина Смирнова делает вывод о том, что, мобильный телефон является личной вещью работника и при обыске в офисе организации недопустимо проведение личных обысков у работников данной организации и изъятие телефонов [8]. Такое утверждение диссонирует с положениями, закрепленными в действующем УПК РФ. Согласно ч. 2 ст. 184 УПК РФ личный обыск производится без судебного решения при задержании или заключении под стражу либо при производстве обыска в помещении или ином месте, если есть основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела. И на основании этого при обыске осмотр мобильных средств связи и сведений, содержащихся в них, а также копирование считается допустимым [1, С. 12–14]. Вместе с тем текст этой статьи практически дословно повторяет текст ст. 172 УПК РСФСР 1961 года и, безусловно, не учитывает все достижения научного прогресса.

Однако, в данном вопросе важна не столько возможность изъятия самого телефона, сколько возможный доступ к хранящейся на нем информации, как и в любом ином мобильном средстве связи. Совсем другая ситуация складывается в случае получения мобильных средств связи при производстве иных следственных действий, проведенных не на основании судебного решения. И тут не все так однозначно, поскольку органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, не единообразно подходят к этому вопросу. Так, в Приморском крае в 2016 году следователь направил ходатайство в суд о разрешении осмотра сведений, находящихся на электронном носителе информации, в данном случае на телефоне. Однако, Фрунзенский районный суд г. Владивостока отказал в удовлетворении данного ходатайства. В апелляционном представлении прокурор Приморского края опираясь наположения, предусмотренные ст. 23 Конституции Российской РФ и на ст. 13, 29 и 165 УПК РФ считая, что ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (к которым можно отнести и СМС-сообщения) допускается только на основании судебного решения обжаловал его, но и Приморский краевой суд отказался отменить решение нижестоящего суда и удовлетворить ходатайство следователя [1, с. 11].

На подобную ситуацию было указано в жалобе гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав ст. ст. 176, 177 и 195 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации. В ней заявитель просит признать не соответствующими ст. 15 (часть 1), 17 (часть 1), 18, 23 (часть 2), 45 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации статьи 176 «Основания производства осмотра», 177 «Порядок производства осмотра» и 195 «Порядок назначения судебной экспертизы» УПК РФ в той мере, в какой их положения нарушают его право на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, поскольку допускают возможность получения органом предварительного следствия информации о соединениях между абонентскими устройствами, текстов переписки, почтовых и иных сообщений в ходе производства осмотра и компьютерно-технических экспертиз изъятых абонентских устройств, без получения судебного решения.

Однако, Конституционный суд не принял жалобу к рассмотрению, отметив, что «…Проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ» [10].

Позиция Конституционного суда РФ по данному вопросу достаточно спорна, поскольку, **во-первых, в своем** определении от 28.02.2017 N338-О он разъяснил, что если в ходе осмотра мобильного телефона владелец самостоятельно сообщает об установленном на нем пароле, выражает готовность представить распечатку телефонных соединений с используемого им номера не возражает против исследования имеющихся в телефоне сообщений и сведений о телефонных соединениях, нарушение конституционного права не усматривается [11]. Исходя из этого, в противном случае, если такой доступ получен без согласия, то нарушение имеет место быть. Очевидна непоследовательность Высокого суда в своих решениях. Во-вторых, Конституционный суд РФ, на наш взгляд, не учитывает, то, что телефон как мобильное средство связи и как электронный носитель информации обладает огромным количеством разнообразной информации о его пользователе, которая подпадает под гарантии установленные ст. 23 Конституцией РФ и УПК РФ.

Учитывая важность информации, которая может быть в мобильных (сотовых) средствах связи, ее разновидность и даже ограниченность в доступе и неоднозначность урегулирования,- все это породило в уголовном судопроизводстве парадоксальную ситуацию, когда доступ к одним и тем же защищаемым Конституцией РФ сведениям возможен в одних случаях только с судебного решения, гарантируя и защищая ее, а в других к той же информации- такое решение не требуется. К тому же хранение информации может быть не на самом телефоне, а в облачных сервисах, что окончательно запутывает, поскольку непонятно у кого и что изымать, а главное в каком порядке и кто должен предоставить к ней доступ.

Думается, что такая парадоксальная ситуация сложилось из-за механического подхода законодателя к отнесению тех или иных сведений к конкретному виду

доказательств без учета их специфики и особенностей появления в уголовном деле, что не может способствовать беспрекословному соблюдению законности получения доказательств и защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [7, с. 574]. Как представляется, мобильные средства связи не просто выступают как носитель электронной информации, но и как средство связи может предоставить доступ следователю (дознавателю) к сообщениям и данным о соединениях между абонентами и другие сведения, имеющие значение для уголовного дела. Для обеспечения реализации ст. 23 Конституции РФ следует предусмотреть в УПК РФ норму, закрепляющую, что в случаях отказа добровольно предоставить доступ к сведениям, находящимся в мобильных средствах связи, снятие информации с этих устройств возможно только на основании постановления судьи. Именно так в ряде стран Европы разрешен доступ к сведениям, раскрытие которых существенно может навредить человеку возможно только на основании судебного решения. Так, в ФРГ контроль телекоммуникаций и выемка доказательств возможна только на основании распоряжения суда, только в исключительных случаях это возможно прокуратурой с обязательным уведомлением суда [9, С. 130-131]. В Австрии все следственные действия, направленные на получение сведений с технических средств, производятся с распоряжения суда, за исключением преступлений связанных с похищением человека [9, С. 182–184]. В республики Казахстан негласное следственное действие «негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации» производится с санкции следственного судьи, специализированного межрайонного следственного суда на основании мотивированного постановления лица, осуществляющего досудебное расследование, либо иных лиц правомочных выносить соответствующее постановление (ст. ст. 231,232, 234 УПК Республики Казахстан) [12].

Список литературы:

1. Васюков В.Ф. Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий: новеллы законодательства и проблемы правоприменения / Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 8–14.

2. Гаврилов Б.Я. Получение доказательств и информации с электронных носителей: вопросы законодательного регулирования и правоприменения // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 3. С. 32–36.

3. Дурасов А. Улики, записанные в смартфоне. Как данные из приложения становятся доказательством вины / Информационное агентство России «ТАСС». URL: https://tass.ru/obschestvo/7517591 (дата обращения: 26.02.2020).

4. Кривошапко Ю. Предъявите ваш телефон / Рос. газ. № 25 (8079) 2020. 6 фев.

5. Литовченко А. Фантастика как предчувствие/ специальный проект RGRUdigital. URL: https://rg.ru/ 2015/01/23/fantast-site.html (дата обращения: 26.02.2020).

6. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593.

7. Саможнев А. Часы саудовского журналиста зафиксировали его убийство / Рос.Газ. 2018. 13 нояб. URL: https://rg.ru/2018/10/13/smi-chasy-saudovskogo-zhurnalista-zafiksirovali-ego-ubijstvo.html (дата обращения: 26.02.2020).

8. Смирнова Е. Телефончик не просите / Рос. газ. № 10 (8064) 2020. 21 янв.

9. Уголовный процесс Европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцика. М., 2019. 752 с.

10. Определение Конституционного суда РФ от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.2020).

11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 338-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.2020).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (рус.яз.) (с изм. и доп. от 01.04.2019). Алматы.

Фадеева Е.И.

к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск
fadeeva_ei.84@mail.ru

РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСОВ О ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация*: на основании норм действующего уголовно-процессуального законодательства и изученной судебной практики в статье рассматриваются вопросы признания доказательств недопустимыми в ходе рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей. Автором анализируется возможность сторон ставить под сомнение достоверность доказательств в присутствии присяжных заседателей.*

Ключевые слова*: уголовное дело, суд, присяжные заседатели, недопустимые доказательства, достоверность доказательств.*

Fadeeva E.I.
Ph.D(Law),
Federal state budgetary educational institution
higher education «National research
Mordovia state University. N.P. Ogarev»,
Saransk

CONSIDERATION OF QUESTIONS ABOUT THE ADMISSIBILITY AND RELIABILITY OF EVIDENCE DURING THE CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES IN COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURORS

Abstract*: based on the norms of the current criminal procedure legislation and the studied judicial practice, the article deals with the issues of recognizing evidence as inadmissible during the consideration of criminal cases by a court with the participation of jurors. The author analyzes the possibility of the parties to question the reliability of evidence in the presence of jurors.*

Keywords*: criminal case, the court, the jury, inadmissible evidence, the reliability of the evidence.*

При рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей УПК РФ предусматривает особенности исследования доказательств в присутствии коллегии присяжных заседателей, в том числе в части рассмотрения вопросов о признании доказательств недопустимыми.

В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ.

Чтобы присяжные заседатели не могли принимать участие в исследовании доказательств, которые могут быть признаны недопустимыми, и с целью недопущения вынесения вердикта на основании таких доказательств, законодатель предусмотрел особенности при рассмотрении вопроса о признании доказательств недопустимыми в ходе рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей.

Согласно ч. 5 ст. 335 УПК РФ судья по собственной инициативе, а также по ходатайству сторон исключает из уголовного дела доказательства, недопустимость которых выявилась в ходе судебного разбирательства. В соответствии с ч. 6 ст. 335 УПК РФ если в ходе судебного разбирательства возникает вопрос о недопустимости доказательств, то он рассматривается в отсутствие присяжных заседателей. Выслушав мнение сторон, судья принимает решение об исключении доказательства, признанного им недопустимым.

В п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 разъяснено, что вопрос о допустимости доказательств разрешается председательствующим как на предварительном слушании, так и в судебном разбирательстве в отсутствие присяжных заседателей. В этих целях стороны вправе сообщить председательствующему о наличии у них таких ходатайств, не раскрывая их содержания в присутствии присяжных заседателей. При наличии оснований для признания доказательства недопустимым председательствующий выносит мотивированное постановление о его исключении. В соответствии с частью 7 статьи 235 УПК РФ суд по ходатайству стороны вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного ранее доказательства допустимым [8].

Обоснованной представляется позиция Л.Д. Калинкиной, В.В. Сотковой и С.Н. Фирсова о том, что заявляя ходатайство о признании доказательств недопустимыми, «адвокат-защитник должен исходить из положений УПК РФ, устанавливающих основания для признания доказательств недопустимыми, а также порядок их заявления, рассмотрения и разрешения в ходе судебного производства в суде первой инстанции» [1, с. 95].

В судебной практике имеют место случаи, когда адвокаты-защитники обсуждают в присутствии присяжных заседателей вопросы относительно допустимости доказательств, что может повлечь отмену приговора. Например, Верховный Суд РФ, отменяя приговор Ленинградского областного суда с участием присяжных заседателей от 14 ноября 2012 г., указал на следующие нарушения: «В нарушение ч. ч. 6, 7 ст. 335 УПК РФ защитники подсудимого в ходе судебного заседания в присутствии присяжных заседателей обсуждали вопросы, не подлежащие доведению до сведения присяжных заседателей, связанные с допустимостью доказательств, способные вызвать у них предубеждение к качеству работы предварительного следствия и государственного обвинения, отрицательно повлиять на их беспристрастность и формирование мнения по делу» [7]. Представляется, что подобные высказывания со стороны адвокатов-защитников имеют целью породить у присяжных заседателей сомнения относительно качества доказательств, собранных стороной обвинения.

Если председательствующий полагает, что какое-либо из доказательств может быть признано недопустимым, но никто из участников судебного разбирательства не ходатайствовал об исключении данного доказательства, хотя просят исследовать, то председательствующему необходимо обсудить со сторонами вопрос о допустимости такого доказательства в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 334 и ч. 6 ст. 335 УПК [6].

Л.Д. Калинкина, В.В. Соткова и С.Н. Фирсов справедливо пишут, что неопределенность законодательных оснований для признания доказательств недопустимыми на практике приводит к тому, что при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей, как правило, ходатайства о признании доказательств недопустимыми, заявляемые адвокатами-защитниками, оставляются без удовлетворения [1, с. 104].

Вместе с тем непринятие председательствующим мер по признанию доказательств недопустимыми является основанием для отмены приговора. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ был отменен приговор Красноярского краевого суда с участием присяжных заседателей от 20 июня 2019 г. ввиду следующего. «Так, в ходе судебного разбирательства присяжным заседателям по ходатайству государственного обвинителя в качестве доказательств были представлены: –

явка с повинной, написанная собственноручно Поповой, а также видеозапись разговора Поповой с сотрудником полиции (т. 8 л.д. 92)… Как следует из материалов дела, Попова была доставлена в отдел полиции (ОМВД России по г. …) 29 августа 2017 года, то есть фактически была задержана, но, несмотря на это, ей не были разъяснены процессуальные права, в том числе пользоваться услугами адвоката(т. 5 л.д. 70)…Кроме того, по ходатайству стороны обвинения в ходе судебного следствия (т. 8 л.д. 58) присяжным заседателям был представлен акт о применении служебной собаки (т. 3 л.д. 240), составленный инспектором-кинологом, что дало основание стороне обвинения ссылаться на этот акт в прениях сторон. Между тем, данный акт составлен до возбуждения уголовного дела лицом, не уполномоченным на проверку сообщения о преступлении и не фиксирует производство какого-либо из предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ действий, результаты которых непосредственно могут быть использованы в качестве доказательств по данному делу. Указанный акт отражает лишь проведение сотрудниками органа дознания розыскных действий, направленных на поиск следов преступления и не может содержать сведений, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Председательствующий по делу не только не принял мер по устранению недопустимых доказательств из судебного следствия с участием присяжных заседателей, но и привел их в напутственном слове (т. 7, лд.лд. 175–192).

Таким образом, председательствующий указал присяжным заседателям на то, что эти доказательства должны быть приняты во внимание при вынесении вердикта. Постановление суда от 4 июня 2019 года (т. 7 лд.лд. 147–151) об отказе в удовлетворении ходатайства стороны защиты об исключении из числа доказательств – протокола явки с повинной и видеозаписи проведения в отношении Поповой оперативно-розыскных мероприятий, по мнению судебной коллегии, нельзя признать законным и обоснованным» [2]. Аналогичные нарушения были допущены председательствующим и по другому уголовному делу [3].

Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда председательствующие неправомерно признают доказательства недопустимыми по ходатайствам адвокатов-защитников. В связи с нарушением в ходе судебного разбирательства требований уголовно-процессуального закона отменен приговор Самарского областного суда с участием присяжных заседателей от 27 мая 2019 г., в частности, по следующему основанию. «Из протокола судебного заседания усматривается, что по ходатайству адвоката Ткача председательствующий в соответствии с частью пятой статьи 335 УПК РФ исключил из числа доказательств протокол очной ставки между Фроловым и Полубеловым, поскольку имеющиеся в протоколе данного следственного действия исправления не удостоверены подписями участвовавших в нем адвокатов. Вместе с тем, согласно части шестой статьи 166 УПК РФ при ознакомлении с протоколом следственного действия, участвующие в этом действии лица имеют право внести в протокол замечания и уточнения, которые должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц. Как видно из протокола очной ставки, проведенной между Фроловым и Полубеловым, все уточнения и дополнения в данном протоколе удостоверены подписями допрашиваемых и следователя, протокол был прочитан лично участниками очной ставки, заявлений от них не поступило, что засвидетельствовано их подписями, в том числе и адвокатов. При таких обстоятельствах решение председательствующего об исключении из числа доказательств протокола очной ставки, проведенной между Полубеловым и Фроловым нельзя признать обоснованным.

Ошибочное исключение из разбирательства протокола очной ставки ограничило гарантированное законом право уголовного судопроизводства на предоставление доказательств и могло повлиять на содержание ответов присяжных заседателей на поставленные перед ними вопросы» [4]. Следует также отметить, что если по делу какое-либо доказательство признано недопустимым, то с участием присяжных заседателей не могут быть допрошены и участники этого следственного действия по обстоятельствам, о которых было указано в этом протоколе.

В пункте 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 разъяснено, что при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей стороны не вправе сообщать присяжным заседателям о наличии в деле доказательства, исключенного ранее по решению суда. Председательствующий, руководствуясь статьями 243 и 258 УПК РФ, обязан принимать необходимые меры, исключающие возможность ознакомления присяжных заседателей с недопустимыми доказательствами, а также возможность исследования вопросов, не входящих в их компетенцию. Если исследование недопустимых доказательств состоялось, то обсуждение вопроса о признании их не имеющими юридической силы производится в отсутствие присяжных заседателей с последующим разъяснением им существа принятого решения. Кроме того, при произнесении напутственного слова судья должен обратить внимание присяжных заседателей на то, что их выводы о виновности подсудимого не могут основываться на доказательствах, признанных недопустимыми.

Если решение об исключении доказательства состоялось после ознакомления с указанным доказательством присяжных заседателей, то председательствующий должен довести до сведения присяжных резолютивную часть постановления об исключении доказательства и разъяснить присяжным заседателям, что они не должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта [10].

В соответствии с ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ определения или постановления об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и другие судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу, за исключением судебных решений, указанных в части третьей данной статьи. Вместе с тем в ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ в перечень определений и постановлений судьи, подлежащих обжалованию, не включено постановление судьи об исключении доказательств или об отказе в этом. Представляется, что при рассмотрении уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в УПК РФ следует предусмотреть возможность обжало-

вания стороной по делу постановления судьи об исключении доказательства по делу или об отказе в этом. Это позволит, по нашему мнению, существенно снизить количество отмененных приговоров, вынесенных судом присяжных, по данному основанию.

Свойствами доказательств является их относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Вместе с тем, как указывает С. Пашин, «допустимое доказательство может быть недостоверным, а достоверное – недопустимым… Оспаривать достоверность допустимых доказательств – можно и нужно» [9, с. 8].

В ходе рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей возникает вопрос, вправе ли стороны в присутствии присяжных заседателей ставить под сомнение достоверность доказательств. Представляется, что стороны вправе ставить под сомнение достоверность доказательств. В одном из своих апелляционных определений Верховный Суд РФ указал, что ставить под сомнение достоверность доказательств является правом стороны и указал на следующие недопустимые действия председательствующего: «Председательствующим судьей дано неправильное толкование ч. 7 ст. 335 УПК РФ, предусматривающей возможность исследования в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей только тех фактических обстоятельств уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ, а также ст. 252 УПК РФ, которая содержит положения о том, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Данные нормы закона не запрещают подсудимому доводить до присяжных заседателей информацию об инкриминированных ему деяниях, в том числе и о причастности к этим деяниям лиц, не привлеченных к уголовной ответственности…Недопустимо также разъяснение председательствующего присяжным заседателям о том, что они не должны принимать во внимание фразу защитника П. о «сомнительности» свидетеля стороны обвинения.

Ставить под сомнение достоверность доказательств, в том числе показаний допрошенных в суде свидетелей, является правом сторон, которые в прениях перед присяжными заседателями дают свою оценку исследованным в суде доказательствам, пытаясь убедить присяжных заседателей в виновности или невиновности подсудимого» [5].

Список литературы:

1. Адвокат-защитник в суде с участием присяжных заседателей: монография / [А.И. Амелин и др.; под ред. Л.Д, Калинкиной]. Саранск, 2017. 172 с.

2. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 декабря 2019 г. № 53-АПУ19-23СП // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.02.2020).

3. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 18-АПУ19-23СП // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.02.2020).

4. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 ноября 2019 г. № 46-АПУ19-12сп // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.02.2020).

5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2015 г. № 51-АПУ15-3сп // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.02.2020).

6. Давыдов В.А., Дорошков В.В., Зеленин С.Р. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в двух частях, часть вторая; под ред. В.М. Лебедева; 8-е изд., перераб. и доп.). М.: Юрайт, 2019. // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.02.2020).

7. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11 февраля 2013 г. № 33-О13-1сп // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.02.2020).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (с посл. изм. и доп. от 15 мая 2018 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.02.2020).

9. Пашин С. В сетях неправовых предписаний // Адвокатская газета. 2018. № 11. С. 8.

10. Рабцевич О.И., Раменская В.С., Рябкова О.В. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 912 с.

Федюнин А.Е.
д.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
aef@bk.ru

Перетятько Н.М.
к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
naperetyatko@yandex.ru

Алферов В.Ю.
к.ю.н., доцент,
Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
г. Саратов
va18343@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРОВОДИМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Аннотация*: статья посвящена актуальной и мало исследованной проблеме доказательственного значения результатов оперативно-розыскных мероприятий с при-*

менением технических средств. В работе были использованы основные общенаучные методы (диалектический, системного анализа, дедукция и индукция, сравнений и аналогий, формально-юридический). Основной результат работы состоит в том, что в ней обосновывается необходимость уточнения норм законодательства, регламентирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий с применением технических средств, и приведения его в соответствие с требованиями Конституции РФ в области обеспечения прав и свобод человека.

Ключевые слова*: оперативно-розыскные мероприятия, доказывание, технические средства, права и свободы человека.*

Fedyunin A.E.
Dr.Sci(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

Peretyatko N.M.
Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

Alferov V.Yu.
Ph.D(Law), Associate Professor,
Saratov Social and Economic
Institute (branch) of REU named after
G.V. Plekhanova(hidden),
Saratov

TO THE QUESTION OF THE EVIDENTIAL VALUE OF THE RESULTS OF OPERATIVE-SEARCH EVENTS CARRIED OUT WITH THE USE OF TECHNICAL MEANS

Abstract*: the article is devoted to an urgent and little-studied problem of the evidentiary value of the results of operational-search measures using technical means. In the work, the basic general scientific methods were used (dialectical, system analysis, deduction and induction, comparisons and analogies, formal legal). The main result of the work is that it substantiates the need to clarify the rules of law governing the conduct of operational-search measures using technical means in the investigation of criminal cases, and bringing it into line with the requirements of the Constitution of the Russian Federation in the field of ensuring rights and freedoms person*

Keywords*: article operational investigative measures, proving, technical means, human rights and freedoms.*

Проблема использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности остается одной из проблем уголовного судопроизводства. Ключевым элементом данной проблемы является то, что многие оперативно-розыскные мероприятия ограничивающие конституционные права граждан и проводящиеся на основании решения суда по своему содержанию и результатам схожи с мероприятиями ведомственного санкционирования, для которых такое решение не требуется. В то же время уголовно-процессуальное законодательство налагает на доказательства жесткие рамки, не допускающие возможности осуществления любых действий, ограничивающих конституционные права граждан без судебного решения. Таким образом, возникает проблема конкретизации содержания оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых могут использоваться в доказывании, что позволит определить их доказательственное значение в уголовном судопроизводстве.

В рамках оперативно-розыскного сопровождения расследования уголовных дел наиболее широкие возможности для применения различных технических средств предоставляются оперативным работникам при осуществлении наблюдения – оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренного п. 6 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (Далее – ФЗ об ОРД) [8]. К сожалению, ФЗ об ОРД не дает даже краткого определения данному мероприятию, оставляя его на усмотрение правоприменителя и ведомственного нормативно-правового регулирования, однако из многочисленных комментариев к данному Закону, а также сложившейся практики оперативной работы его можно охарактеризовать его как негласное слежение за лицами, подозреваемыми в совершении преступлений, которое может проводиться в любых местах и любыми способами, не противоречащими действующему законодательству.

В современных условиях рассматриваемое мероприятие практически всегда осуществляется с применением технических средств различного назначения, используемых как гласно, так и под прикрытием, с применением легендирования действий оперативных сотрудников. Основным требованием к порядку его проведения является непрерывность, в связи с чем, наблюдение может осуществляться как по месту работы, жительства, учебы отдыха разрабатываемых лиц, так и в их в транспортных средствах, на маршрутах передвижения и в других условиях. Естественно, что проведение такого рода мероприятий сопряжено с необходимостью передачи и обработки информации и применением информационно-телекоммуникационных технологий.

В современных условиях, наиболее распространенная классификация наблюдении, принятая большинством авторов подразделяет его на 3 вида: комплексное, физическое и электронное [4, с. 32], аналогичная схема принята уже давно принята в законодательстве США [5, с. 55], которые являются лидером как по уровню технического обеспечения данного мероприятия, так и по накопленному опыту его применения начиная с 30 годов прошлого века. В то же время, следует отметить, что исходя из смысла и содержания данного мероприятия, рассматриваемое нами деление представляется достаточно условным, поскольку его проведение в существующих реалиях практически никогда не бывает в «чистом виде», как без использования различных технических средств, так и органов восприятия наблюдателя.

Представляется, что в современных условиях быстрого развития техники и средств коммуникаций, данное оперативно-розыскное мероприятие следует рассматривать как комплексное, с использованием всех видов

технических средств, непосредственно предназначенных для наблюдения, средств фиксации наблюдаемых событий на материальные носители, а также средств телекоммуникаций, позволяющих в реальном времени удаленно наблюдать за происходящим и корректировать действия сотрудников, непосредственно осуществляющих мероприятие. Особенно важное значения данная схема имеет для дальнейшей реализации полученных материалов в ходе уголовного судопроизводства и приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, поскольку полное документирование и фиксация всех действий с реальной привязкой в временной шкале, позволит в полной мере гарантировать придание результатам ОРД всех необходимых свойств доказательств.

Оперативно-розыскное наблюдение, проводимое любым способом, является действием, существенно ограничивающим конституционные права граждан, в связи с чем, на его санкционирование, планирование и проведение должны налагаться соответствующие ограничения, исключающие возможность нарушения закрепленных в Конституции гражданских прав. Согласно ст. 9 Закона «Об ОРД» наблюдение ограничивающее, закрепленные в Конституции РФ основные права граждан, к которому, в силу вышеупомянутых причин относятся все виды наблюдения с использованием технических средств, а также наблюдение, связанное с ограничением права на неприкосновенность частной жизни и жилища, должно проводиться исключительно на основании судебного решения.

Действующее законодательство ограничивает не только пределы проведения рассматриваемого мероприятия с использованием технических средств, но также и варианты использования полученной информации. Так, например, п. 4 Определения Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 года гласит, что «при проведении наблюдения не допускается сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни проверяемого лица, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений или решением других задач оперативно-розыскной деятельности» [6]. По общему правилу, закрепленному в ст. 89 УПК РФ, результаты наблюдения с использованием технических средств, также как и все другие результаты оперативно-розыскной деятельности, передаваемые органам предварительного расследования в соответствии со ст. 11 ФЗ «Об ОРД», могут использоваться в доказывании по уголовным делам, если порядок их получения и документирования не противоречит требованиям к доказательствам, предъявляемым УПК РФ.

По данному вопросу Ю.В. Кореневский и М.Е. Токарева отмечают, что «в некоторых случаях проведение оперативно-розыскного мероприятия под названием наблюдение может ограничивать права граждан на неприкосновенность жилища» [3, с. 70]. Данное мнение, мы полностью разделяем, поскольку независимо от того, осуществляется ли нарушение неприкосновенности жилища путем физического проникновения в него человека, либо это происходит путем использования технических средств, на данное ОРМ должны распространяться все ограничения, установленные ст. ст. 23 и 25 Конституции РФ и ч. 2 ст. 8 Закона «Об ОРД», то есть судебный порядок санкционирования его проведения. На данную проблему обращали внимание также и другие авторы В.В. Каминский, В.В. Коряковцев, К.В. Питулько [1], которые связывали возможность осуществления оперативного наблюдения в местах работы и проживания разрабатываемых лиц, а следовательно с нарушением конституционного права на неприкосновенности жилища и частной жизни.

Проблема регламентации порядка и условий дистанционного получения информации о происходящем в помещениях при производстве оперативно-розыскных мероприятий остается актуальной на протяжении как минимум последних 20 лет и единого решения, которое удовлетворили бы всех заинтересантов до настоящего времени не найдено. Так, например, еще в 2001 году в научном докладе «Теория и практика применения органами внутренних дел закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» [7, с. 5] отмечалось, что ни Закон «Об ОРД», ни ведомственные нормативные акты не регламентируют порядок и условия такого способа получения информации. В связи с чем «возникают затруднения при отнесении этих действий к определенному виду ОРМ (прослушивание телефонных переговоров или обследование помещений, зданий, сооружений) и остаются неясными вопросы: будут ли в подобных ситуациях иметь доказательственную силу результаты ОРМ, проведенного без судебного решения, и не подпадают ли действия оперативных работников под признаки преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ?

Из-за отсутствия в Законе «Об ОРД» и вообще в действующем законодательстве четкого определения понятия «нарушение неприкосновенности жилища» неясно, требуется ли судебное решение для визуального или слухового контроля за поведением и разговорами разрабатываемых без проникновения в их жилища».

Однако несмотря на то, что рассматриваемая ними проблема имеет довольно большую историю, в действующем законодательстве до сих пор только не закреплена обязательность судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, связанных с удаленным получением аудиовизуальной информации в жилище, а также местах нахождения граждан, но и не определено само понятие «неприкосновенность», которое позволило бы связать конституционные нормы с уголовно-процессуальным о оперативно-розыскным законодательством в сфере регулирования правоотношений, связанных с ограничением неприкосновенности жилища. В связи с тем, что законодательно закрепленное понятие неприкосновенности в настоящее время отсутствует, ряд авторов делает предположение о возможности нарушения неприкосновенности жилища, не только путем физического проникновения в него человека, при помощи технических средств управляемых дистанционно путем средств телеуправления, а также получения информации с помощью средств телекоммуникаций [2, с. 344].

Мы поддерживает данную точку зрения и полагаем, что современный уровень развития систем передачи информации и в целом технических средств, вполне допускает нарушение неприкосновенности жилища без физического проникновения в него человека, путем дистанционной установки в его границах устройств, позволяющих вести

аудиальное и визуальное наблюдение за происходящим внутри и передавать полученную информацию на любое расстояние с последующей ее записью и хранением. Кроме того, современные и перспективные разработки в области получения информации позволяют вести наблюдение за происходящим в жилище без физического нарушения его границы, находясь как в непосредственном контакте с границами жилища, так и вне его пределов, что по своей сути является тем же самым нарушением неприкосновенности жилища, которое однако, находится вне сферы судебного контроля и санкционирования.

Таким образом, по нашему мнению, в настоящее время имеется необходимость законодательного определения понятия «неприкосновенность» применительно к сфере оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства, с целью охвата всех правоотношений связанных с получением информации, находящейся внутри жилища судебным контролем. В связи с этим следует дополнить ст. 139 УК РФ примечанием 2 следующего содержания: «Под нарушением неприкосновенности жилища в настоящей статье, а также в других статьях настоящего Кодекса понимается всякое открытое или тайное вторжение в него лиц, которые по закону не вправе находиться в нем, а также установка и использование внутри жилища, либо вне его технических средств, предназначенных для получения информации о происходящем внутри жилища помимо воли проживающих лиц, либо без решения суда».

Список литературы:

1. Каминский В.В., Коряковцев В.В., Питулько К.В. Законодательное и организационное обеспечение расследования и судебного разбирательства по уголовным делам, связанным с организованной преступной деятельностью. URL: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1116155&subID=100073759,100073761,100073766 (дата обращения: 20.02.2020).

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Е.Б. Абросимова, В.И. Андрианов, Г.В. Васильева и др. ; под общ. ред. В.Д. Карповича. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт-М; Новая правовая культура, 2002. 959 с.

3. Кореневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: методическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2000. С. 70.

4. Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия: учебно-практическое пособие. М.: Щит-М, 1999. 107 с.

5. Пешков М. Прослушивание и электронное наблюдение в уголовном процессе США // Российская юстиция. 1997 г. № 4. С. 55–56.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // ВКС РФ. 1998. № 6.

7. Теория и практика применения органами внутренних дел Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»: научный доклад. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2001. 25 с.

8. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 1995. № 33. ст. 3349.

Франциформов Ю.В.
д.ю.н., профессор,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
franciforov@mail.ru

Царев Ю.Н.
к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
mr.carev.56@mail.ru

РОЛЬ И МЕСТО ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Аннотация*: в статье рассматриваются вопросы использования информационных технологий в уголовно-процессуальном доказывании, которые связаны с совершенствованием, развитием и активным применением компьютерной техники, для перехода от материальной к информационной процедуре доказывания вызванной проникновением телекоммуникационных технологий в сферу уголовного процесса.*

Ключевые слова*: уголовно-процессуальное доказывание, электронные доказательства, компьютерная техника, информационные технологии.*

Franciforov Yu. V.
Dr.Sci(Law), Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

Tsarev Yu.N.
Ph.D(Law),
Saratov State Law Academy,
Saratov

THE ROLE AND PLACE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEDURAL PROOF

Abstract*: the article deals with the use of information technologies in criminal procedural proof, which are associated with the improvement, development and active use of computer technology, for the transition from the material to the information procedure of proof caused by*

the penetration of telecommunications technologies in the criminal process.

Keywords*: criminal procedure evidence, electronic evidence, computer technology, information technology.*

В основе правовых отношений участников уголовного судопроизводства лежат информационные процессы, поскольку их взаимоотношения строятся на любых сведениях, с помощью которых устанавливаются обстоятельства подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу.

Так, в ходе предварительного расследования осуществляется взаимодействие участников уголовного судопроизводства со стороны защиты и со стороны обвинения, представляющих информацию в виде различных источников доказательств, получившую закрепление в нормативных правовых актах. В результате расследования собирается, проверяется и оценивается информация в виде фактических данных, отражаемая в процессуальных решениях, которые будут востребованы на стадии судебного разбирательства.

Структура доказывания в уголовном судопроизводстве соответствует постулатам доказывания, установленные в общей теории права, определяющие, что доказывание – это деятельность по обнаружению, сбору и фиксации доказательств, а также по их анализу на предмет достаточности для установления истины по делу [13, с. 236; 9, с. 576].

Анализируя построение процесса доказывания в уголовном судопроизводстве, мы убеждаемся, что вся деятельность органов предварительного расследования прокуратуры и суда по собиранию, проверки и оценки доказательств, носит информационно-правовой характер, обусловленный внедрением в работу правоохранительных органов новых информационных технологий, компьютерных и консультационных систем, на базе идей искусственного интеллекта.

Уголовное судопроизводство, как и все современное человечество, озабочено вопросами совершенствования технических средств, в виде телекоммуникационных технологий, направленных на обеспечение и использования достоверных знаний, обеспечивающих накопление информации и оперативного получения результатов ее переработки.

Роль и место информационных технологий в уголовно-процессуальном доказывании связаны с необходимостью исследования его особенностей с использованием электронных доказательств в ходе их собирания, проверки и оценки.

Так, преимуществами собирания электронных доказательств являются наглядность, визуализация, скорость фиксации и передачи, а также возможности автоматического исследования огромных массивов данных, позволяющие установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу [10, с. 231–236].

Вместе с тем, собирание электронных доказательств возможно в ходе производства следственных действий, позволяющие изъять электронные носители информации на основании: – судебного решения; – постановления о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации; – отсутствия полномочий на хранение и использование информации владельцем электронного носителя информации, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение (п. 1–3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ).

Законодатель собирание доказательств в уголовном процессе связывает с деятельностью следователя, дознавателя, прокурора и суда, которая направлена на производство следственных и иных процессуальных действий, представление подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями письменных документов и предметов для приобщении их к уголовному делу, а также на действия защитника по получению предметов, документов и иных сведений, в том числе опросу лиц, а также истребованию справок, характеристик и иных документов (ч. 1–3 ст. 86 УПК РФ).

Интересны суждения ученых относительно характеристики процедуры собирания доказательств. Так, М.А. Чельцов процедуру собирания доказательств представляет как начальный элемент доказывания в виде обнаружения средств доказывания, извлечения из них подлежащих установлению фактов и закрепления полученных данных [16, с. 148].

По мнению Р.С. Белкина и А.И.Винберга, собирание доказательств – это действия по обнаружению, фиксации, изъятия и сохранению доказательств [1, с. 182].

Ц.М. Каз по этому поводу писала, что деятельность органов государства по собиранию доказательств носит активный и творческий характер, требующая проведения процессуальных действий направленных на розыск доказательств, их выяснение и закрепление [5, с. 27], которая по нашему мнению вполне применима и к современному уголовному судопроизводству.

Вполне логично, что в современном уголовном процессе, при обнаружении электронных носителей информации, находящихся на карте флеш-памяти, компакт диске или внутреннем жестком магнитном накопителе компьютера лица, подозреваемого в совершенном преступлении, появляется необходимость их изъятия в виде электронных доказательств.

Так, Н.А. Громов и ряд его соавторов несколько шире трактуют процедуру собирания доказательств, включая в нее действия направленные на поиск, обнаружение, истребование, получение и последующее закрепление в установленном законом порядке доказательственной информации [3, с. 65].

Следует согласиться с М.С. Строговичем, в отношении начального момента доказывания, состоящего из обнаружения, рассмотрения и закрепления доказательств; до тех пор, пока доказательство не рассмотрено и не закреплено процессуально, нельзя утверждать, что доказательство действительно обнаружено, так как еще неизвестно, что именно обнаружено и является ли действительно доказательством то, что обнаружено [14, с. 302].

Поэтому, главными элементами собирания доказательств, в том числе его электронной составляющей, служат обнаружение и закрепление, так как фиксация

и удостоверение электронной информации содержит ее доказательственное значение, обусловленное процессом оформления доказательства компетентным должностным лицом по правилам работы с цифровой информацией и в соответствии с требованиями УПК РФ.

Рассматривая процедуру проверки фактических данных полученных в ходе собирания электронной информации в процессе доказывания, то она осуществляется с целью сопоставления их с другими доказательствами, содержащихся в материалах уголовного дела, а также для установления их источников, в том числе получения новых доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ст. 87 УПК РФ).

Так, Л.Д. Кокарев и Н.П. Кузнецов считают, что проверка доказательств обусловлена изучением источника информации, условий обнаружения и формирования доказательств, обстановки, при которой обнаружены вещественные доказательства, взаимоотношения участников процесса, выяснением квалификации эксперта и иные обстоятельства, указывающие на достоверность доказательств [6, с. 222, 223].

Проверка доказательств – это осуществляемая в установленной законом форме практическая деятельность органов расследования по установлению допустимости исходных доказательственных материалов, собранных в процессе доказывания, а также определение источников доказательств и извлечение из них достоверной и относимой доказательной информации, для установления доказательств, необходимых для достижения искомого знания о предмете доказывания [15, с. 7].

Следует заметить что законодатель не находит в числе проверочных действий, такие из них, которые были бы связаны с проверкой электронных доказательств. Однако задача проверки электронной информации является весьма актуальной, поскольку вызвана активным применением технических средств для установления источника электронных доказательств, сопоставления его с другими доказательствами, в том числе проверки корректности работы программного обеспечения и исправности оборудования с которого была снята электронная информация.

Рассматривая процедуру оценки доказательств, следует заметить, что законодатель ее раскрывает в виде отдельных правил(ч. 1–4 ст. 88 УПК РФ).

Оценка доказательств (в уголовном и гражданском судопроизводстве) является гарантией законного решения по делу, поскольку она представляет собой деятельность, направленную на определение относимости и допустимости доказательств, а также их достоверности и достаточности [7, с. 77].

Однако критерии оценки электронных (компьютерных) доказательств, необходимо определять в зависимости от механизма ее образования, подразделяя их на психологические, гносеологические и юридические, устанавливая в качестве юридического основания положения закона о процессуальном порядке получения и закрепления компьютерной информации, правилах оценки компьютерной информации как доказательства, а также требования закон в отношении прав тех лиц, чьи интересы затрагиваются данным видом информации [4, с. 14-15].

Таким образом, при рассмотрении особенностей оценки электронных доказательств, необходимо, что бы дознаватель, следователь, прокурор и суд были свободны в оценке доказательств, поскольку никакие доказательства, в том числе электронные, не имеют для них заранее установленной силы, т.к. оценка производится по внутреннему убеждению, основанному на совокупности собранных и проверенных доказательств, в соответствии с требованиями закона [8, с. 42].

Вопрос об использовании информационных технологий в уголовно-процессуальном доказывании позволяет прийти к выводу о требовании перевода материальной части процедуры доказывания к информационной составляющей, которая вызвана переходом телекоммуникационных технологий в сферу уголовного судопроизводства, поскольку позволяет документирование в письменном виде, как материальную часть доказывания, перевести на электронный носитель информации, представляющий более совершенную форму закрепления и представления доказательственной информации.

Использование компьютерных технологий при производстве по уголовному делу не дают повода признать факт появления такого вида доказательств, как электронное доказательство, так как электронные средства доказывания позволяют наиболее эффективно использовать все источники доказательств определенные ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Однако, телекоммуникационные технологии привели к использованию такого нового понятия как электронный носитель информации (ст. 81 и ст. 82 УПК РФ), которое успешно используется в уголовно-процессуальной теории доказательств.

По мнению П.С. Пастухова, цифровизация уголовного процесса способствует вытеснению практики получения информации с помощью бумажных носителей; поскольку вся электронная информация станет привычной средой для раскрытия и расследования преступлений, то введение нового вида электронных доказательств, станет ненужным [12, с. 24].

Следует заметить, что внесение изменений теории уголовно-процессуального права связано с созданием нового информационного общества на основе компьютерных технологий, обусловленных эффективностью производства по уголовному делу и необходимостью обеспечения информационной безопасности не только отдельных участников уголовного судопроизводства, но и всего государства и российского общества в связи с возросшими, за последние годы, реальными угрозами со стороны киберпреступности.

Так, появление информационных технологий в уголовно-процессуальном доказывании позволило законодателю ввести в уголовный процесс использование таких электронных документов как ходатайство, заявление, жалоба, представление, судебное решение; копия судебного решения, изготовленная в электронной форме и заверенная электронной подписью, по желанию участника судопроизводства может быть направлена ему по сети «Интернет (ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ).

Использование информационных технологий имеет важное значение при собирании доказательств, в ходе производства следственных действий, где особое вни-

мание уделяется обнаружению электронных сообщений или иных передаваемых сведений с помощью электронных носителей информации; если фактические данные содержатся в электронных сообщениях, то следователь по согласованию с судом, производит их осмотр и выемку.

Однако, остается не решенным вопрос о появлении в уголовном процессе электронного доказательства, в виде нового источника доказательств.

По мнению П.С. Пастухова, нет необходимости вводить в уголовный процесс такой новой источник доказательств, как электронное доказательство, так как электронная информация может содержаться в отдельных традиционных доказательствах – заключении и показании эксперта, протоколах следственных и судебных действий, а также иных документах [11, с. 10].

С этой позицией солидарны Р.Г. Бикмиев и Р.С. Бурганов, полагающие, что признаки электронных доказательств могут содержаться в вещественных доказательствах и иных документах [2, с. 18].

Противоположной точки зрения придерживается Н.А. Зигура, полагая, что компьютерная информация является самостоятельным видом доказательств, исходя из ее специфической формы, среды существования, механизма формирования и способа введения ее в качестве доказательств в уголовный процесс или способа преобразования ее в доказательство [4, с. 10].

Подводя итог этой дискуссии, следует отметить, что электронное доказательство в уголовном судопроизводстве – это фактические данные, полученные с электронного устройства или электронного носителя информации, с соблюдением процессуальных правил обнаружения и фиксации, предусматривающие установление носителя электронной информации и составление протокола осмотра (с указанием самого носителя и содержащуюся в нем информации), а также вынесение постановления о приобщении электронной информации к уголовному делу в качестве доказательства.

Список литературы:

1. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. 216 с.

2. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Собирание электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Информационное право. 2015. № 3. С. 18.

3. Громов Н.А., Зайцева С.А., Гущин А.Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе. М.: Приор-издат, 2005. 81 с.

4. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 20 с.

5. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Издательство Саратовского университета. 1960. 105 с.

6. Кокарев Л.Д. Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1995. 272 с.

7. Лебедев М.Ю., Францифоров Ю.В., Чекмарева А.В. Гражданский процесс: учебное пособие для СПО и прикладного бакалавриата. 7 изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 234 с.

8. Манова Н.С. Уголовный процесс: конспект лекций / Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров. 8-е изд., пер. и доп. Сер. 5. Хочу все сдать. М.: Юрайт, 2014. 159 с.

9. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593.

10. Пастухов П.С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С. 231–236.

11. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 22 с.

12. Пастухов П.С. Электронные доказательства в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 24.

13. Право: учебник и практикум / под ред. С.Г. Киселева. М., 2016. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс (2-е изд. перераб. и доп.). 413 с.

14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1969. Т. 1. 470 с.

15. Тетенькин Б.А. Проверка доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 22 с.

16. Чельцов М. Советский уголовный процесс. М., 1962. 503 с.

Холоденко В.Д.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
vdkholodenko@mail.ru

О ПОЛНОМОЧИЯХ СУДА ПО ДОКАЗЫВАНИЮ ВИНОВНОСТИ ПОДСУДИМОГО

Аннотация*: в статье анализируется законодательство, научные положения и правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о роли и полномочиях суда по доказыванию виновности подсудимого, конкретизируются меры, которые могут приниматься судом по созданию условий для осуществления сторонами предоставленных им прав, обосновывается необходимость закрепления в законе полномочий суда кассационной инстанции по исследованию дополнительных материалов.*

Ключевые слова*: суд, цель доказывания, полномочия суда по доказыванию виновности, суд кассационной инстанции.*

Kholodenko V.D.
Dr.Sci(Law), Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov

ON THE POWERS OF THE COURT TO PROVE THE DEFENDANT'S GUILT

Abstract*: the article analyzes the legislation, scientific provisions and legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation on the issue of the role and powers of the court to prove the guilt of the defendant, specifies the measures that can be taken by the court to create conditions for the parties to exercise their rights, justifies the need to fix in the law the powers of the court of cassation to study additional materials.*

Keywords*: court, purpose of proof, powers of the court to prove guilt, court of cassation instance.*

В период с сентября 1979 по декабрь 1987 года мне посчастливилось работать на одной кафедре, слушать лекции, выступления на заседаниях кафедры, методических семинарах и различных научных мероприятиях замечательного человека – доцента кафедры уголовного процесса Саратовского юридического института имени Д.И. Курского Цили Моисеевны Каз. Содержательная и объективная характеристика научно-педагогической и общественной деятельности Цили Моисеевны была дана профессором Корнуковым Владимиром Михайловичем в его выступлении на круглом столе «Доказательства и доказывание», проведенном кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной академии права 12 мая 2005 года [1, с. 39—43].

В науке имя Ц.М. Каз ассоциируется, прежде всего, с проблемами доказывания. Однако диапазон ее научных интересов выходил далеко за пределы указанной проблематики. В ее научных трудах содержатся ответы на многие вопросы, которые в настоящее время дискутируются в теории и возникают на практике: о целях и задачах уголовного судопроизводства; достижении объективной истины как непосредственной цели доказывания; характере, содержании и путях познания истины; понятии доказательств; исследовании, проверке, рассмотрении доказательств; понятии и содержании процессуальных функций; правовых свойствах приговора; гарантиях прав потерпевших при прекращении уголовного дела и др. Труды Цили Моисеевны стали «настольной книгой» для нескольких поколений студентов, магистрантов, аспирантов, членов кафедры уголовного процесса тогда еще Саратовского юридического института имени Д.И. Курского (ныне – СГЮА).

Ц.М. Каз обоснованно отождествляла цели и задачи уголовного судопроизводства; считала достижение объективной истины по уголовному делу целью уголовного процесса и ближайшей, непосредственной целью доказывания в судебном разбирательстве. Она справедливо отмечала, что установление всех обстоятельств дела в полном соответствии с действительностью исключает привлечение к уголовной ответственности невиновных и их наказание. Решительно возражала против признания задачей уголовного процесса лишь изобличение виновных, обращая внимание на то, что закон требует не только изобличать, но и ограждать от необоснованного осуждения и наказания невиновных [2, с. 7–17, 30–37]. Одной из целей (задач) уголовного процесса она обоснованно считала реабилитацию невиновных [2, с. 19–20]. В настоящее время задача защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения выдвинута законодателем на первый план (п. 2 ч. 1 ст. 6), а реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, признается одним из назначений уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Как и большинство советских ученых, Ц.М. Каз отводила суду активную роль в доказывании. Она отмечала, что суд осуществляет доказывание не только при постановлении приговора, в котором он обосновывает свое мнение, но и в ходе судебного разбирательства, обеспечивая полное, всестороннее и объективное исследование материалов дела в соответствии с обязанностью, возложенной на него ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. По ее мнению, выполнение этой обязанности не означает, что суд превращается в обвинителя – в судебном заседании суд и стороны выполняют различные процессуальные функции, действуют в условиях состязательного процесса [3, с. 36]. Такая позиция по вопросу о роли суда в доказывании соответствовала положениям действовавших на тот период времени Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик и УПК РСФСР.

В настоящее время вопрос о полномочиях суда по собиранию доказательств по собственной инициативе и допускаемой законом активности суда в состязательном уголовном процессе в теории и на практике остается дискуссионным. Отсутствие в УПК РФ четкого указания на задачи и полномочия суда по доказыванию виновности подсудимого послужило, на наш взгляд, одной из причин внесения в 2014 году в Государственную Думу нашумевшего законопроекта № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [8]. Данным проектом предусматривалось, в частности, возложение на суд обязанности принять все предусмотренные УПК РФ меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по уголовному делу. И хотя в 2018 году указанный законопроект был снят с рассмотрения Государственной Думы, его содержание свидетельствует, в частности, об актуальности исследований Ц.М. Каз.

УПК РСФСР обязывал не только лицо, производящее дознание, следователя, прокурора, но и суд принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела и изобличения виновных, подвергать тщательной, всесторонней и объективной проверке все собранные по уголовному делу доказательства (ст. 2 и 20, ч. 2 ст. 70). Действующий УПК РФ прямо не возлагает на суд такие обязанности. Вместе с тем, положения ч. 1 ст. 86,

ст. 87, ч. 1 и 2 ст. 240, ч. 1 и 4 ст. 283, ч. 1 ст. 285 УПК РФ в своей совокупности позволяют суду первой инстанции собирать по собственной инициативе доказательства о любых обстоятельствах вменяемого в вину подсудимому преступления. Представляется, что такая регламентация полномочий суда позволяет суду проявлять активность в доказывании виновности подсудимого, что не согласуется с функцией суда как органа, осуществляющего правосудие.

Что касается правовой позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о полномочиях суда по доказыванию виновности подсудимого, то она является весьма противоречивой. Так, согласно Постановлению Конституционного Суда от 20 апреля 1999 года № 7-П, суд не должен подменять органы и лиц, обосновывающих обвинение, и устранять не устраняемые ими сомнения в виновности обвиняемого (п. 3 описательно-мотивировочной части) [9]. В Постановлении от 27 июня 2005 года № 7-П Конституционный Суд указал, что суд в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные правомочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром (п. 4) [10]. Согласно мнению Суда, изложенному в его определениях от 6 марта 2003 года № 104-О [5], 20 ноября 2003 года № 451-О [6] и 18 июня 2004 г. № 204-О [7], конституционный принцип состязательности и равноправия сторон не умаляет роль суда в осуществлении правосудия и не освобождает суд от обязанности обеспечить справедливое и беспристрастное разрешение дела по существу; осуществление судом в публичном по своему характеру уголовном процессе функции правосудия предполагает наличие у него законодательно предоставленного права проверять представленные сторонами обвинения и защиты доказательства путем производимого по ходатайству сторон или по своей инициативе получения и исследования иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое судом доказательство; такое право является непременным условием использования судом тех или иных доказательств для принятия на их основе правосудных решений; иное не позволило бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности и не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении им правосудия. Нетрудно заметить, что в указанных определениях Конституционный Суд фактически отошел от своей позиции, изложенной в Постановлении от 20 апреля 1999 года № 7-П. Проанализировав противоречивые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о роли суда в доказывании, Н.С. Манова справедливо отмечает, что Конституционный Суд РФ, похоже, не в состоянии занять какую-то определенную позицию по данному вопросу [4, с. 42—47].

Совершенно очевидно, что наделение суда полномочием осуществлять по собственной инициативе любые следственные действия предоставляет ему ничем не ограниченную возможность влиять на процесс формирования доказательств, что при отсутствии в УПК РФ условий реализации такого полномочия позволяет суду оказывать содействие стороне обвинения в обосновании предъявленного обвинения либо принимать сторону защиты и оказывать ей содействие в доказывании невиновности подсудимого в совершении преступления. В тоже время суд вправе производить по собственной инициативе следственные и иные процессуальные действия, необходимые для установления наличия или отсутствия обстоятельств, образующих событие преступления, поскольку установление реальных обстоятельств деяния, по поводу которого ведется производство по уголовному делу, необходимо для правильного применения уголовного закона и правовых оснований оправдания подсудимого. В этом случае суд, как правило, не изобличает подсудимого и, следовательно, не осуществляет уголовное преследование. Исключение составляют случаи, когда суд по собственной инициативе осуществляет проверку доводов подсудимого и (или) его защитника об отсутствии события преступления или его признаков, отягчающих наказание, и доводы о недопустимости доказательств, поскольку бремя (обязанность) доказывания обвинения и опровержения доводов стороны защиты, приводимых в защиту подсудимого, а также бремя опровержения доводов стороны защиты о нарушении норм УПК РФ при получении того или иного доказательства, лежит на стороне обвинения (ч. 2 ст. 14, ч. 4 ст. 235 УПК РФ).

Представляется, что наделение суда правом осуществлять по собственной инициативе любые следственные действия, не согласуется с положениями ч. 3 ст. 15 УПК РФ, в соответствии с которыми суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в законе, ни в решениях Конституционного Суда РФ, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ не определен круг мер, которые могут и должны приниматься судом для обеспечения сторонам их процессуальных прав по собиранию и представлению доказательств. Думается, что к таким мерам могут быть отнесены, в частности, следующие: законное и обоснованное разрешение судом ходатайств о проведении следственных действий, истребовании документов и предметов; своевременное исключение из судебного разбирательства недопустимых доказательств, а именно: до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора; информирование судом сторон о своем намерении признать недопустимым и исключить из судебного разбирательства то или иное доказательство и выяснение мнения сторон о возможности, а также конкретных способах восполнения неполноты, которая образовалась или может образоваться вследствие исключения недопустимых доказательств и др. [12, с. 174–175]

Суд также вправе по собственной инициативе принимать меры к доказыванию обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, поскольку указанные обстоятельства не входят в содержание предъявленного обви-

нения. Полагаю, что круг полномочий суда по созданию необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав должен быть закреплен в УПК РФ или в специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, что необходимо для реализации принципов законности при производстве по уголовному делу и состязательности сторон.

В законе необходимо конкретизировать полномочия суда кассационной инстанции по принятию и исследованию дополнительных материалов. УПК РФ прямо не предусматривает возможность и порядок исследования таких материалов. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, «при разбирательстве в суде кассационной инстанции могут быть рассмотрены не только материалы, имеющиеся в уголовном деле, но и дополнительные материалы, поступившие с жалобой или представлением либо представленные сторонами, если они содержат сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела, и не свидетельствуют о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств. Дополнительные материалы могут быть положены в основу решения об отмене приговора, определения и постановления суда с возвращением уголовного дела прокурору либо с его передачей на новое судебное разбирательство в суд первой или апелляционной инстанции» [11, с. 22].Однако порядок исследования таких материалов Пленумом не определен. На практике отдельные суды удовлетворяют ходатайства о приобщении дополнительных материалов, но не исследуют их в судебном заседании с участием сторон, что, на наш взгляд, огранивает право сторон на участие в исследовании доказательств при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Дальнейшее совершенствование правовой регламентации полномочий суда по доказыванию виновности подсудимого должно быть направлено на полное освобождение суда от принятия решений и производства действий, присущих органам уголовного преследования либо субъектам защиты от обвинения.

Список литературы:

1. Корнуков В.М. К 80-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз – чудесного человека, талантливого ученого, педагога от Бога // Вестник Саратовской государственной академии права. 2005. № 3 (44). С. 39–44.

2. Каз Ц.М. Проблемы доказывания в суде первой инстанции (цели доказывания). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978. 79 с.

3. Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе (государственные органы). Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1968. 68 с.

4. Манова Н.С. Роль суда в состязательном уголовном судопроизводстве // Судебная реформа как инструмент совершенствования правосудия: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию судебной реформы в Российской Федерации (г. Пенза, 21 октября 2016 г.) / под ред. В.А. Терехина. Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. С. 42–47.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 года № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: http://ksportal.garant.ru:8081/document?id=5024797&byPara=1&sub=1 (дата обращения 20.02.2020).

6. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 года № 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: http://ksportal.garant.ru:8081/document?id=12034358&byPara=1&sub=23 (дата обращения 20.02.2020).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 года № 204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Будаева Цогта Нацагдоржевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: http://ksportal.garant.ru:8081/document?id=1253594&byPara=1&sub=25 (дата обращения 20.02.2020).

8. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://sozd.duma.gov.ru/download/336AC230-11AF-4A82-902B-E0FFAC903518 (дата обращения: 10.02.2020).

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 года № 7-П«По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 17, ст. 2205.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 года № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 28, ст. 2904.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 года № 19 «О применении норм главы 47^1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (п. 22) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9, с. 17–23.

12. Холоденко В.Д. О совершенствовании механизма правового регулирования деятельности суда по собиранию и проверке доказательств // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 170–176.

Чеботарева Т.В.
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
t.v.chebot@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация*: автор рассматривает особенности установления такого обстоятельства, подлежащего доказыванию по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, как данные, характеризующих личность потерпевшего, и приходит к выводу, что полнота и точность их установления предполагает четкое следование таким международно-правовым стандартам, как требование специализации должностных лиц, осуществляющих судопроизводство по делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, обеспечение реальной возможности следователю и суду использовать помощь специалиста-психолога при работе с потерпевшим, и участие адвоката-представителя несовершеннолетнего потерпевшего в установлении данных о его личности*.

Ключевые слова*: обстоятельства, подлежащие доказыванию; несовершеннолетний потерпевший; обстоятельства, характеризующие личность потерпевшего по делам о преступлениях против половой неприкосновенности*.

Chebotareva T.V.
Saratov State Law Academy,
Saratov

FEATURES OF ESTABLISHING CERTAIN CIRCUMSTANCES OF THE SUBJECT OF EVIDENCE IN CASES OF OFFENCES AGAINST THE SEXUAL INTEGRITY OF MINORS

Abstract*: the author considers the peculiarities of establishing such a circumstance, subject to proof in cases of offences against the sexual integrity of minors, as data characterizing the identity of the victim, and concludes that the completeness and accuracy of their determination presupposes a clear adherence to such international legal standards, as a requirement for the specialization of officials conducting criminal proceedings, committed against minors, ensuring the real possibility for the investigator and the court to use the assistance of a specialist psychologist in dealing with the victim, and the involvement of the lawyer representing the minor victim in establishing his identity*.

Keywords*: circumstances which are subject to proof; minor victim; Circumstances characterizing the identity of the victim in cases of offences against sexual integrity*.

Доказывание в уголовном судопроизводстве направлено на установление определенных, перечисленных в законе, обстоятельств, которые имеют отношение к преступлению и которые позволяют правильно разрешить уголовное дело [12, с.92]. Эти обстоятельства, подлежащие установлению по каждому уголовному делу, в теории доказательств принято называть предметом доказывания. Общая модель предмета доказывания, его законодательная схема определена в законе (ст. 73 УПК РФ). При производстве по уголовным делам, предмет доказывания конкретизируется, наполняется индивидуальным содержанием в зависимости от вида совершенного преступления, от его конкретных обстоятельств.

Исходя из положений ст. 421 УПК РФ, в теории уголовного процесса, традиционно выделяют особенности предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, заключающиеся в необходимости тщательного установления обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, условия его жизни и воспитания, причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Однако, как представляется, существуют особенности и в предмете доказывания по делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, особенно по делам о преступлениях против их половой неприкосновенности. Это связано, прежде всего, с тем, что объектом таких преступлений является особо охраняемая законом категория лиц – несовершеннолетние. Кроме того, подобные преступления характеризуются крайней степенью вторжения в личное пространство потерпевших, влекут за собой тяжкие последствия для несовершеннолетних жертв преступления, так как связаны с причинением существенного физического и психического вреда их здоровью. Поэтому обстоятельства предмета доказывания по делам данной категории имеют определенные особенности (и с точки зрения их содержания, и с точки зрения способов их установления).

По делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних в рамках таких элементов предмета доказывания, как характер и размер причиненного вреда и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, огромное значение имеет установление данных, характеризующих личность потерпевшего. В юридической литературе справедливо подчеркивается важность владения полной информацией о жертве преступления, так как личностные особенности потерпевшего образуют обширные взаимосвязи со всеми элементами механизма преступления [13, с. 25].

Полнота и точность установления обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего потерпевшего, по нашему мнению, предполагает четкое следование таким международно-правовым стандартам, как требование специализации должностных лиц и органов, осуществляющих судопроизводство не только по делам о преступлениях несовершеннолетних, но и по делам о преступлениях, совершенных в отношении несовер-

шеннолетних, а также обеспечение реальной возможности следователю и суду использовать помощь специалиста-психолога при работе с потерпевшим и участие адвоката-представителя несовершеннолетнего потерпевшего в установлении данных о его личности.

Практически во всех международно-правовых актах, содержащих стандарты прав и свобод несовершеннолетних, оказавшихся жертвами преступлений, к государствам-участникам предъявляется требование, чтобы лица, ведущие уголовное судопроизводство по делам по таким категориям дел (следователи, прокуроры, адвокаты, судьи), имели надлежащую профессиональную подготовку и специализировались на работе с несовершеннолетними участниками процесса, так как это является важнейшим положением, способным обеспечить защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. При этом речь идет не только об обвиняемых (подозреваемых), но и несовершеннолетних потерпевших [3; 5; 6]. Очевидно, что данное требование имеет особое значение при расследовании и рассмотрении уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Российский законодатель двадцать лет тому назад при принятии УПК РФ отказался от персональной подследственности дел о преступлениях несовершеннолетних. Персональной же подследственности по делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, в российском уголовно-процессуальном законодательстве никогда не существовало. Но в последние годы в нашей стране учеными и практиками активно обсуждается вопрос о внедрении в уголовное судопроизводство ювенальных технологий, и в данном русле постоянно говорится о необходимости последовательной специализации судей, адвокатов, следователей для работы с детьми, вовлеченными в уголовное судопроизводство [2, с. 112; 8, с. 90; 10, с. 228]. Возможно и по этой причине законодатель в 2010 году внес в ст. 151 УПК РФ изменение, согласно которому все уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, расследуются следователями Следственного комитета РФ [11]. Данное решение представляется полностью оправданным, так как при расследовании и судебном рассмотрении таких дел важно не причинить дополнительные психологические травмы детям, которые и без того страдают посттравматическими расстройствами. «С такими несовершеннолетними должны работать наиболее опытные и подготовленные следователи и судьи, прошедшие специальную подготовку и владеющие особыми методиками работы с детьми-жертвами преступлений» [4]. Отсутствие же необходимой подготовки, специализации следователей и судей, на наш взгляд, снижает эффективность взаимодействия следователя с несовершеннолетним потерпевшим, что не может не сказаться и на полноте и всесторонности исследования обстоятельств предмета доказывания.

Важную роль при установлении обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего потерпевшего по делам о преступлениях против половой неприкосновенности, и связанных с ними иных обстоятельств предмета доказывания, играет помощь специалиста-психолога. Не вызывает сомнения тот факт, что показания несовершеннолетнего потерпевшего по таким уголовным делам во многом определяют решение вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, для решения вопроса об уголовном преследовании подозреваемого. Особенности детской психики, склонность к фантазированию, обману, неверному пониманию происходивших событий, наличие мотивов мести или ревности (например, школьному учителю за неудовлетворительные оценки, отчиму – за строгость и т.п.). Зачастую, когда факт преступления становится очевидным, несовершеннолетние жертвы такого преступления указывают на посторонних людей, пытаясь отвести подозрение от члена своей семьи во избежание огласки, позора, либо под давлением со стороны взрослых [7].

Минимизировать негативное влияние уголовного судопроизводства на несовершеннолетнего и, тем более, малолетнего потерпевшего способен психолог, специализирующийся на работе с детьми определенной возрастной категории. Он в состоянии помочь следователю и суду в налаживании контакта с несовершеннолетним, формулированию корректных вопросов при производстве следственных действий, а также правильной интерпретации показаний несовершеннолетнего потерпевшего. Российское уголовно-процессуальное законодательство традиционно предусматривало возможность участия в следственных действиях, проводимых с несовершеннолетними, педагога. Действующий УПК РФ (ч. 4 ст. 191) предусматривает положение о том, что в следственных действиях с участием несовершеннолетнего потерпевшего (при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте) может быть задействован не только педагог, но и психолог. Как справедливо отмечает Н.В. Спесивов, «участие именно психолога более оправданно … в ситуациях, когда несовершеннолетнему потерпевшему приходится снова возвращаться на место преступления, давать там показания, реконструировать произошедшие события, … именно психолог при необходимости может оказать несовершеннолетнему профессиональную психологическую поддержку и помощь» [9, с. 172].

Вместе с тем, участие данного специалиста при получении объяснений во время проверки сообщения о преступлении и проведении указанных следственных действий на стадии судебного разбирательства законом не урегулировано. На наш взгляд, участие психолога в стадии возбуждения уголовного дела и судебного разбирательства также необходимо, как и в стадии предварительного расследования. При его отсутствии возрастает вероятность совершения ошибок, влияющих на процесс установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также причиняется наибольший вред психологическому состоянию несовершеннолетнего потерпевшего.

Не менее важным для полного и правильного установления характера и размера вреда, причиненного преступлениями против половой неприкосновенности, а также обстоятельств, которые способствовали их совершению, имеет содействие адвоката-представителя несовершеннолетнего потерпевшего. Этот участник процесса может оказать помощь как потерпевшему, так следователю и суду в установлении тяжести вреда, причиненного пре-

ступлением, что необходимо и для оценки общественной опасности деяния, и для обеспечения интересов потерпевшего, компенсации ему причиненного вреда, и, как следствие, для реализации назначения уголовного судопроизводства. По опубликованным данным, гражданские иски о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетнему потерпевшему, заявляются далеко не по каждому уголовному делу [1, с. 15]. Причиной этого является формальный подход следователя к разъяснению несовершеннолетнему потерпевшему и его законному представителю такой возможности. Представляется, что адвокат-представитель, специализирующийся на работе с несовершеннолетними участниками уголовного процесса, может содействовать исправлению этой ситуации.

В соответствии с УПК РФ участие представителя потерпевшего по общему правилу обеспечивается им самым. Но, начиная с 2013 года, согласно ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ, «по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается органами расследования или судом, и расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета». И хотя такое решение является половинчатым и по ряду причин не может в полной мере обеспечить доступность юридической помощи для детей – жертв преступлений, оно может рассматриваться как первый шаг российского законодателя в этом направлении.

Таким образом, данные, характеризующие личность потерпевшего по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, несут важнейшую информацию для всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела, для установления всех обстоятельств совершенного преступления, для достижения общего назначения уголовного судопроизводства. Однако их доказывание имеет определенную сложность, обусловленную спецификой признаков данных состав преступлений.

Список литературы:

1. Гордеева Н.М. Способы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в российском уголовном процессе // Судья. 2015. № 7. С. 12–17.

2. Горян Э.В., Забара З.К. Российская модель ювенальной юстиции: проблемы эффективного функционирования и пути их устранения // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. № 2. С. 101–116.

3. Декларация прав ребенка от 20.11.1959. URL: https://lawbooks.news/pedagogika_920_922/deklaratsiya-prav-rebenka-1959-42113.html (дата обращения: 09.01.2020).

4. Доклад Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка «Преступления против детей становятся все более жестокими». URL: http://www.rg.ru/2013/10/28/deti-site.html (дата обращения 10.11.2019).

5. Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=9959&fld =134&dst =1000000001,0&rnd=0.334089587432425#0030543010584530128 (дата обращения: 09.01.2020).

6. Конвенция Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» от 25.10.2007. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168046e1da (дата обращения: 22.01.2020).

7. Левченко А. Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного контента. URL: pedofilov.net. (дата обращения: 20.02.2020).

8. Марковичева Е.В. Функции ювенального уголовного судопроизводства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 88–94.

9. Спесивов Н.В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 241 с.

10. Спесивов Н.В. Ювенальные технологии как способ реализации международных стандартов уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 224–229.

11. Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

12. Францифоров Ю.В., Манова Н.С. Уголовный процесс: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 422 с.

13. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988. 160 с.

Чебурёнков А.А.

к.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный Университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск
cheburenkovaa@yandex.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Аннотация*: в статье анализируются основные закономерности процесса доказывания по уголовным делам о взяточничестве, включающие определение предмета доказывания, поиск возможных источников доказательственной информации, выбор средств и методов собирания доказательств в типовых ситуациях расследования случаев дачи-получения взятки, соблюдение критериев информационной достаточности доказательств для принятия следователем решений по уголовному делу о взяточничестве.*

Ключевые слова: *доказывание, доказательства, взяточничество, дача, получение взятки, механизм доказывания, следовоспринимающие объекты, критерии информационной достаточности.*

Cheburenkov A.A.
Ph.D(Law), Associate Professor,
National Research Mordovian State University
of N.P. Ogaryov,
Saransk

CRIMINALISTICS FEATURES OF PROOF IN CRIMINAL CASES OF BRIBERY

Abstract: *the article analyses the main regularities of the process of proof in criminal cases of bribery, including definition of the subject of proof, the search of possible sources of evidence, the choice of means and methods of gathering evidence in the typical cases of giving, receiving bribe, observance the criteria of informational adequacy of evidence for making decisions by the investigator on criminal case about bribery.*

Keywords: *proof, evidence, bribery, giving, receiving a bribe, mechanism of proof, investigative objects, criteria of informational sufficiency.*

Целенаправленная деятельность следователя по отысканию и исследованию фактических данных (сведений о фактах), имеющих отношение к событию подкупа и его участникам, по облечению полученных сведений в процессуальную форму составляет содержание процесса доказывания взяточничества. Основные характеристики доказывания в уголовном судопроизводстве регламентируются уголовно-процессуальным законом, который закрепляет цели, порядок, формы доказывания, определяет субъектов, их полномочия в сфере доказательственной деятельности, устанавливает виды средств доказывания, вводит критерии допустимости их применения и т.д. Однако закон не может устанавливать, *как* организовывать процесс сбора доказательств, *какие* методы следует использовать для их проверки, *какие* процессы надо осуществить для оценки каждого доказательства и их совокупности. Здесь необходимы криминалистические рекомендации, основанные на закономерностях образования следов-отражений как источников доказательственной информации и выражающиеся в виде практических приемов и методов работы с этими следами [6, с. 52].

Криминалистические аспекты в содержании деятельности по расследованию взяточничества, связанные с доказыванием, недостаточно исследованы в науке криминалистике. Между тем, качество расследования уголовных дел о взяточничестве во многих случаях остается низким по причине незнания следователями основных закономерностей механизма доказывания обстоятельств дачи-получения взятки, неправильного определения предмета доказывания в типовых ситуациях расследования, допускаемых ошибок и нарушений закона при применении различных средств доказывания. В ряде случаев по делам о взяточничестве ввиду недостаточной обоснованности обвинения, допущенных нарушений при собирании и проверке доказательств (в особенности сформированных на основе результатов оперативно-розыскной деятельности) суды выносят оправдательные приговоры либо полностью или в части прекращают уголовные дела по реабилитирующим основаниям.

Специфика процесса доказывания по делам о взяточничестве проявляется, прежде всего, в содержании предмета доказывания по данной категории дел. В ходе доказывания обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании случаев дачи-получения взятки, особое внимание должно быть уделено:

1) доказыванию факта и обстоятельств передачи взятки;

2) оценке результата дачи-получения взятки;

3) определению круга лиц, виновных в совершении преступления.

Установление перечисленных обстоятельств необходимо осуществлять с учетом своеобразия правовой природы взяточничества и формы его реализации как преступной деятельности.

Особенности правовой природы взяточничества заключаются в том, что образующие данную преступную деятельность деяния, направленные на подкуп должностного лица, связаны между собой общностью объекта преступного посягательства и механизмом совершения. Получение и дача взятки не могут быть совершены (в форме оконченного преступления) сами по себе, вне связи друг с другом. Таким образом, эти деяния находятся в органической взаимосвязи, и отсутствие факта дачи взятки означает и отсутствие ее получения.

Составы, связанные со взяточничеством, относятся к категории формальных, требующих установления только наличия события преступления. Соответствующие деяния признаются оконченными с момента принятия должностным лицом (при получении взятки), передачи ему (при даче взятки) хотя бы части незаконного вознаграждения «независимо от того, за какое действие (бездействие), законное или незаконное, получена взятка, выполнено или не выполнено действие (бездействие), имевшееся в виду при передаче вознаграждения, и собиралось ли вообще должностное лицо выполнять это действие или нет» [3, с. 181].

В практике доказывания момент окончания получения взятки обычно связывается с фактом обнаружения незаконного вознаграждения (его части) у взяткополучателя при обстоятельствах, когда взяткополучатель может пользоваться им как своим собственным (положил в ящик стола, сейф, поместил в личные вещи – портфель, карман одежды и т.п.) [2, с. 124]. Данное обстоятельство лежит в основе определения момента непосредственного задержания взяткополучателя с поличным: такое задержание рекомендуется проводить после получения должностным лицом взятки. Доказывание факта получения взятки в результате задержания заподозренного лица, проведенного в момент передачи ему денежной суммы, ценной вещи и т.п., связано с определенными трудностями, поскольку умысел должностного лица на завладение предметом взятки мог быть еще однозначно не проявлен. Когда взяткополучатель еще не успел принять предмет взятки в свои

руки, то он не оставит на нем свои следы. В подобных случаях сложно сделать не только однозначный вывод о наличии оконченного состава получения взятки, но и зачастую невозможно опровергнуть версию о совершенной в отношении должностного лица провокации.

Обязательным объектом исследования по уголовному делу о взяточничестве выступает механизм преступного деяния (подкупа), который включает два элемента – передачу предмета взятки и совершение обусловленного взяткой служебного действия. Для привлечения заподозренного лица к уголовной ответственности за взяточничество необходимо установить в исследуемой деятельности участников подкупа оба элемента и доказать их взаимосвязь и взаимообусловленность. Решение данной задачи в большом числе случаев расследования взяточничества связано со значительными трудностями. Это вызвано тем, что место вручения взятки и место совершения обусловленных ею действий могут не совпадать; последовательность действий по передаче взятки и соответствующего поведения подкупленного должностного лица может быть различной, неоднократно изменяющейся и т.д. Пространственно-временная разобщенность элементов, образующих механизм взяточничества, осложняет процесс расследования и изобличения преступников [1, с. 51].

Преступная деятельность в форме взяточничества часто носит систематический характер. Поэтому в ходе расследования необходимо установить все имевшие место эпизоды такой деятельности. Например, если врач – член военно-врачебной комиссии был изобличен в одном факте получения взятки от призывника, то обязательно следует выдвинуть и проверить версию о неоднократных случаях взяточничества с участием данного субъекта. Это можно сделать только в результате тщательного анализа деятельности должностного лица и организации (учреждения), в которой он работает, в целом и за определенный период времени.

Установление характера и содержания выполненных должностным лицом действий, обусловленных взяткой, в криминалистическом плане следует признать необходимым. Обычно такого рода действия сопровождаются возникновением различных следов (в документах, вещественной обстановке и т.д.), что важно для полного и всестороннего исследования события преступления.

В роли связующего звена между взяткодателем и взяткополучателем может выступать посредник. Наличие данного субъекта расширяет круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу о взяточничестве, поскольку требуется исследовать взаимоотношения посредника со взяткодателем и взяткополучателем; установить цели и условия участия посредника в механизме передачи взятки; выяснить, в каком объеме были фактически оказаны посреднические услуги, не присвоил ли посредник предмет взятки и т.д.

Особенности криминалистической природы взяточничества заключаются в незначительной, мозаичной системе оставляемых материальных и интеллектуальных следов. В этой связи доказывание многих обстоятельств взяточничества осуществляется, как правило, в условиях дефицита исходной информации.

По делам о взяточничестве преобладают в большей степени «личные» доказательства (показания обвиняемого, свидетелей, потерпевших и т.д.) при минимуме вещественных доказательств. Поскольку в силу разных причин позиция конкретных участников в процессе расследования может меняться, возможны изменение показаний этих лиц или их отказ от ранее данных показаний, что влечет уменьшение обвинительной составляющей доказательственного материала по делу. В этих условиях, чтобы не допустить «развала» конкретного уголовного дела в суде, в распоряжении следователя должен быть достаточный «запас» фактических данных, которыми можно скомпенсировать возникающие пробелы.

Важная особенность материальных следов, образующихся в результате осуществления преступной деятельности, связанной со взяточничеством, заключается в проявлении их документарного характера. Противоправные действия, совершаемые должностным лицом за взятку, во многих случаях сопровождаются разнообразными манипуляциями с документами (оформление незаконных решений, подлог и фальсификация документов и др.). Изучение следов-документов необходимо проводить на системной основе, используя методы анализа, сопоставления, технико-криминалистического исследования, выявления связей между различными массивами документов (нормативного, бухгалтерского, материально-финансового характера и т.д.).

Минимальная, фрагментарная «следовая картина» взяточничества обусловила повышенное значение косвенных доказательств в содержании уголовно-процессуального исследования обстоятельств дачи и получения взятки [2, с. 87-88; 7, с. 293]. Достаточная, непротиворечивая совокупность такого рода доказательств, имеющиеся между ними логические и иные связи в ряде случаев позволяют достоверно установить причастность заподозренного лица к коррупционной деятельности. Примером уличающего обстоятельства, которое наиболее часто используется в механизме доказывания с помощью косвенных доказательств по делам о взяточничестве, может быть не обеспеченный реальными законными доходами должностного лица и его родственников показатель состояния материальной обеспеченности взяткополучателя, который проявляется, прежде всего, в избытке материальных благ у самого должностного лица-коррупционера или его близких родственников (открытые денежные счета в стране и за рубежом, недвижимость, дорогие автомобили, частые поездки в зарубежные страны и престижные места отдыха и т.д.).

В теории и практике расследования преступлений коррупционной направленности поднимается вопрос о формировании критериев информационной достаточности имеющихся доказательств для принятия по конкретному уголовному делу обоснованного решения о наличии в действиях подозреваемого состава преступления. Применительно ко взяточничеству решение данного вопроса представляет известную сложность, обусловленную особенностями правовой и криминалистической природы взяточничества, в частности своеобразием следов-последствий рассматриваемого преступления. Соответственно, обращается внимание

на то, что в современных условиях действия высоких стандартов доказанности виновности в совершении преступлений почти во всех случаях обязательными источниками фактических данных по уголовным делам о взяточничестве становятся материалы оперативно-розыскной деятельности, включающие, в частности, видео- и аудиозапись процесса передачи предмета взятки от взяткодателя (посредника) взяткополучателю [8, с. 40-41]. Случаи привлечения взяточников к уголовной ответственности без проведения оперативно-розыскных мероприятий и надлежащего их документирования в практике раскрытия взяточничества расцениваются как исключения.

Возрастание роли результатов оперативно-розыскной деятельности в системе доказательственной информации, изобличающей взяточников, повышает требования к соблюдению процедуры получения, документирования и представления указанных результатов органам предварительного расследования. Допущенные при этом ошибки и нарушения закона на практике могут привести к тому, что обстоятельства взяточничества, имевшие место в действительности и зафиксированные оперативно-розыскным путем, не находят подтверждения в судебном разбирательстве [5, с. 12-13]. По этому поводу Ю.П. Гармаев и А.А. Обухов отмечают, что по большинству дел причинами оправдания взяточников являются действительные, а иногда и мнимые дефекты доказательств, полученных на основе результатов оперативно-розыскной деятельности [4, с. 133].

По оценкам исследователей, предусмотренные законом уголовно-правовые средства, а также традиционная система и процедура сбора доказательств по фактам подкупа должностных лиц не всегда оказываются адекватными характеру и способам действий взяточников, в условиях сложных ситуаций они не обеспечивают раскрытие преступления и изобличение виновных. Требуется разработать систему мер, компенсирующих воздействие негативных факторов на процесс доказывания по делам о взяточничестве [7, с. 294]. К числу таких мер могут быть отнесены расширение доказательственной базы расследования взяточничества за счет допустимых результатов оперативно-розыскной деятельности; разработка алгоритмов осуществления доказательственной деятельности в типовых ситуациях расследования взяточничества; установление четких критериев доказанности основных юридически значимых обстоятельств дачи-получения взятки; усиление прокурорского надзора и судебного контроля над промежуточными итогами доказательственной деятельности следователей по делам о взяточничестве и др.

Список литературы:

1. Александров И.В. Служебные (должностные) преступления. Основы расследования: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2018. 205 с.

2. Баев О.Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений): науч.-практич. пособие. М.: Эксмо, 2009. 400 с.

3. Волженкин Б.В. Служебные преступления. Комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 560 с.

4. Гармаев Ю.П., Обухов А.А. Квалификация и расследование взяточничества: учеб.-практич. пособие. М.: Норма, 2009. 304 с.

5. Григорьева М.А., Ларинков А.А. Проблемы уголовного преследования за совершение преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2017. № 1. С. 11–15.

6. Дулов А.В., Рубис А.С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск, БГУ, 2004. 263 с.

7. Новик В.В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики. СПб., Юрид. центр Пресс, 2005. 471 с.

8. Яни П. Достаточность доказательств по делам о взяточничестве // Законность. 2018. № 9. С. 37–42.

Чечуевский Н.В.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация*: данная статья посвящена изучению и анализу основных свойств доказательств, полученных в рамках уголовного судопроизводства, с ценностной позиции. В ходе изучения применялись общенаучный и частно-научный методы, а также метод анализа.*

Ключевые слова*: доказательство, свойство доказательств, аксиологическая основа доказательства.*

Czechowski N.V.

Saratov State Law Academy, Saratov

AXIOLOGICAL BASES OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract*: this article is devoted to the study and analysis of the main properties of evidence obtained in criminal proceedings from a value point of view.*

Keywords*: proof, property of proofs, axiological basis of proof.*

Доказательства считаются фундаментальной основой уголовного судопроизводства, поскольку только совокупность собранных по делу доказательств в порядке, определенном законом, позволяет установить причастность лица к совершению преступления, виновность лица, форму и степень вины и иные значимые для разрешения дела

обстоятельства. Данный порядок определен ст. 74 УПК РФ, которая содержит не только понятие самого доказательства, но и их перечень.

В то же время данные сведения должны относиться к категории сведений о факте и быть взаимосвязанными с ними. Взаимосвязь обуславливается предметом обвинения, предметом доказывания, источником доказательственной информации. Законодатель определил свойства доказательств, которыми они должны обладать с момента их обнаружения, которые выражаются в относимости и допустимости, а также такими свойствами доказательств, как достоверность и достаточность [6, с. 1]. В этом ключе будут рассматриваться аксиологические основы доказательства в данной статье.

На наличие свойства относимости в полученном доказательстве указывает его способность к установлению или опровержению и фактических обстоятельств по делу, которые составляют предмет доказывания. Эта связь с предметом доказывания и иными фактическими обстоятельствами имеет значение для правильного, законного, обоснованного и справедливого принятия решения по уголовному делу, что указывает на аксиологическую основу доказательства.

Некоторые авторы уголовного процессуального права считают, что вопрос об относимости доказательств разрешается в два этапа [1, с. 18].

На первом этапе следует определить, относится ли факт, который подтверждается конкретным доказательством, к предмету доказывания или к иным фактам, которые требуются для правильного разрешения уголовного дела. На втором этапе устанавливается возможность подтверждения или опровержения конкретным доказательством фактов, которые отнесены к делу.

Поэтому при разрешении вопроса о том, относится ли доказательство к расследуемому событию, необходимо проследить наличие или отсутствие причинно-следственной, пространственной и временной связи. Важной нормой, регламентирующей допустимость процесса собирания доказательств по уголовному делу, законодатель назвал ст. 75 УПК РФ, на которую ориентируется правоприменитель при осуществлении предварительного расследования и судебного следствия.

Данная норма не дает конкретного понятия «допустимости» использования доказательства по уголовному делу, но устанавливает его критерии, что определяет возможность их использования для стороны обвинения или защиты в ходе доказывания. Использование указанной нормы обеспечивает эффективность уголовного преследования, влияет на охрану прав участников в судопроизводстве, защиту публичных и частных интересов [2, с. 79], что также можно обозначить в качестве аксиологической основы доказательства.

Она же не позволяет сторонам злоупотреблять своим правом на заявление ходатайства стороной о признании доказательств недопустимым, поскольку ею обусловлено, что при разрешении данного ходатайства суду следует выяснять сущность нарушения, допущенного в ходе обнаружения, сбора и фиксации доказательства по уголовному делу, устанавливать невозможность их использования в ходе разрешения дела.

Законодателем отражены в Конституции РФ положения международного законодательства о справедливом рассмотрении дела судом, обеспечении права на защиту, что осуществляется, в том числе путем установления фактических обстоятельств по делу посредством имеющихся по делу доказательств в первую очередь с позиции допустимости [5, с. 88]. Это сложнейшая задача выполняется посредством вероятностного восстановления произошедших в прошлом событий.

Наиболее точному установлению событий способствуют создаваемые правовые гарантии правосудия, наиболее значимыми из которых признаются состязательность и равенство сторон.

Право является мощным регулятором общественных отношений, посредством которых государством управляет обществом и создает условия для реализации интересов и потребностей граждан [7, с. 12].

По мере развития права, в него включаются важные элементы с целью эффективного функционирования его механизма в целом и института доказывания в частности [3, с. 69].

Свойство допустимости – это способность использования информации в качестве доказательства по уголовному делу. Допустимость влечет соблюдение норм уголовно-процессуального закона во время предварительного расследования или рассмотрения дела судом.

Свойство допустимости состоит из таких элементов, как надлежащий субъект, обладающий полномочиями по осуществлению процессуальных или следственных действий, направленных на получение доказательств, источник информации, из которого получают фактические данные, являющиеся содержанием доказательства, само процессуальное действие, которое используется для получения доказательств и надлежащий порядок проведения процессуального действия, в ходе которого добывается доказательства.

Исследуя вопросы об аксиологических основах доказательств, необходимо рассмотреть и такие их свойства как достоверность и достаточность доказательств, поскольку они закреплены законодателем в ч. 1 ст. 88 УПК РФ.

Достоверностью является соответствие сведений из имеющихся источников действительной реальности. Такое свойство доказательство обеспечивает гарантию установления истины в процессе расследования и рассмотрения дела в суде.

Уголовно-процессуальным законом, следственной и судебной практикой установлено правило, касающееся известности и возможности проверки источников доказательств, в связи с чем анонимные сообщения, результаты использования служебно-розыскной собаки, оперативно-розыскных мероприятий, проведенных за рамками уголовно-процессуального закона, не могут признаваться доказательством. Основой данного правила является невозможность проверки информации правоприменителем, в случаях не установления или непроцессуального источника информации, на соответствие ее действительности, что является обязательным элементом доказывании в уголовном процессе.

С позиции достаточности оценивается совокупность доказательств, собранных по уголовному делу, в резуль-

тате чего у лица, осуществляющего предварительное расследование, появляются основания считать доказанными все те обстоятельства, которые предусмотрены в ст. 73 УПК РФ с учетом конкретной нормы особенной части УК РФ. Следует отметить, что такая совокупность доказательств оценивается и с позиции вышерассмотренных свойств, а именно: относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Наличие лишь признательных показаний лица привлекаемого к ответственности сначала в качестве подозреваемого, а затем обвиняемого, невозможно считать достаточными доказательствами, поскольку это противоречит требованиям ч. 2 с. 77 УПК РФ, которая требует подтверждения вины такого лица именно совокупностью иных доказательств. Данная норма также имеет свое аксиологическое значение, поскольку требует проверки собранных по делу доказательств, исключает необоснованное привлечение лица к ответственности.

Ценность использования доказательства в уголовном судопроизводстве заключается в том, что не только сторона обвинения может собирать доказательства, устанавливающие вину лица и указывающие на его причастность к совершению преступление, а также сторона защиты, представляющая сведения об отсутствии вины обвиняемого. Данные сведения должны быть проверены правоприменителем, с целью исключения нарушения прав привлекаемого к ответственности лица.

Новые знания, полученные в результате проверки предыдущих, следует использовать при дальнейшем сборе доказательств, что является не менее ценным для установления истины по уголовному делу, поскольку имеется факт нарушения прав потерпевшего, которые также как и права подозреваемого лица, подлежат защите.

Кроме того, законодатель предоставляет право противоположной стороне ознакомиться с имеющимися по делу доказательствами, проверять их на соответствие требованиям об относимости, допустимости, достоверности, оценивать, опровергать в ходе рассмотрения дела судом.

Таким образом, в процессе осуществления доказывания в уголовном судопроизводстве при соблюдении, защите и охране личных и процессуальных прав и свобод человека и гражданина, независимо от его процессуального статуса, а также публичных и частных интересов общества и государства, формируется аксиологическая основа доказывания, определяемого его основными свойствами, которые обусловлены соблюдением основных принципов уголовного судопроизводства [4, с. 571-572].

Список литературы:

1. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: монография. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011. 176 с.

2. Гаджиев Х.И. Вопросы доказывания в практике Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 78–95.

3. Гринина А.С., Пустовая М.И. Прецедентная практика Европейского суда по правам человека по вопросу допустимости доказательств // Проблемы науки. 2017. № 4 (86). С. 68–70.

4. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593.

5. Моул Нула, Харби Катарина, Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6 «Право на справедливое судебное разбирательство». Прецеденты и комментарии. М., 2001. С. 88.

6. Непранов Р.Г. Некоторые вопросы оценки свойств доказательств в уголовно-процессуальном праве России // ЮП. 2013. № 4 (59). С. 1–6.

7. Право: учебник для бакалавров / под ред. С.Г. Кисилева. М.: Юрайт, 2016. 622 с. (2-е издание, перераб. и доп.).

Чурикова А.Ю.

к.ю.н.,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Саратов
a_tschurikova@bk.ru

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ДОКАЗЫВАНИИ[1]

Аннотация: *изменение полномочий прокурора в 2007 году отразилось на правовом регулировании и практике участия прокурора в доказывании. Автор обосновывает позицию, что участие прокурора в доказывании напрямую зависит от выполнения им функции уголовного преследования и стоящей перед прокурором цели – обеспечение законного и обоснованного уголовного преследования. В статье последовательно анализируются полномочия прокурора при собирании, проверке и оценке доказательств. Автор указывает на существующие пробелы и коллизии в действующем законодательстве. Делается вывод о необходимости концептуального подхода при определении роли прокурора в процессе доказывания.*

Ключевые слова: *прокурор, уголовный процесс, доказывание, правовая модель, собирание доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств.*

Churikova A. Ju.

Ph.D(Law),
Volga Institute of management named after P.A. Stolypin, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Saratov

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887. The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00887

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN PROVING

Abstract*: the change in the powers of the prosecutor in 2007 was reflected in the legal regulation and practice of the participation of the prosecutor in evidence. The participation of the prosecutor in the evidence depends on the fulfillment of the function of criminal prosecution, as well as on the purpose of the prosecutor – ensuring a legitimate and justified criminal prosecution. The article sequentially analyzes the powers of the prosecutor in the collection, verification and evaluation of evidence. The author identifies gaps and conflicts in the current legislation. Conclusion: a conceptual approach is needed in determining the role of the prosecutor in the process of evidence.*

Keywords*: prosecutor, criminal procedure, proof, legal model, obtaining evidence, verification of evidence, evaluation of evidence.*

Прошло уже почти тринадцать лет с тех пор, как правовое регулирование процессуального положения прокурора в досудебном производстве по уголовным делам претерпело существенные изменения. За этот немалый период не угасает полемика вокруг вопросов о роли прокурора и достаточности его полномочий в уголовном процессе. Связано это в основном с непоследовательностью и, зачастую, необоснованностью проведенных преобразований, отмечаемых многими учеными-процессуалистами [2, с. 210; 3, с. 354; 7, с. 20–21; 10, с. 77]. Действительно, мало понятно на каком основании полномочия прокурора были существенно ограничены в отношении субъектов, осуществляющих только одну из форм предварительного расследования – следствие, при сохранении большинства полномочии в отношении дознания. Это дало основание некоторым ученым прийти к выводу, что «прокурор оказался отстраненным от выполнения функции уголовного преследования по значительному числу наиболее тяжких преступлений» [1, с. 3]. Т.Ю. Иванова (Цапаева) еще до произошедших преобразований обосновывала позицию, что «уголовное преследование является ведущей функцией прокурора в уголовном процессе, обусловливающей его активную роль в доказывании» [4, с. 4]. Изменение полномочий прокурора по осуществлению им уголовного преследования и руководства предварительным расследованием, безусловно, сказалось на правовом регулировании и практике участия прокурора в доказывании по уголовным делам.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не оставляет сомнений, что прокурор попрежнему является активным участником доказывания на всех стадиях уголовного судопроизводства. Согласно ч. 1 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий». В соответствии со ст. 87 УПК РФ «проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом», согласно ч. 2 и ч. 3 ст. 88 УПК РФ признать доказательство недопустимым в ходе его оценки также могут только прокурор, суд, следователь или дознаватель. Как видим, положения главы 11 УПК РФ ярко иллюстрируют непоследовательность законодателя. Например, руководитель следственного органа ни в одной из статей данной главы не фигурирует, хотя согласно положениям уголовно-процессуального законодательства имеет право производить следственные действия, в то время как прокурор, лишенный данного права, фигурирует как ключевой субъект доказывания.

Полагаем, что положения главы 11 УПК РФ в части участия прокурора в процессе доказывания оказались нетронутыми не спроста. Некоторые авторы указывают, что «участие в доказывании осуществляется прокурором в форме надзора» [9, с. 48]. Не соглашаясь с данным высказыванием, полагаем, что участие прокурора в доказывании как в досудебном производстве, так и в судебном разбирательстве напрямую зависит от выполнения им функции уголовного преследования. «Вся ответственность за качество осуществляемого уголовного преследования фактически лежит на прокуроре, который всегда обязан учитывать в своей деятельности, в том числе в досудебном производстве, что реализация назначения уголовного процесса невозможна без осуществления органами предварительного расследования только законного и обоснованного уголовного преследования. Фактически, осуществляя так называемые надзорные полномочия, прокурор направляет ход расследования и уголовного преследования в сторону его законности и обоснованности» [11, с. 75]. Этими положениями обусловлена и роль прокурора в доказывании по уголовным делам. Обеспечивая законность уголовного преследования, прокурор в первую очередь обязан обеспечить законность собирания доказательств по уголовному делу.

Помимо осуществляемых прокурором функций при решении вопроса о роли прокурора в доказывании, стоит ориентироваться на цели и задачи деятельности прокурора в уголовном процессе. Представляется, что целью прокурора как представителя государства на стороне обвинения является не просто соблюдение законности органами предварительного расследования, а обеспечение законности в целях изобличение лиц, виновных в совершении преступления. Только такая цель может обеспечить выполнение задач как по защите прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений, так и защиту прав и законных интересов всех лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, в том числе и подозреваемых (обвиняемых). Исходя из указанной цели и задач, надзор в деятельности прокурора будет выступать способом опосредованного осуществления прокурором законного уголовного преследования, а следовательно и доказывания.

Таким образом, можно говорить, что и само доказывание в деятельности прокурора может осуществляться как непосредственно, так и опосредованно через полномочия, направленные на обеспечение законности в сфере уголовного судопроизводства.

Разберемся последовательно в формах и способах участия прокурора в собирании, проверки и оценки доказательств по уголовному делу.

В уголовно-процессуальном законодательстве закреплено два способа собирания доказательств:

1) следственные действия;
2) иные процессуальные действия.

В 2007 году прокурор был лишен полномочий по непосредственному производству следственных действий. Однако, вопрос о его участии в производстве следственных действий и собирании доказательств остается открытым. Например, прокурор отдела прокуратуры Липецкой области А.С. Лукинов, ссылаясь на то, что «запрета на непосредственное участие прокурора в следственных действиях УПК РФ не содержит» [6, с. 38], считает участие прокурора в производстве следственных действий не только необходимым, но и полезным [6, с. 39]. Схожей позиции придерживается и профессор В.Н. Исаенко, подчеркивая, что отсутствие у прокурора полномочий на производство следственных действий, «не освобождает его от обязанности содействовать установлению обстоятельств преступления, установлению и изобличению совершивших их лиц» [5, с. 46]. Действительно, закон не запрещает прокурорам принимать участие в производстве следственных действий и на практике такие случаи встречаются [6, с. 38–39], однако носят скорее исключительный характер.

Фактически же у прокурора отсутствуют в действующем уголовно-процессуальном законодательстве полномочия по непосредственному собиранию, либо предоставлению доказательств. Получается парадоксальная ситуация: прокурор, являясь субъектом доказывания, не наделен соответствующими полномочиями по предоставлению доказательств в органы предварительного расследования в досудебном производстве. Между тем, такая потребность в практической деятельности прокуроров возникают. Органы прокуратуры попрежнему пользуются большим доверием у общества и граждан, нежели следственные органы и полиция. В результате, некоторые участники уголовного судопроизводства, не доверяя органам предварительного расследования, стремятся предоставить информацию, имеющую доказательственное значение, в органы прокуратуры. Представляется целесообразным установить механизм фиксации и передачи данной информации органами прокуратуры в органы предварительного расследования.

В большинстве же случаев прокурор участвует в собирании доказательств опосредованно, давая соответствующие указания органам дознания. Стоит отметить, что отсутствие у прокурора полномочий давать в ходе расследования уголовного дела следователям указания о собирании доказательств, лишает прокурора даже опосредованной возможности собирания доказательств в ходе следствия. В этой части видится нелогичность и непоследовательность законодателя. Прокурор, ответственный за уголовное преследование как в следствии, так и в дознании, почему-то именно в следствии, где расследуются тяжкие и особо тяжкие преступления, лишен возможности как сам лично предоставлять доказательства, так и опосредованно влиять на полноту собирания по делу доказательств, давая следователю соответствующие указания.

Ограничение полномочий прокурора как в непосредственном, так и в опосредованном собирании доказательств в ходе расследования уголовного дела в форме следствия, приводит и к ограничению способов осуществления прокурором проверки доказательств. Согласно ст. 87 УПК РФ основными способами проверки доказательств являются: сопоставление их с другими доказательствами, установление их источников, а также получение новых доказательств. Прокурор лишен возможности получать новые доказательства. Однако, согласно п. 1.2 Приказа Генеральной прокуратуры от 28 декабря 2016 г. № 826 прокуроры проверяют законность и обоснованность постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе и «путем опроса заинтересованных лиц и специалистов» [8], а согласно п 1.5 при рассмотрении жалоб на незаконность задержания и нарушения прав задержанных, прокуроры вправе опрашивать заявителей [8]. Таким образом, анализируя приказы Генеральной прокуратуры, мы видим, что правоприменитель идет по пути расширительного толкования действующего законодательства, фактически предоставляя прокурорам новые способы проверки доказательств в рамках расследования уголовных дел.

Правовая неопределенность процессуального положения прокурора отразилась и на его полномочиях по оценке доказательств. Согласно части 3 ст. 88 УПК РФ прокурор по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе вправе признать доказательство недопустимым. Однако, в 2007 году прокурор был исключен из части 2 ст. 119 УПК РФ. И в настоящее время согласно положению ч. 2 ст. 119 ходатайство может заявляться только дознавателю, следователю, либо в суд. Возникает коллизия закона: с одной стороны прокурор праве признать доказательство недопустимым по ходатайству (ч. 3 ст. 88 УПК), а с другой никто ему такого ходатайства подать не может (ч. 2 ст. 119 УПК). Данное положение также наглядно свидетельствует о непродуманности внесенных в 2007 году изменений, затронувших полномочия прокурора.

Представляется, что такая коллизия, как и многие другие, возникла в следствии того, что законодатель вносил изменения точечно, руководствуясь, в первую очередь, потребностью создания и обособления нового ведомства – Следственного комитета. Не была продумана и обоснована ни общая модель досудебного производства, ни концепция участия прокурора в уголовном процессе. Как следствие, законодательство получилось противоречивым, а единой правовой модели деятельности прокурора ни в процессе доказывания, ни в целом в уголовном судопроизводстве не выстраивается.

Таким образом, полагаем, что при определении роли прокурора в процессе доказывания, равно как и при определении модели участия прокурора в уголовном процессе в целом, стоит руководствоваться не ведомственными интересами, а концептуальным подходом, выражающимся в определении функций и полномочий прокурора согласно ключевой цели, на которую направлена вся его деятельность – обеспечение законного и обоснованного уголовного преследования на всех этапах уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Бабин К.А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 34 с.

2. Блинова-Сычкарь И.В., Дмитриенко С.А., Кравцова О.В. Изменение в законодательстве (период с 2007 по 2017 года) об участии прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 209–212.

3. Грачева О.А. Проведение прокурором проверок в досудебных стадиях уголовного процесса // Эволюция государства и права: история и современность: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Курск. 2017. С. 351–355.

4. Иванова Т.Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 1999. 18 с.

5. Исаенко В.Н. Прокурор как субъект доказывания в досудебном производстве: процессуально-криминалистические аспекты деятельности // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Междунар. научно-практич. конференции. Симферополь. 2019. С. 46–47.

6. Лукинов А.С. Непосредственное участие прокурора в следственных действиях как форма надзора и уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. 2019. № 1 (1011). С. 38–39.

7. Манова Н.С. Поводы и пределы проведения прокурором проверок в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 19–24.

8. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. № 3. 2017.

9. Рыгалова К.А. Участие прокурора в доказывании на досудебном производстве // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Саратов. 2017. С. 47–50.

10. Чурикова А.Ю. О деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам // Судебная система и гражданское общество России К 150-летию Судебной реформы: материалы международной научно-практической конференции. Саратов. 2015. С. 76–79.

11. Чурикова А.Ю. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Юридическая наука. 2019. № 9. С. 74–78.

Шадрин В.С.

д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры
Российской Федерации»,
г. Санкт-Петербург
vikt-shadr@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация*: рассматриваются проблемные вопросы ввода в уголовное судопроизводство сведений, получаемых с использованием методов и средств оперативно-розыскной деятельности и используемых в качестве доказательств, дана оценка вариантам перспектив сближения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Применены методы исторического, сравнительно-правового, логического иформально-юридического анализа.*

Ключевые слова*: оперативно-розыскная деятельность, ОРД, доказательства, доказывание, уголовное судопроизводство.*

Shadrin V.S.

Dr.Sci(Law), Professor,
Saint Petersburg law Institute (branch)
University of the Prosecutor's office
of the Russian Federation,
Saint-Petersburg

PROBLEMS OF USE IN PROVING THE RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Abstract*: the article deals with problematic issues of entering information into criminal proceedings that is obtained using methods and means of operational investigative activities and used as evidence, and assesses options for the prospects of convergence of criminal procedural and operational investigative activities. Methods of historical, comparative legal, logical and formal legal analysis are applied.*

Keywords*: operational search activity, ORD, evidence, proof, criminal proceedings.*

Проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) являются в последнее время предметом оживленной дискуссии в российской науке уголовного процесса, нередко с обращением к зарубежной практике производства по уголовным делам. Однако порой полезно обратиться и к истории, поскольку многое в этом мире далеко не ново и любое явление в своем развитии проходит определенные этапы, на протяжении которых ранее могло выглядеть или восприниматься несколько иначе,

чем в настоящее время. Вот и вопросы использования в доказывании обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, результатов ОРД в не таком уж далеком советском прошлом воспринимались несколько иначе, чем сейчас, гораздо спокойнее. Во всяком случае, к явно проблемным они не относились.

В наиболее, пожалуй, известной монографии советской эпохи в связи с рассмотрением такого важнейшего свойства доказательства, как допустимость, совершенно четко, недвусмысленно и лаконично говорилось, что «оперативная информация, как и другие фактические данные, не имеющие процессуальной формы, необходимо присущей доказательствам определенного вида, не может заменить доказательственную информацию» [7, с. 233]. Характерно, что приведенная фраза звучит как констатация факта, не вызывающего сомнений и, соответственно, споров, что вполне соответствовало действительности. При этом не исключалось использование предметов и документов, обнаруженных оперативным путем, в качестве доказательств. Но лишь постольку, поскольку после таковых обнаружения таковых последовало их «процессуальное собирание» с использованием режима, определяющего допустимость вещественных или письменных доказательств [7, с. 233]. Значение «режима», то есть процедуры или, иначе говоря, процессуальной формы собирания определенного вида доказательств, необходимость их неукоснительного соблюдения подчеркивала и Ц.М. Каз: «требование закона о порядке получения доказательств должно быть строго соблюдено в деятельности органов предварительного следствия и суда» [2, с. 28].

После принятия Конституции Российской Федерации результаты ОРД и их использование обрели определенную правовую регламентацию, с признаками своего рода своей процессуальной формы, в Федеральном законе Российской Федерации от 5 июля 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Там впервые также получила законодательную прописку возможность использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, согласно закрепленным в УПК РФ правилам собирания, проверки и оценки доказательств. Одновременно был создан действующий, по мере необходимости, образно говоря «клапан-канал» между уголовным судопроизводством и сферой оперативно-розыскной деятельности в виде законодательно благословляемой процедуры передачи результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд, устанавливаемой ведомственными нормативными актами (ст. 11). В новом же уголовно-процессуальном законе появилась, как бы ответно корреспондирующее с указанной процедурой негативное правовое регулирование ввода результатов ОРД в процесс уголовно-процессуального доказывания – норма о запрете использования в доказывании результатов ОРД, не отвечающих требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89 УПК РФ). Тем самым был сделан ощутимый шаг к сближению уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законов и, соответственно, регулируемых этими законами видов деятельности. И результаты ОРД потекли полноводной рекой в уголовное судопроизводство, в порядке вещей нередко заменяя или замещая собственно доказательства.

Известны случаи, когда суды выносят приговоры в основном, а иногда исключительно, на основании результатов ОРД. Особенно подобное характерно для производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным изготовлением и оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и т.д. (ст. 228, 228.1 УК РФ). Встречаются и проявления лояльного отношения судей к недопустимым доказательствам, формируемым на основании данных ОРД. Вследствие существования такой практики со стороны Европейского Суда по правам человека к Российской Федерации неоднократно предъявлялись претензии по поводу нарушения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. А именно в связи с тем, что за основу обвинительных приговоров в отношении лиц, обратившихся с жалобами, брались доказательства, полученные в результате ОРД – проверочных закупок наркотических средств, произведенных ненадлежащим образом, при отсутствии иных доказательств по уголовным делам [1, с. 106–116].

Тенденция сближения сфер уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности и необходимость решения связанных с этим проблем, устранения дефектов существующего в настоящее время правового регулирования приводит к выдвижению различных идей по дальнейшему, более глубокому продвижению использования результатов ОРД в уголовно-процессуальное доказывание.

Так, еще в преддверии принятия УПК РФ М.П. Поляков разработал концепцию, согласно которой результаты ОРД должны признаваться доказательствами, при условии их получения и проверки в порядке, предусмотренном Законом об ОРД, и если они содержат информацию, имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу [5, с. 235]. Однако она до сих пор не воспринята законодателем.

В настоящее время активизировалась дискуссия о возможности и целесообразности введения в российское уголовное судопроизводство особых действий познавательного характера, представляющих собой симбиоз процессуальных и розыскных мероприятий, производимых для обнаружения, получения и использования в качестве доказательств сведений, способных иметь значение для уголовного дела. Такого рода действия предусматриваются в настоящее время уголовно-процессуальным законодательством ряда государств, бывших ранее республиками в составе СССР, в частности Республики Казахстан, где им посвящена целая глава 30 «Негласные следственные действия». К таковым относятся: 1) негласные аудио и (или) видеоконтроль лица или места, 2) негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи, 3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и другие аналогичные действия, всего 10 (ст. 231 УПК РК). При этом, согласно ст. 239 УПК РК «Оценка и использование результатов негласных следственных действий в доказывании» прямо и недвусмысленно предусматривается: результаты производства

указанных действий оценивается по правилам оценки доказательств (ст. 25 и 125 УПК РК), что означает не что иное, как использование их в качестве доказательств.

Под впечатлением подобных новелл российскими процессуалистами обосновывается внедрение их усовершенствованных моделей в отечественное уголовное судопроизводство, что нашло отражение в докторской диссертации М.С. Колосович, защищенной в январе 2020 г. Автором диссертации в итоге проведенного исследования подготовлен законопроект, в котором предусматривается введение в УПК РФ главы 27.1 «Специальные розыскные мероприятия». В число указанных «мероприятий» включены следующие действия: 1) негласное получение образцов для сравнительного исследования; 2) оперативная закупка; 3) оперативное наблюдение; 4) оперативное отождествление; 5) оперативный осмотр; 6) оперативное внедрение; 7) оперативный эксперимент; 8) контролируемая поставка; 9) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; 10) контроль и запись переговоров; 11) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. При этом предусматривается, что перечисленные действия производятся по поручению следователя или дознавателя сотрудниками оперативно-розыскного органа без информирования участников уголовного судопроизводства, интересы которых они затрагивают, и тогда, когда собирание доказательств путем производства иных процессуальных действий невозможно и (или) может быть нанесен значительный ущерб собиранию доказательств. Результаты произведенных таким образом действий предлагается считать самостоятельным видом доказательств, что и предусмотреть в ст. 74 УПК РФ [3, с. 520–522].

Приведенные предложения, конечно, не лишены оснований. Наука, законодательство, правоприменительная практика не стоят на месте. Выше уже обращалось внимание на происходящее сближение сфер уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Симптоматично также, что в современном арсенале органов предварительного расследования появились действия, которые классическими следственными уже не назовешь, в частности, контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). Но настораживает, во-первых, масштабное внедрение в уголовное судопроизводство в «одной компании» с этими действиями уже явно оперативно-розыскных мероприятий. Во-вторых, легализация и возведение практически в норму ограничений прав участников уголовного судопроизводства на участие в таких действиях, чего не было даже в период действия УПК РСФСР. А ведь предоставление лицам, чьи интересы затрагиваются производимым по уголовному делу действием, права на участие в нем, непосредственно связано с такими свойствами получаемого в результате данного действия доказательства, как достоверность и допустимость. В третьих, вряд ли хорошо для установления истины по уголовному делу то, что следователь в большей степени дистанцируется от получения первичной информации о преступлении, станет получать ее во много через промежуточное звено, «из рук» тех, кому он будет давать поручение о сборе этой информации. В-четвертых, зная особенности существующей практики правоприменения вполне можно заранее предвидеть, что определение ситуации, когда собирание доказательств путем производства иных процессуальных действий невозможно и (или) может быть нанесен значительный ущерб собиранию доказательств, будет трактоваться относительно вольно.

Создается общее впечатление, что если предлагаемое и будет способствовать раскрытию и расследованию преступлений, то вряд ли пойдет на пользу личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство. Поэтому при оценке рассматриваемых нововведений законодателю придется тщательно взвесить, насколько их принятие может отразиться на достигнутом в настоящее время балансе прав и свобод человека и гражданина и интересов государства, общества в современном российском уголовном судопроизводстве.

Затрагиваемые здесь проблемы доказывания непосредственно связаны с более крупными проблемами реформирования досудебного производства. Если, как предлагает А.В. Смирнов, сделать досудебное производство реально состязательным, перестроив его по англосаксонскому образцу, предварительное следствие в существующем виде подлежит упразднению, уступив место прокурорскому дознанию. Собирание доказательств станет прерогативой следственного судьи по инициативе сторон. Детектив-дознаватель (бывший следователь), станет проводить неформализованное расследование в виде производства любых действий, включая оперативно-розыскные, что само собой снимает дискутируемые сейчас в российской теории уголовного процесса проблемы использования в доказывании результатов ОРД. Он сможет проводить и следственные действия в суде, но только, в частности, тогда, когда сочтет необходимым закрепить доказательства немедленно. «Тогда свое основное время детектив-дознаватель сможет уделять раскрытию преступления и поиску источников доказательств» [6, с. 32].

Кстати, хотелось бы обратить внимание на использование в данной цитате словосочетания «источник доказательств». Именно такое словосочетание применяла в своей работе Ц.М. Каз, считая доказательствами сами по себе фактические данные (доказательственные факты) и поясняя, что «показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, заключения экспертов, вещественные доказательства, а также иные документы следует именовать источниками сведений о доказательственных фактах – источниками доказательств» [2, с. 65]. Подобных взглядов раньше придерживались и другие ученые [4, с. 127]. Сейчас такая точка зрения не является популярной, уступив место мнению, основанному на положениях ст. 74 УПК РФ и исходящему из понятия доказательств как находящихся в неразрывном единстве сведений об устанавливаемых по уголовному делу фактах и источников этих сведений, где сведения – содержание, а источник сведений – форма доказательства. Но возможно, если позиция А.В. Смирнова «пробьет дорогу» в будущее и воплотится в законодательстве, понятие «источник доказательства», подразумевающее в его

интерпретации, что доказательством должно быть только то, что увидено и признано таковым судом в предоставляемом ему материале детективом-дознавателем, вновь станет весьма востребованным.

В настоящее же время, при всех возможных, обсуждаемых в юриспруденции вариантах развития отечественной теории доказательств важно, чтобы из досудебного производства в судебное разбирательство направлялись прокурором материалы уголовного дела с действительно доброкачественной доказательственной базой [8, с. 24], необходимым компонентом которой должны быть и результаты ОРД. При одном непременном условии – получении их органами предварительного расследования в строгом соответствии с требованиями УПК РФ и Закона об ОРД, что в конечном итоге и позволяет обеспечивать постановление только законных, обоснованных и справедливых судебных приговоров.

Список литературы:

1. Ильютченко Н.В. Авторитет судебной практики в уголовном процессе // Закон. 2018. № 3. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).
2. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, Изд-во Саратовского университета, 1960. 106 с.
3. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы : дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 536 с.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / А.В. Агутин, А.С. Александров, Л.Б. Алексеева и др.; науч. ред. В.Т. Томин. М., 1996. 727 с.
5. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / под научн. ред. В.Т. Томина. Н.Новгород, Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.
6. Смирнов А.В. О задаче реформирования предварительного расследования в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 27–33.
7. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. Н.В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., Юрид. лит., 1973. 736 с.
8. Шадрин В.С. Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве // Криминалистъ. 2015. № 1 (16). С. 20–25.

Щербич Л.А.

к.ю.н., доцент,
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
г. Москва
shcherbkrim@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОВЕРКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СЛЕДОВАТЕЛЕМ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация*: в уголовно-процессуальном праве достаточно широко обсуждаются вопросы доказывания при производстве по уголовному делу, в рамках которого должна быть обеспечена охрана прав и законных интересов участников уголовного процесса. Законодатель четко определил, что процесс доказывания включает этапы по собиранию, проверке и оценка доказательств, где в соответствии со своими полномочиями следователь устанавливает круг обстоятельств, подлежащих доказыванию исходя не только из свободы его усмотрения и полноты, а также с учетом разумного срока производства по уголовному делу. Для решения указанных задач, особенно в рамках проверки доказательств, следователь осуществляет деятельность по сопоставлению доказательств, которая в свою очередь определяет и пределы сбора с обязательным условием их оценки. Автором делается вывод о том, что необходимость получения нового доказательства, с целью подтверждения или опровержения проверяемого, возможно сделать не иначе как путем собирания доказательств путем производства следственных действий.*

Ключевые слова*: доказывание, уголовный процесс, пределы доказывания, предмет доказывания, Уголовно-процессуальный кодекс, проверка, оценка доказательств.*

Scherbich L.A.

Ph.D(Law), Associate Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education,
Russian Federation,
Moscow

VERIFICATION OF THE EVIDENCE BY THE INVESTIGATOR IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Abstract*: in criminal procedure law, the issues of evidence are widely discussed in criminal proceedings, in the framework of which the rights and legitimate interests of participants in the criminal process should be protected. The legislator logically determines that the process of evidence includes the steps of collecting, checking and evaluating evidence, where, in accordance with his authority, the investigator establishes a set of circumstances to be proved based not only on discretion and completeness, but also on timeliness.*

To solve these problems, especially as part of the verification of evidence, the investigator carries out activities to compare evidence, which in turn determines the limits of collection with a prerequisite for their assessment. The author concludes that the need to obtain new evidence, in order to confirm or refute the inspected, can be done only by collecting evidence by conducting investigative actions.

Keywords*: proof, criminal procedure, limits of proof, subject of proof, Code of Criminal Procedure, verification, assessment of evidence.*

Проверка доказательств, осуществляемая следователем – следующий за собиранием доказательств элемент процесса доказывания по любому уголовному делу, создающий необходимые предпосылки для кульминационной фазы всего процесса доказывания.

Именно на этом этапе доказывания происходит переход от чувственного непосредственного и опосредствованного познания преступления (формирования доказательств, их собирания) к его рациональному познанию – оценке доказательств, – которая представляет собой осуществляемую в логических формах мыслительную деятельность следователя в целях определения допустимости, относимости, достоверности и значения как каждого отдельного доказательства, так и их совокупности, чтобы на этой основе сделать вывод по всем вопросам, требующим ответа по уголовному делу [3, с. 166].

При этом следователь, с одной стороны, еще напрямую поддерживает связь с познаваемой действительностью в ходе производства следственных и иных процессуальных действий, а с другой, он уже абстрагируется от нее, осуществляя связь с ней через (проверяемые и оцениваемые) доказательства, опыт, знания [1, с. 5].

Таким образом, проверка доказательств является неотъемлемым компонентом процесса доказывания.

В соответствии со ст. 87 УПК РФ, проверку доказательств производит следователь путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

По смыслу рассматриваемой нормы, целью проверки доказательств является подтверждение или опровержение проверяемого доказательства. В связи с этим, представляется обоснованным мнение Ю.К. Орлова о том, что проверка является таковой только в отношении проверяемых доказательств, для проверяющих она выступает как их собирание [4, с. 113]. И действительно, проверяя показания обвиняемого об обстоятельствах произошедшего события, и дающего по мнению следователя противоречивые показания, он производит ряд других следственных действий, например следственный эксперимент в результате которого версия обвиняемого либо находит свое подтверждение либо нет.

Важно отметить, что достижение этой цели невозможно без оценки доказательств, которую необходимо отличать от их проверки. Так, оценка доказательств всегда представляет собой мыслительный процесс, основанный на принципах формальной логики и осуществляемый с использованием ее приемов, проверка же состоит в процедуре, строго определенной УПК РФ, которая сопутствует и осуществляется практически одновременно.

Как справедливо утверждает С.Б. Россинский: «Оценка доказательств выражает исключительно логический аспект доказывания и в соответствии с действующим законодательством представляет собой своеобразный «венец» всего комплекса операций по установлению обстоятельств уголовного дела» [5].

Проверка доказательств на наш взгляд, выступает не только как средство обеспечения условий их оценки в совокупности по уголовному делу, но и совокупности в пределах конкретной проверяемой ситуации, создающей условия для проверки отдельного доказательства.

Так, например, согласно материалам уголовного дела возбужденному по факту убийства (ст. 105 ч. 1 УК РФ), следователем следственного отдела по Кировскому району ГСУ Следственного комитета РФ по городу Санкт-Петербургу, в протоколе допроса свидетеля «М» содержится информация о том, что перед тем как обвиняемый «С» нанес потерпевшему «Т» несколько ударов предметом, похожим на нож, в область правой половины груди и в живот, предшествовала ссора «М» и «Т» по неизвестным ему причинам, в ходе которой, они нецензурно выражались, а также толкали друг друга. Данные показания были проверены следователем совокупностью доказательств, а именно путем приобщения к материалам дела и просмотра видеозаписи с видеокамеры, установленной у входа в подъезд, рядом с которым произошло убийство, протоколом проверки показаний на месте, проведенной с обвиняемым, где им подробно описаны события произошедшего и фактически подтверждены сведения, сообщенные свидетелем на допросе [2].

Комплекс названных доказательств не устанавливает с достоверностью, что имел место давний конфликт, приведший к совершению преступления, но он позволяет прийти к достаточно обоснованному выводу, что показания свидетеля о том, что он воспринимал, соответствуют действительности и им можно доверять.

Следующей задачей по проверке доказательств можно назвать формирование совокупности доказательств, достаточной для вывода об их достоверности.

Деятельность по проверке доказательств подчинена не только определенной логической последовательности, но в ряде случаев прямо установлена Уголовно-процессуальным законом.

Так, К.Б. Калиновский и А.В. Смирнов обращая внимание на данное обстоятельство приходят к выводу о том, что проверке подлежат производные доказательства путем получения доказательств первоначальных, если последние достижимы, а также ранее полученные показания нескольких лиц, в которых имеются существенные противоречия, путем проведения между ними очной ставки (ст. 192) и т.д. [6] К изложенному выше, следует добавить и производство следственного эксперимента (ст. 181 УПК РФ), с помощью которого также осуществляется проверка и уточняются данные, имеющие значение для установления фактических обстоятельств.

Уклонение следователя от производства указанных в УПК РФ формальных процедур, влечет за собой в последующем признание полученного доказательства не-

допустимым, либо оставляет неустранимые сомнения в их ясности и убедительности т.е. фактически «за пределами разумных сомнений». Например, не имеют доказательственного значения результаты проверки показаний на месте, если не был проведен предварительный допрос лица, чьи показания проверяются (ч. 2 ст. 194 УПК РФ).

Проверяя любое доказательство, следователь всегда преследует еще одну очень важную цель: он должен проверить его с точки зрения относимости, допустимости и достоверности.

В связи с этим, он должен четко представлять себе основания отграничения относимости доказательств от их достоверности. Как убедительно указывает профессор П.С. Яни: «Нормативно-формальными допустимо назвать критерии, содержащиеся в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, – это обстоятельства, при которых доказательства будут признаны недопустимыми. И здесь по нашему мнению следует подчеркнуть, что перечень этих обстоятельств достаточно широк и не ограничивается тем, что указано в ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Например, в случае возбуждения уголовного дела неуполномоченным лицом, все полученные доказательства при производстве предварительного расследования будут признаны недопустимыми. Иные критерии, как далее продолжает П.С. Яни (или свойства, признаки, доказательств) – относимость и достоверность – имеют уже намного меньшую способность быть формализованными. А вот критерию достаточности собранных доказательств в совокупности для разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 88 УПК) такая способность свойственна, по замыслу законодателя, в самой небольшой степени, и ее, данной способности, наличие прямо пропорционально тому, насколько формализуемы названные признаки каждого из доказательств» [7].

К сказанному выше стоит лишь добавить, что в оценке следователем доказательств с точки зрения достоверности дополнительным критерием может выступать и сформировавшееся внутреннее убеждение.

В то же время, не все достоверные фактические данные обладают свойством относимости, причем такое свойство доказательств предполагает многокомпонентность: во-первых, определение наличия связи между доказательствами и устанавливаемыми по делу обстоятельствами; во-вторых, строго определенный УПК РФ субъектный состав лиц, принимающих решение об относимости доказательств.

Так, например, в результате проверки показаний участников уголовного судопроизводства (свидетелей, потерпевших и т.д.), путем производства следственных действий (опознания, производства судебной экспертизы и т.д.), следователь (дознаватель) может прийти к выводу, что устанавливаемое обстоятельство на самом деле не имеет значения для разрешения уголовного дела.

Проверка доказательств следователем является необходимым элементом процесса доказывания и представляет собой его предметно-практическую и мыслительную деятельность по определению свойств доказательств (относимости, допустимости и достоверности), проводимую в целях подтверждения или опровержения проверяемого доказательства.

Поэтому вполне логичен вывод о том, что следователь способен выявить такие обстоятельства исключительно при их проверке, с одновременной параллельно осуществляемой мыслительной деятельностью по их оценке, что в последствии позволит ему принять мотивированное процессуальное решение и определить дальнейший ход производства по уголовному делу.

Список литературы:

1. Доля Е.А. Формирование и реализация метода доказывания при производстве по уголовным делам // Законность. 2013. № 5. С. 4–7.

2. Докладная записка Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу по уголовному делу // По данным, представленным Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу, 2016 год.

3. Настольная книга следователя и дознавателя. М.: Велби; Проспект, 2008. 288 с.

4. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.

5. Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).

6. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / Под общ. ред. А.В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).

7. Яни П.С. Достаточность доказательств по делам о взяточничестве // Законность. 2018. № 9. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ
Памяти Ц.М. Каз 3

Азарова Е.С.
ФАКТОР УСМОТРЕНИЯ СУДА ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 5

Алиева Н.Н.
К ВОПРОСУ ОБ ОЗНАКОМЛЕНИИ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА 7

Артамонова Е.А.
О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ПРИМЕНЕНИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ТРЕБОВАНИЙ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ОТ 20 ИЮЛЯ 2016 г. № 17-П 9

Астафьев А.Ю.
МОТИВИРОВКА ПРИГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ЕГО СООТВЕТСТВИЯ ТРЕБОВАНИЮ ОБОСНОВАННОСТИ 11

Аширбекова М.Т.
К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ПРЕДМЕТА ОСОБОГО (СОКРАЩЕННОГО) ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА 13

Баранова М.А.
О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ 16

Блинова О.Г.
СУД КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ 19

Брянская Е.В.
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ПОЛНОЗНАЧНОГО ЭТАПА ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ 21

Бурмагин С.В.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕБНО-КОНТРОЛЬНЫХ И СУДЕБНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ УГОЛОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ 24

Кшиштоф Вожьневский
ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША 27

Володина Л.М.
ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА 30

Воробьева И.Б.
ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С СЕКТАНТАМИ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 33

Гаврилов Б.Я.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА 35

Грачева О.А.
К ВОПРОСУ О «САМОБЫТНОСТИ» ПРОВЕРКИ ПРОКУРОРОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ 38

Григорян В.Л.
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, И ИХ СООТНОШЕНИЕ С УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИЕЙ «СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» 41

Дгебия А.А.
ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 44

Евстигнеева О.В.
УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОГО БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ СТОРОН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 47

Ермишина Н.С.
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ 50

Зайцева Е.А.
ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ДОКАЗЫВАНИЮ СВЕДУЩИХ ЛИЦ НЕВЛАСТНЫМИ СУБЪЕКТАМИ 52

Зашляпин Л.А.
ВОПРОС – МАСШТАБИРУЕМОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ 54

Иванов С.Н.
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ 57

Исаев А.Э.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ КАК ГАРАНТИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА 59

Климова Е.И.
НАПРАВЛЕНИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ («ОТМЫВАНИЯ») ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ 61

Климова Я.А.
ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ 64

Ковальчук И.
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА..... 66

Комарова Е.А.
НЕУСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ КАК ПРИЧИНА ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ..... 69

Комова Ю.В.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, НЕСУЩИХ В СООТВЕТСТВИИ С ГК РФ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ 71

Коомбаев А.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО НОВОМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ..... 73

Костенко Р.В.
ОСНОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ..... 75

Лавнов М.А.
СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ОТКАЗЕ ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ..... 77

Лазарева Л.В.
УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В ФОРМИРОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ 80

Лапин Е.С.
К ВОПРОСУ КАЧЕСТВА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСОВ 82

Лебедев З.С.
ЭЛЕКТРОННЫЙ ПАСПОРТ УГОЛОВНОГО ДЕЛА 85

Лютынский А.М.
О ПРАВОВЫХ УСЛОВИЯХ ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ НЕ ЯВИВШИХСЯ В СУД СВИДЕТЕЛЕЙ, ДАННЫХ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ..... 86

Манова Н.С.
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИСТИНА ЦЕЛЬЮ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ? 88

Марковичева Е.В.
ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ..... 91

Моргачева Л.А.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПАРИТЕТА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ..... 93

Надоненко О.Н.
ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ОЦЕНКЕ НАУЧНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА 96

Виолетта Немец
ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ФАКТА ВРУЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША 98

Никитина Е.В.
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ СРЕДСТВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ 101

Овсянников И.В.
ОСОБЫЙ ПОРЯДОК: ЦЕНА УСКОРЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.....103

Овчинникова Н.О.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ 105

Панькина И.Ю.
МЕТОД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ И КРИТЕРИЙ ДОСТОВЕРНОСТИ.....107

Перетятько Н.М., Федюнин А.Е.
ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ВЫШЕСТОЯЩИМ СУДОМ.....109

Петрова Г.Б.
СОБЛЮДЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ КАК УСЛОВИЕ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.....112

Погодин С.Б.
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ.....115

Попов А.П., Попова И.А.
СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ? 117

Попова Л.В.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ 120

Россинский С.Б.
СОБИРАНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ ИЛИ ПРИОБЩЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ К УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: КАК ДОЛЖЕН НАЗЫВАТЬСЯ «ПЕРВЫЙ» ЭТАП ДОКАЗЫВАНИЯ? 123

Рябинина Т.К.
ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ КАК ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ.....126

Седова Г.И.
К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ФОРМЕ СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ.....129

Сибирцев Г.И.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.....132

Славгородская О.А.
ДОСТОВЕРНОСТЬ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ 134

Смушкин А.Б.
К ВОПРОСУ О ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ.....137

Соловьев С.А.
НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОПЫТКА ПАРАДИГМАЛЬНОГО АНАЛИЗА.....140

Страхова С.В.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ 143

Тихий А.В.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ 145

Усанов И.В.
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВИДЕОЗАПИСИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ 148

Устинов А.А.
СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДОСУДЕБНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ: НЕОБХОДИМОСТЬ В ДОКАЗЫВАНИИ 149

Устинов Д.С.
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ДОКАЗЫВАНИИ МОБИЛЬНЫХ (СОТОВЫХ) СРЕДСТВ СВЯЗИ 151

Фадеева Е.И.
РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСОВ О ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ 154

Федюнин А.Е., Перетятько Н.М., Алферов В.Ю.
К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРОВОДИМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ 157

Францифоров Ю.В., Царев Ю.Н.
РОЛЬ И МЕСТО ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ 160

Холоденко В.Д.
О ПОЛНОМОЧИЯХ СУДА ПО ДОКАЗЫВАНИЮ ВИНОВНОСТИ ПОДСУДИМОГО 163

Чеботарева Т.В.
ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 167

Чебурёнков А.А.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ 169

Чечуевский Н.В.
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 172

Чурикова А.Ю.
УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ДОКАЗЫВАНИИ 174

Шадрин В.С.
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 177

Щербич Л.А.
К ВОПРОСУ О ПРОВЕРКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СЛЕДОВАТЕЛЕМ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 180

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник статей
по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз

(г. Саратов, 3 апреля 2020 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка, обложка – *О. А. Фальян*

Подписано в печать 01.04.2020. Формат 60x84 1/8.
Гарнитура «OfficinaSans». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,85. Уч.-изд. л. 24,3. Тираж 500 экз.

Издательство
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410028, Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, Саратов, ул. Вольская, 1.